

ISSN 1819-4907 (Print)
ISSN 2542-1913 (Online)

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия: История.
Международные отношения

2021

Том 21

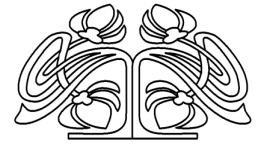
Выпуск 4

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Научный журнал
2021 Том 21

ISSN 1819-4907 (Print)
ISSN 2542-1913 (Online)
Издается с 2005 года

Серия История. Международные отношения, выпуск 4

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Отечественная история

- Курукин И. В.** Сомнения капитана Черкасского: планы и реальность хивинского похода 1717 года 424
- Мезин С. А.** Путеводитель по Москве для Вольтера 431
- Втюрин А. С.** Баим Болтин как участник заключения Поляновского мирного договора и размежевания границ 437
- Кочукова О. В.** Обличительное направление в русской сатирической журналистике первой половины 1860-х гг.: внешнеполитический аспект 441
- Митрохин В. А.** «Открывается панорама подлинно новой эпохи» (советский «эксперимент» в трактовке Н. В. Устрялова) 448
- Бичехвост А. Ф.** Организация пеших переходов советских репатриантов к западной границе СССР (1944–1945) 455
- Коновалов И. Н.** Современные научные школы и центры российской кооперации: тенденции и перспективы развития 462

Всеобщая история и международные отношения

- Эльфонд И. Я.** Политическая мысль во Франции XV века об инакомыслии и религиозной политике государства 467
- Многолетняя Е. Н.** Религиозные и моралистические сочинения в репертуаре типографии Даниэля Адама Велеславина 476
- Дроботушенко Е. В.** Особенности существования православной церкви в Китае в первой половине 1950-х гг. по документам Государственного архива Российской Федерации 480
- Баранов А. В.** Ирано-сирийские отношения в период «сирийской весны» 485
- Зверев К. А.** Исторические оценки в эстонском обществе: самосознание эстонцев и русскоязычных в контексте местной политики памяти 491
- Голуб Ю. Г., Шенин С. Ю.** «Кадровый резерв» дезэскалации: М. Рожански об американо-российских отношениях 498

Региональная история и краеведение

- Рабинович Я. Н.** Воевода Саратова князь Федор Петрович Борятинский (1648–1650): спорные страницы биографии 506
- Морозова Е. Н.** Финансовая политика Саратовского земства: расходы и бюджетный дефицит 517
- Воейков Е. В.** История повседневности рабочих Савельевского сланцевого рудника Саратовской области в годы довоенных пятилеток 525
- Вавулинская Л. И.** Власть и общественная жизнь в Карелии в годы «оттепели» (середина 1950 – середина 1960-х годов) 533
- Мякшев А. П.** Национальный состав Саратовской области в начале XXI века: этапы складывания и перспективы 541

Критика и библиография

Представляем книгу

- Карп С. Я.** Рецензия на книгу: Троицкий Н. А. Наполеон Великий 549
- Кузнецов А. А.** Рецензия на книгу: Рабинович Я. Н. Южные псковские пригороды в Смутное время 554

Журнал «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «История. Международные отношения» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76642 от 26 августа 2019 года

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (специальности: 07.00.02 – отечественная история, 07.00.03 – всеобщая история (соответствующего периода), 07.00.09 – историография, источниковедение и методы исторического исследования, 07.00.15 – история международных отношений и внешней политики)

Журнал выходит 4 раза в год. Подписной индекс издания 36018. Подписку на печатные издания можно оформить в Интернет-каталогах «Пресса России» (www.pressa-rr.ru), «Пресса по подписке» (www.akc.ru) и ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru). Цена свободная. Электронная версия находится в открытом доступе (imo.sgu.ru)

Директор издательства

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Батищева Татьяна Федоровна

Художник

Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист

Кочкаева Инна Анатольевна

Верстка

Степанова Наталия Ивановна

Технический редактор

Каргин Игорь Анатольевич

Корректор

Батищева Татьяна Федоровна

Адрес учредителя, издателя и издательства (редакции):

410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Тел.: (845-2) 51-45-49, 52-26-89
E-mail: izdat@sgu.ru

Подписано в печать 22.11.21.

Подписано в свет 30.11.21.

Формат 60x84 1/8.

Усл. печ. л. 16,3 (17,5).

Тираж 500 экз. Заказ 139-Т.

Отпечатано в типографии Саратовского университета.

Адрес типографии:

410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2021

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Журнал принимает к публикации общетеоретические, методологические, дискуссионные, критические статьи, результаты исследований в области всеобщей и отечественной истории, региональной истории и краеведения, международных отношений, источниковедения и историографии, рецензии и хронику.

К рассмотрению принимаются статьи, написанные докторами и кандидатами наук, аспирантами, соискателями. Статьи, написанные в соавторстве (кроме тех случаев, когда оба автора – доктора наук), к рассмотрению не принимаются.

Объем статей должен составлять 20–40 тыс. знаков через полуторный интервал в формате MS Word для Windows и содержать до 5 рисунков и 4 таблиц, объем сообщений и рецензий – 10–20 тыс. знаков и до 2 рисунков и таблиц. Рецензии оформляются так же, как статьи.

Статья должна быть оформлена строго в соответствии с правилами и тщательно отредактирована.

Последовательность предоставления материала:

– на русском языке: индекс УДК, название статьи, инициалы и фамилия автора, сведения об авторе (фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, должность и место работы, e-mail), аннотация, ключевые слова (5–10), текст статьи, благодарности и ссылки на гранты (если есть); примечания (концевые автоматические сноски);

– на английском языке: название статьи, инициалы и фамилия автора, сведения об авторе (имя, инициал отчества, фамилия, ORCID, место работы, почтовый адрес организации (с указанием индекса), e-mail), аннотация, ключевые слова.

Отдельным файлом оформляются сведения об авторе статьи (на русском и английском языках): фамилия, имя и отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, должность и место работы, e-mail, телефон.

Требования к аннотации:

– должна отражать кратко содержание статьи; оптимальный объем 300–500 знаков;

– не должна содержать сложных формулировок, повторять название статьи, быть насыщена общими словами, не излагающими сути исследования.

В примечаниях (концевых автоматических сносках) нумерация источников должна соответствовать очередности ссылок на них в тексте.

Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: <https://imo.sgu.ru/ru/dlya-avtorov>

Материалы, отклоненные редколлегией, не возвращаются.

Адреса для переписки с редколлегией серии: larisachernova@mail.ru; 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, Саратовский университет, Институт истории и международных отношений, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения» Л. Н. Черновой.

CONTENTS

Scientific Part

Russian History

- Kurukin I. V.** Captain Cherkassky's doubts: Plans and reality of the Khiva campaign of 1717 424
- Mezin S. A.** Moscow Travel Guide for Voltaire 431
- Vtyurin A. S.** Baim Boltin as a participant in the conclusion of the Polyanovsk peace treaty and demarcation of borders 437
- Kochukova O. V.** The accusatory erend in Russian satirical journalism in the first half of the 1860s: Foreign policy aspect 441
- Mitrokhin V. A.** "A panorama of a truly new era opens" (Soviet "experiment" in the interpretation of N. V. Ustryalov) 448
- Bichevost A. F.** Organization of pedestrian crossings of Soviet repatriates to the western border of the USSR (1944–1945) 455
- Konovolov I. N.** Modern scientific schools and centers of Russian cooperation: Trends and development prospects 462

World History and International Relations

- Elfond I. Ya.** Political thought in XVI century France about heterodoxy and religious police of the State 467
- Mnogoletnyaya E. N.** Religious and moralistic works in the repertoire of the printing house of Daniel Adam Veleslavin 476
- Drobotushenko E. V.** Features of the existence of the Orthodox Church in China in the first half of the 1950s according to documents of State Archive of the Russian Federation 480
- Baranov A. V.** Iran-Syria relations during the "Syrian spring" 485
- Zverev K. A.** Historical assessments in Estonian society: The identity of Estonians and Russian speakers in the context of local memory politics 491
- Golub Yu. G., Shenin S. Yu.** "Staff Reserve" of De-Escalation: M. Rojansky on American-Russian Relations 498

Regional History and Local Studies

- Rabinovich Ya. N.** Voivode of Saratov Prince Fyodor Petrovich Boryatinsky (1648–1650): Controversial pages of the biography 507
- Morozova E. N.** Financial policy of Saratov zemstvo: Expenditure and budgetary deficit 517
- Voeikov E. V.** The history of everyday life of the workers of the Savelyev shale mine in the Saratov region during the pre-war five-year plans 525
- Vavulinskaya L. I.** Power and public life in Karelia during the «thaw» period (mid-1950s – mid-1960s) 533
- Myakshv A. P.** The national composition of the Saratov region at the beginning of the XXI century: The stages of folding and prospects 541

Critics and Bibliography

Presentation of the Book

- Karp S. Ya.** Book review: Troitsky N. A. Napoleon the Great 549
- Kuznetsov A. A.** Book review: Rabinovich Ya. N. Southern Pskov settlements in the Time of Troubles 554

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ИСТОРИЯ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»**

Главный редактор

Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Чернова Лариса Николаевна, доктор ист. наук, доцент (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Рабинович Яков Николаевич, кандидат ист. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Барабанов Олег Николаевич, доктор полит. наук, профессор (Москва, Россия)

Голуб Юрий Григорьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Дённингхаус Виктор, доктор истории, профессор (Люнебург, Германия)

Кабытов Петр Серафимович, доктор ист. наук, профессор (Самара, Россия)

Любичанковский Сергей Валентинович, доктор ист. наук, профессор (Оренбург, Россия)

Мезин Сергей Алексеевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Монахов Сергей Юрьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Рейли Дональд, доктор истории, профессор (Чапел-Хилл, США)

Репина Лорина Петровна, доктор ист. наук, чл.-корр. РАН (Москва, Россия)

Тисье Мишель, доктор истории, доцент (Ренн, Франция)

Федоров Сергей Егорович, доктор ист. наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Цатурова Сусанна Карленовна, доктор ист. наук, ведущий научный сотрудник

(Москва, Россия)

Черевичко Татьяна Викторовна, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY.
HISTORY. INTERNATIONAL RELATIONS»**

Editor-in-Chief – Victor N. Danilov (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Larisa N. Chernova (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Yakov N. Rabinovich (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Oleg N. Barabanov (Moscow, Russia)

Yury G. Golub (Saratov, Russia)

Victor Dönningkhaus (Lüneburg, Germany)

Pyotr S. Kabytov (Samara, Russia)

Sergey V. Lyubichankovsky (Orenburg, Russia)

Sergey A. Mezin (Saratov, Russia)

Sergey Yu. Monakhov (Saratov, Russia)

Donald J. Raleigh (Chapel Hill, USA)

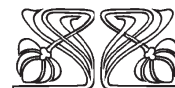
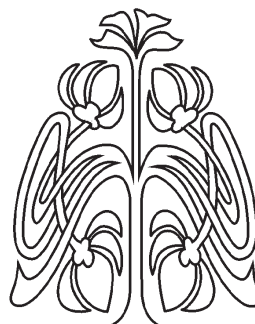
Lorina P. Repina (Moscow, Russia)

Michel Tissier (Rennes, France)

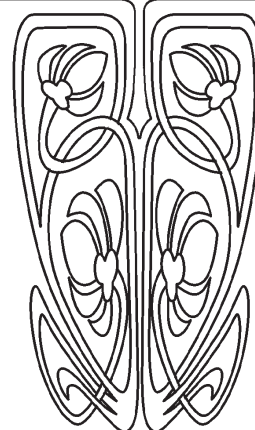
Sergey E. Fyodorov (St. Petersburg, Russia)

Susanna K. Tsaturova (Moscow, Russia)

Tatyana V. Cherevichko (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 424–430

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 424–430

<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-4-424-430>

Научная статья
УДК 94(47:575)“1717”

Сомнения капитана Черкасского: планы и реальность хивинского похода 1717 года

И. В. Курукин

Историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного университета,
Россия, 125993, г. Москва, ГСП-3, Миусская площадь, д. 6

Курукин Игорь Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России средневековья и нового времени, kurukin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4598-5793>

Аннотация. В статье рассматриваются планы Петра I о подчинении Хивинского ханства, подготовке похода капитана Александра Черкасского в Хиву в 1717 г. Уточняются обстоятельства постигшей это масштабное предприятие неудачи. Используются новые документы из РГАДА и Архива внешней политики Российской империи МИД РФ.

Ключевые слова: Александр Черкасский, Пётр I, Хива, Ширгази-хан, Аму-Дарья

Для цитирования: Курукин И. В. Сомнения капитана Черкасского: Планы и реальность хивинского похода 1717 года // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 424–430. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-4-424-430>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Captain Cherkassky's doubts: Plans and reality of the Khiva campaign of 1717

I. V. Kurukin

Russian State University for the Humanities, 6 Miusskaya Sq., Moscow GSP-3 125993, Russia

Igor V. Kurukin, kurukin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4598-5793>

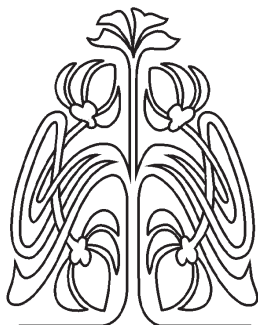
Abstract. The report is devoted to the plans of Peter I to subdue the Khanate of Khiva, the preparation of the campaign of Captain Alexander Cherkassky to Khiva in 1717, and the clarification of the circumstances of the failure that befell this large-scale enterprise. New documents from the RGADA and the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire of the Russian Foreign Ministry are used.

Keywords: Alexander Cherkassky, Peter I, Khiva, Shirgazi Khan, Amu-Darya

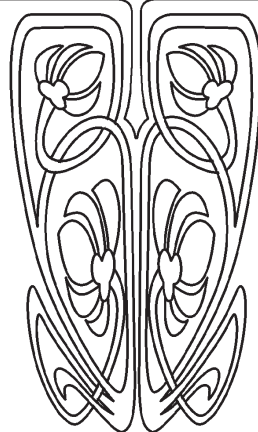
For citation: Kurukin I. V. Captain Cherkassky's doubts: Plans and reality of the Khiva campaign of 1717. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 424–430 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-4-424-430>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

После победной Полтавской битвы и завоевания шведской Прибалтики Пётр I все чаще обращал свои взоры на Восток – на древние торговые пути Центральной Азии и далее в Индию, куда издавна стремились европейские мореплаватели. Долго искать предлог не

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

пришлось – хивинские послы в 1700 и 1703 гг. просили о принятии их хана в подданство. Подобные просьбы на деле означали лишь расчет на покровительство и помощь в борьбе с натиском соседнего Бухарского ханства. Царь дал согласие¹, хотя ничего конкретного тогда предложить не мог. Но после побед в Северной войне Пётр уже смотрел на это предложение иначе.

В 1714 г. прибывший через Астрахань в Петербург туркмен Ходжа Нефес с полуострова Мангышлак рассказал, что в давние времена Амударья впадала в Каспийское море, пока хивинцы не перегородили реку плотиной. Если эту плотину разрушить, река вновь потечет по старому руслу. Ходжа Нефес, видимо, полагал, что могущество русского царя позволит вновь привести воду на засушливые земли туркменов. Но для Петра предложение повернуть течение великой среднеазиатской реки означало в первую очередь возможность установить коммуникацию с Индией, тем более что и на европейских картах XVI–XVII вв. Амударья изображалась впадавшей в Каспий. О том, что верховье Амударьи – река Пяндж – берет начало в горах Памира и добраться по ней до Индии невозможно, в Европе тогда не знали.

Решить поставленную задачу был призван князь Александр «Бекович» Черкасский – поступивший на русскую службу выходец из кабардинского княжеского рода Бекмурзиных. Свою карьеру юноша начал в качестве заложника-«аманата» в русской крепости Терки на Северном Кавказе, затем оказался в Москве, в 1697 г. был крещен, поступил солдатом в гвардейский Преображенский полк и в 1706–1709 гг. учился в Голландии². По возвращении в полк он дослужился до поручика; выбран же был Петром не только за происхождение, но и за инициативность: в 1714 г. он сам обратился к царю с просьбой основать крепость на Каспийском море, чтобы начать поиск «всяких руд» и привлечь на свою сторону «горские народы»³. Но отправиться ему пришлось не на западный, а на восточный берег Каспия – искать предполагаемое устье Амударьи. Одновременно другая экспедиция под руководством подполковника И. Бухгольца должна была двигаться из Сибири вверх по Иртышу, искать «калмыцкий город Еркеть» (древний Яркенд. – *И. К.*) и места, «в которых по Дарье реке тамошние жители золото промыслили»⁴.

Литература о походах Черкасского 1714–1717 гг. довольно обширна. Большинство работ (А. Шеманского⁵, Б. Иллерицкого⁶, Е. А. Княжецкой⁷, О. Ю. Омарова⁸, В. Б. Вилинбахова⁹, М. Аннанпесова¹⁰, Х. Г. Гуломова¹¹, У. Шарипова¹², Ф. А. Озовой¹³, Р. Ю. Почекаева¹⁴, А. А. Андреева¹⁵) основано на комплексе известных с XIX в. источников – служебная документация о подготовке и осуществлении военно-научных экспедиций князя была выявлена еще в 1839 г. и отправлена военным министром А. И. Чернышёвым оренбургскому военному губернатору гене-

рал-лейтенанту В. А. Перовскому для подготовки похода на Хиву¹⁶.

К сожалению, походная канцелярия Черкасского погибла при разгроме его отряда хивинцами в 1717 г.; сведения об этом последнем походе по большей части содержатся в деле, собранном в результате сенатского расследования и опроса многих уцелевших участников экспедиции. Кроме того, в делах Кабинета сохранилась переписка Черкасского с Петром; отрывочные сведения о судьбах его участников встречаются и в делах Коллегии иностранных дел, что позволяет дополнить информацию о неудачном походе в Азию.

Осенью 1714 г. Черкасский вышел в море во главе флотилии из двух шхун, 27 больших стругов, одной бусы, имея 1744 человека пехотинцев и казаков, 33 артиллеристов при 19 орудиях и 100 моряков. С ним плыли 14 астраханских дворян, четверо подьячих, переводчик и сам Ходжа Нефес. Потеряв в штормах несколько стругов, Черкасский вернулся в Астрахань, но в следующем апреле двинулся к заливу Тюб-Караган у восточного побережья Каспия. Здесь местные туркмены обещали показать прежнее русло Амударьи в нынешнем Балханском заливе Каспия. Посланный на разведку Ходжа Нефес со спутниками добрался до начала низменного дола и после трехдневного следования по нему вернулся обратно. Экспедиция проплыла на юг до Астрабадского залива, и участвовавшие в ней морские офицеры положили на карту часть восточного побережья Каспия.

Руководитель экспедиции 4 августа 1715 г. написал царю, что сам он «доехал до места званием Актам, где текла Аму-Дарья река в море Каспийское. Ныне в том месте нет воды, понеже не в ближних летах для некоторых причин она река запружена плотиною на урочище Каракачи, от Хивы в 4 днях езды; от той плотины принуждена течь она река в озеро, которое называется Аральское море»¹⁷. Так были получены сведения о древнем протоке Узбое. Только в конце XIX в. было установлено, что Узбой – русло не Амударьи, а другой реки, вытекавшей из Сарыкамышского озера. Это озеро питалось избыточными водами Амударьи и когда-то питало своими водами Узбой, пересохший три тысячи лет назад. Черкасский же был убежден, что обнаружил прежнее русло Амударьи, которое было искусственно перекрыто плотиной. Что это за плотина, сейчас сказать трудно. Возможно, это была преграда, отделявшая главное русло Амударьи от какого-либо из ее протоков¹⁸.

Не вполне понятно утверждение Е. А. Княжецкой, что А. Черкасский в октябре – ноябре 1715 г. лично ездил «к низовьям Аму-Дарьи»; после основания крепостей на восточном берегу моря князь возвращался тем же берегом в Астрахань, но в хивинских владениях не был. Не ясны и сведения «открывателя» плотины Ходжи Нефеса; в показании в казанской губернской канцелярии от 11 ноября 1717 г. он подтвердил существование плотины со слов «своей братии трухменцов»;

указал, что от нее до Каспийского моря по руслу 12 дней пути, но однозначно утверждал, что «на той плотине не был, и сколь велика та плотина зделана, не знает», тогда как ходивший в 1715 г. вместе с ним на поиски прежнего русла Амударьи астраханец Николай Фёдоров в декабре того же 1717 г. доложил Сенату, что именно Ходжа Нефес «указал» ему ту самую плотину – «не доезжая до Дарьи реки версты за две, привел их на вал земляной» на сухом месте, который якобы нужен был, когда «Дарья река разлилась»¹⁹. Речь, видимо, шла о какой-то старой ирригационной системе, от которой, по словам Фёдорова, до русла Узбоя было «вёрст с дватцать».

Посланные князем лазутчики (астраханский житель Тебей Китаев, армянин Алексей Хомурадов, ногаец Тебер Байн) сообщали сведения о месторождениях золота в Бухаре в горах близ города Чарджоу и лазурита в Балхской провинции (Бадахшане)²⁰.

В феврале 1716 г. Черкасский лично доложил о результатах своих поисков Петру I. Царь пожаловал офицера чином капитана гвардии и вновь отправил его в путь. Указ от 14 февраля 1716 г. гласил:

«1. Надлежит над гаваном, где бывало устье Амударьи реки, построить крепость человек на тысячу.

2. Ехать к хану Хивинскому послом, а путь иметь подле той реки и осмотреть прилежно течение оной реки, тако ж и плотины; ежели возможно, оную воду паки обратить в старую ток, к тому ж прочие устья запереть в Аральское море и сколько к той работе людей потребно.

3. Осмотреть место близ плотины или где удобно на настоящей Амударье реке для строения ж крепости тайным образом, а буде возможно будет, то и тут другой город сделать.

4. Хана Хивинского склонять к верности и подданству, обещая наследственное владение оному, для чего представлять ему гвардию к его службе и чтоб он за то радел в наших интересах.

5. Буде он то охотно примет, а станет желать той гвардии и без нее ничего не станет делать, опасаясь своих людей, то оному ее дать сколько пристойно, но чтоб были на его плате, а буде станет говорить, что перво нечем держать, то на год и на своем жалованье оставить, а впредь чтоб он платил.

6. Ежели сим или иным образом склонится Хивинской хан, то просить его, дабы послал своих людей (при которых и наших два бы было) водою по Сыр-Дарье реке вверх до Иркутки городка для осмотра золота.

7. Также просить у него (хана. – *И. К.*) судов и на них отпустить купчину по Амударье реке в Индию, наказав, чтоб изъехал ее, пока суда могут идти, и оттоль бы ехал в Индию, примечая реки и озера и описывая водяной и сухой путь, а особливо водяной к Индии тою или другими реками, и возвратиться из Индии тем же путем или, ежели

услышит в Индии еще лучший путь к Каспийскому морю, то оным возвратиться и описать.

8. Будучи у хивинского хана, проведать и о бухарском, не мочно ль его хотя не в подданство (ежели того нельзя сделать), но в дружбу привести таким же маниром, ибо и там тако ж ханы бедствуют от поданных.

9. Для всего сего надлежит дать регулярных 4000 человек, судов сколько потребно, грамоты к обоим ханам, также купчине к ханам же и к Моголу...»²¹

Указ ставил на редкость сложные задачи: основание городов-крепостей на будущей торговой магистрали, подготовку грандиозного строительства для поворота великой среднеазиатской реки в Каспийское море и прокладку водного пути в Индию. Царь как будто не сомневался, что хивинский и бухарский ханы охотно примут российское «подданство» и возьмут на содержание иноземную и иноверную российскую «гвардию». Пётр считал достаточным отправить в Хиву две тысячи яицких и гребенских казаков «под образом провожания каравана» посланника готовить плацдарм для броска в Индию.

В том же 1716 г. царь затребовал в московских приказах документацию о путешествии купца Семёна Маленького. В 1695 г. «купчина гостиной сотни Семён Мартинов сын Малинков» (Маленький) смог добраться до Индии – морским путем по Индийскому океану, для чего ему пришлось предпринять пересечь весь Иран. Маленький стал первым русским, который был принят при дворе Великого Могола – шаха Аурангзеба. Купчина распродал царские и собственные товары (красную кожу-юфть, «рыбью кость» – моржовые клыки, голландские и английские сукна) и, осмотрев Агру и Джаханабад, в январе 1701 г. отплыл из порта Сураат обратно в Персию, погрузив закупленные товары (краску «лавру», «сахару леденцу чистого», «инбирь в патоке» и пр.) на два корабля. Но здесь удача от него отвернулась – на обратном пути через Персидский залив его дважды «пограбили» пираты; убытки составили 18 519 рублей 15 алтын 5 денег. Купцу так и не удалось рассказать молодому царю Петру о богатствах Востока – в Шемахе, почти на пороге родины, Семён и его племянник Сергей Аникеев умерли. Пётр о них помнил – или кто-то об этом случае ему рассказал. Однако к тому времени документация о путешествии уже оказалась утраченной в очередном пожаре²².

По-видимому, грандиозный проект вызвал у Черкасского сомнения. В недатированном «всепокорнейшем предложении» (в кабинетском деле документ помещен перед автографом выше приведенного Указа от 14 февраля 1716 г., а помета на «предложении» гласит, что оно подано «от капитана Черкасского» после получения указа) он осмелился возразить: двигаться в Хиву лучше не по неизведанному сухому руслу, а по хорошо известной «большой хивинской дороге» от Яика.

Далее он резонно указал, что его неожиданное появление в хивинских пределах с войском будет воспринято подозрительно («зело тамошние народы страшны ваших людей») и предложил представить экспедицию как поход на каракалпаков, которые «и им и нам неприятели» – так хивинцы легче «обяжутся» подданством, а ему будет проще «высматривать мест» для намеченного строительства. Но и сам Черкасский считал поход не слишком трудным и намечал совершить бросок через пустыню за две с половиной или, максимум, за три недели²³. Царь разрешил идти по проверенному караванному пути (там и двинулся Черкасский весной 1717 г.), но остальные пункты инструкции оставил в силе.

О масштабе проекта говорят выделенные под него ресурсы. По подсчетам исследователей, в 1714–1716 гг. в распоряжение Черкасского были предоставлены три пехотных полка, «шквэдрон» драгун в составе 617 человек, около двух тысяч яицких и гребенских казаков, а еще толмачи, артиллеристы, астраханские дворяне и торговые люди и 232 «морских служителя». Им шло жалование, для них закупались и поставлялись провиант, амуниция, боеприпасы, лошади и верблюды, фураж, «питья», арбы и «подводы татарские», шанцевый инструмент, бочонки для воды, упряжь, оси и деготь для телег и многое др. Перевозки по морю обеспечивали 69 специально для этого построенных морских судов. По неполным данным (учтены не все платежи 1717 г.), расходы на три экспедиции составили 218 081 руб.²⁴

Разведчиком водного пути в Индию «под образом купчины» царь назначил лейтенанта флота Александра Кожина. Тому надлежало добыть сведения «о пряных зельях и о других товарах», а после аудиенции в столице Великих Моголов (в реальности которой царь был, очевидно, уверен) купить экзотические экземпляры местной фауны: «Господин Кожин, когда будешь в Остиндии у Магола, купи довольное число птиц больших всяких, а именно струсов (страусов. – И. К.), казеариусов (казуаров. – И. К.) и протчих, так же малых всяких родов, так же зверей всяких же родов, привези с собою бережно»²⁵.

В 1716 г. флотилия Черкасского вышла в море. Его экспедиция заложила крепости на восточном берегу Каспия: первую – на полуострове Мангышлак, вторую – в заливе, носящем сейчас его имя, главную – вблизи устья Узбоя на Красноводской косе. Оставив там значительные гарнизоны (полк в Тюб-Карагане и два полка на Красноводской косе) и провиант, князь отправил послов в Хиву и Бухару, а сам с частью войск вернулся в Астрахань и стал готовить завершающий поход.

Однако обстоятельства складывались неблагоприятно. Отправленный морем через Астрабад к бухарскому хану поручик Пётр Давыдов до цели не добрался. Сопровождавший его лейтенант Кожин отказался сходить на берег и увел судно обратно «к Красным водам», а позднее скрылся

от начальника экспедиции; он писал Петру I и генерал-адмиралу Ф. М. Апраксину, что в Хиву идти нельзя, ибо хан и его люди «сведомы» о походе и считают его нападением; что время для выступления «упоздало» – наступают «жары необычайные, и кормов конских нет»; что гарнизоны крепостей страдают от недостатка пресной воды²⁶.

Добравшиеся после трудного перехода по зимней пустыне в Хиву астраханские жители Алексей Святой и Иван Воронин прислали тревожные известия: встретили их плохо, приближенные хана вымогали деньги и подарки; хан Ширгази взял подарки и грамоту Черкасского, но послов не принял. Святой и Воронин передавали, что хивинцы не верят в мирные намерения русских и считают, что царь желает захватить Хиву; калмыцкий хан Аюка, решивший в российское подданство, подозрительно часто пересылается с Хивой. Черкасский доложил о своих сомнениях в готовности хана помогать русским – ведь если ему удастся «разрыть» плотину и направить Амударью по сухому руслу, то хивинцы не смогут «пускать воду на пашню свое». В ответном письме Пётр допустил, что Ширгази «дружбы не примет» и от русской гвардии откажется, но оставил в силе предписание строить крепость на Амударье и разрушить запиравшую ее «ток» плотину²⁷. Как можно было выполнить сложнейшее задание в чужой стране без «дружбы» с ее государем, царь не объяснял, но предоставил Черкасскому свободу действий, поскольку «невозможно из такой дальности указу получать»²⁸.

После празднования Пасхи (21 апреля) в поход на Гурьев (ныне – г. Атырау в Казахстане) вышли яицкие и гребенские казаки; сам Черкасский с отрядом драгун и солдат двинулся из Астрахани морем²⁹. Всего же, по подсчетам исследователей, в экспедиции участвовали 3–3,5 тыс. человек³⁰, включая подьячих, «юртовских татар», купцов, астраханских дворян и «черкесов» – братьев князя с их слугами; огромный обоз (3 тыс. лошадей и 200 верблюдов, 500 телег и арб) вез не только запас провианта, но и шанцевый инструмент для работ – лопаты, кирки, топоры³¹. В Гурьеве отряды объединились, но задержались там больше месяца, готовясь к продолжению похода. Только 7 июня 1717 г. Черкасский повел экспедицию в степь.

Дальнейшая история похода, окончившегося катастрофой, известна со слов проводника-туркмена Ходжи Нефеса и вернувшихся из хивинского плена казаков. Десять дней войска добирались до реки Эмбы, где был сделан двухдневный привал. Через пять переходов от реки отряд поднялся на пустынное плато Устюрт у урочища Мансуалмас (Кос-Кудук) и семь недель шел на юг – 800 верст по древней караванной дороге через пески Сам, караван-сарай Белеули и известные проводникам стоянки с колодцами («Ялги», «Дурали», «Шемшидун»). Воды в них не хватало для многолюдного войска, и казакам

приходилось рыть новые десятками; от недостатка травы пало много лошадей; приходилось бросать заготовленный на полгода провиант и даже оставить у одного из колодцев тысячу безлошадных казаков. Отсюда князь отправил к хану своего посланца Михаила Керейтова с сотней казаков, но еще до того о движении отряда в Хиву принесли бежавшие от Черкасского проводники-калмыки. В урочище Карагумбет Черкасский и его спутники спустились с плато и встали на отдых у озера Кернай на западной окраине Хивинского оазиса³². Туда явились посланники хана с подарками, которым было сказано, что князь идет в Хиву «не войною, а послом от царского величества». Но прибывшие хивинцы едва ли в это поверили, ибо за несколько проведенных в лагере дней могли составить представление о численности и вооружении войска. После отдыха и прибытия отставших казаков (за ними отправилась «партия» с верблюдами) отряд снова двинулся в путь, маршрут которого современные исследователи не смогли установить – из-за сильно изменившейся за три сотни лет системы оросительных каналов невозможно идентифицировать упоминавшуюся в источниках топонимику XVIII в.³³ 15 августа Черкасский встал лагерем у «реки Карагачи». Через три дня туда подошло хивинское войско во главе с ханом.

Отряд успел насыпать земляной вал. Атаки хивинцев были отражены пушечным и ружейным огнем. Ширгази прислал гонца; тот заявил, что нападение произошло без ведома хана; если князь «пришел послом», то хивинцы воевать не будут. Однако посланного, в свою очередь, Черкасским татарина к хану не допустили, и потребовали, чтобы русский начальник лично явился с грамотами. Князь согласился – но только, если сам хан подойдет к позиции отряда. На том переговоры закончились, и перестрелка продолжалась еще два дня, после чего хивинцы отступили за версту от лагеря.

Вновь начались переговоры, и послы хана Ширгази опять заявили, что нападения происходили без разрешения их повелителя, а представители Черкасского заверяли, что пришли с миром, а «которые де военные люди небольшое число с ним посланы, и те для охранения за дальностью в пути от каракалпаков и от других народов». По показаниям Ходжи Нефеса, князь и астраханский дворянин, крещеный выходец из Ирана князь Михаил Заманов поднесли хану подарки – «сукна и соболей»; от себя Черкасский послал позолоченную карету с цугом темно-серых лошадей и верхового коня под расшитым золотом и серебром чепраком. Ширгази-хан и Черкасский обменялись клятвами на Коране. Затем русский отряд в окружении хивинских войск двинулся к столице ханства.

Князь шел вместе с ханом под охраной из 700 драгунов и казаков. По преданию, зафиксированному российскими военными в 1874 г.,³⁴ в местечке Порсу (в записи рассказов оставшихся

в живых участников похода встречаются также названия «Порсунгуль», «Порсунголь», «Порсунчуль» и «Порсунгур») произошел завершающий акт трагедии экспедиции. «За умалением провианта» и по просьбе хана Черкасский согласился разделить свой отряд. Согласно показанию Ходжи Нефеса отряд был разделен на две части по 600 человек и три части по 400 человек³⁵ (если доверять этим данным, получается, что при 1350-верстном переходе через пустыню в самое жаркое время Черкасский потерял около тысячи человек). Мы не знаем, какими соображениями руководствовался начальник экспедиции, принимая подобное решение. Можно предположить, что желание продемонстрировать миролюбие (чтобы успешно выполнить поставленную царем задачу) заставило его пренебречь мерами предосторожности.

Как только солдаты и казаки пошли за хивинцами на обещанные теми места квартирования, последовало внезапное нападение. Многих убили сразу, остальных связали, отняли оружие и амуницию. Ходжа Нефес, взятый в плен соплеменником, видел, как «вывели из палатки господина князя Черкасского и платье все с него сняли, оставили в одной рубашке и стоячего рубили саблею, и отсекали голову»³⁶ – ее Ширгази послал в дар бухарскому хану. В начале XIX в. придворный поэт и историк при дворе тогдашнего хивинского хана Эльтузара Шермухаммед Мунис в сочинении «Райский сад счастья» написал, что в пределы ханства пришли 30 тысяч русских «с намерением овладеть Хорезмом», а предводители хивинского войска для защиты своей страны «заключили с Даулат-Гиреем (прежнее имя князя Черкасского. – И. К.) перемирие и под предлогом угощения отправили врагов святой веры в пекло преисподней»³⁷.

Несколько десятков пленных были выведены на казнь перед ханским дворцом. Ахун, глава хивинского духовенства, отговорил хана от убийства русских, взятых не в бою, а путем обмана и клятвопреступления³⁸. Пленные были проданы на невольничьих рынках Хивы; одним удалось бежать, других выкупали из плена даже много лет спустя³⁹, третьи навсегда остались в рабстве на чужбине.

После получения известий о гибели отряда оставленные Черкасским на побережье гарнизоны были эвакуированы в Астрахань. Положение их было отчаянным: по поступавшим в Астрахань ведомостям к лету 1718 г. в Тюб-Карагане умерли 500 человек, а в «Красных водах» – 700⁴⁰.

Ширгази понимал, что вину за разгром отряда Черкасского надо каким-то образом загладить. В том же году он отправил в Астрахань купеческий караван, с которым отбыли ранее взятые под караул русские купцы и некоторые беглецы из плена; «по отпуску ханскому» беспрепятственно выехали братья князя Черкасского и бывшие в его отряде «юртовские татары».

В 1720 г. хан отправил к Петру посла Вейс-Магомета с подарками – лошадью и обезьяной – и

грамотой (она сохранилась и недавно была опубликована), в которой заверял «белого князя-падишаха» в дружбе и желании торговать и обвинял в случившемся самого Черкасского: тот «вторгся в наши владения», оскорбил хана словами, «которые не приличествуют дружественности», а его солдаты первыми напали на хивинцев; последние же, «увидев много унижений и жестокости, после того как в их рядах пролилась кровь, сражались двое суток, и наконец, окружив тот отряд, часть его уничтожили, а часть, захватив живьем, доставили к нам»⁴¹.

Прибывший в Петербург посол заявил, что у его повелителя находятся 2 тыс. русских пленных. Хан, вероятно, рассчитывал что-то выторговать за их жизни. Но вместо переговоров хивинцы в марте 1721 г. были отправлены в Петропавловскую крепость, где Вейс-Магомет через несколько дней умер; остальные члены его миссии были сосланы на каторгу в Рогервик. Одного из людей посла отпустили с грамотой канцлера Головкина о немедленном освобождении всех пленных. Она была не слишком любезной, и хан ответа не прислал⁴². Свидетелем ханского гнева оказался вышедший в январе 1722 г. «из полону» яицкий казак Василий Иванов. Будучи взят в плен при разгроме отряда Черкасского, он вместе со своим хозяином Ярметаталыком был во дворце и видел, как Ширгази «топтал обоим письмы ногами и отдал играть малым ребятам». Самому Иванову удалось бежать с калмыцкими купцами; на пути караван был разгромлен и «порублен» каракалпаками, но казак все-таки смог добраться до российской границы⁴³.

В 1720 г. усилиями морских офицеров была составлена первая достоверная карта Каспийского моря, включившая в себя все прежние съемки и представленная от имени царя Парижской Академии наук⁴⁴. Предполагаемого устья Амударьи на ней уже не было, тем более что и побывавший в этих же местах лейтенант флота В. А. Урусов его не обнаружил, после чего царь усомнился в достоверности карты Черкасского и она была надолго забыта⁴⁵. В итоге Пётр отказался от поворота Амударьи и от планов установления российского протектората над Центральной Азией. Их провал можно считать закономерным: в Петербурге плохо представляли себе и географию, и внутривосточное положение Хивинского и Бухарского ханств, и обычаи населявших их народов.

В последние годы царствования Пётр рассчитывал проложить путь в Индию через ослабевший Иран. Результатом Низового, или Персидского, похода Петра I и десантных операций армии и флота в 1722–1723 гг. стало присоединение к империи равнинного Дагестана, прибрежных земель Азербайджана и северных провинций Ирана – Гиляна, Мазандерана и Астрабада, что было закреплено в заключенном в 1723 г. в Петербурге договоре с иранским послом Измаил-беком. Там начался масштабный эксперимент по освоению заморских владений с их богатствами.

На восточный берег Каспийского моря российские моряки и солдаты вернулись только через полтора века. Однако тогда основным направлением наступления на Центральную Азию стали казахские степи.

Примечания

- 1 См.: *Ниязатов М.* Поиск консенсуса : Российско-хивинские геополитические отношения в XVI – начале XX в. СПб. : Петербургское востоковедение, 2010. С. 35–36.
- 2 См.: *Андреев А. А.* Юность князя Александра Бековича Черкасского : Факты и мифы // Лавровский сборник : материалы XXXVI и XXXVII Среднеазиатско-Кавказских чтений 2012–2013 гг. : этнология, история, археология, культурология / отв. ред. Ю. Ю. Карпов, М. Е. Резван. СПб. : МАЭ РАН, 2013. С. 140–150.
- 3 Указ Сенату об отыскании устья реки Дарьи // Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Первое собрание : в 45 т. СПб., 1831. Т. 5. № 2815. С. 108–110.
- 4 Указ подполковнику Бухгольцу о завладении городом Еркетом // ПСЗРИ. Т. 5. № 2811. С. 105–106.
- 5 См.: *Ш[еманский] А.* Двухсотлетие приступа к петровским военно-разведочным экспедициям в Среднюю Азию // Военно-исторический сборник. 1915. № 1–3.
- 6 См.: *Иллерицкий Б.* Экспедиция князя Черкасского в Хиву // Исторический журнал. 1940. № 7. С. 40–51.
- 7 См.: *Княжецкая Е. А.* Судьба одной карты. М. : Мысль, 1964. 119 с.
- 8 См.: *Омаров О. Ю.* Отважный исследователь Каспийского моря А. Бекович-Черкасский. Махачкала : Дагкнигоиздат, 1965. 80 с.
- 9 См.: *Вилинбахов В. Б.* Александр Черкасский – сподвижник Петра I. Нальчик : Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1966. 55 с.
- 10 См.: *Аннанпесов М.* Туркмены в экспедициях А. Бековича-Черкасского 1715–1717 гг. // Известия Академии наук Туркменской ССР. Серия общественных наук. 1979. № 5. С. 47–52.
- 11 См.: *Гуломов Х. Г.* Новый взгляд на экспедицию А. Бековича-Черкасского в Среднюю Азию // Общественные науки в Узбекистане. 2005. № 5/6. С. 70–76.
- 12 См.: *Шарипов У.* Российско-хивинские отношения при Петре Великом // Вопросы гуманитарных наук. 2007. № 3 (30). С. 63–66.
- 13 См.: *Озова Ф. А.* Миссия князя Александра Черкасского (1697–1717) // Клио. 2015. № 1 (97). С. 86–91.
- 14 См.: *Почекаев Р. Ю.* Память об экспедиции А. Бековича-Черкасского в русско-хивинских отношениях XVIII–XIX вв. // Новое прошлое. 2016. № 1. С. 132–146.
- 15 См.: *Андреев А. А.* Последний маршрут князя Александра Бековича Черкасского в 1717 г. : Попытка реконструкции // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 90 : Петровское время в лицах – 2017 : материалы научной конференции / науч. ред. И. В. Саверкина. СПб. : Издательство Государственного Эрмитажа, 2017. С. 20–27.
- 16 Указатель работ и документальных публикаций XIX в. о походах А. Черкасского См.: *Безгин И. Г.* Князя Бе-

- ковича-Черкасского экспедиция в Хиву и посольства флота поручика Кожина и мурзы Тевкелева в Индию к Великому Моголу (1714–1717) : библиографическая монография. СПб. : Типо-литография Р. Голике, 1891. 230 с.
- ¹⁷ Цит. по : *Княжецкая Е. А.* Судьба одной карты. С. 20–21.
- ¹⁸ Там же. С. 21.
- ¹⁹ Дело 1714–1718 годов об отправлении лейб-гвардии Преображенского полка капитан-поручика князя Александра Бековича Черкасского на Каспийское море и в Хиву // Материалы военно-ученого архива Главного штаба. СПб., 1871. С. 197–202. С. 344, 388.
- ²⁰ См.: *Княжецкая Е. А.* Судьба одной карты. С. 29–33.
- ²¹ Указ капитану гвардии князю Черкасскому об осмотре реки Амму-Дарьи и Сыр-Дарьи и о приведении ханов хивинского и бухарского в подданство России // ПСЗРИ. Т. 5. № 2993. С. 197–198.
- ²² См.: *Байкова Н. Б.* Роль Средней Азии в русско-индийских торговых связях (первая половина XVI – вторая половина XVIII в.). М. : Наука, 1964. С. 74–75.
- ²³ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 9 (Кабинет Петра I). Отд. I. № 56. Л. 19–20 об.
- ²⁴ См.: Выписка, учиненная из столпов об отправлении на Каспийское море лейб-гвардии капитана господина князя Черкасского с начала его походу с 1714-го году мая по 10 число сего настоящего 1717-го году // Материалы военно-ученого архива Главного штаба. Т. 1. С. 407–494.
- ²⁵ Цит. по : *Княжецкая Е. А.* Судьба одной карты. С. 26, 109.
- ²⁶ См.: Материалы для истории русского флота : в 17 частях. Ч. 4. СПб., 1867. С. 278–279, 282–283.
- ²⁷ См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 29. Л. 57.
- ²⁸ См.: *Княжецкая Е. А.* Судьба одной карты. С. 36–38.
- ²⁹ См.: *Голосов Д.* Поход в Хиву в 1717 г. отряда под начальством лейб-гвардии Преображенского полка капитана князя Александра Бековича Черкасского // Военный сборник. 1861. № 10. С. 325.
- ³⁰ См.: *Галкин-Враской М. Н.* Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. СПб. : Исаков, 1868. С. 289–290.
- ³¹ См.: *Ш[е]манск[ий] А.* Указ. соч. // Военно-исторический сборник. 1915. № 3. С. 18–19.
- ³² См.: *Андреев А. А.* Указ. соч. С. 21–23.
- ³³ См.: Там же. С. 24.
- ³⁴ См.: Присоединение Туркмении к России : сборник архивных документов / под ред. А. Ильясова, Ашхабад : Издательство Академии наук Туркменской ССР, 1960. С. 132–133.
- ³⁵ См.: Дело 1714–1718 годов... С. 340.
- ³⁶ Там же. С. 340–341, 349–350.
- ³⁷ Цит. по : Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII веков. Алма-Ата : Наука Казахской ССР, 1969. С. 460. Перевод на английский язык см.: *Firdawsal-Iqbal.* History of Khorasm by Shirmuhammad mirab Munis and Muhammad Riza mirab Agahi. Leiden : Brill, 1999. P. 57–58.
- ³⁸ См.: *Ш[е]манск[ий] А.* Указ. соч. // Военно-исторический сборник. 1915. № 2. С. 23–33.
- ³⁹ См.: *Безгин И. Г.* Указ. соч. С. 56.
- ⁴⁰ См.: Дело 1714–1718 годов... С. 301–302.
- ⁴¹ Цит. по : *Козинцев М. А.* Грамота хивинского хана Шир-Гази царю Петру I // Письменные памятники Востока. 2018. Т. 15, № 2. С. 20–21.
- ⁴² Архив внешней политики Российской империи. Ф. 125 (Сношения России с Хивой). Оп. 125/1. 1724. № 1. Л. 1–25 ; 1730. № 1. Л. 1–4.
- ⁴³ См.: Там же. Ф. 77 (Сношения России с Персией). Оп. 77/1. 1722. № 3. Л. 2–3.
- ⁴⁴ См.: *Княжецкая Е. А.* Пётр I – организатор исследования Каспийского моря // Вопросы географии петровского времени / под ред. М. И. Белова. Л. : Гидрометеопиздат, 1975. С. 24–39.
- ⁴⁵ См.: *Княжецкая Е. А.* Судьба одной карты. С. 62–63, 86–87.

Поступила в редакцию 11.04.2021, после рецензирования 13.04.2021, принята к публикации 30.06.2021
Received 11.04.2021, revised 13.04.2021, accepted 30.06.2021

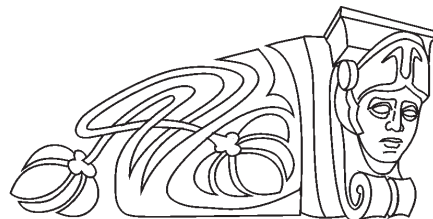

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 431–436
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 431–436
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-4-431-436>

Научная статья
УДК 913(470–25)17+929Вольтер

Путеводитель по Москве для Вольтера

С. А. Мезин

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Мезин Сергей Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России и археологии, mezinsa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9992-761X>

Аннотация. Рукопись «Описание города Москвы» из Библиотеки Вольтера впервые подвергнута специальному изучению. В этом сочинении древняя российская столица представлена как обширный и многолюдный город, отличительной чертой которого является обилие церквей и монастырей. Описание города ведется по исторически сложившимся частям: Кремль, Китай-город, Белый город, Земляной город. В основу описания положен «План императорского города Москвы» И. Мичурина (1739). Наиболее вероятным автором этого своеобразного путеводителя является И. К. Тауберт.

Ключевые слова: Вольтер, Пётр I, Москва, М. В. Ломоносов, И. К. Тауберт, И. И. Шувалов, И. Ф. Мичурин, Библиотека Вольтера

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 20-09-42006 «История Российской империи при Петре Великом» Вольтера: перевод, комментирование, исследование, публикация». Автор благодарит заведующую Центром изучения эпохи Просвещения – Библиотека Вольтера Российской национальной библиотеки Н. М. Сперанскую за помощь в работе с рукописями Библиотеки Вольтера.

Для цитирования: Мезин С. А. Путеводитель по Москве для Вольтера // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 431–436. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-4-431-436>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Moscow Travel Guide for Voltaire

S. A. Mezin

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Sergey A. Mezin, mezinsa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9992-761X>

Abstract. The manuscript “Description of the city of Moscow” from the Voltaire Library has been subjected to special study for the first time. In this essay, the ancient Russian capital is presented as a vast and crowded city, the distinctive feature of which is the abundance of churches and monasteries. The description of the city is conducted according to the historically formed parts: the Kremlin, Kitay-gorod, White City, Earthen City. The description is based on the “Plan of the Imperial city of Moscow” by I. Michurin (1739). The most likely the author of this kind of guidebooks is I. C. Taubert.

Keywords: Voltaire, Peter I, Moscow, M. V. Lomonosov, I. C. Taubert, I. I. Shuvalov, I. F. Michurin, The Voltaire Library

Acknowledgements: The research was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research (grant № 20-09-42006 “Voltaire’s history of the Russian Empire under Peter the Great: translation, commentary, research, publication”). The author thanks the head of the Center for the Study of the Enlightenment – the Voltaire Library of the Russian National Library N. M. Speranskaya for her help in working with the manuscripts of the Voltaire Library.

For citation: Mezin S. A. Moscow Travel Guide for Voltaire. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 431–436 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-4-431-436>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

*Записки, которые Ваше Превосходительство
соизволили мне послать, будут
моими путеводителями»¹*
Вольтер – И. И. Шувалову 1 августа 1758 года

Слово «путеводитель» утвердилось в русском языке в конце XVIII в., а Вольтер (1694–1778), хотя

и писал, что он «натурализовался как русский»² и «всегда немного выдвинут на Север»³, никогда не бывал в России и в Москве. Тем не менее среди подготовительных материалов к вольтеровский «Истории Российской империи при Петре Великом» имеется рукопись «Description de la ville de Moscou» («Описание города Москвы»)⁴, которую

(с изрядной степенью условности) можно считать предшественником путеводителей по древней столице России. Она, как и позднейшие сочинения такого рода, давала читателю возможность получить представление о топографии и достопримечательностях города и таким образом заочно познакомиться с ним.

Вышеназванное «Описание» является результатом взаимодействия знаменитого французского просветителя с петербургскими учеными. Приняв в начале 1757 г. предложение российского Двора написать историю Петра Великого, Вольтер с большой энергией принялся за дело. Уже к августу того же года был готов «легкий набросок» первых восьми глав, в том числе географическое описание России с характеристиками городов⁵, среди которых особое внимание уделено Москве.

Рукопись начальных глав «Истории Российской империи при Петре Великом», посланная в Петербург, вызвала критику здешних академиков. Чтобы исправить недостатки вольтеровского описания российских городов и снабдить автора «правильными» сведениями, были составлены и переведены на французский язык «Описание С.-Петербурга и его окрестностей»⁶, «Описание города Москвы», «Время [строительства] главных общественных зданий в С.-Петербурге»⁷, «Города, крепости, морские порты, каналы, большие дороги и другие общественно полезные сооружения, построенные Петром Первым или по его приказам»⁸. После смерти Вольтера подготовительные рукописи к его «Истории» вернулись в Петербург вместе с библиотекой просветителя, купленной Екатериной II, и сегодня хранятся в Российской национальной библиотеке.

Описание Санкт-Петербурга проанализировано мной в соавторстве с А. Е. Кулаковым; мы высказались по поводу его датировки и авторства в статье, которая выйдет в 28 выпуске «Историографического сборника». Рукопись, посвященная Москве, занимает в сборнике рукописей для Вольтера следующие страницы, однако написана другим почерком на листах голландской бумаги с золотым обрезом. Она, по всей вероятности, создавалась одновременно с «петербургской» в 1757–1760 гг. (Р. И. Минцлов датировал рукопись 1760 г.)⁹ и была отправлена в Ферне, как следует из письма И. И. Шувалова Вольтеру¹⁰, летом 1760 г. вместе с описанием Петербурга, экстрактом истории Камчатки, географическими картами и другими материалами. Упомянутое письмо камергера Елизаветы Петровны опровергает гипотезу Николая Александровича и Натальи Павловны Копаневых об отправке описаний Петербурга и Москвы в составе первой посылки Вольтеру весной 1758 г.¹¹

«Описание города Москвы» начинается с небольшого историко-географического введения:

«Этот город, бывший прежде резиденцией русских великих князей и царей, расположен на одноименной реке, и был построен около

пятисот лет назад. Его окружность вместе с предместьями превосходит тридцать верст. Собственно город расположен на трех больших возвышенностях, которые разделены небольшими реками, называемыми Яузой и Неглинной и впадающими в Москву-реку. С этих возвышенностей открываются прекрасные виды на весь город. Большинство домов построены в действительности на старинный манер, однако там можно увидеть немалое количество больших и красивых дворцов. Что касается церквей и монастырей – им нет счета. Москва разделяется на четыре главные части, все они носят названия городов: 1) Кремль, 2) Китай-город, 3) Белый город, 4) Земляной город. Помимо этого, есть множество предместий» (здесь и далее перевод «Описания города Москвы» с фр. А. Е. Кулакова)¹².

Прежде всего обращает на себя внимание приблизительная датировка основания Москвы серединой XIII в. Еще с допетровского времени было принято говорить о легендарных семи холмах, на которых, подобно Риму, стоит Москва. Автор более реалистично подошел к этому вопросу, отмечая три возвышенности, на которые делят город притоки Москвы-реки. Согласно этой логике речь может идти о Таганском, Сретенском и Тверском холмах. Правда, они не настолько высоки, чтобы с них, как с Воробьевых гор, просматривался весь город. Историческая застройка, которая в XVIII веке не особенно ценилась, и обилие церквей названы отличительными чертами внешнего облика города. Территория Москвы разделена на четыре части в соответствии с исторически сложившейся планировкой.

Постройки и достопримечательности Кремля охарактеризованы следующим образом:

«Кремль. Эта часть города окружена очень высокой стеной, в которой сооружены пятнадцать башен. Многие из них выделяются своей высотой, а особенно красивой является Спаская башня. Есть три каменных моста и пять ворот, служащих входом в Кремль, где располагался царский двор. Все построено из кирпича. Здесь можно увидеть царский дворец, конюшенный двор, дом патриарха, два монастыря и три епископских дома, семь соборов и четыре приходских церкви, знаменитую колокольню Ивана Великого уникальной постройки и значительной высоты, арсенал, а также здания различных канцелярий и ведомств. Церкви и монастыри хранят в себе огромные богатства: золото, серебро, драгоценные камни. У многих из них купола покрыты позолоченной медью. Могилы бывших великих князей и царей, а также их детей мужского пола находятся в соборе Святого Михаила, а могилы цариц и цариц – в женском монастыре. Раньше на колокольне собора Ивана Великого был колокол, весивший четыреста тысяч фунтов. Он был отлит во времена правления царя Михаила Федоровича, но получил повреждения во время пожара. При императрице Анне был отлит другой колокол,

превосходивший тот по величине и весивший пятьсот шестьдесят тысяч фунтов, но еще до того, как этот колокол смогли поднять, его постигла та же участь. Под этой частью города находятся большие трехэтажные подземные помещения, которые были давно построены для того, чтобы прятать в них сокровища в случае угрозы нападения врага. Из Кремля можно выйти через два каменных моста, ведущих в Китай-город»¹³.

Количество кремлевских башен указано неверно: на самом деле их 20 вместе с предместной Кутафьей башней. Пять ворот – это проездные надвратные башни: Спасская, Тайницкая (ворота были заложены во второй половине XVIII в.), Предтеченская (Боровицкая), Троицкая, Никольская. Все ворота, кроме Тайницких, выходивших на берег Москвы-реки, имели перед собой каменные мосты, переброшенные через Неглинную или ров, проходивший по Красной площади. Поэтому упомянутые «три каменных моста» вызывают сомнение. Мостов было пять. Последний был переброшен через ров у Константино-Еленинской башни, проезд через которую был закрыт еще в XVII в. Среди других названных кремлевских построек узнаются комплекс царского дворца, в который входили постройки разных эпох – от Грановитой палаты до Кремлевского Зимнего дворца Елизаветы Петровны, а также Потешный дворец, Конюшенный и Житный дворы. Патриаршие палаты и Арсенал сохранились в Кремле до наших дней, а «здания различных канцелярий и ведомств» (приказов) были разобраны во второй половине XVIII в. В Кремле находились два монастыря – Чудов и Вознесенский. В последнем обретались могилы цариц и царевен. «Епископскими домами» («maisons épiscopales») в описании названы подворья Крутицкой епархии, Троице-Сергиева и Кирилло-Белозерского монастырей. «Семь соборов» – это Успенский, Благовещенский, Архангельский (усыпальница царей) и Верхоспаский («что во дворце») соборы, а также не сохранившиеся соборы Спаса на Бору, Спаса-Преображения и Черниговских чудотворцев; «четыре приходских церкви» – утраченные ныне храмы Благовещения на Житном дворе, Уара Чудотворца, Константина и Елены, Бориса и Глеба. В описании упомянуты также колокольня Ивана Великого и крупнейшие колокола, в том числе известный Царь-колокол, отлитый в 1733–1735 гг. Не обошлось в описании и без упоминания «трехэтажных» кремлевских подземелий, слухи о которых уже не одно столетие будоражат умы любителей истории.

«Китай-город. Это словно второй город, который окружает Кремль со всех сторон. Китай-город носит это имя, потому что раньше основная торговля приходилась на товары из Китая. Город окружен кирпичной стеной, в которой местами сооружены башни. Это самая богатая и наиболее населенная часть города. Здесь две соборных церкви, восемнадцать

приходских, четыре монастыря и тринадцать епископских домов. Из общественных зданий наиболее значительными являются 1) здание университета, где ранее располагалась большая аптека, 2) монетный двор, 3) склады припасов, 4) большой особняк, в котором ранее селились послы, и в котором сейчас находятся несколько шелковых фабрик, 5) печатный двор Святейшего Синода, где печатаются только церковные книги, [6 номер отсутствует. – С. М.], 7) сад лекарственных растений во рву между Кремлем и Китай-городом, 8) торговые лавки, из которых шесть тысяч построены из кирпича в несколько линий, все они сводчатые, 9) небольшой парк артиллерии, где можно увидеть пушку огромной величины. Длина стены, которая окружает эту часть города, – более трех верст»¹⁴.

Описание Китай-города вызывает ряд вопросов и сомнений. Эта часть города примыкает к Кремлю с востока и никак не может окружать его «со всех сторон». Хотя народная этимология связывала название этого района Москвы с Китаем, такое толкование маловероятно. Едва ли Китай-город был самой населенной частью города. Возникает вопрос: почему в списке замечательных построек отсутствует шестой номер? Остальные достопримечательности: соборы, церкви, монастыри, монастырские и епархиальные подворья, первое здание Московского университета на Красной площади, Монетный двор, Гостиный двор, Мытный двор, Посольский двор, превращенный в шелковую мануфактуру, ряды и лавки вдоль Красной площади, Аптекарский сад под кремлевской стеной, – все они хорошо известны в истории этого торгового района, начавшего осуществлять в XVIII в. культурно-просветительские функции и приобретать регулярный вид.

«Белый город (Bieloigorod), то есть белого цвета, окружает с трех сторон Китай-город и Кремль. В нем десять городских ворот, одиннадцать монастырей, семь епископских и монастырских подворий, семьдесят шесть приходских церквей. В этой части города живут почти все вельможи, некоторые купцы и значительная часть ремесленников. Наиболее заметными зданиями являются литейный двор, склады царского двора, большая аптека, поставляющая снадобья и лекарства во всю империю, за исключением завоеванных провинций. Стена, окружающая эту часть города, имеет длину в пять верст»¹⁵.

Большой район центра Москвы, улицы которого лучами расходились от Кремля и Китай-города, окруженный белеными стенами из кирпича, получил в интересующем нас тексте краткое описание. Среди его немногих достопримечательностей названы Пушечный двор на Лубянке и здание главной аптеки в начале Никитской улицы.

Столь же лаконично описан Земляной город: *«Земляной город. Это последняя часть города, опоясывающая Москву. Она заключает внутри себя три остальных и имеет округлость*

18–19 верст. Над одними из городских ворот, которые построены в форме башни, располагаются Математическая школа и обсерватория. Здесь насчитывается два монастыря и сто три приходских церкви. В этой части города находится несколько фабрик, а также большой артиллерийский парк»¹⁶.

В данном случае, кроме общих количественных сведений, присутствует лишь информация о Сухаревой башне с находившейся в ней Школой математических и навигацких наук, несмотря на то что она была упразднена в 1753 г.

Из московских предместий заслужила описания только Немецкая слобода:

«Самым красивым является немецкое предместье, которое называют Немецкой слободой. У лютеран здесь две церкви и латинская школа; реформаты и католики также имеют здесь свои церкви. Среди множества других красивых зданий заслуживает упоминания дворец, носящий имя Лефорты и построенный в форме замка. С другой стороны реки Яузы напротив этого предместья располагается большой госпиталь и дворец Головина. Немного далее на запад можно увидеть императорский дворец, а еще дальше в предместье, называемом Преображенское, – дом, в котором жил Петр I, и который дал имя первому гвардейскому полку»¹⁷.

В заключение этого, условно говоря, путеводителя отмечены заслуги Петра I в благоустройстве Москвы, а в последнем абзаце говорится об успехах просвещения в Москве на примере Московского университета, основанного И. И. Шуваловым в 1755 г. и Славяно-греко-латинской академии в Заиконоспасском монастыре:

«Что до остального, то нельзя умолчать об университете, который был основан в Москве несколько лет назад. Он обязан своим появлением одному придворному вельможе, которого со всей справедливостью можно назвать Меценатом России. Словесность и искусства, которые здесь преподают, сделают это учреждение весьма дорогим Родине. Независимо от университета существует еще школа Спасского монастыря»¹⁸.

В целом «Описание города Москвы» не отличается точностью и скрупулезностью изложения материала. В нем, за исключением дважды упомянутого Московского университета, отсутствуют сведения о том, что нового появилось в Москве в царствование Елизаветы Петровны. Полагаем, что эти особенности текста во многом были обусловлены теми источниками, которыми мог воспользоваться автор. Разумеется, он не брал в расчет старинные описания Москвы А. Олеария, Ч. Г. Карлейля (Г. Мьежа), Ф. де Ла Невилля и более современные материалы Д. Перри, Ф. Х. Вебера, Ф. И. Страленберга, К. де Бруина. Эти тексты иностранцев и без того были хорошо известны Вольтеру, а их некритическое использование вызывало недовольство петербургских «цензоров». Описания старой столицы, аналогичного труду

А. И. Богданова, посвященного Петербургу¹⁹, тогда не существовало. Некое подобие путеводителя по Москве появится в печати только в 1782 г. «Описание императорского столичного города Москвы» В. Г. Рубана (СПб., 1782) будет представлять собой сухой перечень улиц, строений и учреждений в соответствии с полицейскими частями, на которые делился город. Откуда же черпал свою информацию, в том числе многочисленные статистические сведения, автор описания, адресованного Вольтеру?

Основным подспорьем в работе над «Описанием города Москвы», несомненно, был «План императорского города Москвы, сочиненный под смотрением архитектора Ивана Мичурина в 1739 году»²⁰. Это был первый московский план, выполненный с помощью геодезической съемки. На нем выделены основные части города: Кремль, Китай-город, Белый город, Земляной город. Цифрами обозначены главные городские строения, которые в экспликации к плану разделены на разделы: императорские дворцы, церкви, монастыри и подворья, «публичные и другие знатные строения», ворота. Указанные здесь достопримечательности, их численность и порядок упоминания полностью соответствуют перечню в описании, составленном для Вольтера. Правда, автор последнего не считал необходимым указать еще десяток монастырей и 60 церквей за пределами Земляного города. Отмеченный выше пропуск шестого номера среди достопримечательностей Китай-города, видимо, объясняется тем, что вышло затруднение с переводом названия «Лобное место».

Кто из членов академического сообщества, причастных к подготовке материалов для вольтеровской «Истории», мог быть автором «Описания города Москвы»? Пожалуй, следует отнести кандидатуру Г. Ф. Миллера, приступившего к этой работе не ранее осени 1759 г. Имеющееся среди его сочинений описание Москвы²¹ с подробными экскурсами в историю города существенно отличается по структуре, стилю и историческим подробностям от текста, посланного Вольтеру. Труды по составлению записок для Вольтера на первых порах взяли на себя М. В. Ломоносов и И. К. Тауберт. На эти факты прямо указывает письмо И. И. Шувалова Миллеру от 21 августа 1759 г.²² Притом автор письма сообщает, что большую часть работы выполнил Тауберт. Тем не менее Михаил Борисович Свердлов полагает, что описание Москвы принадлежит перу Ломоносова²³. Эту точку зрения поддержали Копаневы²⁴. Однако короткого замечания Ломоносова на рукописи первых глав Вольтера, якобы принизившего значение Москвы: «Москва великий город, первого рангу по всей Европе»²⁵, – явно недостаточно для того, чтобы атрибутировать «московский текст» как ломоносовский. Недостаточно для этого и упоминания в тексте Московского университета и Славяно-греко-латинской академии, занимающих особое место в биографии Ломоносова. Во-первых, в «Описании города Москвы»

отсутствует всякая попытка доказать величие города в масштабах Европы, на чем настаивал Ломоносов. Во-вторых, текст совершенно лишен характерной для Ломоносова патриотической риторики. В-третьих, отмеченные выше ошибки и небрежность в описании московских достопримечательностей также не свидетельствуют в пользу авторства знаменитого ученого. Ломоносов, зная, что Москву основал Юрий Долгорукий²⁶, не мог датировать строительство города серединой XIII в. Иначе, чем в рассматриваемом тексте, Ломоносов описывал московские «горы и долины»: «Москва стоит на многих горах и долинах, по которым возвышенные и униженные стены и здания многие города представляют, которые в один сливаются»²⁷.

В упомянутой статье, посвященной описанию Санкт-Петербурга, нами было высказано осторожное предположение о причастности к его составлению академика Я. Штелина. Однако в отношении описания Москвы никаких оснований для подобного допущения нет. Здесь не проявились опыт и знания первого российского историка искусства. Имеющиеся среди сочинений Штелина «Замечания об архитектуре Москвы»²⁸ не перекликаются с рассматриваемым текстом.

Остается полагать, что наиболее вероятным автором «Описания города Москвы» является адъюнкт исторического класса Академии Иоганн Каспар (Иван Иванович) Тауберт (1717–1771).

С посылкой, в состав которой входило описание Москвы, случилось детективное приключение. Пакет вместе с 2 тысячами дукатов, посланными в качестве возмещения затрат на издание первого тома «Истории», должен был доставить Вольтеру Сергей Алексеевич Пушкин. Долго ожидая посылку, Вольтер шутил, что дворянин, который должен был приехать из Вены, «наверное влюбился в какую-нибудь немку»²⁹. Но дело обстояло хуже: Пушкин либо потерял, либо похитил ценный груз и скрылся³⁰. Он был арестован в Париже³¹. Позже, в ноябре 1760 г., следы «царской посылки» обнаружили в Страсбурге³². Содержащиеся там бумаги могли дойти до Вольтера не ранее 1761 г. и во многом утратили свою актуальность для автора. К этому времени первый том «Истории» с описанием России и Москвы давно был напечатан, и Вольтер не намеревался вносить в текст существенные изменения и поправки.

Вольтер не отреагировал на указание, что Москва стоит на холмах и по-прежнему писал о «прекрасной обширной долине», но при этом он упоминал о «двух малых речках», впадающих в Москву-реку, не называя их. Автор датировал начало строительства Кремля XIV в., заметив, что в XIII в. Москва была «лишь скопищем хижин».

Историк опирался в своем описании древней российской столицы на имевшиеся в его библиотеке сочинения А. Олеария и Г. Мьежа (члена посольства графа Карлейля). При этом он об-

ратил внимание на пристрастность описаний иностранных наблюдателей, оценивавших город в сравнении с условиями своих стран. Вольтер повторил данные о количестве населения в Москве (почти пятьсот тысяч), приведенные Ф. де Ла Невиллем³³, а сведения о строительной деятельности царя Федора Алексеевича, по-видимому, восходят к «Письму господина *** о современном состоянии Московии» Н. Витсена (?)³⁴. Так же, как и в присланном ему тексте, Вольтер связывал название Китай-города с тем, что здесь «были выставлены редкости из Китая», хотя позже Миллер оспаривал это утверждение³⁵.

В полном согласии с «Описанием города Москвы» Вольтер писал о благоустройстве старой столицы в петровское время и об основании Московского университета в елизаветинское царствование: «Пётр, занимавшийся всем, заботился о Москве, строя Петербург: он приказал замостить ее, украсил зданиями и обогатил мануфактурами, наконец, камергером императрицы Елизаветы, дочери Петра (И. И. Шуваловым. – С. М.), здесь был заведен несколько лет назад университет»³⁶. Впрочем, эти общие сведения Вольтер имел до получения рукописи о Москве, которая никак не повлияла на содержание его «Истории Российской империи при Петре Великом».

Итак, рассмотренное описание Москвы не стало для Вольтера подлинным путеводителем и источником оригинальных сведений. Его значение видится в том, что это было первое описание старой столицы, составленное отечественным автором в XVIII в.

Примечания

- ¹ *Voltaire. Correspondence and related documents. Definitive edition by Theodore Besterman // Oeuvres complètes de Voltaire. Geneve; Oxford : Voltaire Foundation, 1968–1977. Т. 85–135 (далее – Best. D с указанием номера), № 7811. Здесь и далее перевод писем с французского автора статьи.*
- ² Best. D 9406.
- ³ Ibid. D 17774.
- ⁴ Российская национальная библиотека. Библиотека Вольтера (далее – РНБ БВ) 5–242. Т. 2. Л. 382–383.
- ⁵ См.: Мезин С. А. География и города в «Истории Российской империи при Петре Великом» Вольтера // Город и городская жизнь в России XVI–XXI веков : материалы всероссийской научной конференции, посвященной 430-летию Саратова (Саратов, 26 сентября 2020 г.) / под ред. М. В. Зайцева. Саратов : Саратовский источник, 2020. С. 13–25.
- ⁶ РНБ БВ 5–242. Т. 2. Л. 377–382.
- ⁷ Там же. Л. 221–222.
- ⁸ Там же. Л. 223–225.
- ⁹ См.: Минцлов Р. И. Петр Великий в иностранной литературе. СПб. : Издательство И. И. Глазунова, 1872. С. 74.
- ¹⁰ Best. D 9482.

- ¹¹ См.: *Копанев Н. А., Копанева Н. П.* Ломоносов и первая отсылка Вольтеру рукописей по русской истории // Чтения отдела русской литературы XVIII века. Вып. 7 : М. В. Ломоносов и словесность его времени. Перевод и подражание в русской литературе XVIII века / отв. ред. А. А. Костин, А. О. Демин. М.; СПб. : Альянс-Архео, 2013. С. 83–94.
- ¹² РНБ БВ 5–242. Т. 2. Л. 382
- ¹³ Там же. Л. 282–282 об.
- ¹⁴ Там же. Л. 282 об.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же. Л. 283.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ *Богданов А. И.* Описание Санктпетербурга. СПб. : Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, 1997. 414 с.
- ²⁰ URL: <http://www.etomesto.ru/map-moscow1739/> (дата обращения: 12.07.2021).
- ²¹ См.: *Полунин Ф. А., Миллер Г. Ф.* Географический лексикон Российского государства. М., 1773. С. 182–194.
- ²² *Voltaire.* Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand / éd. critique par M. Mervaud, avec collaboration de U. Koelving, C. Mervaud, et A. Brown // Oeuvres complètes de Voltaire. Oxford : Voltaire Foundation, 1999. Vol. 47. P. 1258.
- ²³ *Свердлов М. Б.* М. В. Ломоносов и становление исторической науки в России. СПб. : Нестор-История, 2011. С. 696–697.
- ²⁴ *Копанев Н. А., Копанева Н. П.* Указ. соч. С. 90.
- ²⁵ *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. : в 11 т. Т. 6. М. ; Л. : Издательство Академии наук СССР, 1952. С. 91.
- ²⁶ Там же. С. 306.
- ²⁷ Там же. С. 92.
- ²⁸ См.: Записки Якоба Штелина об изящных искусствах в России / сост., пер. с нем., вступ. статья и прим. К. В. Малиновского : в 2 т. М. : Искусство, 1990. Т. 1. С. 222–223.
- ²⁹ Best. D 9481.
- ³⁰ Ibid. D 9612.
- ³¹ *Старк В. П.* Пушкины в «Истории Петра» и «Истории Пугачева» // Пушкин : Исследования и материалы. Т. XVI/XVII. СПб. : Наука, 2004. С. 196.
- ³² Best. D 9417.
- ³³ *Невилль Ф. де ла.* Записки о Московии. М. : Аллегро-Пресс, 1996. С. 165.
- ³⁴ Relation du voyage de Mr Evert Isbrand envoyé de Sa Majesté Czarienne à l'empereur de la Chine, en 1692, 93 & 94. Par le sieur Adam Brand. Avec une lettre de Monsieur *** sur l'état présent de la Moscovie. Amsterdam : Jean-Louis de Lorme, 1699. P. 196.
- ³⁵ *Шмурло Е. Ф.* Вольтер и его книга о Петре Великом. Прага : Orbis, 1929. С. 191–192, 279.
- ³⁶ *Voltaire.* Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand/éd. critique par M. Mervaud, avec collaboration de U. Koelving, C. Mervaud, et A. Brown // Oeuvres complètes de Voltaire. Oxford : Voltaire Foundation, 1999. Vol. 46. P. 446.

Поступила в редакцию 21.06.2021, после рецензирования 25.06.2021, принята к публикации 30.06.2021
Received 21.06.2021, revised 25.06.2021, accepted 30.06.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 437–440
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 437–440
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-4-437-440>

Научная статья
УДК [94+327](470+571+438)16]+929Болтин

Баим Болтин как участник заключения Поляновского мирного договора и размежевания границ

А. С. Втюрин

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Втюрин Андрей Сергеевич, аспирант кафедры истории России и археологии, andrej.vtiurin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1294-1516>

Аннотация. Данная статья посвящена роли малоизвестного дворянина Баима Федоровича Болтина в переговорах по заключению мира между Россией и Речью Посполитой после завершения Смоленской войны 1632–1634 гг. и в разграничении спорных территорий. Рассматриваются процессы организации посольств, работа межевых комиссий, местнические споры между участниками указанных событий.

Ключевые слова: Поляновский мирный договор, великое посольство в Варшаву князя Львова, межевые судьи, местнические споры, Баим Болтин

Для цитирования: Втюрин А. С. Баим Болтин как участник заключения Поляновского мирного договора и размежевания границ // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 437–440. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-4-437-440>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Baim Boltin as a participant in the conclusion of the Polyanovsk peace treaty and demarcation of borders

A. S. Vtyurin

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Andrey S. Vtyurin, andrej.vtiurin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1294-1516>

Abstract. This article is devoted to the role of the little-known nobleman Baim Fedorovich Boltin in the peace negotiations between Russia and the Polish-Lithuanian Commonwealth after the end of the Smolensk War of 1632-1634 and in the delimitation of disputed territories. The work considers: the processes of organizing embassies, the work of demarcation commissions, parochial disputes between the participants in these events.

Keywords: the Polyanovsk Peace Treaty, the Grand Embassy of Prince Lvov to Warsaw, demarcation judges, parochial disputes, Baim Boltin

For citation: Vtyurin A. S. Baim Boltin as a participant in the conclusion of the Polyanovsk peace treaty and demarcation of borders. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 437–440 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-4-437-440>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Цель настоящей статьи – выявление роли представителя малоизвестного дворянского рода Баима Федоровича Болтина (конец XVI в. – 1655 г.) в важном политическом событии середины XVII века – заключении Поляновского мирного договора с Речью Посполитой и разграничении спорных территорий. Изучение деятельности Б. Ф. Болтина как «героя второго плана» позволяет видеть изменения в государственном управлении России при царе Михаиле Федоровиче Романове.

Основным источником нашей работы выступают Дворцовые разряды, в которых содержатся

упоминания о Баиме Федоровиче Болтине. Любопытна одна из указанных разрядных записей, сообщающая о пребывании Баима Болтина «в сходе воевод» в Можайске в марте 1634 г. Это примечание из второго тома Дворцовых разрядов, размещенное под столбцами 393 и 394. Данный фрагмент был специально выделен из основного текста разрядов, так как содержит не повторяющуюся нигде информацию и обозначен как «список Е». Это пример частной разрядной записи. Ее авторы – братья Никита и Григорий Зюзины¹ – дети окольного Алексея

Ивановича Зюзина. В свою очередь жена Алексея Ивановича – Фекла Григорьевна – приходилась родственницей Баиму Болтину². Таким образом, составители упомянутого «списка Е» Дворцовых разрядов и Баим Болтин приходились друг другу родственниками по женской линии. В частные разрядные записи могли вноситься сведения о родственниках авторов, чтобы подчеркнуть их заслуги. Учитывая то, что пребывание Баима Болтина в Можайске весной 1634 г. не отражено в иных источниках, можно предположить, что он был внесен в этот список именно вследствие родства с составителями.

Многие служилые люди во время Смоленской войны 1632–1634 гг. получили возможность улучшить свое положение в служебной иерархии. Это касалось как представителей верхушки, так и дворян среднего звена. К последним относился Баим Федорович Болтин – член арзамасской служилой корпорации, участник похода кн. Д. Т. Трубецкого на Новгород в 1613–1614 гг. До начала Смоленской войны он был дьяком Новгородской чети, часто бывал при царском дворе. Для служилых людей того времени служба дьяком считалась не самой благородной и могла негативно повлиять на военную карьеру. Несмотря на это, Баим Болтин был назначен вторым воеводой в войско, которое должно было отвоевать Северские земли в начавшейся войне. Там он отличился взятием Новгорода Северского в декабре 1632 г. (причем без участия первого воеводы), пленением около 200 чел., за что был награжден государем³. С. Ф. Платонов назвал это событие «самым ярким делом его жизни»⁴. На дальнейший его служебный рост повлияло «случайное» участие в посольстве боярина Федора Ивановича Шереметева весной 1634 г., когда начались переговоры о мире с Речью Посполитой.

Еще до прекращения боевых действий, когда польский король Владислав штурмовал крепость Белую, а другие польские отряды осаждали Вязьму и Дорогобуж, началась подготовка к мирным переговорам. 1 апреля 1634 г. государь назначил послом Федора Ивановича Шереметева, вторым послом был окольный князь Алексей Михайлович Львов, третьим – Степан Матвеевич Проестев. Им было велено отправиться на пограничье между Вязьмой и Дорогобужем (на р. Поляновку, по которой и назвали мирный договор) для ведения переговоров с польскими послами. В числе голов, которые должны были сопровождать послов, числился Григорий Андреевич Олябьев, указанный первым в списке. Однако из-за болезни он не смог отправиться на переговоры. Вместо него был назначен Баим Федорович Болтин. Таким образом, он стал первым в списке голов, сопровождавших посольство. Другого заболевшего – Семена Васильевича Чаплина – заменил Ждан Васильевич Кондырев⁵. Учитывая высокую важность посольства, такое назначение, хотя и незапланированное, было

весьма почетным для Б. Ф. Болтина. Возможно, определенную роль сыграл тот факт, что Баим Болтин к тому времени находился по росписи воевод в Можайске⁶ и мог быстро добраться до места схода послов. Также Б. Ф. Болтин еще в качестве дьяка до войны имел опыт встречи персидских, датских и «турских» послов⁷. Наконец, его знала польская сторона как воеводу, взявшего Новгород Северский, что повышало значимость посольской свиты.

После завершения переговоров на р. Поляновке и возвращения в Москву Баим Болтин 5 июля 1634 г. «упоминается в списке дворян, присутствовавших за царским столом»⁸.

Впоследствии Баим Болтин принимал участие и в приведении короля Владислава к крестному целованию, т. е. в ратификации Поляновского мирного договора польской стороной. 24 октября 1634 г., когда уже были достигнуты соглашения на р. Поляновке, в Варшаву было отправлено посольство во главе с боярином князем Алексеем Михайловичем Львовым, думным дворянином Степаном Матвеевичем Проестевым и двумя дьяками. Их было велено именовать великими послами. В свите состояли 255 чел.⁹ Такое количество было обусловлено необходимостью обеспечения постоянного почтового сообщения, поиском пленных, проведением разведывательных мероприятий. Посольству также поручалось договориться о передаче русской стороне тела царя Василия Шуйского. Баим Болтин был указан первым после стольников в числе сопровождавших лично князя А. М. Львова. На данный момент мы не можем сказать, чем конкретно занимался Б. Ф. Болтин в ходе этого посольства, однако можно утверждать, что он был не на последних ролях и мог выполнять важные поручения князя Львова.

Такое назначение породило первый местнический спор известный в истории рода Болтиных¹⁰. На Баима подали челобитную дворяне, указанные в списке сопровождавших князя А. М. Львова: Илья Васильевич Наумов и Ждан Васильевич Кондырев (последний ранее уже был поставлен ниже Баима при переговорах на р. Поляновке). Они считали, что по своему местническому статусу они должны стоять выше Болтина, на что государь ответил, что им всем следует быть без мест¹¹. По мнению Ю. М. Эскина, это и последующее местническое дело Болтина свидетельствуют о том, что даже кратковременное пребывание в дьяках оставляло «пятно» в карьере служилого человека¹². Однако нахождение подле царя и реальные заслуги позволяли игнорировать такой факт.

Участники посольств на р. Поляновку и в Варшаву были щедро награждены правительством. Разумеется, самое большое вознаграждение получили бояре Ф. В. Шереметев и князь А. М. Львов. Члены посольства, отправленные для ратификации договора, получили

жалование за два года и «подмогу» деньгами и соболями. Баим Болтин, будучи дворянином, сопровождавшим великих послов в Варшаве, получил придачу к поместному окладу. Такие придачи получали все дворяне и дьяки, принявшие участие в этом посольстве. Размер придачи к окладу зависел от уже имеющегося оклада, а также от роли и заслуг каждого конкретного члена посольства¹³.

Некоторые члены великого посольства участвовали и в ратификации договора в Москве в феврале 1635 г., однако мы не видим в их числе Баима Болтина¹⁴. До 1637 г. о нем не имеется никаких сведений.

После заключения мира встал вопрос о разграничении территорий непосредственно на границе. Было принято решение – послать межевых судей от каждой из сторон. Они должны были собрать показания местных жителей и записи предыдущих межевых комиссий. Опираясь на полученные сведения, судьи возвращали границы к довоенному состоянию. Всего было 5 зон размежевания, куда они направлялись. Одной из таких зон была территория между Путивлем и Новгородом Северским, Трубчевском и Почепом. Территории к западу и северо-западу от Путивля были заняты русскими войсками вплоть до Чернигова. Ценные земли и населенные пункты к тому моменту могли быть присвоены русскими служилыми людьми. Вследствие этого обмен территориями предполагалось осуществить по принципу «жилое на жилое» и «пустое на пустое». При возникновении разногласий между показаниями жильцов относительно незначительных участков судьи могли прибегнуть к жребию. Если возникали споры между ними, то приходилось вмешиваться центральным властям, которые уже договаривались о разграничении. Результаты работы межевых комиссий записывались в книги, жильцы с обеих сторон ставили подписи, а судьи, помимо подписей, ставили свои печати¹⁵.

Межевая комиссия в Путивле начала работу в 1637 г. 14 мая государь отправил в Путивль окольного князя Федора Федоровича Волконского Мерина, Баима Федоровича Болтина и дьяка Никифора Шипулина, с которым Болтин ранее находился в Можайске в марте 1634 г. В то время Шипулин стоял выше Болтина по росписи, будучи указан сразу после воевод Дмитрия Мамстрюковича Черкасского и Дмитрия Михайловича Пожарского, когда Баим Болтин был лишь в числе сотенных голов у этих воевод¹⁶. Теперь Болтин формально стоял выше.

На границе у Путивля судьи должны были встретиться с литовскими судьями и произвести размежевание. Участие Баима Болтина в размежевании северских земель было обусловлено тем, что он имел большой посольский опыт еще до войны, участвовал как в переговорах при заключении Поляновского мира, так и в ратифи-

кации мирного договора в Варшаве. Более того, именно он был вторым воеводой в начальном периоде войны на этом направлении и был осведомлен о ситуации на месте и приблизительных границах.

В 1642 г. возникла необходимость произвести очередное размежевание спорных земель в районе Путивля. 25 мая 1642 г. государь повелел отправиться туда окольному Федору Федоровичу Волконскому Мерину. Сразу за князем Волконским были названы Баим Федорович Болтин (ставший к тому времени ясельничим) и дьяк Никифор Шипулин. Вместе с указанными судьями числились следующие дворяне: Кузьма Андреевич Трусков, Василий Протасов, Иван Васильевич Кафтырев, Иван Степанович Волков, Василий Васильевич Стрелков, Тимофей Васильевич Исканский, а также жильцы Никита Андреевич Загоскин и Андрей Поликарпович Полтев.

Для того чтобы устранить возможность местнических споров, в отписках к ним велено было обращаться «князю Федору съ товарищи». Данная мера формально уравнивала всех членов группы, кроме ее руководителя. Несмотря на это, между межевыми судьями возникали споры. Так, Кузьма Трусков бил челом на князя Ф. Ф. Волконского о том, что ему с князем быть «невместно»¹⁷, а именно посчитал несправедливым тот факт, что его имя не будет упоминаться в отписках¹⁸. Трусков проиграл спор и был отправлен в тюрьму по указу государя. Позже, уже в Путивле, дворянам и жильцам было велено «быть с обоими», т. е. они были поставлены ниже не только князя Федора Волконского, но и Баима Болтина¹⁹. В ответ на это Кузьма Трусков и Василий Протасов решили подать челобитную на Болтина. Государь встал на сторону последнего, а челобитчиков велел подвергнуть наказанию – «битью батогами»²⁰.

До нас дошла еще одна челобитная Кузьмы Трускова, которую он подал на князя Федора Волконского уже после возвращения со службы не раньше осени 1642 г. (так как он пишет: в прошлом «150-м году», а в 151-м году была прислана грамота от государя Федору Волконскому в Путивль на «межевое место», т. е. межевание проходило еще и осенью того года)²¹. В ней есть ценные сведения о роли Баима Болтина в конфликте.

По версии Трусова Болтин, выполняя поручение Волконского, подал государю отписку из Путивля, в которой обвинил сопровождавших их дворян и жильцов в том, что те отпугивали своих людей в Литву в город «Рамон» (вероятно, современный город Ромны в Сумской области Украины) для покупки вина и разглашения сведений (каких конкретно не указывается). Вино же дворяне и жильцы разделили между собой «кабацкими ведрами», после чего на съезде двора «лялали и шюмели» Баима Болтина. Трусков из-за этой отписки был подвергнут наказанию – битью

батогами и заключению в тюрьме на неделю. Он считал, что Баим Болтин по просьбе Волконского сообщил государю ложные сведения относительно поведения дворян и жильцов и таким образом хотел свести счеты за ранее поданные челобитные. Сам же Трусов уверял государя, что ничего того, что было указано в отписке Болтина, он не делал, кроме споров с Федором Волконским о «чести» своих родителей. Кузьма Трусов во время пребывания в Путивле был подвергнут наказанию дважды. В первый раз по царскому указу после отписки Болтина и челобитной Трусова на имя государя, и второй раз по указу князя Федора Волконского, без ведома государя²².

Вероятно, Волконский и Болтин решили самостоятельно разобраться с обидчиком, который постоянно затевал споры и, судя по всему, мешал выстраиванию рабочего процесса. То, что Баим Болтин принимал сторону окружающих, продиктовано его положением при дворе, давним знакомством и совместной работой, а также нежеланием Трусова и Протасова стоять ниже Баима Болтина. Ну а действительно ли дворяне и жильцы вели себя так, как указал Баим в отписке государю, сказать трудно, поскольку недостаточно источников для проверки подлинности той или иной версии. Не исключено, что Волконский и Болтин намеренно оклеветали Трусова в отместку за затеянные споры.

Как видим, Баим Федорович Болтин не только сыграл важную роль в Смоленской войне, но и принял активное участие в заключении мирного договора и в длительной процедуре разграничения границ между Речью Посполитой и Россией. Участие же Болтина в переговорах 1634 г. на р. Поляновке сыграло важную роль в его дальнейшем продвижении по службе. Это наглядный пример того, как в XVII в. возросла роль личных заслуг в служебной иерархии.

Примечания

- 1 См.: Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II отделением собственной ЕИВ канцелярии : в 4 т. СПб., 1850. Т. 1 (1612–1628). С. 30.
- 2 См.: Пудалов Б. М. Родословные сказки Болтиных // Историография. Источниковедение. Историческое краеведение : сборник статей к юбилею доктора исторических наук В. В. Митрофанова. Нижневартовск : Издательство Нижневартовского государственного университета, 2017. С. 95.
- 3 См.: Дворцовые разряды. СПб., 1851. Т. 2 (1628–1645). Стб. 310, 317.

- 4 Платонов С. Ф. Столяров хронограф и его автор // Сборник статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому. М., 1909. С. 24.
- 5 См.: Дворцовые разряды. Т. 2. Стб. 357–358 (прим.).
- 6 Там же. Стб. 393–394 (прим.).
- 7 Там же. Стб. 62, 63, 222, 224, 251, 263.
- 8 Болтин, Баим (Борис) Федорович // Русский биографический словарь (РБС) / изд. А. А. Половцева. Т. 3 : Бетанкур-Бякстер. СПб., 1908 (репринт М. : Аспект-пресс, 1995). С. 185.
- 9 См.: Львова Д. Л. Русские дипломатические миссии на переговорах с Речью Посполитой в 1634–1635 гг. // Интернет-журнал «Ломоносов» 2000 г. / сайт – Научная сеть. URL: <http://nature.web.ru/db/msg.html?mid=1154124&s=> (дата обращения: 07.05.2021).
- 10 См.: Эскин Ю. М. Очерки истории местничества в России XVI–XVII вв. М. : Квадрига, 2009. С. 134.
- 11 См.: Дворцовые разряды Т. 2. Стб. 404.
- 12 См.: Эскин Ю. М. Указ. соч. С. 339.
- 13 См.: Львова Д. Л. Русские дипломатические миссии на переговорах с Речью Посполитой в 1634–1635 гг. // Интернет-журнал «Ломоносов» 2000 г. / сайт – Научная сеть. URL: <http://nature.web.ru/db/msg.html?mid=1154124&s=> (дата обращения: 07.05.2021).
- 14 См.: Дворцовые разряды. Т. 2. Стб. 413–414.
- 15 См.: Львова Д. Л. Решение территориальных и пограничных вопросов по Поляновскому мирному договору 1634 года (к проблеме русско-польских отношений) // Материалы Международной конференции студентов и аспирантов по фундаментальным наукам «Ломоносов». Вып. 3. Биология. Востоковедение. География. Геология. Иностранные языки. История. Почвоведение. Философия. Филология. Фундаментальное материаловедение. Фундаментальная медицина. М. : Издательство Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, 1999. С. 245–247.
- 16 См.: Дворцовые разряды Т. 2. Стб. 393–394 (прим.).
- 17 Дворцовые разряды. Т. 2. Стб. 682.
- 18 См.: Эскин Ю. М. Местническое дело К. А. Трусов – князь Ф. Ф. Волконский как источник по истории Тихвинского восстания 1613 г. // Российское государство в XIV–XVII вв. : сборник статей, посвященный 75-летию со дня рождения Ю. Г. Алексеева / отв. ред. А. П. Павлов. СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. С. 300–307.
- 19 См.: Дворцовые разряды. Т. 2. Стб. 683.
- 20 Там же.
- 21 См.: Эскин Ю. М. Местническое дело К. А. Трусов – князь Ф. Ф. Волконский... С. 306–307.
- 22 Там же.

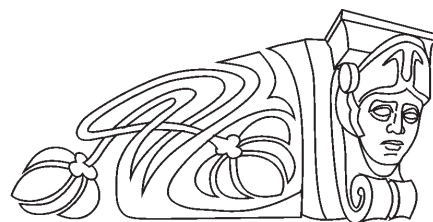
Поступила в редакцию 21.06.2021, после рецензирования 25.06.2021, принята к публикации 30.06.2021
Received 21.06.2021, revised 25.06.2021, accepted 30.06.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 441–447
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 441–447
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-4-441-447>

Научная статья
УДК 94(47+470.44-25)|18|

Обличительное направление в русской сатирической журналистике первой половины 1860-х гг.: внешнеполитический аспект

О. В. Кочукова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Кочукова Ольга Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии, kochukovasgu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9595-7571>

Аннотация. Статья посвящена внешнеполитической тематике в российских сатирических журналах первой половины 1860-х гг. Анализируется историческое содержание фельетонов и карикатур ведущих сатирических журналов эпохи «Искра» и «Заноза»; выявляются историко-культурные истоки «обличительного направления» в общественном мнении и прессе России рубежа 1850–1860-х гг., особенности его воплощения применительно к внешнеполитическому аспекту; сопоставляются радикальное и умеренное течения в сатирическом отражении явлений и событий международной жизни.

Ключевые слова: сатирическая журналистика, политическая карикатура, внешняя политика, Российская империя, российская пресса

Для цитирования: Кочукова О. В. Обличительное направление в русской сатирической журналистике первой половины 1860-х гг.: внешнеполитический аспект // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 441–447. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-4-441-447>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The accusatory trend in Russian satirical journalism in the first half of the 1860s: Foreign policy aspect

O. V. Kochukova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Olga V. Kochukova, kochukovasgu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9595-7571>

Abstract. The article is devoted to foreign policy topics in Russian satirical journals of the first half of the 1860s. The author analyzes the historical content of feuilletons and caricatures of the leading satirical magazines of the era “Iskra” and “Zanoza”. The article reveals the historical and cultural origins of the “accusatory trend” in public opinion and the press of Russia at the turn of the 1850s-1860s, the peculiarities of its implementation in relation to the foreign policy aspect. The article compares the radical and moderate trends in the satirical reflection of the phenomena and events of international life.

Keywords: Satirical journalism, political caricature, foreign policy, Russian Empire, Russian press

For citation: Kochukova O. V. The accusatory trend in Russian satirical journalism in the first half of the 1860s: Foreign policy aspect. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 441–447 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-4-441-447>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Подъем в истории сатирических журналов в России начинается после завершения Крымской войны, в начале царствования императора Александра II. На рубеже 1850–1860-х гг., по справедливому утверждению историка сатирической журналистики И. Г. Ямпольского, «возникает и уверенно внедряется в русскую журналистику самый тип еженедельного журнала с карикату-

рами, плод тесного сотрудничества писателя и художника»¹.

Только в Санкт-Петербурге современники насчитали 29 наименований сатирических изданий². От самих названий у обывателя пестрело в глазах: «Бардадым», «Бесструнная балалайка», «Говорун», «Дядя шут гороховый», «Картинки с натурой», «Сплетни», «Фонарь», «Щелчок» и т.д.

По сути это были уличные листки. Некоторые, как например, «Говорун», вышли только одним номером³. Зачастую они носили примитивно-развлекательный характер и не могли просуществовать долго. Писатель, прозаик и публицист М. А. Воронов в памфлете «Московская литературная» отмечал: «Кто не помнит, с какой жадностью все набросились тогда на различные журналы и газеты, как на расхват покупалась всякая печатная дребедень, как возникали и падали один за другим всевозможные «Смехи», «Бубенчики», «Рододендроны», «Весельчаки», «Орлы», и проч. и проч.? Аферисты, издававшие подобные листки, обращались с публикой довольно нагло: они просто насильно навязывали свои произведения проходящим по улицам, распространяли их через дворников, через лакеев и кухарок, просили на бедность, тыкая в лицо благодетителя «Смех», или «Весельчак», или «Орла», – одним словом, употребляли все подходы, чтобы зашибить хоть какую-нибудь деньгу»⁴. Опубликованные на страницах таких изданий фельетоны и карикатуры были далеки от критики социально-экономических аспектов и внешней политики государства. В основной своей массе это был юмор, ограниченный темами супружеских измен и пьянства.

Однако даже подобные издания в определенной степени насторожили правящую элиту, которая требовала «воспретить подобные издания, или принять зависящие меры, дабы цензура дозволяла печатание лишь таких, которые по нравственности содержания, действительно могли бы полезны быть для чтения простого народа»⁵. Не только правящая элита, но и прогрессивная общественность стали «бить в набат», борясь за нравственность в прессе. Впрочем, «безнравственное» и «пошлое» направление сатирических листков было лишь поверхностным налетом, который не мог скрыть действительно важной причины, вызвавшей «бум» сатирической журналистики, не ограниченной, разумеется, рамками примитивных уличных листков. Сатирические издания стали важной составной частью того процесса в общественно-политической жизни, который современники определили как «обличительное направление».

После окончания Крымской войны возникла уникальная ситуация, когда просвещенные, настроенные на реформы чиновники и прогрессивная общественность могли объединить свои усилия в попытке преобразования всех сторон российской действительности с целью модернизации ее экономического, социального и культурного бытия. Эпоха Великих реформ начиналась с признания необходимости преодоления недостатков в самых разных сферах общественной жизни, с убежденностью в том, что критика прошлого и настоящего является первой ступенью движения к историческому будущему. Время накануне первой из серии Великих реформ, отмены крепостного права, т. е., вторая половина 1850-х гг., совре-

менникам запомнилось как период «оттепели», а самой яркой ее характеристикой была признана гласность, пришедшая на смену закрытости и секретности «николаевского» режима взаимоотношений власти и общества. Гласность началась почти стихийно, «снизу», это было подобно прорыву долго и искусственно сдерживаемой плотинами полноводной реки. Но вскоре гласность благодаря усилиям дальновидных либеральных бюрократов превратилась в действенный инструмент правительственной политики. Понимание гласности «сверху» подразумевало параметры управления и заранее ограниченные допустимые пределы. «Управляемая», или «дирижируемая», гласность позволяла одновременно решать несколько задач: содействовать росту популярности новой вариации «просвещенной монархии», организовывать режим безопасного выпуска «пара» разгоряченных общественными настроениями и направлять оружие гласности против консервативных кругов, тормозивших реформаторский процесс⁶. Так, например, государственную пользу гласности И. С. Аксаков объяснял следующим образом: «Гласность лучше всякой полиции, составляющей обыкновенно ошибочные и бестолковые донесения, объяснит правительству и настоящее положение дел, и его отношения к обществу, и в чем заключаются недостатки его распоряжений, и что предстоит ему совершить или исправить»⁷. В любом случае «обличение» превратилось в способ общественно-политической борьбы и сатирическая журналистика представляла для этого немалые возможности.

Именно в эту эпоху гласности, «обличительного направления» и даже, по определению некоторых современников, «умственной революции» рождается самое значительное явление в истории русской иллюстрированной сатирической журналистики 1860-х гг. – издание «Искра». Журнал «Искра», издававшийся с 1859 г., стал результатом творческого союза художника-карикатуриста Н. А. Степанова и поэта и фельетониста В. С. Курочкина. Весьма примечательно, что создатели нового журнала с самого начала видели в качестве своей главной цели появление в России издания, аналогичного западноевропейскому типу журнала с карикатурами, которое могло бы со временем на равных конкурировать с зарубежной прессой и таким образом содействовать национальным потребностям развития. В ходатайстве перед цензурным комитетом о разрешении журнала В. С. Курочкин и Н. А. Степанов писали: «Предпринимаемое нами издание «Искра – сатирическое обозрение» выражает заключающуюся в нем идею, резко отличающую его от других повременных изданий. У нас нет исключительно сатирического журнала, в котором бы литература и живопись шли рука об руку, взаимно объясняя и пополняя друг друга. Между тем потребность в издании такого рода давно чувствуется – доказательством тому служит успех, которым пользу-

ются в России сатирические иллюстрированные обозрения, издаваемые во Франции, Англии и других государствах. Если сатира чуждой нам цивилизации встречается в нашем обществе сочувствие, значит, необходимость национальной сатиры им сознана, и художественно-литературное воспроизведение смешных и темных сторон нашей действительности удовлетворит одной из его настоятельных потребностей»⁸.

В объявлении о начале издания «Искры» цель журнала определялась как «непрерывно продолжающееся преследование общественных аномалий». Н. А. Степанов и В. С. Курочкин смогли объединить вокруг «Искры» молодых и деятельных людей. С журналом в разные годы сотрудничали: Н. Л. Ломан, Г. Н. Жулев, А. В. Дружинин, С. Максимов, В. П. Буренин, Я. П. Полонский, Б. Н. Алмазов, Н. А. Лейкин, П. И. Якушкин, Л. И. Пальмин, Д. В. Григорович, П. А. Каратыгин, М. Л. Михайлов. В художественном отделе «Искры», кроме карикатур Н. А. Степанова, помещались также сатирические рисунки А. М. Волкова, С. А. Любовникова, А. И. Лебедева, А. Н. Бордгелли, В. Р. Щиглева. С конца 1864 г. после ухода из «Искры» Степанова главным карикатуристом журнала в течение двух лет был Н. В. Иевлев.

«Искра» возникла как печатный орган радикально-демократического течения общественной жизни, по своим идейным позициям она была близка «Современнику» Н. А. Некрасова и Н. Г. Чернышевского. Острые и едкие фельетоны, злободневные и колкие карикатуры на ее страницах сделали настоящей визитной карточкой периодического издания. Неспроста современники часто сравнивали «Искру» с «Колоколом» А. И. Герцена. По их мнению, этот сатирический журнал являлся ничем иным, как «"Колоколом" в России». Русский писатель, драматург и журналист П. Д. Боборыкин прямо заявлял, что «Искра» «играла в Петербурге как бы роль "Колокола"»⁹.

Обличительная сила статей и заметок «Искры», направленных против различных «темных сторон» российской административной машины, была столь велика, что многие чиновники боялись оказаться «пропечатанными» в сатирическом журнале. Это тоже служило основанием для сравнения «Искры» с «Колоколом». По словам А. М. Скабичевского, «Искра сделалась грозой для всех, у кого была нечиста совесть, – и попасть в «Искру», упечь в «Искру» – были самыми обыкновенными выражениями в жизни шестидесятих годов»¹⁰. Литературный критик П. И. Вейнберг отмечал: «В настоящее время нельзя себе представить, как жадно набрасывалась эта публика на каждый номер «Искры», какой авторитет завоевала она себе на самых первых порах, как боялись ее все, имевшие основание предполагать, что они могут попасть или под карандаш ее карикатуристов, или под перо ее поэтов и прозаиков...»¹¹.

Н. А. Степанов, создавая свои талантливые и злободневные карикатуры, которые буквально ходили по рукам и перепечатывались в других сатирических изданиях, многое заимствовал из западноевропейских журналов. Он прекрасно понимал, что политическая карикатура в России еще не развита и делает первые робкие шаги. Именно поэтому редактору «Искры» были по-настоящему необходимы эталоны. По свидетельству историка карикатуры С. Трубачева, «главными помощниками Степанова в «Искре» были... иностранные карикатурные журналы – «Journal Amusant», «Charivari», «Punch», «Fliegende Blätter»¹².

Основная масса фельетонов и карикатур в «Искре» имела, прежде всего, социальное звучание и ее предметом были явления внутренней политики и общественной жизни. Тем не менее «Искра» обращалась и к зарубежным событиям. Основной темой «направленного осмеяния» была политика английского и французского колониализма; журнал всегда пытался встать на сторону слабых, притесняемых стран и национальных меньшинств. Осуждению подвергались милитаризм, шовинизм и захваты чужих территорий. С 1868 г. в «Искре» появился специальный раздел для событий международной жизни «Заметки со всех концов света».

Карикатуры «Искры» затронули тему угнетения балканских народов Османской империей при поддержке Англии, Франции и Австрии. Так, на одной из карикатур Степанова изображена Турция, избивающая палкой славян. Наблюдателями сцены являются две аллегорические фигуры, изображающие Современность и Англию (Альбион). «Современность» удивлена: «Непостижимо, сэр, за что вы любите эту отжившую старуху, посмотрите, как она жестоко колотит детей своих. Положительно надо отнять их». На это Альбион возражает: «Вы ошибаетесь – она ласкает их».

Вообще же немногочисленные карикатуры «Искры», посвященные Восточному вопросу, явно выдают стремление откликнуться на тему, продолжавшую волновать русское общество со времен Крымской войны. Сатира журнала была направлена на зависимость политики Османской империи от Англии и Франции, предпринимающих постоянные усилия по экономическому закабалению своей «подопечной». Так, в одном из номеров за 1859 г. редакция поместила фельетон «Жалобы черного евнуха», написанный в форме послания служителя турецкого гарема редактору «Искры». Герой, он же автор письма, жаловался на неуправляемых жен султана, которые никак не могли уразуметь новой политики и продолжали по-старому расточать денежные средства на предметы роскоши. Дело якобы дошло до того, что «черный евнух» решил бросить свою службу и гласно, причем именно через российскую прессу, искать себе замену. Герой фельетона обнаруживал понимание политических истоков своих невзгод на службе в султанском гареме:

«Служба моя сделалась решительно невыносима с тех пор, как нелегкая подтолкнула наших милых союзниц Англию и Францию обратить внимание Его Величества на экономические вопросы... Франция с Англией дали понять Его Величеству, что продолжать дело так, как было при его покойном батюшке, решительно невозможно, а то ведь и государственная казна, того и гляди, как раз лопнет!»¹³

Опубликованный «Искрой» фельетон был одним из проявлений общей тенденции рассматривать Османскую империю, истощенную войнами и карательными акциями в отношении покоренных народов, как «больного человека», лечить которого взялись корыстные и некомпетентные «доктора» – европейские страны, выступающие кредиторами с каждым днем беднеющей страны. В таком же направлении выдержана карикатура «Продукты Турции». Это рисунок из серии изображений, объединенных одним замыслом – передать впечатления русского обывателя, оказавшегося на Всемирной выставке 1862 года в Лондоне. Серия карикатур была помещена в «Искре» под названием «Очерки Лондонской выставки, Ивана Ивановича Н., пополненные заметками некоего поморного “Шаривари”». Иван Иванович посещает отделы разных стран, демонстрирующих на выставке в Лондоне свои достижения промышленного развития, а карикатурист («поморный Шаривари») сопровождает короткие рассказы рисунками под названиями: «Продукты Австрии», «Продукты Франции» и т.д. Наконец, ему представляют «Продукты Турции»: но Турция смогла выставить только «деревянного солдата, который может служить сколько угодно, не получая жалованья»¹⁴.

Карикатуристов «Искры» занимал также вопрос о судьбах Ионических островов, находившихся под покровительством Англии, но обнаруживших сильное стремление к соединению с Грецией. Видимо, редакция не испытывала симпатии к политике обеих стран. Карикатура «Альбион и Грек»¹⁵ представляла сделку или сговор между двумя странами. Персонажи рисунка представляют собой антропоморфные образы «этнических карикатур»: Англия в виде феминного образа «Девы Британии» – Альбиона, известного со времен Римской империи¹⁶, Грек – в виде маскулинного образа типичного представителя греческой торговой элиты. «Дева Британия» изображена не в свойственной самим англичанам возвышенной манере (прекрасная, благородная, гордая и независимая античная богиня), а в иронично-сниженной версии, часто встречающейся, например, у французских карикатуристов (что лишний раз обнаруживает хорошее знакомство художников «Искры» с французским изданием «Шаривари»). Сюжет карикатуры заключается в передаче Альбионом Греку символического пакета с орешками, на котором видна надпись «Ионические острова». Альбион спрашивает: «Любите

ли вы эти орешки?». Грек отвечает: «Еще бы не любить; мы давно к ним подбираемся». Англия обнаруживает удивительную уступчивость: «Ну, так я отдам их даром, только позвольте оседлать себя: мне ужасно хочется объездить вас». Таким образом, карикатурист констатировал дальнейшие усилия Британии по планомерному захвату позиций в управлении Восточным вопросом: она находит себе новых послушных «друзей», на сей раз – Грецию, успевшую позабыть о дружеских связях с Россией. На другой карикатуре тема получила дальнейшее развитие. На сей раз Англия изображена в виде маскулинного образа типичного английского обывателя Джона Булля. Альбион обеспокоен буйным поведением Грека, рядом с которым мирно спит представитель Ионических островов: «Goddam! Чтоб он только *другого* не разбудил»¹⁷. Читателю оставалось догадаться, что этот «другой» – южнославянские народы Османской империи.

Внешнеполитическая тематика сатирических публикаций «Искры» в значительной мере определялась радикально-демократической направленностью издания, его изначальной близостью к идеалам Н. Г. Чернышевского. Критика внешней политики зарубежных стран никогда не рассматривалась «Искрой» как способ противопоставить ей справедливость российской позиции и даже напротив – скорее использовалась для установления возможных параллелей. При этом под сатирический удар могли попасть и неумеренные или нелепые в своих крайностях (на взгляд редакции «Искры») общественные настроения по поводу вопросов международной жизни. В этом отношении весьма показательна карикатура С. В. Максимова из серии «Предсказания «Искры» на 1868 год» под названием «В Петербурге дан будет большой обед». Сатира была направлена в адрес Славянского съезда, проходившего в Москве в 1867 г. параллельно с этнографической выставкой. Художник посмеялся над несовпадением риторики славянского единства и «онемеченной» культуры участников съезда: «В Петербурге дан будет, в одной из славяно-сербских кухмистерских, большой обед в память годовщины прибытия к нам славянских братьев. Общим разговорным языком будет немецкий, на котором и будут, запивая рейнвейном, ругать немцев»¹⁸.

Во второй половине 1860-х гг. журнал «Искра» переживал достаточно сложные времена, а к началу 1870-х гг. его влияние постепенно стало ослабевать. Между тем появившиеся еще в середине 60-х гг. XIX в. новые сатирические журналы («Заноза», «Оса») стали теснить лидерские позиции «Искры». В апреле 1864 г. Н. А. Степанов подал в цензурный комитет ходатайство о разрешении на издание нового сатирического журнала с карикатурами. Так, в 1865 г. появился журнал «Будильник». Следующим шагом к снижению популярности «Искры» стал вынужденный от-

каз ее редакции от раздела с карикатурами. Это казалось необходимым В. С. Курочкину для того, чтобы избежать предварительной цензуры. Новые временные правила о печати 1865 г. предполагали замену предварительной цензуры системой «предостережений», выносимых после публикации материалов в прессе. Однако эти правила не распространялись на иллюстрированные издания. Таким образом, стремление добиться более благоприятных условий в цензурном плане привело к полному отказу «Искры» от карикатур, начиная с 1870 г., но главным фактором, определившим «затухание» «Искры», было изменение общественно-политической ситуации в стране.

Одним из соперников «Искры» в вопросе завоевания симпатии читателей был сатирический журнал «Заноза»¹⁹. Если «Искра» была главным сатирическим журналом радикально-обличительного направления, то «Занозу» следует отнести к умеренно-обличительному направлению. «Заноза» выходила в Петербурге в 1863–1865 гг. Издателем и редактором журнала был М. П. Розенгейм, получивший известность в России в качестве автора обличительных стихов²⁰, давших почву для едких литературных пародий в его адрес со стороны Н. А. Добролюбова. По своим воззрениям редактор «Занозы» был славянофилом, но в отличие от И. С. Аксакова «довольно умеренного толка»²¹. В статье «Стихотворения Михаила Розенгейма» А. В. Дружинин обвинял поэта в многословии и скудости поэтического дарования, делая вывод, что «ни временный успех, ни некоторая полезность издания еще не могут служить писателю поощрением к дальнейшей деятельности, когда в написанных им стихотворениях нет того, что и должно составлять их право на существование, т. е. поэзии»²². Критика А. В. Дружинина распространялась на эстетическую, собственно художественную составляющую творчества М. П. Розенгейма. С других позиций выступил Н. А. Добролюбов. Он видел в обличительном направлении Розенгейма своего рода «перевертыш», извращающий самую суть общественных обличений, используемый в реакционных интересах. Следует заметить, что первоначально «Заноза» действительно задумывалась как противовес герценовскому «Колоколу», а самого Розенгейма некоторые современники даже относили в разряд агентов III Отделения.

М. П. Розенгейм старался в первую очередь ориентироваться на опыт английского сатирического издания «Punch». В отличие от «Искры» и ряда других сатирических изданий журнал Розенгейма уделял больше внимания внешнеполитическому аспектам²³. Это очень расположило российского читателя к новому изданию. Кроме того, в качестве приложения продавались листы карикатур, некоторых из которых полностью были ориентированы на внешнюю политику, и это в немалой степени способствовало успеху сатирического издания²⁴. Уже первое такое приложение затронуло внешнеполитический аспект и назы-

валось «Литературные типы. Приложение для читателей «Занозы», необходимое для уразумения отдела иностранной политики»²⁵. Карикатура была несколько необычной. Она представляла карту Европы, состоящую из героев литературных произведений. Так, Российская империя представляла в лице Молчалина, за которым угадывался министр иностранных дел князь А. М. Горчаков; Австро-Венгрия была представлена Чичиковым, который играл роль министра-президента Австрийской империи Иоганна Рейхберга; крепкий помещик и хозяйственник Собакевич изображал главу внешней политики Великобритании Пальмерстона; Бисмарк явился в образе Скалозуба, а Наполеон III предстал Загорецким. Издание этой карикатуры закончилась для «Занозы» достаточно плачевно. Сразу после ее выхода французский посол в России разразился гневным протестом, в результате чего цензоры вынуждены были карикатуры задержать.

Несмотря на подобную реакцию цензуры и французских дипломатов, «Заноза» взяла себе за правило размещать на своих страницах карикатуры, высмеивающие французскую политику в Новом Свете, в частности в Мексике. В 1863 г. этой теме были посвящены несколько карикатур. Одна из самых значимых называется «Ничего не поделаешь»²⁶. Читателю представлен французский полководец и император Наполеон I Бонапарт. Однако на рисунке он выглядит как потенциальный покоритель Мексики. Налицо все атрибуты бывшего императора: знаменитая шляпа, ботфорты, серая шинель, но читатель может разглядеть, что из-под знаменитой треуголки язвительно проглядывается острая бородка племянника прежнего великого императора Наполеона III. При этом автор карикатуры удачно использовал одну деталь. Если Наполеон I, разбитый в России, возвращался пешком, опираясь на палку, которую ему раздобыл маркиз Коленкур, то и на данной карикатуре Наполеон III изображен возвращающимся из Мексики и тяжело опирающимся на трость. Прямая аналогия с походом на Россию выполняла функцию пророческого предупреждения, адресованного новой Французской империи.

Карикатуристы «Занозы» направляли «оружие смеха» против зарубежных государств и в защиту внешнеполитических приоритетов Российской империи. Показательны в этом отношении две связанные между собой карикатуры «Ясное намерение»²⁷ и «Возможный исход»²⁸. На первом рисунке Российская империя представлена в устойчивом в Европе образе медведя. Главным противником России на этих карикатурах выступала опять же Франция. Несколько неожиданно образ Франции был предложен читателю в виде льва, который всегда и во всех карикатурных эстампах был олицетворением Великобритании. В данном случае карикатуры «Занозы» представляли собой неудачную попытку Франции изменить результаты наполеоновских войн, или, как изобразил

художник, пересмотреть трактаты 1815 г. Читатель без труда узнавал Наполеона III под личиной льва, вытаскивающего, как одеяло, трактаты 1815 г. из-под зверей, олицетворяющих Священный союз. Россия представлена в образе медведя, а Австрия и Пруссия в виде собак. Совершенно очевидно, что союз Российской империи, Австрии и Пруссии (Священный союз) оказался серьезной силой, с которой непредсказуемой Франции в одиночку не справиться. Результатом этой борьбы стало не только перетягивание дипломатического «одеяла». Французский лев на второй карикатуре после выдержанных им потасовок представлял собой уже не царя зверей, а порядочно подранную и взлохмаченную зверину.

Немало на страницах «Занозы» доставалось «цивилизаторской» политике Великобритании и Франции в отношении африканских и азиатских народов. Объектом сатиры и карикатурных изображений была и Османская империя. Вообще, начиная с 60-х гг. XIX в., образ Турции как «больного человека» все чаще появляется на страницах сатирических изданий. Уже в первом своем номере «Заноза» опубликовала карикатуру «Цветущее состояние Турции», изображающую ее как марионетку в руках премьер-министра Великобритании Г. Пальмерстона. Текстовое сопровождение заимствовано из речи английского политика: «Ни одна из европейских держав не сделала на своем пути таких успехов на пути прогресса, как Османская империя»²⁹. Художник-карикатурист подразумевал, что Турция выполняет все прихоти Туманного Альбиона в вопросах как внутренней, так и внешней политики.

Внешнеполитическая тематика сатиры «Занозы» вызвала неоднозначные общественные отклики, в том числе и критические. Последовала критика со стороны Н. А. Добролюбова, который заявлял: «...Русская печать ужасно либеральна и даже радикальна и чрезвычайно требовательна... Она направо и налево сыпала обвинениями и швыряла камни осуждения в европейские дела, как самый компетентный судья, руководствующейся высокими государственными идеалами, совершенно забывая святое правило, что камни осуждения может бросать только тот, кто сам безгрешен...»³⁰. Добролюбов полагал, что «Заноза» напрасно и бездумно противопоставляет Святую Русь как опору «царских тронов» и «алтарей» «хилому старику» – Западной цивилизации.

Само по себе столкновение позиций М. П. Розенгейма и Н. А. Добролюбова примечательно как пример различного понимания не только патриотизма, но и гласности, и смысла, и значения «обличительного направления» в публицистике и журналистике. Для Н. А. Добролюбова задача состояла в обличении отживших порядков и общественных явлений как в России, так и за рубежом, с целью освобождения дороги прогрессивным идеям современности. М. П. Розенгейм использовал пафос сатиры для разоблачений пагубы

ложно-прогрессивных идей «безначалия» и «безверия» и защиты политики Российской империи от ее внутренних и внешних врагов. Кроме того, сатирическое обличение отдельных недостатков государственного бытия (взяток, произвола, бюрократизма и т.п.), с точки зрения Розенгейма, в конечном счете, содействовало росту престижа самодержавной власти, возглавлявшей борьбу с этими пороками. Некоторая доля дерзости карикатур «Занозы», направленных в значительной степени на события международной жизни, возможно, определялась негласной поддержкой издания «в верхах». Кроме того, важно отметить одну тенденцию: «Заноза» в каком-то смысле предвосхитила будущий отказ сатирической журналистики от обличений общественного зла внутри страны и перенос внимания на внешнеполитическую составляющую.

С конца 1860-х гг. начинается новый период в развитии русских сатирических журналов с карикатурами. В 1870-е гг. в России читали журналы «Будильник», «Стрекоза», «Развлечение», «Маляр», «Свет и тени». В специальной литературе, посвященной истории отечественной журналистики, распространено мнение о низком качестве «нового поколения» иллюстрированных сатирических журналов³¹. Снижение уровня политической карикатуры и ее обличительной силы, действительно, было неизбежным явлением в конкретно-исторических условиях второй половины 1860 – начала 1870-х гг. Рост политического радикализма, с одной стороны, и правительственной реакции, с другой, переоценка реформаторских надежд и планов, вживание в новую пореформенную действительность, в которой обнаруживались все новые недостатки, вызывали общественное охлаждение к первоначальному энтузиазму обличительных настроений. Отказавшись от проблем внутренней политики и общественной жизни, политическая карикатура сохраняла возможность развития в сфере внешней политики и международной жизни. Именно в эту сферу естественным образом перенаправлялось обличительное направление сатирической журналистики. Такое явление не было исключительно российским. Точно так же в период второй империи во Франции сатирические журналы, ограниченные в возможности высмеивать внутреннюю политику своего правительства, обрушивали огонь критики на международную политику других стран. В России политическая карикатура на страницах сатирических журналов обрела новое дыхание в период Восточного, или Балканского кризиса середины 1870-х гг.

Примечания

¹ Ямпольский И. Г. Сатирическая журналистика 1860-х годов. Журнал революционной сатиры «Искра» (1859–1873). М. : Художественная литература, 1964. С. 9.

- ² См.: Библиография // Современник. 1858. № 9. С. 82.
- ³ См.: Русская периодическая печать (1702–1894) : справочник / под ред. А. Г. Дементьева, А. В. Западова, М. С. Черепанова. М. : Государственное издательство политической литературы, 1959. С. 360.
- ⁴ Воронов М. Московская литературная (Из записок умершего литератора) // Русское слово. 1864. № 4. С. 291.
- ⁵ Цит. по : Ямпольский И. Г. Сатирические и юмористические журналы 1860-х годов. Л. : Издательство Ленинградского университета, 1973. С. 34.
- ⁶ См.: Морозова Е. Н. Н. А. Милютин : замыслы и результаты (от полицейской реформы к созданию проектов эффективного местного управления). Саратов : Издательство Саратовского университета, 2019. С. 65–73.
- ⁷ Аксаков И. С. Передовая статья // Парус. 1859. № 1. С. 2.
- ⁸ Цит. по : Ямпольский И. Г. Сатирическая журналистика 1860-х годов... С. 73.
- ⁹ Боборыкин П. Д. Воспоминания : в 2 т. М. : Художественная литература, 1965. Т. 1. С. 191–192.
- ¹⁰ Скабичевский А. М. История новейшей русской литературы. СПб. : Тип. газеты «Новости», 1891. С. 492.
- ¹¹ Вейнберг П. И. Безобразный поступок «Века». Из моих литературных воспоминаний // Исторический вестник. 1900. № 5. С. 476.
- ¹² Там же. С. 127.
- ¹³ Жалобы черного евнуха // Искра. 1859. № 8. С. 79–80.
- ¹⁴ Очерки Лондонской выставки, Ивана Ивановича Н., пополненные заметками некоего поморного «Шаривари» // Искра. 1862. № 34. С. 449.
- ¹⁵ См.: Альбион и Грек // Искра. 1862. № 45.
- ¹⁶ См.: Лескинен М. В. У истоков антропоморфных и зооморфных репрезентаций наций и государств в европейской культуре // Люди, львы, орлы, куропатки... Антропоморфные и зооморфные репрезентации наций и государств в славянском культурном дискурсе : сборник научных статей / ред. М. В. Лескинен, Е. А. Яблоков. М. : Институт славяноведения РАН, 2020. С. 8–11.
- ¹⁷ Чтобы он только другого не разбудил... // Искра. 1862. № 47. С. 642.
- ¹⁸ Предсказания «Искры» на 1868 год // Искра. 1868. № 1. С. 12.
- ¹⁹ Русская периодическая печать... С. 438.
- ²⁰ См.: Ясинский И. И. Роман моей жизни : Книга воспоминаний : в 2 т. М. : Новое литературное обозрение, 2010. Т. 1. С. 98.
- ²¹ См.: Русские писатели. Библиографический словарь / отв. ред. П. А. Николаев : в 2 т. М. : Просвещение, 1990. Т. 2. С. 198.
- ²² Дружинин А. В. Стихотворения Михаила Розенгейма // Библиотека для чтения. 1858. № 12. С. 39.
- ²³ См.: Ямпольский И. Г. Сатирические и юмористические журналы... С. 70.
- ²⁴ См.: Русская периодическая печать... С. 439.
- ²⁵ Штакельберг Ю. И. К истории журнала «Заноза» // Освободительное движение. 1973. № 3. С. 97–103.
- ²⁶ Ничего не поделаешь... // Заноза. 1863. №21. С. 198.
- ²⁷ Ясное намерение // Заноза. 1863. №48. С. 458.
- ²⁸ Возможный исход // Заноза. 1863. №48. С. 459.
- ²⁹ Цветущее состояние Турции // Заноза. 1863. №1. С. 4.
- ³⁰ Цит. по : Ямпольский И. Г. Сатирические и юмористические журналы... С. 72.
- ³¹ См., например : Ямпольский И. Г. Сатирическая журналистика 1860-х годов... С. 532.

Поступила в редакцию 06.05.2021, после рецензирования 28.05.2021, принята к публикации 30.06.2021
Received 06.05.2021, revised 28.05.2021, accepted 30.06.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 448–454

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 448–454

<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-4-448-454>

Научная статья

УДК 94(47)+929 Устрялов

«Открывается панорама подлинно новой эпохи» (советский «эксперимент» в трактовке Н. В. Устрялова)

В. А. Митрохин

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Митрохин Владимир Алексеевич, доктор исторических наук, профессор кафедры политических наук, MitrokhinVA@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3067-0489>

Аннотация. В статье рассматривается общественная и политическая позиция яркой персоны российской эмиграции «первой» волны Николая Васильевича Устрялова. На материале разнообразных источников проанализировано его отношение к ключевым вопросам государственного строительства, сформировавшееся под влиянием радикальной социально-политической трансформации в России. Важнейшие среди них – восстановление государственности России в новых исторических обстоятельствах, сущность и эволюция большевизма, культурная и мировоззренческая ориентация интеллигенции, место и роль СССР в условиях обострения международных отношений и угрозы фашизма.

Ключевые слова: революция, большевизм, власть, СССР, идеология, эмиграция, интеллигенция

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект «Народный контроль в системе советской демократии: институционализация, формы и методы осуществления, проблемы преемственности» № 21-011-43027).

Для цитирования: Митрохин В. А. «Открывается панорама подлинно новой эпохи» (советский «эксперимент» в трактовке Н. В. Устрялова) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 448–454. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-4-448-454>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

“A panorama of a truly new era opens” (Soviet “experiment” in the interpretation of N. V. Ustryalov)

V. A. Mitrokhin

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Vladimir A. Mitrokhin, MitrokhinVA@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3067-0489>

Abstract. The article examines the public and political position of an outstanding personality of the Russian emigration of the “first” wave of Nikolai Vasilyevich Ustryalov. On the basis of various sources, his attitude to key issues of state construction, formed under the influence of a radical socio-political transformation in Russia, is analyzed. The most important among them are the restoration of Russian statehood in new historical circumstances, the essence and evolution of Bolshevism, the cultural and worldview orientation of the intelligentsia, the place and role of the USSR in conditions of aggravation of international relations and the threat of fascism.

Keywords: revolution, Bolshevism, power, USSR, ideology, emigration, intelligentsia

Acknowledgements: This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project “The people’s control in the system of a Soviet democracy: institutionalization, forms and methods of implementation, problems of continuity” No. 21-011-43027).

For citation: Mitrokhin V. A. “A panorama of a truly new era opens” (Soviet “experiment” in the interpretation of N. V. Ustryalov). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 448–454 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-4-448-454>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Событием, радикально изменившим ход мировой истории XX в., стало крушение Российской империи и последовавшая вслед за этим трансформация общественного уклада, всей социально-политической системы страны. Итогом этих невиданных социальных изменений стало

рождение Советского Союза – государства, оказавшего беспрецедентное влияние на мировой общественно-политический процесс.

Став влиятельным игроком в мировой геополитике, СССР, разумеется, не был обделен вниманием как со стороны друзей, так и со сто-

роны противников. Ускоренная модернизация экономики, победа во Второй мировой войне, непревзойденные достижения в науке, технике, освоении космоса – все это и многое другое вызвало пристальный интерес и разнообразную реакцию во всем мире.

Любопытно, что и после самоликвидации страны в 1991 г. интерес к советскому проекту не только не ослаб, но и усилился. Однако здесь, наряду с вполне добросовестными попытками «докопаться» до истины, разобраться в хитросплетениях советского времени, стала просматриваться линия на тотальное шельмование, очернение, «ревизию» прошлого. Увы, история в очередной раз стала «полем брани» и заложницей информационного, культурного и психологического противостояния разных центров силы. На наш взгляд, в рамках этой незатухающей и общественно значимой дискуссии особый интерес представляют свидетельства непосредственных участников тех или иных исторических событий, документы и материалы, связанные с их деятельностью.

К числу ярких персон, заставших время качественных изменений российской государственности, без сомнений, относится выдающийся русский мыслитель, профессор и общественный деятель Николай Васильевич Устрялов. Его общественная позиция сформировалась под влиянием бурных событий Гражданской войны и последовавшим вслед за ней советским строительством. Будучи сторонником «белой борьбы», Н. В. Устрялов принимал самое деятельное участие в работе Омского правительства. Позже, применительно к этому периоду своей жизни, он писал: «Я активно прошёл его (путь. – В. М.) до конца со всей верой, со всей убеждённостию в его спасительности для родной страны»¹.

К началу 1920 г., уже после падения правительства А. В. Колчака, Н. В. Устрялов перебирается в Харбин, где и приходит к выводу о необходимости прекращения гражданского противостояния в России. Без двусмысленностей эта позиция нашла отражение в статье «Перелом» в сборнике, посвященном генералу А. А. Брусилову. Автор писал: «Выясняется с беспощадной несомненностью, что путь вооружённой борьбы против революции – бесплодный, неудавшийся путь. Жизнь отвергла его»². В статье «Врангель», обращаясь к самому генералу и его сторонникам (включая П. Б. Струве), Н. В. Устрялов призывает избежать «крымской Вандеи», «новых потоков русской крови». С его точки зрения, именно поддержка просоветской линии генерала А. А. Брусилова могла бы стать «праздником и настоящим национальным счастьем». Интересы страны требуют встать на путь примиренчества – «трудный, жертвенный, не сулящий чудес, но необходимый»³.

Следует отметить, что ядром политической позиции Н. В. Устрялова, начавшей складываться

еще до Крымской катастрофы, стала мысль о национальном характере русской революции, несмотря на декларируемый интернационализм. Это нашло отражение в легендарном сборнике «Смена вех», одним из авторов которого он был. Причудливая диалектика истории, утверждал Устрялов, неожиданно выдвинула советскую власть «на роль национального фактора современной русской жизни», «окружила большевизм известным национальным ореолом, по существу чуждым его природе». На этом фоне антибольшевистский национализм «на практике потускнел и поблек, вследствие своих хронических альянсов и компромиссов с так называемыми союзниками»⁴.

Кризис идеологии антибольшевистского лагеря, превратившегося в «нестройную многоголосицу беспочвенных и враждующих “общественных течений” актуализировал задачи другого пути – преодоления революции через саму себя. В статье «Над бездной», написанной под впечатлением Кронштадтского восстания, Устрялов утверждал, что жизнь вынудит «красный центр» включиться в национальную работу по решению задач, стоящих перед страной. «Доктринерство и утопизм имеют свои пределы... разрушение старого закончилось... нужен экономический Брест, только быстрый и трезвый учёт властью господствующих настроений может спасти страну от окончательной катастрофы и неслыханного распада»⁵.

Таким образом, по убеждению ученого, изживание химеры коммунизма («обмирщение красной церкви»), освобождение от крайностей «зенитного» периода и переход общественного развития в созидательное русло дает шанс на будущий «ренессанс»⁶. Продолжение же ортодоксального коммунистического эксперимента «грозит свести на нет все, воистину блестящие, политические достижения Советской власти за эти три с половиной года»⁷.

Какой же в этой обстановке должна быть позиция патриотически настроенной общественности? Н. В. Устрялов так отвечает на этот вопрос: «Создавшееся положение повелительно диктует русским патриотам ликвидацию тактики саботажа и всемерное сотрудничество с революционной властью, несмотря на её красную оболочку»⁸.

Наряду с критикой разных проявлений антибольшевистской борьбы с начала 20-х гг. профессор Устрялов все большее внимание уделяет анализу деятельности советского режима, пытается прогнозировать его будущее. С его точки зрения, важнейшими элементами в рамках «органического самоопределения» нового политического порядка должны были стать: а) сильная диктаторская власть, опирающаяся на армию и кадры, выдвинутые самой революцией; б) внешняя политика, направленная на достижение реальной связи с иностранными державами, создание условий, благоприятствующих привлечению иностранного капитала; в) абсолютное отрицание

реставрации старого порядка и сопровождавших его институтов и сословий; г) постепенное отмирание коммунистической догматики в рамках осуществления практической политики.

Эта программа «завершения затянувшейся революции» и, по мнению автора, во многом повторявшая мотивы белого движения 1919 г., была вполне способна вывести страну на путь «здорового и плодотворного развития»⁹.

Следует отметить, что тема «обмирщения коммунистической «церкви» как необходимого условия достойного будущего постоянно присутствовала в публикациях Н. В. Устрялова. В одной из статей, которая так и называется – «Обмирщение», он писал: «Дух жизни» рвется из всех щелей, преображая идею и покоряя ее себе. Это обмирщение – есть истинно действенная глубоко плодотворная самокритика русской революции»¹⁰. Необходимая органичность государства не может быть достигнута с помощью «канонизированных коммунистических схем». Сама жизнь заставит уйти в прошлое такие догматы «коммунистической церкви» как «перманентная революция», «мировая революция» и необходимый, по мнению некоторых, «отказ от Отечества».

Очень характерен в этой связи спор Н. В. Устрялова с профессором А. С. Яценко, призывавшим отказаться от Отечества (национальных интересов. – *В. М.*) во имя интересов человечества. По мнению Н. В. Устрялова, превращение мира «в одно хозяйственное целое не должно убивать ни национальных культур, ни национальных особенностей», «интернационал» по самому смыслу этого термина есть не уничтожение наций («нивелировка», «единый человеческий народ»), а установление постоянной и положительной связи между ними¹¹.

Другую крайность в планах обустройства российского будущего, связанную с либерализацией западного образца, Н. В. Устрялов также отторгал. По его мнению, «запад утратил органичность государства», а сама «формальная парламентская арифметическая западная демократия» не отражает «содержания народной жизни», «характера народных переживаний» и «устремлений национальной культуры»¹².

Для решения сложнейшей задачи строительства будущей России «нужен прорыв в иной план исторического бытия и культурно-национального самосознания»¹³. С точки зрения профессора, эта задача будет непременно решена: «России самой удастся создать культурно-государственный тип, авторитетный для запада»¹⁴.

Важнейшим условием «возрождения старой мощи» должно было стать использование новых сил, вышедших из революции, «активного авангарда, разбуженного взрывом и прошедшего столь изнурительную школу за страдные годы революционной борьбы»¹⁵.

Нетрудно предположить, что «соглашательская», по мнению многих, позиция Н. В. Устря-

лова получила широкий отклик. Профессору приходилось отстаивать свои убеждения (по сути вести идейную борьбу) на разных фронтах политического пространства как внутри страны, так и за ее пределами – в российском зарубежье.

После выхода в свет сборника статей Н. В. Устрялова «В борьбе за Россию»¹⁶ в белоэмигрантской газете «Общее дело» вышла разгромная статья «Приспособление или протест». Ее автор, отражая позицию редакции, истолковал любые попытки примирения с большевиками как «тягчайшее преступление и против великой России, и против русской государственности». Сам автор нашумевшей книги по сути был обвинен в идеализме и непонимании экономических последствий большевистской политики. Утверждалось, что эти последствия «неизбежно приведут к интервенции и расчленению страны»¹⁷.

Справедливости ради следует отметить, что Н. В. Устрялов всегда придавал важное значение экономической составляющей в государственном строительстве. Например, в статье «Сменевехизм» он писал: «Цель и спасение состоит в том, чтобы оздоровление страны было направлено в русло спокойной экономической эволюции»¹⁸. Важность изменения экономической политики, налаживания хозяйства, задачи раскрепощения производственных сил были определены им еще в 1921 г. В очередной раз изобличив «хищеру коммунизма» уже в сфере хозяйствования, Устрялов отметил недопустимость «превращения страны в единую фабрику с центральным аппаратом производства и распределения»¹⁹.

Не могла остаться без внимания позиция сменевеховца Устрялова и со стороны лидера эмигрантских либералов П. Н. Милюкова. Редактируемая им газета «Последние новости» регулярно и, разумеется, критически освещала его деятельность. Духом полного неприятия «политики» Н. В. Устрялова пропитана изданная в Париже монография П. Н. Милюкова «Эмиграция на распутье»²⁰. Тема миропонимания оппонента в ней также присутствует.

В свою очередь, анализируя ситуацию в эмигрантском лагере, Н. В. Устрялов, в прошлом член партии кадетов, писал: «Основная ошибка Милюкова и его друзей состоит в том, что они еще ждут «призыва». А их вывод о «третьей революции» в корне ложен, зловреден с точки зрения интересов страны»²¹.

Постоянную полемику по вопросам «технических» общественных изменений в России–СССР, путей возвращения на Родину Н. В. Устрялов вел еще с одним бывшим политическим соратником по партии кадетов – П. Б. Струве. Последний, будучи непримиримым противником советской власти, опубликовал в газете «Руль» (ежедневная газета, выходила в 1920–1931 гг. в Берлине, редактировалась лидерами кадетской партии И. В. Гессеном и В. Д. Набоковым) критический материал в отношении национал-

большевизма и главного его идеолога. Ответ не заставил себя долго ждать. В том же 1921 г. (от 18 сентября) в «Новой жизни» появился «Ответ П. Б. Струве». Н. В. Устрялов, который упорно отстаивал идею дистанцирования советской власти от «догматического коммунизма», именно здесь обнаружил главное заблуждение своего идейного противника: «Решающая ошибка П. Б. Струве состоит в том, что он смешивает “большевизм” с “коммунизмом”»²².

Эта тема в контексте решающей роли русской интеллигенции в разрушении собственной страны получила дальнейшее развитие в статье «Интеллигенция и народ в русской революции»: «В большевиках и через большевизм русская интеллигенция преодолевает свой историческое отщепенство от народа и психологическое от государства»²³.

Следует отметить, что отстаивание идей «духовного возвращения интеллигенции на Родину», стремление ослабить накал антисоветских настроений в эмигрантской среде имели большое значение в общественно-политической и научной деятельности Н. В. Устрялова в начале 20-х гг. В статье «Три борьбы» им была предпринята попытка систематизации разных направлений антибольшевистской борьбы, охарактеризованы противники новой власти, дана оценка их политическим намерениям. Автор пришел к выводу, согласно которому все разновидности борьбы с революцией («белые», «зеленые» и т.д.) являются анахронизмами («России они решительно не нужны!»). В качестве альтернативы эмигрантской непримиримости предлагался путь поддержки разумных начинаний Советов («проснётся же когда-нибудь государственный инстинкт?»), что, по мнению ученого, совсем не означало потворство власти и принятие всех ее действий²⁴.

Известно, что качественные изменения в обществе, как правило, увязывают с энергичными действиями меньшинства и наличием признанного лидера. Примерно так случилось и в постимперской России. С точки зрения Н. В. Устрялова, успех большевизма в значительной степени был связан с «широтой кругозора» и «трезвостью реального политика» – лидера революции. В его представлении Владимир Ленин – «фантаст» и «практик» одновременно: «Подобно примерно «государю» Макиавелли он совмещает в себе качества льва и лисицы – в этом его сила и в этом успех большевизма»²⁵.

В своей работе «Памяти Ленина» Н. В. Устрялов отмечал, что Владимир Ульянов (Ленин) «был глубочайшим выразителем русской стихии в её основных чертах, ... несомненно русским с ног до головы» и волею исторических обстоятельств оказался орудием судьбы, радикально изменившим привычный порядок вещей²⁶. По сути возглавленная им русская революция, во-первых, коренным образом изменит политический и со-

циальный облик страны, принесет действительно новую жизнь; во-вторых, «оплодотворит» мировую историю, станет неотвратимым стимулом исторического прогресса; в-третьих, будучи порожденной национальной жизнью, революция в своем движении будет отражать национальные интересы и завершится органически, т. е. никакая внешняя, посторонняя ей сила не сможет прервать ее развития; в-четвертых, программа зенитного периода, принесшая стране столько разрушений, уже не повторится²⁷.

С начала 20-х гг. Н. В. Устрялов регулярно обращается к теме национального строительства в СССР, четко обозначенной еще в «Смене веков». В статье «Patriotica» легендарного сборника автор подчеркивал парадоксальную схожесть устремлений «интернационалистов» и «патриотов»: «Советская власть будет стремиться всеми средствами к восстановлению окраин с центром – во имя идеи мировой революции. Русские патриоты будут бороться за то же – во имя Великой и Единой России. При всём бесконечном различии идеологий, практически – путь один...»²⁸.

В статье «О советской нации» ученый выделяет два фактора, способствующие ее формированию. Во-первых, это поддерживаемая большевистской властью идея всечеловеческого объединения на началах социальной справедливости; во-вторых, романтика преобразования природы силой человеческого гения во имя благородных целей сообщества²⁹. Важными слагаемыми в деле консолидации «океана» народов, населявших страну, также являлись наличие единой государственности и власть идеи, обеспечивающей солидарность культурно-исторических устремлений народов.

Признавая позитивным движение в этом направлении, Устрялов отмечал, что решение столь масштабной задачи потребует времени и работы не одного поколения³⁰.

Тема «идеи-строительницы», а также сопряженной с ней идеологии, с разной степенью успешности влиявшая на народы, получила продолжение в статье «Пути синтеза (к познанию нашей эпохи)». 20–30-е гг. XX столетия в представлении профессора Устрялова стали временем не только хорошо известного по истории состязания народов, но прежде всего – соперничества идей, мировоззрений и, соответственно, связанных с ними путей развития. Одна из них – идея европейской буржуазной демократии. По мнению ученого, она являет собой «само оскорбление природы», «знак упадка и расслабленности»³¹.

Сокрушительным ударом по «европейским ценностям» стала прошедшая мировая война, «выигранная во имя «демократии» и ставшая «воплощением жадности, ссорившей из-за добычи государства»³². Дух зависти, отрицания, критиканства, отсутствие подлинного нравственного прогресса в полный рост поставили перед балканизированными европейскими народами

вопрос о власти и инструментах ее удержания (Право? Сила?)³³.

«Нужна идея, но её трагически не хватает нынешним европейцам... они живут среди обломков христианской культуры и держатся ещё только ими...»³⁴. Неизбежным следствием этого, считал Н. В. Устрялов, явилось отсутствие уверенности в завтрашнем дне и непредсказуемая будущность: «О, эти милые, уютные, наивные идеалы... Под ними хаос шевелится!»³⁵. Тем не менее, по его представлениям, попытки модернизации обветшалой идеи возможно ещё будут иметь место. В США, например, где президент Рузвельт «предпринял попытку легальной революции».

Наследником отмирающей буржуазной демократии в 20–30-е гг. стремился стать фашизм. Необходимо отметить, что это политическое течение пользовалось исключительной популярностью в Европе, постоянно находясь в центре общественной дискуссии. В русском эмигрантском сообществе к новой идее многие отнеслись скептически, особенно после объявленной Гитлером политики колонизации восточных земель (новый этап «*drang nach osten*»).

Признанным авторитетом в исследовании фашистской идеологии и практики был Николай Васильевич Устрялов. Его грамотная аналитика в отношении происходящего в фашистской среде, прежде всего в контексте сравнения с большевизмом, вызвала пристальный интерес в Европе, особенно в эмигрантской прессе. Издания разных политических ориентаций пытались разобраться в устряловском видении, как казалось некоторым, перспективной европейской идеи. Вот примеры лишь некоторых из публикаций, обращенных к этой теме: «О русском фашизме»³⁶ («Дни»), «Фашизм в понимании Н. В. Устрялова»³⁷ («Россия»), «Устрялов о Гитлере» («Последние новости») и др.³⁸

Какой же ученому виделась идея, стремящаяся занять свою нишу в европейской, а возможно, и глобальной картине мира? Прежде всего, она была для него радикально антихристианской. Даже в сравнении с большевизмом! «По содержанию своему фашизм представляет собой историческую силу более враждебную христианству, нежели большевизм... По внутренней сути он есть отступничество от живого Христа»³⁹.

С точки зрения Н. В. Устрялова, новая европейская идея не что иное, как «религия, носящая все признаки языческого мировосприятия и отмеченная печатью глубокой и трагической ущербности»⁴⁰. Так же было отмечено, что этот «поздний ренессанс языческих воззрений порочен» и являет собой «гигантский шаг назад по сравнению с христианской метафизикой единства и любви, эсхатологией всеобщего спасения»⁴¹.

Тем не менее очевидно, что фашизм оказался привлекательным для миллионов европейцев. За счет чего? Н. В. Устрялов по-своему попытался ответить и на этот вопрос: «Сила фашизма – в

интуиции конкретных социальных реальностей... Фашистская романтика остра и цепка, а сам фашистский этос насыщен текущим днём. Это – эмпиризм, порою чуткий и зрячий, но в конечном итоге бескрылый...»⁴². Именно «насушенная забота сегодняшнего дня», «шанс на улучшение земной жизни», как, вслед за Устряловым, отмечала эмигрантская газета «Россия» (редактор П. Б. Струве), определяли близкий и понятный европейскому обывателю социальный идеал фашизма⁴³.

Однако на самом деле при всей своей «фасадной жизни» и кажущейся привлекательности фашизм «реакционен, вызывающе шовинистичен» и непригоден для обустройства будущего⁴⁴.

С высоты ныне обретенного исторического опыта действительно пророческим выглядит предостережение Н. В. Устрялова, обозначенное задолго до суровых испытаний Второй мировой войны: «Фашизм – лукавое, двусмысленное орудие, способное обратиться против тех, кто им пытается владеть...»⁴⁵.

Еще одним мировоззренческим подходом, претендовавшим на глобальное влияние, была советская идея, облаченная в форму большевизма. Уже с 20-х гг. многие публицисты, исследователи и общественные деятели пытались сравнивать два этих взгляда на мироустройство будущего. Н. В. Устрялов обратил внимание на мысль Бенито Муссолини, сформулированную в 1924 г., о необходимости искать «синтез русского и итальянского опыта». Это, по мнению автора, выигранно отличало последнего от Гитлера с его «истинно ефрейторской философией русской революции»⁴⁶.

На самом деле в условиях кризиса общественного сознания, когда «люди, словно озверев от гуманизма, повернулись лицом к силе», фашизм и большевизм действительно практиковали очень схожие способы и технологии управления социумом: насилие, агрессивную пропаганду, «варварский авторитаризм» и т.д.⁴⁷

В некоторых проявлениях большевизм виделся даже более радикальным. Например, он был «вызывающе атеистичен» в сравнении с фашистской идеологией. Однако это лишь на первый взгляд, указывает Н. В. Устрялов: «В лозунгах всечеловеческого объединения, в идеологии бесклассового общества, где уже не будет роковой обусловленности сознания социальным бытием, большевизм невольно движется в атмосфере христианской культуры... если большевизм, в последнем счёте, своеобразно отстаивает социальные заветы христианской цивилизации, то фашизм предлагает существенно иную картину мира»⁴⁸.

Принципиальное различие двух предлагавшихся путей развития наблюдалось и в глубине осуществляемых преобразований. Если большевизм по-настоящему революционен не на словах, а на деле, «пусть дорогой ценой, но, несомненно, он открывает собой панораму подлинно новой эпохи», то фашизм организуется иначе⁴⁹. Он чуждается «революционной встряски», а лишь

перестраивает форму старого государства, острого ощущается менять его социально-хозяйственную сущность и тем самым недостаточен для спасения общества от межклассовых антагонизмов.

В статье «Новый град» профессор Устрялов, анализируя политическую ситуацию, писал следующее: «Гитлер утрачивает обаяние демагогической новизны и мечется между мощной властью монополистического капитала и давлением разношерстных масс»⁵⁰. Будущее же СССР представлялось ему вполне оптимистичным.

В своих «Записных книжках» он фиксирует шаги по стабилизации положения в стране: постепенно формируется базис для улучшения материальных условий жизни людей, сужается сфера внеправовых методов управления, укрепляется международное положение, наконец, есть признаки приближения нового советского гуманизма в «его положительном и творческом облике»⁵¹.

Н. В. Устрялов, без сомнения, верил в достойное будущее своей родины и считал, что в случае воплощения в жизнь задуманного «вырастет престиж советской власти, русской революции, а сама страна превратится в первоклассную мировую державу»⁵².

Научная, публицистическая и организаторская деятельность Николая Васильевича Устрялова – пример преданного служения своей Родине (даже за ее пределами), вдумчивого анализа социально-политических процессов, протекавших в России и мире в 20–30-е гг. XX в. Не будет преувеличением сказать, что многие его идеи и прогнозы оказались пророческими.

Поднятые автором животрепещущие проблемы, такие, как грамотная организация взаимодействия власти и народа, национальное строительство, значение фактора идеологии в осуществлении государственной политики, место и роль интеллигенции и многие другие, сохраняют свою актуальность и в наши дни. Конечно, некоторые оценки и суждения Н. В. Устрялова носят дискуссионный характер. Несмотря на это, его теоретическое наследие и деятельность – достойный вклад в сокровищницу русской политической мысли и историю страны.

Примечания

- 1 Устрялов Н. В. В борьбе за Россию : сборник статей. Харбин : Окно, 1920. С. 4.
- 2 Там же.
- 3 Там же. С. 60, 62, 63.
- 4 Устрялов Н. В. Patriotica // Смена вех : сборник статей. Прага : Типография «Политика», 1921. С. 50–51.
- 5 Устрялов Н. В. Над бездной // Под знаком революции : сборник статей. Харбин : Русская жизнь, 1925. С. 1, 2, 5.
- 6 Устрялов Н. В. Две реакции // Под знаком революции... С. 36.
- 7 Устрялов Н. В. Перерождение большевизма // Под знаком революции... С. 6.
- 8 Устрялов Н. В. Над бездной // Под знаком революции... С. 2.
- 9 Устрялов Н. В. Две реакции // Под знаком революции... С. 36.
- 10 Устрялов Н. В. Обмирщение // Под знаком революции... С. 115.
- 11 См.: Устрялов Н. В. О нашей идеологии // Под знаком революции... С. 147.
- 12 Устрялов Н. В. О будущей России // Под знаком революции... С. 109.
- 13 Там же.
- 14 Там же. С. 108.
- 15 Устрялов Н. В. Редиска // Под знаком революции... С. 19.
- 16 Устрялов Н. В. В борьбе за Россию : сборник статей. Харбин : Окно, 1920. 82 с.
- 17 Приспособление или протест // Общее дело. 1921. № 231. 3 марта.
- 18 Устрялов Н. В. Сменовехизм // Под знаком революции... С. 171.
- 19 Устрялов Н. В. Редиска // Под знаком революции... С. 17.
- 20 Миллюков П. Н. Эмиграция на распутье. Париж : Издательство РДО, 1926. 137 с.
- 21 Устрялов Н. В. Сменовехизм // Под знаком революции... С. 171.
- 22 Устрялов Н. В. Национал-большевизм (ответ П. Б. Струве) // Под знаком революции... С. 25.
- 23 Устрялов Н. В. Интеллигенция и народ в русской революции // Под знаком революции... С. 242.
- 24 См.: Устрялов Н. В. Три борьбы // Под знаком революции... С. 56–61.
- 25 Устрялов Н. В. Перерождение большевизма // Под знаком революции... С. 8.
- 26 См.: Устрялов Н. В. Памяти Ленина // Под знаком революции... С. 230.
- 27 См.: Устрялов Н. В. Потерянная и возвращённая // Под знаком революции... С. 88.
- 28 Устрялов Н. В. Patriotica // Смена вех : сборник статей. С. 30.
- 29 См.: Устрялов Н. В. О советской нации // Наше время. Шанхай, 1934. С. 36.
- 30 Там же. С. 35.
- 31 Устрялов Н. В. Пути синтеза // Наше время... С. 78.
- 32 Устрялов Н. В. Судьба Европы // Под знаком революции... С. 333.
- 33 Там же. С. 334.
- 34 Там же. С. 339.
- 35 Устрялов Н. В. Шестой октябрь // Под знаком революции... С. 254.
- 36 О русском фашизме // Дни. 1928. № 8. 28 окт.
- 37 Фашизм в понимании Н. В. Устрялова // Россия. 1928. № 33. 7 апр.
- 38 Устрялов о Гитлере // Последние новости. 1933. № 4566. 22 сент.

- ³⁹ Устрялов Н. В. Пути синтеза // Наше время... С. 81. ⁴⁶ Там же. С. 156.
⁴⁰ Там же. С. 94. ⁴⁷ Там же.
⁴¹ Там же. ⁴⁸ Там же. С. 87, 92.
⁴² Там же. С. 92, 93. ⁴⁹ См.: Устрялов Н. В. Новый град // Наше время... С. 158.
⁴³ См.: Фашизм в понимании Н. В. Устрялова. ⁵⁰ Там же. С. 161.
⁴⁴ См.: Устрялов Н. В. Пути синтеза // Наше время... ⁵¹ Устрялов Н. В. Из записных книжек // Наше время...
С. 81. С. 188, 199.
⁴⁵ Устрялов Н. В. Новый град // Наше время... С. 153. ⁵² Там же. С. 188.

Поступила в редакцию 21.06.2021, после рецензирования 25.06.2021, принята к публикации 30.06.2021
Received 21.06.2021, revised 25.06.2021, accepted 30.06.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 455–461
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 455–461
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-4-455-461>

Научная статья
УДК 94(470)“1941/1945”

Организация пеших переходов советских репатриантов к западной границе СССР (1944–1945)

А. Ф. Бичехвост

Саратовская государственная юридическая академия, 410056, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1

Бичехвост Александр Фёдорович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории, политологии и социологии, istoriya2@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8035-7840>

Аннотация. В статье анализируется работа Управления Уполномоченного СНК СССР по репатриации советских граждан, Военных советов, штабов фронтов и армий по возвращению в пешем порядке советских перемещенных лиц в 1944–1945 гг. Центральное место в публикации занимает авторский анализ организации механизма пеших переходов советских военнопленных и гражданских перемещенных лиц к западной границе СССР. Особое внимание в статье сосредоточено на решениях, принимаемых репатриационными и военными ведомствами, – Управлением Уполномоченного СНК СССР по репатриации, Военными советами, руководством штабов фронтов и армий по организации пеших переходов советских репатриантов.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Управление Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации советских граждан, Военные советы, штабы фронтов и армий, репатриация, военнопленные, перемещенные лица, пешие переходы

Для цитирования: Бичехвост А. Ф. Организация пеших переходов советских репатриантов к западной границе СССР (1944–1945) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 455–461. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-4-455-461>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Organization of pedestrian crossings of Soviet repatriates to the western border of the USSR (1944–1945)

A. F. Bichehvest

Saratov State Law Academy, 1 Volskaya St., Saratov 410056, Russia

Bichehvest Alexander F., istoriya2@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8035-7840>

Abstract. The article analyzes the work of the Office of the Commissioner of the SNK of the USSR for the repatriation of Soviet citizens, Military councils, headquarters of fronts and armies for the return of Soviet displaced persons on foot in 1944–1945. The central place in the publication is occupied by the analysis of the organization of the mechanism of pedestrian crossings of released Soviet prisoners of war and civilian displaced persons to the western border of the USSR. Special attention is focused on the decisions taken by the repatriation and military departments – the Office of the Commissioner of the SNK of the USSR for repatriation, Military councils, headquarters of fronts and armies on the organization of pedestrian crossings of Soviet repatriates.

Keywords: The Great Patriotic War, the Office of the Commissioner of the SNK of the USSR for the repatriation of Soviet citizens, Military councils, headquarters of fronts and armies, repatriation, prisoners of war, displaced persons, pedestrian crossings

For citation: Bichehvest A. F. Organization of pedestrian crossings of Soviet repatriates to the western border of the USSR (1944–1945). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 455–461 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-4-455-461>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Развитие новейших технических средств передвижения привели в 50–70-е гг. XX столетия к утрате в Вооруженных силах СССР искусства организации пеших маршей. Афганская война, две Чеченские войны вновь поставили в повестку дня вопрос о необходимости возврата к утраченному опыту организации пеших переходов в военных подразделениях Российской Федерации.

С другой стороны, военные конфликты на территории Сирии, между Азербайджаном и Арменией из-за Нагорного Карабаха, нестабильная военно-политическая и экономическая обстановка в государствах Ближнего Востока и Северной Африки привели к росту миграционных потоков, увеличению количество мигрантов и лагерей беженцев. Стабилизация социально-политической и

экономической обстановки в отдельных странах подтолкнула вынужденных переселенцев к реэмиграции. Возвращение беженцев породило новые правовые и материально-технические проблемы в реципиентных странах. Одна из них – организация перемещения вынужденных мигрантов из сборных лагерей, расположенных на территории зарубежных стран, в собственные государства. В этой связи опыт, накопленный Управлением Уполномоченного СНК СССР по репатриации советских граждан, Военными советами, штабами фронтов и армий, по организации передвижения советских репатриантов к западным границам СССР, имеет не только познавательное, но и прикладное значение.

Возвращение из-за рубежа бывших пленных и мирных советских граждан на Родину в пешем порядке следует рассматривать в общем контексте истории репатриации бывших военнопленных и насильственно угнанных гражданских лиц на территорию Германии, ее союзников и оккупированных стран. В 90-е гг. XX столетия после рассекретивания фондов ряда центральных архивов к изучению истории репатриации советских граждан обратились В. Н. Земсков¹, М. И. Семиряга², А. А. Шевяков³. Серьезный вклад в рассмотрение темы возвращения бывших советских военнопленных и мирных граждан внесли диссертации Ю. Н. Арзамаскина⁴, Н. Ю. Арзамаскиной⁵, Е. В. Вертилецкой⁶, И. В. Говорова⁷, И. В. Гребенщиковой⁸, М. М. Паникар⁹, М. Ю. Приваловой¹⁰, И. Н. Толстых¹¹.

Проблемам численности репатриантов, методам работы спецорганов среди военнопленных и гражданских перемещенных лиц, механизму их фильтрации, политическому и экономическому положению после возвращения в СССР, использованию труда репатриантов в рабочих батальонах и их положению на спецпоселениях посвящены исследования В. Ю. Альбова, Р. С. Бикметова, А. А. Будко и Г. А. Грибовской, Е. Булюниной, Ж. Ю. Гаевской, М. Л. Галас, А. А. Германа, Д. В. Долгова, Г. В. Ежовой и М. В. Ежова, Г. М. Ивановой, В. Ю. Кулагиной, А. В. Латышева, К. Н. Максимова, А. С. Матис, А. В. Меженко, С. Ю. Пишулиной и О. Ю. Редькина, П. М. Поляна, А. В. Рябовой, Т. Савиной, А. С. Смыкалина, А. Б. Сулова, В. В. Шевченко и др.

Однако отдельные аспекты истории репатриации советских граждан и их послевоенной судьбы остаются за пределами внимания историков. В частности, вне поля зрения исследователей находятся организационные и военно-технические стороны перемещения советских репатриантов, механизм использования транспортных средства для доставки их в СССР, организация пеших переходов репатриантов к западной границе Советского Союза. Возможности исследователей для научного изучения и осмысления многогранной проблемы перемещения репатриантов в пешем порядке значительно расширились благо-

даря изданию фундаментального двухтомного сборника документов «Репатриация советских граждан с оккупированной территории Германии, 1944–1952»¹².

Как известно, более 5 млн советских граждан в результате Второй мировой и Великой Отечественной войн, захватнической политики нацистов оказались за границей на положении перемещенных лиц. Накануне освобождения наши соотечественники находились в концлагерях, тюрьмах, рабочих лагерях, фольварках, на частных квартирах в нацистской Германии и оккупированных ею странах. Сотни советских граждан сражались в партизанских отрядах движения Сопротивления.

После освобождения многие вызволенные из немецкой неволи стихийно двинулись к границе СССР. «Первые три недели после окончания войны ни остовам, ни бывшим военнопленным никто не давал никаких указаний, куда ехать и что делать. Большинство потянулось на восток, на родину»¹³, – вспоминал бывший военнопленный Ф. Я. Черон. О пешем переходе как основном способе передвижения освобожденных узников нацизма после освобождения упоминала В. С. Гаврилова (Степаненко). На вопрос, заданный интервьюером репатриантке в рамках реализации проекта «Я помню»: «После освобождения Вас советскими войсками, Вас куда направили?», В. С. Гаврилова ответила: «Да мы сами собрались и пошли. Никуда нас никто не направлял: люди шли, и мы шли. Нам на восток надо было, домой»¹⁴.

Самостоятельное передвижение освобожденных советских граждан к границе СССР создавало определенные трудности наступающим армиям: «... когда основная масса из самой Германии двинулась на восток, то они запрудили все дороги. Получилась ситуация: советская армия стремилась в Германию, но навстречу им шла другая армия остоцев-пленных»¹⁵.

В письме от 23 октября 1944 г., направленном заместителем Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации, генерал-полковником И. В. Смородиновым заместителю начальника Генерального штаба Красной армии А. Г. Карпоносову, сообщалось: «По существующему порядку в настоящее время при освобождении территории от противника только часть советских военнопленных нашими войсками направляется в армейские сборные пункты, а граждане СССР остаются на месте и в дальнейшем неорганизованным порядком, самостоятельно направляются на Родину»¹⁶.

На создавшуюся тревожную ситуацию с возвращением репатриантов обращали внимание начальник тыла 3-го Белорусского фронта, генерал-майор С. Я. Рожков и начальник штаба тыла фронта, подполковник интендантской службы Белоусов. В подписанном 8 февраля 1945 г. приказе «О порядке репатриации освобожденных из

плена бывших военнослужащих Красной армии, советских граждан, а также граждан союзных государств», они отмечали: «Имеют место случаи самостоятельного движения репатрируемых без направления. Установлены случаи прохода репатрируемых мимо армейских и фронтовых сборно-пересыльных пунктов и комендатур, государственной границы и проникновения на территорию СССР без соответствующей проверки»¹⁷.

Самостоятельно передвигавшиеся репатрианты в пути совершали правонарушения, занимались мародерством. 23 марта 1945 г. заместитель Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации советских граждан, генерал-лейтенант К. Д. Голубев информировал штаб 1-го Белорусского фронта: «Освобождённые же сразу разбрелись по всем дорогам и, не имея предупреждения о пунктах сбора, заполнили дороги, идущие на восток, занимаясь по пути попойшничеством и в ряде случаев грабежом»¹⁸.

В условиях массового, стихийного и самостоятельного возвращения советских граждан на Родину репатриационные и военные структуры СССР видели реальный выход из тревожной ситуации в создании сборно-пересыльных пунктов и лагерей как перевалочных баз для сотен тысяч советских граждан на пути домой, укреплении продовольственной, материальной и медицинской базы мест сбора соотечественников, централизованной отправке репатриантов к месту доверенного жительства имевшимися транспортными средствами. Однако это была непростая задача. Еще продолжались боевые действия. В ходе боев была нарушена транспортная инфраструктура государств, взорваны мосты, разрушены автомобильные дороги, железнодорожные пути и станции, уничтожено огромное количество автомобилей, паровозов, вагонов. Часть немецкого железнодорожного транспорта оказалась в американской зоне оккупации. Для перевозки советских репатриантов катастрофически не хватало автомобилей, железнодорожных составов.

Недостаток транспортных средств ставил под угрозу весь процесс репатриации советских перемещенных лиц, завершение его в короткие сроки, как того требовали высшие государственные и военные органы СССР. По утверждению начальника тыла 1-го Белорусского фронта, генерал-лейтенанта интендантской службы Н. А. Антипенко, серьезным вопросом, с которым столкнулся штаб фронта на завершающей стадии войны, оказался вопрос: «Где брать необходимый для отправки репатриантов транспорт?». По утверждению Н. А. Антипенко, проведенные в штабе несложные подсчеты привели к следующим выводам: «Если сажать в поезд по 1 500 человек, то только для первого миллиона репатриантов потребовалось бы около 700 поездов. Но у каждого репатрианта были личные вещи, и советские военные власти не могли допустить, чтобы эти обездоленные люди лишились своих скромных

пожитков. Следовательно, практически в поезд можно было погрузить с вещами не более 1 тыс. человек. А это значило, – что нам нужна была тысяча поездов для одних лишь репатриантов»¹⁹. Таким образом, отправка в сжатые сроки железнодорожным транспортом большого количества освобожденных советских людей превращалась в нерешаемую задачу.

Самостоятельное передвижение советских граждан к западной границе Советского Союза подтолкнуло руководство Управления Уполномоченного СНК СССР по репатриации, Военные советы и штабы действовавших фронтов и армий к решительным действиям по наведению порядка в тылу наступающих войск, внесению упорядоченности в организацию перемещения освобожденных военнопленных, женщин, юношей и девушек, стариков и детей. Военными органами были изданы приказы, направленные на прекращение неорганизованного передвижения репатриантов. Приказ командования 1-го Украинского фронта «Об установлении порядка по репатриации советских граждан и военнопленных и граждан союзных стран», доведенный 30 марта 1945 г. до командиров воинских частей, военных учреждений и госпиталей, военных комендантов городов и населенных пунктов, дорожно-комендантских участков (ДКУ), железнодорожных станций и этапно-заградительной службы, действовавших в зоне фронта, требовал установить на магистралях дорог, водных переправах и железнодорожных станциях строгий порядок, исключить любую возможность самостоятельного проникновения во фронтовой тыл и районы государственной границы СССР одиноких и групп бывших советских военнопленных, а также освобожденных гражданских перемещенных лиц²⁰.

На высшем уровне государственного и военного руководства страны было принято решение компенсировать нехватку транспортных средств организацией пеших переходов репатриантов. Председатель Государственного Комитета Обороны (ГКО) И. В. Сталин 16 июня 1945 г. подписал Постановление ГКО «О порядке отправки советских репатриантов с фронтовых лагерей и сборно-пересыльных пунктов к месту постоянного жительства». Проект постановления был представлен на утверждение И. В. Сталина заместителем Наркома обороны Н. А. Булганиным и начальником Генштаба А. И. Антоновым. В докладной записке от 16 июня 1945 г. было отмечено, что проект «вносится в связи с поступившими предложениями по этим вопросам тов. Конева и других командующих» и что «указания тов. Конева по его телеграмме уже даны в духе этого проекта»²¹.

Государственный Комитет Обороны разрешил Военным советам фронтов направлять в пешем порядке в приграничные сборно-пересыльные пункты здоровых и физически крепких репатриантов. Для приема и временного содержания прибывавших репатриантов в приграничной

полосе СССР, на узловых железнодорожных станциях – в Гродно, Волковыске, Бресте, Ковеле, Владимир-Волынском, Рава-Русской, Львове, Самборе, Делятине и Унгены – было создано 10 сборных пунктов, вместимостью 10 000 чел.²² Советы народных комиссаров РСФСР, УССР, БССР и Молдавской ССР были обязаны организовать на границе встречу репатриантов, обеспечить их дальнейшее сопровождение и трудовое устройство по месту жительства²³.

Исходя из директивы, подписанной И. В. Сталиным, представители Управления Уполномоченного СНК СССР по репатриации советских граждан, Военные советы фронтов, армий, командующие фронтами и армий, их заместители, а после завершения войны – руководство Группы советских оккупационных войск в Германии приступили к напряженной и многогранной работе по организации передвижения репатриантов в пешем порядке. Главнокомандующим Группы советских оккупационных войск в Германии (ГСОВГ) 23 июня 1945 г. был издан приказ «О подготовительных мероприятиях по вопросу отправки репатрируемых советских граждан на Родину»²⁴. Начальнику Управления по репатриации при Военном совете Группы приказывалось до 28 июня 1945 г. подготовить к отправке в пешем порядке всех физически здоровых и крепких мужчин и женщин. Не способных передвигаться пешком – беременных женщин, женщин с малолетними детьми, детей до 15 лет, престарелых, больных, ослабленных людей – рекомендовалось перевозить по железной дороге²⁵.

Для передвижения репатриантов пешком было организовано 5 маршрутов с пропускной способностью каждого маршрута 75 000 чел. в месяц²⁶. Репатрианты предстояло проследовать по маршрутам: Пархим – Гродно (900 км), Ратенов – Брест (850 км), автострада Магдебург – Любомоль (900 км), Виттенберг – Владимир-Волынский (880 км), Гроссенхайн – Львов (850 км)²⁷. На маршрутах предполагалось организовать 66 комендатур, из расчета одна комендатура на 60–70 км пути. При них планировалось открыть питательные пункты с пропускной способностью 5 000 чел.²⁸

К оказанию помощи советским гражданам, следовавшим в пешем порядке, привлекались автодорожные службы. На каждый маршрут выделялись одна военная автомобильная дорога (ВАД) и два отдельных дорожно-эксплуатационных полка (ОДЭП). Дороги, по которым предстояло следовать репатриантам, передавались в оперативное управление руководителю Управления СНК СССР по репатриации²⁹.

Колонны, численностью 5 000 чел., которым предстоял пеший марш, разбивались на отряды по 500 чел. Каждый отряд делился на сотни и десятки. Руководителями отрядов назначались кадровые офицеры. Темп движения устанавливался в 20–25 км в сутки. После нахождения в

пути 3 дня передвигавшимся в пешем порядке предоставлялся отдых³⁰.

Каждую колонну должны были сопровождать 10 автомобилей. Для сопровождения репатриантов, передвигавшихся в колоннах, выделялось 1 000 автомашин³¹. Устанавливалась норма перевозки личных вещей репатриантов – 50 кг на человека. Начальнику ОСГ Группы советских войск в Германии полковнику Н. И. Ложкину было приказано задействованному на перевозках автотранспорту выделить 6 000 т горюче-смазочных материалов³².

Управление пешим передвижением советских граждан возлагалось на штаб во главе с начальником штаба – заместителем начальника Оперативного управления ГСОВГ, полковником В. М. Крамаром. После создания Советской военной администрации в Германии (СВАГ) в его подчинении находились офицеры Оперативного управления, интендантской группы, Дорожного управления, Санитарного управления, Политического управления (по 5 чел. от каждого управления), а также 10 офицеров Управления связи и 2 офицера оперативно-следственной группы³³.

Для непосредственного руководства и сопровождения пеших колонн выделялись начальник колонны, заместитель начальника колонны по политической части, фельдшер и 10 офицеров управления группами, следовавших в составе колонн³⁴. Помощь начальникам маршрутов оказывал рабочий аппарат, в который входили заместители начальника маршрута по строевой и политической части, ответственные за продовольственное снабжение, представители Политического отдела – всего 10 чел.³⁵ Таким образом, создаваемый военный аппарат управления пешим передвижением советских репатриантов был призван обеспечить организованность, порядок и дисциплину при прохождении пеших колонн.

Не ранее 23 июня 1945 г. Политпросветотдел Управления Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации подготовил «Памятку гражданам и гражданам СССР, следовавшим походным маршем из Германии до границ Советского Союза», с изложением основных правил подготовки к передвижению, поведения репатриантов в пути³⁶.

Письменное наставление начиналось с предупреждения: «Вам предстоит длительный и трудный переход». Чтобы репатрианты могли безопасно и без ущерба для здоровья пройти длительный путь, «Памятка» предлагала придерживаться следующих рекомендаций:

перед отправкой в путь подогнать обувь, надеть чистые портянки, носки и чулки, избегать появления на них складок; не использовать обувь на высоком каблуке;

взять с собой предметы туалета, все необходимое для приготовления пищи;

не перегружать себя лишними вещами; взятые вещи аккуратно уложить в мешки с лямками шириной не менее 4–5 см;

соблюдать в пути питьевой режим, не использовать сырую воду из колодцев, озер и рек без разрешения медицинских работников; не есть невымытые фрукты; обеспечить себя флягой или бутылкой с кипяченой водой;

при невозможности утолить жажду положить щепотку соли на язык и запить ее кипяченой водой;

на небольших привалах снимать с себя вещевой мешок; отдыхать лежа, поднимать ноги выше туловища;

во время дневок по возможности постараться искупаться, постирать белье, подготовить одежду и обувь к последующему переходу;

в движении и на отдыхе соблюдать дисциплину и порядок, выполнять все требования начальника колонны и старшего группы;

двигаться только по дорогам, придерживаясь правой стороны; не отставать от колонны, не садиться на попутные машины; на ночлег останавливаться только в отведенных местах³⁷.

Советским репатриантам, следовавшим пешком, предстояло пройти через территорию Польского государства, в связи с чем в «Памятке» содержалась особая рекомендация: «Вы будете проходить через территорию дружественной нам Польши. Не трогайте сами и удерживайте других от самовольного пользования овощами, фруктами, ягодами с огородов и садов польского населения. Помните, что своим поведением в пути следования вы ещё раз показываете высокое достоинство и честь граждан Советского Союза, представителей великого народа-победителя!»³⁸.

Конечно, ни одна подобного рода инструкция была не в состоянии предусмотреть решение всех проблемных ситуаций, с которыми могли столкнуться люди в пешем походе, а также содержать исчерпывающие рекомендации, как преодолеть возможные затруднения в пути. Тем не менее составленная «Памятка» подтверждала заботу ответственных репатриационных и военных органов о физическом и психологическом состоянии соотечественников, которым из-за отсутствия транспортных средств предстояло пешим маршем преодолеть сотни километров по пути на Родину.

С большой ответственностью к реализации задачи перемещения репатриантов, сведенных в пешие колонны, подошел штаб 1-го Белорусского фронта. Он одобрил развернутый план организации перехода репатриантов в пешем порядке. Особый акцент в документе делался на соблюдение репатриантами дисциплины на трассах передвижения³⁹.

Из зоны ответственности 1-го Белорусского фронта в путь отправлялось 650 тыс. чел. Генерал-лейтенант интендантской службы Н. А. Антипенко вспоминал: «Для движения этой лавины людей было намечено пять трасс общей протяженностью (включая территорию Польши) в 1 тыс. км каждая. Через определенные промежутки устраивались пункты отдыха и снабжения. В них имелось все

необходимое для выпечки хлеба и приготовления горячей пищи. Создавались там и походные душевые установки. В каждом таком пункте репатрианты могли получить медицинскую помощь. Тут же им выдавали продукты»⁴⁰. Для снабжения репатриантов, выходящих из мест дислокации 1-го Белорусского фронта, продовольственная служба фронта выделила 20 тыс. т муки, 6 тыс. т круп, 2,5 тыс. т мясных консервов, 1,5 тыс. т жиров, 1,6 тыс. т соли, 1,3 тыс. т сахара, 50 тыс. т картофеля и другие виды продовольствия⁴¹.

Начальник Политпросветотдела Управления СНК СССР по делам репатриации советских граждан при Группе советских оккупационных войск в Германии, гвардии полковник В. А. Егоров 30 июня 1945 г. информировал начальника Политуправления ГСОВГ С. Ф. Галаджева о морально-психологическом состоянии репатриантов, готовившихся к переходу: «Настроение репатриированных в основном здоровое. Многие выражают желание скорее попасть на Родину, возвратиться к семье и принять активное участие в восстановлении народного хозяйства, разрушенного немецко-фашистскими захватчиками»⁴².

Но среди репатриантов было немало испугавшихся трудностей пешего перехода. В. А. Егоров докладывал С. Ф. Галаджеву: «Однако в связи с предстоящим маршрутом у многих репатриированных появились упаднические настроения. Многие пытаются избежать марша и приспосабливаются к больным, беременным и даже к созданию искусственной семьи»⁴³.

Отдельные репатриантки открыто выражали недовольство ожидавшим их маршрутом: «Когда нас освободили американцы, то они отправляли нас всех на машинах, а свои отправляют пешком»⁴⁴. Другие говорили: «Покуда дойдём до советской границы, то подохнем»⁴⁵. Жительница Западной Украины Агафья Фёдоровна Карпенко, репатриантка из лагеря № 226, заявляла: «На такой баланде, как нас кормят, далеко не дойдёшь, если нас будут кормить так, как кормили американцы, то мы дойдём до границы»⁴⁶.

В. А. Егоров приводил факты об ухищрениях репатриантов, стремившихся во что бы то ни стало избежать перехода в пеших колоннах. Мужчины искали беременных женщин, вступали с ними в стовор, чтобы в последующем заявить: «Это моя жена!»⁴⁷. «Брачные аферисты» обманным путем добивались от компетентных репатриационных и военных органов права на проезд автомобильным или железнодорожным транспортом – согласно существовавшим предписаниям мужа с беременной женой во время репатриации не разлучали.

Многие репатрианты сказывались больными. Перед отправкой в СССР поток репатриантов в медицинские части сборно-пересыльных лагерей увеличился почти в 2–3 раза. Девушки упрашивали знакомых женщин преклонного возраста заявить об их родственных отношениях, принадлежности к одной семье. В. А. Егоров пришел к

правомерному выводу: «Таким образом, многие репатриантки пытаются придумать всё возможное, чтобы избежать марша»⁴⁵.

Отдельные репатрианты не верили (и не без основания), что их личные вещи, отправленные автомобильным транспортом, будут доставлены к советской границе в целостности и сохранности. Одна из причин подобного недоверия заключалась в острой нехватке квитанций, отпечатанных типографским способом, которые должны были выдаваться репатриантам после погрузки их вещей на автомобили. «Необходимо Ваше вмешательство, – обращался В. А. Егоров к С. Ф. Галадзеву, – дать указания политотделам армий, чтобы последние в армейской и дивизионной редакциях отпечатали необходимое количество квитанций»⁴⁶.

В Советский Союз возвращались в пешем порядке и отдельные репатриантки, привлеченные к выполнению дополнительных работ. Несколько месяцев в страну передвигались пешком погонщицы гуртов скота и доярки. Среди них существовала высокая вероятность заражения венерическими заболеваниями. Поэтому погонщицам и дояркам выдавались индивидуальные санитарные паспорта с указанием об обязательной отметке о проведенных медицинских обследованиях на конкретных этапах передвижения⁵⁰.

Репатриационное ведомство и военные структуры справились с задачей организации пешего перехода советских репатриантов. По заключению Н. А. Антипенко, «эпопея отправки в Советский Союз репатриированных оказалась чрезвычайно сложной и трудной задачей. Но органы тыла в целом справились с ней»⁵¹. По мере завершения массовой репатриации освобожденных советских граждан, увеличения количества автомобильного и железнодорожного транспорта, предназначенного для перевозки перемещенных лиц, число пеших переходов как средства передвижения репатриантов, постепенно уменьшалась. Постановлением ГКО за № 9821/с пеший переход репатриантов был отменен⁵².

Итак, увеличение количества освобожденных советских граждан на завершающей стадии Великой Отечественной войны против фашистской Германии, их массовое и стихийное передвижение в сторону западной границы СССР, трудности, которые они создавали наступавшим советским войскам, с одной стороны, нарушение коммуникационных связей, нехватка автомобильного и железнодорожного транспорта с другой, подтолкнули высшее государственное и военное руководство СССР, Управление Уполномоченного СНК СССР по репатриации советских граждан, Военные советы фронтов и армий, фронтное и армейское руководство к принятию решений о возвращении в СССР репатриантов в пешем порядке.

Совместными усилиями репатриационных и военных органов была разработана система мер по отправке репатриантов на Родину пешком: определены маршруты пешего передвижения,

оптимальное количество людей для движения в колоннах, структура управления пешими колоннами, порядок прохождения маршрутных этапов, распорядок движения и отдыха, организация автомобильного сопровождения пеших колонн, доставка личных вещей репатриантов, обеспечение питанием и оказание медицинской помощи в пути и др.

Разработанный комплекс мер по организации пешего движения репатриантов к западной границе СССР оказался результативным. Часть советских репатриантов к осени 1945 г. прибыла на Родину в пешем порядке. Уполномоченный СНК СССР по репатриации советских граждан генерал-полковник Ф. И. Голиков 7 сентября 1945 г. в интервью корреспонденту ТАСС сообщил: «Общее количество репатриированных до 1 сентября советских граждан достигает 5 115 709 чел. Из этого количества 3 969 656 чел. прибыли на места своего жительства и службы и 1 146 053 чел. находятся в процессе перевозки из советских транзитных лагерей к местам жительства»⁵³. Выявление численности репатриантов, прибывших в Советский Союз пешком, – задача, которую еще предстоит решить.

Примечания

- 1 Земсков В. Н. Возвращение советских перемещенных лиц в СССР, 1944–1952 гг. М. : Институт российской истории ; Центр гуманитарных инициатив, 2016. 422 с.
- 2 Семиряга М. И. Коллаборационизм : Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М. : Росспэн, 2000. 863 с.
- 3 Шевяков А. А. «Тайны» послевоенной репатриации // Социологические исследования. 1993. № 8. С. 3–11.
- 4 См.: Арзамаскин Ю. Н. Деятельность советских государственных и военных органов репатриации в 1944–1953 гг. : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2000. 523 с.
- 5 См.: Арзамаскина Н. Ю. Деятельность советских военных органов репатриации в Германии в 1945–1950 гг. : дис. ... канд. ист. наук. М., 2007. 265 с.
- 6 См.: Вертилецкая Е. В. Репатрианты в Свердловской области в 1944 – начале 1950-х гг. : дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2004. 243 с.
- 7 См.: Говоров И. В. Репатриация на Северо-Западе РСФСР, 1944–1949 гг. : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1998. 322 с.
- 8 Гребеницкова И. В. Организационно-правовые основы осуществления репатриации в СССР : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. 238 с.
- 9 См.: Паникар М. М. Советские военнопленные в Норвегии в годы Второй мировой войны : дис. ... канд. ист. наук. Архангельск, 2008. 236 с.
- 10 См.: Привалова М. Ю. Советские немцы-репатрианты в национальной политике СССР в 1940–1970-е гг. : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2008. 208 с.
- 11 См.: Толстых И. Н. Репатрианты Новгородской области в 1944–1948 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Вел. Новгород, 2005. 184 с.

- ¹² Репатриация советских граждан с оккупированной территории Германии, 1944–1952 : сборник документов : в 2 т. / отв. ред. О. В. Лавинская, В. В. Захаров; сост. К. М. Гринько, Е. В. Полтарацкая; при участии С. Дальке, М. Уля. М. : Политическая энциклопедия, 2019. Т. 1 : 1944–1946. 877 с. ; Т. 2 : 1947–1952. 951 с.
- ¹³ Черон Ф. Я. Немецкий плен и советское освобождение : в 12 т. Париж : YMCA-PRESS, 1987. Т. 6. С. 110.
- ¹⁴ Гаврилова (Степаненко) Валентина Сергеевна. URL: <https://iremember.ru/memoirs/grazhdanskie/gavrilova-stepanenko-valentina-sergeevna/> (дата обращения: 10.02.2021).
- ¹⁵ Черон Ф. Я. Указ. соч. С. 110.
- ¹⁶ Репатриация советских граждан с оккупированной территории Германии... Т. 1. С. 70.
- ¹⁷ Репатриация освобождённых из плена 3-го Белорусского фронта. URL : [www.oboznik.ru /?p=33056](http://www.oboznik.ru/?p=33056) (дата обращения: 10.02.2021).
- ¹⁸ Репатриация советских граждан с оккупированной территории Германии... Т. 1. С. 192.
- ¹⁹ Антипенко Н. А. Тыл в Берлинской операции // 9 мая 1945 года / сост. В. Д. Вознесенский, Д. Б. Рубежный ; под ред. чл.-корр. АН СССР А. М. Самсонова. М. : Наука, 1970. С. 739.
- ²⁰ См.: Репатриация советских граждан с оккупированной территории Германии... Т. 1. С. 205.
- ²¹ Там же. С. 252.
- ²² Там же. С. 252–253.
- ²³ Там же. С. 253.
- ²⁴ Там же. С. 254.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же. С. 255.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же. С. 256.
- ³² Там же.
- ³³ Там же. С. 255.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Там же. С. 258.
- ³⁷ Там же. С. 258–259.
- ³⁸ Там же. С. 259.
- ³⁹ Антипенко Н. А. Указ. соч. С. 740.
- ⁴⁰ Там же. С. 739–740.
- ⁴¹ Там же. С. 740.
- ⁴² Репатриация советских граждан с оккупированной территории Германии... Т. 1. С. 275.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Там же. С. 275–276.
- ⁴⁵ Там же. С. 276.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Там же. С. 275.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Там же. С. 276.
- ⁵⁰ См.: Будко А. А., Грибовская Г. А. Организация медицинского обслуживания женщин и детей – репатриантов Второй мировой войны // Педиатр. 2014. Т. 5, № 2. С. 125.
- ⁵¹ Антипенко Н. А. Указ. соч. С. 740.
- ⁵² См.: Репатриация советских граждан с оккупированной территории Германии... Т. 1. С. 553.
- ⁵³ Репатриация советских граждан : сборник официальных материалов / Управление Уполномоченного Совнаркома СССР по делам репатриации советских граждан. М. : Военное издательство Народного Комиссариата Обороны, 1945. С. 9.

Поступила в редакцию 21.06.2021, после рецензирования 25.06.2021, принята к публикации 30.06.2021
 Received 21.06.2021, revised 25.06.2021, accepted 30.06.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 462–466

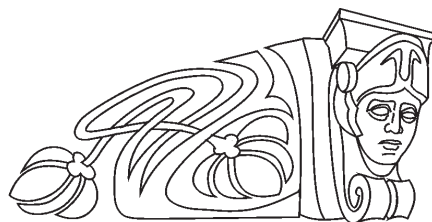
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 462–466

<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-4-462-466>

Научная статья
УДК 34(091).084.8

Современные научные школы и центры российской кооперации: тенденции и перспективы развития

И. Н. Коновалов

Саратовская государственная юридическая академия, Россия, 410056, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1

Коновалов Иван Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории, политологии и социологии, i.n.konovarov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7359-9160>

Аннотация. В статье дается характеристика достижениям научных школ в рассмотрении кооперации на различных этапах ее становления и развития. В первую очередь исследуются современные центры изучения истории российской кооперации, сложившиеся в 1990-е гг., когда началось переосмысление роли кооперации в развитии страны дореволюционного и нэповского периодов и вплоть до настоящего времени. Особого внимания заслуживают старейшие научные школы истории кооперации: Ивановская, Сибирская, МГПИ-МГПУ, Саратовская, Самарская, Петрозаводская и др. Представлен анализ трудов наиболее видных исследователей данной темы (Л. Е. Файн, В. Г. Тюкавкин, Э. М. Щагин, П. С. Кабытов, А. П. Корелин, В. В. Кабанов и др.).

Ключевые слова: научные школы и центры кооперации, основоположники научных школ, отечественный кооперативный опыт, кооперативные идеи, региональная кооперация, кооперативная историография

Для цитирования: Коновалов И. Н. Современные научные школы и центры российской кооперации: тенденции и перспективы развития // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 462–466. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-4-462-466>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Modern scientific schools and centers of Russian cooperation: Trends and development prospects

I. N. Konovarov

Saratov State Law Academy, 1 Volska St., Saratov 410056, Russia

Ivan N. Konovarov, i.n.konovarov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7359-9160>

Abstract. The article describes the achievements of scientific schools in the study of cooperation at various stages of its formation and development. First of all, modern centers for the study of the history of Russian cooperation, formed in the 1990s, when the role of cooperation in the development of the country of the pre-revolutionary and NEP periods and up to the present time began to be rethought, are studied. The oldest scientific schools of the history of cooperation deserve special attention: Ivanovo, Siberian, MSPI-MSPU, Saratov, Samara, Petrozavodsk, etc. The analysis of the work of the most prominent researchers on this topic (L. E. Fine, V. G. Tyukavkin, E. M. Shchagin, P. S. Kabytov, A. P. Korelin, V. V. Kabanov, etc.) is presented.

Keywords: scientific schools and centers of cooperation, founders of scientific schools, domestic cooperative experience, cooperative ideas, regional cooperation, cooperative historiography

For citation: Konovarov I. N. Modern scientific schools and centers of Russian cooperation: Trends and development prospects. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 462–466 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-4-462-466>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

На протяжении многих десятилетий в отечественной науке на всех уровнях формировались отдельные школы и центры изучения проблем отечественной кооперации. Так, одной из первых на базе Ивановского госуниверситета в начале 1990-х гг. была сформирована научная школа по теории и истории кооперации, основателем которой являлся Л. Е. Файн¹. Под его руководством

ученые университета К. Е. Балдин², А. О. Бунин³, А. В. Соколовский⁴, В. Б. Шепелева⁵, Ю. А. Ильин⁶ и другие издали ряд фундаментальных работ, раскрывающих аспекты деятельности различных видов кооперации как в городе, так и в деревне. В рамках указанной школы длительное время разрабатывались и сейчас разрабатываются актуальные проблемы теории, истории и практики

кооперативного движения, основные принципы, механизм и социально-организационные проблемы ее функционирования как компоненты цивилизованных рыночных отношений. Особое внимание уделялось кооперативной идеологии на всех этапах ее развития. Проведенные исследования раскрывают специфику становления отечественной кооперации в регионах в период аграрных реформ и революций начала XX в., отражают разнообразный спектр взаимоотношений и связей. Всестороннее изучение отдельных видов кооперации восполняет целостное представление об основных закономерностях их развития и особенностях эволюции.

Традиционным региональным центром изучения кооперативного движения с момента его зарождения остается Сибирь. Особо стоит отметить результаты научных изысканий ученых Российской академии наук, Сибирского университета потребительской кооперации, обобщенные в регулярно выпускаемых изданиях⁷.

Одними из ведущих ученых-аграрников, организаторов науки, анализировавшими в числе других проблемы сельской кооперации в Сибири, стоявшими у истоков другой научной школы, которая уже много лет плодотворно функционирует на истфаке легендарного МГПИ – МПГУ являлись В. Г. Тюкавкин⁸ и Э. М. Щагин⁹. Ими было воспитано не одно поколение историков. На кафедрах отечественной истории под их руководством были подготовлены и защищены диссертационные исследования, касающиеся различных аспектов развития отдельных видов кооперации, ее учреждений, правового положения, характеристики взаимоотношений кооперативных организаций с органами власти и т.д. (Н. Н. Чеховская¹⁰, Е. Е. Бекбаева¹¹, А. В. Лубков¹², Е. Ю. Болотова¹³, О. Н. Шмаков¹⁴, Л. М. Архипова¹⁵, Т. Л. Бурова¹⁶, А. В. Иванов¹⁷).

Практическая ценность исследований, проведенных научной школой МГПИ – МПГУ, состоит в возможности рассмотреть феномен кооперации в комплексе проблем культурной самоидентификации России, что позволяет оценить степень влияния кооперации на решение современных экономических задач и проблем социальной жизни в масштабе регионов и в целом по стране. Особое значение в этой связи имеет недавно вышедшая монография последователя данной научной школы А. В. Лубкова, в которой подводится определенный итог изучения отечественного кооперативного движения и ставит новые задачи перед исследователями. Автор рассматривает кооперацию как своеобразный социокультурный феномен хозяйственного, культурно-просветительного и образовательного значения, игравшую огромную воспитательную роль, преобразившую жизненный уклад русского народа и взрастившую его духовность¹⁸.

Заметный вклад в изучение истории и теории кооперации в начале 90-х гг. внесла на-

учная школа Института российской истории и Института экономики РАН в составе таких известных ученых, как А. П. Корелин, В. В. Кабанов, Н. К. Фигуровская. Ими была проведена огромная работа по подбору и переизданию работ российских экономистов, общественных деятелей, кооператоров-практиков второй половины XIX – начала XX в.¹⁹

Конструктивный процесс переосмысления исторического опыта досоветской кооперации особенно ярко отражен в работах А. П. Корелина. Так, комплексным обобщающим трудом, дающим представление о целостной картине развития дореволюционного кооперативного движения, динамике процессов его становления, соотношении различных направлений в его общем русле, является его монография «Кооперация и кооперативное движение в России. 1860–1917 гг.», внесшая значительный вклад в изучение дореволюционного опыта российской кооперации. На основе широкого круга источников А. П. Корелин воссоздал обобщенную картину формирования и разносторонней деятельности российской кооперативной системы, проанализировал государственную политику в отношении кооперации и показал ее роль в становлении кооперативного движения. По его мнению, ситуация, сложившаяся в стране к началу XX в., вынудила правительство взглянуть на кооперацию не только как на форму организации помощи голодающим, но, прежде всего, как на средство преобразования сельскохозяйственного производства и всей российской торговли²⁰.

Одной из сквозных тем исследований по истории кооперативного движения являются вопросы взаимодействия земства и кооперации. Не обошел своим вниманием данную проблему и А. П. Корелин. Он отмечал большую помощь земств в создании кредитных и ссудо-сберегательных товариществ, разработке их уставов и заинтересованность в их развитии.

Другим, не менее плодотворным историком кооперации в 1990 гг. являлся В. В. Кабанов, который критически оценивал потенциал дореволюционной кооперации. Он утверждал, что «вера в потенциал кооперации, равно как и в возможность «нормального» хода событий, приводит к излишне оптимистическим выводам относительно перспектив современной кооперации»²¹.

Безусловным достижением современных исследователей кооперации является изучение регионального опыта кооперативного строительства. В 1990-е гг. громко заявила о себе Самарская школа истории и теории кооперации, у истоков которой стоял П. С. Кабытов²². Важные сведения по истории регионального кооперативного движения содержались в краеведческих исследованиях. Первоначально тема кооперативного строительства косвенно затрагивалась в работах А. Э. Лившица²³, П. С. Кабытова²⁴, Н. Н. Кабытовой²⁵, Т. А. Кобзевой²⁶. В дальнейшем начинают из-

учаться различные периоды и направления в деятельности кооперативных организаций Е. Я. Нейфельд²⁷, А. А. Капитоновым²⁸, О. А. Безгиной²⁹, Р. Н. Парамоновой³⁰, О. В. Яговым³¹. Результаты работы данных авторов нашли отражение в кандидатских и докторских диссертациях.

Подобные научные школы исследования становления и развития системы кооперации успешно действуют при Российском университете кооперации и его филиалах. Большой вклад в изучение истории и теории кооперации в главном кооперативном вузе внесли К. И. Вахитов³² и А. В. Соболев³³. Пристальное внимание в их работах уделялось кооперативному движению в России на всех этапах его развития. Впервые были проанализированы концепции развития кооперативной мысли русского зарубежья, дающие возможность научного объяснения сущности кооперации, ее роли и места в социально-экономическом развитии современной России.

В конце 1970-х гг. в Саратовском Поволжском кооперативном институте был создан региональный координационный центр по исследованию теории и истории кооперативного движения Поволжья. Результатом его работы явилось издание серии трудов по истории и теории кооперации, а также защита докторских (В. Н. Титаев³⁴, И. Н. Коновалов³⁵, В. В. Петров³⁶, А. К. Гагиева³⁷) и кандидатских диссертаций (В. Н. Мальчук³⁸, Т. Ю. Быковец³⁹, Л. В. Туманова⁴⁰), посвященных вопросам кооперативной идеологии и философии, потребительского, сельскохозяйственного кооперативного движения, истории кооперативной мысли, кооперативного образования, культурно-просветительской деятельности кооперативных организаций.

Аналогичные научные школы по изучению становления и развития системы кооперации успешно действуют в Саранском кооперативном институте и в ряде других региональных вузов (Л. С. Раужина⁴¹, Л. В. Потапова⁴²). Это выразилось в том числе в издании коллективных трудов⁴³. В Саранском филиале Российского университета кооперации среди диссертационных исследований можно назвать работы по истории кооперативной школы и системе профессиональной подготовки кадров для кооперативных организаций Республики Мордовия Н. Н. Абрамовой⁴⁴, О. Б. Кевбриной⁴⁵ и О. Б. Михеевой⁴⁶.

Сегодня на ведущие позиции выходит Волгоградская кооперативная школа. Ее представители исследовали различные периоды и направления в деятельности кооперативных организаций. Так, глубокий анализ развития потребительской кооперации в России в конце XIX – начале XX в. осуществлен в монографии Е. Ю. Болотовой. Основываясь на широкой источниковой базе, Е. Ю. Болотова показала «устойчивое поступательное развитие» потре-

бительской кооперации, сочетание в ее деятельности хозяйственных и общественных функций, взаимодействие с государственными учреждениями. Вместе с тем исследователь отметила, что «вовлечение кооперации в общественно-политическую борьбу размывало «чистоту» кооперативной инициативы, предопределяло изменение ее деятельности в революционном 1917 году и судьбу в годы строительства Советской власти»⁴⁷. Безусловным достижением указанного автора является дальнейшее изучение общественно-культурной и благотворительной деятельности кооперативных организаций в предреволюционный период⁴⁸. Следует отметить, что одними из первых волгоградские ученые приступили к всестороннему изучению кооперативного движения в немецких колониях Поволжья в 1906 – начале 1930-х гг.⁴⁹.

Представляет большой интерес научная школа изучения становления и развития кооперации Европейского Севера Петрозаводского государственного университета, представителями которой являются А. В. Воронин, Е. В. Дианова и др. В монографии А. В. Воронина исследуются основные направления кооперативной политики Советской власти на Европейском Севере в 1917 – 1932 гг., сопоставление их с ведущими линиями развития политики центра, выясняются взаимоотношения между идеологическими противоречиями большевиков и кооператоров, с одной стороны, и процессом выработки кооперативной политики, с другой⁵⁰.

В последующие годы в изучении истории кооперации и кооперативного движения, культуры и культурно-просветительской деятельности на Европейском Севере были достигнуты определенные успехи. Так, в 2007 г. выходит работа В. В. Приятелева, посвященная взаимоотношениям земства и кооперации в Вологодской губернии⁵¹. В 2017 г. защищается докторская диссертация Е. В. Диановой на тему «Культурно-просветительская деятельность кооперации Европейского Севера в первой трети XX века» и выходит ее монография⁵².

Таким образом, в начале 1990-х гг. в России начинается процесс формирования современных научных школ и центров российской кооперации, который продолжается до настоящего времени. Рост интереса к опыту, накопленному кооперативным движением России в начале XX в., был связан с кардинальными изменениями в политике и экономике страны. Эти годы стали периодом всплеска исследовательского внимания к истории кооперативного движения начала XX в., появлением региональных научных школ и центров российской кооперации: в Иваново, Новосибирске, Москве (ИРИ-ИЭ РАН, МГПИ-МГПУ, РУК), Самаре, Саратове, Волгограде, Сердобске и других регионах. Результаты этой организационной работы отразились в научных исследованиях, докторских и

кандидатских диссертациях, что действительно позволяет оценить степень влияния кооперации на решение современных экономических задач и проблем социальной жизни в масштабе регионов и в целом по стране.

Примечания

- 1 См.: *Файн Л. Е.* Отечественная кооперация : исторический опыт. Иваново : Ивановский государственный университет, 1994. 275 с.
- 2 *Балдин К. Е.* Рабочее кооперативное движение в России во второй половине XIX – начале XX века : дис. ... д-ра ист. наук. Иваново, 1994. 553 с.
- 3 *Бунин А. О.* Советская власть и кредитная кооперация (октябрь 1917 – 1924 г.). Иваново : Ивановский государственный университет, 1998. 192 с.
- 4 *Соколовский А. В.* Кооперативный кредит в России в конце XIX – начале XX века : дис. ... д-ра ист. наук. Иваново, 2007. 402 с.
- 5 *Шепелева В. Б.* Отечественное кооперативное движение с точки зрения русского менталитета : возможные перспективы // Кооперация как компонент рыночных отношений : проблемы теории и истории : межвузовский сборник научных трудов / под ред. Л. Е. Файна. Иваново : Ивановский государственный университет, 1997. Вып. 2. С. 5–23.
- 6 *Ильин Ю. А.* Отечественная кооперация : Библиографический указатель литературы за 1925–1992 гг. Иваново : Ивановский государственный университет, 1994. 472 с.
- 7 См., например, *Алексеева В. К.* Роль Сибирской кооперации в развитии сельскохозяйственного производства и рынка в конце XIX в. – начале XX в. // Аграрный рынок в его историческом развитии : тезисы докладов и сообщений XXIII сессии Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории (Свердловск, 24–27 июня 1991 г.) / отв. ред. Л. В. Милов. М. : Наука, 1991. С. 86–88.
- 8 См.: *Тюкавкин В. Г.* Сибирская деревня накануне Октября : (К вопросу о формировании социально-экономических предпосылок социалистической революции). Иркутск : Восточно-Сибирское книжное издательство, 1966. 471 с.
- 9 *Щагин Э. М.* Октябрьская революция и деревня Дальнего Востока, 1917 – лето 1918 гг. : дис. ... д-ра ист. наук. М., 1975. 461 с.
- 10 *Чеховская Н. Н.* Московский народный банк и сибирская кооперация (борьба руководителей сибирской кооперации за создание отделения Московского народного банка) // Политика царизма в Сибири в XIX – начале XX в. Иркутск : Иркутский государственный педагогический институт, 1987. С. 168–185.
- 11 *Бекбаева Е. Е.* Сельская кооперация степного края в конце XIX – начале XX веков : (По материалам Акмолинской и Семипалатинской областей) : дис. ... канд. ист. наук. М., 1992. 214 с.
- 12 *Лубков А. В.* Рабочая кооперация в Октябрьской революции. Февраль 1917 – ноябрь 1918 г. : (По материалам Центрального промышленного района России) : дис. ... канд. ист. наук. М., 1990. 264 с.
- 13 *Болотова Е. Ю.* Потребительская кооперация в России в конце XIX – начале XX в. : опыт общественного регулирования : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2003. 489 с.
- 14 *Шмаков О. Н.* Кооперативное движение на среднем Урале в конце XIX – начале XX века : дис. ... канд. ист. наук. М., 1995. 256 с.
- 15 *Архипова Л. М.* Мелкая крестьянская промышленность Центрально-Черноземного района России в начале XX века : дис. ... д-ра ист. наук. М., 1996. 468 с.
- 16 *Бурова Т. Л.* Крестьянская льняная кооперация в России в первой четверти XX века : дис. ... канд. ист. наук. М., 1996. 228 с.
- 17 *Иванов А. В.* Российская кооперация в первой четверти XX века : по материалам Сибирского и Дальневосточного регионов : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2009. 517 с.
- 18 *Лубков А. В.* Солидарная экономика. Кооперативная модернизация России (1907–1914 гг.). М. : Московский педагогический государственный университет, 2019. 272 с.
- 19 См., например: Кооперация : страницы истории : в 3 т. / Российская акад. наук, Ин-т экономики, Центр методологических и историко-экономических исслед. : [редкол. : д. э. н. проф. Н. К. Фигуровская (отв. ред.-сост.) и др.]. М. : Наука, 2011 (Памятники экономической мысли). Т. 1. 309 с. ; Т. 2. 286 с. ; Т. 3. 304 с.
- 20 См.: *Корелин А. П.* Кооперация и кооперативное движение в России. 1860–1917 гг. М. : Наука, 2009. 391 с.
- 21 См.: *Кабанов В. В.* Школа А. В. Чайнова, или организационно-производственное направление русской экономической мысли // История СССР. 1990. № 6. С. 86–99.
- 22 *Кабытов П. С.* П. А. Столыпин : Последний реформатор Российской империи. 2-е изд., испр. и доп. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. 192 с.
- 23 *Лившиц А. Э.* На переломе эпох // Самарская летопись : в 3 кн. Кн. 3 / под ред. П. С. Кабытова, Л. В. Храмова. Самара : Самарский государственный университет, 1998. 263 с.
- 24 *Кабытов П. С.* Поиски выхода из кризиса // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Вторая половина XIX – начало XX века. М. : Наука, 2000. 236 с.
- 25 *Кабытова Н. Н.* Власть и общество в российской провинции : 1917 год в Поволжье. Самара : Самарский государственный университет, 1999. 312 с.
- 26 *Кобзева Т. А.* Роль земских учреждений губерний Среднего Поволжья в развитии предпринимательства в кустарной промышленности во второй половине XIX – начале XX вв. // Власть. 2015. Т. 22, № 11. С. 197–205.
- 27 *Нейфельд Е. Я.* Кооперативное движение в 1917–1921 гг. : теория, политика, практика (На материалах Оренбургской, Самарской и Саратовской губерний) : дис. ... канд. ист. наук. Самара, 1993. 234 с.
- 28 *Капитонов А. А.* Кооперативное движение в Самарской губернии в досоветский период : дис. ... канд. ист. наук. Самара, 1995. 224 с.
- 29 *Безгина О. А.* Кооперативное движение Поволжья в конце XIX – начале XX века : взаимодействие власти и общества : дис. ... д-ра ист. наук. Самара, 2019. 430 с.

- ³⁰ *Парамонова Р. Н.* Развитие системы кооперации Среднего Поволжья в условиях новой экономической политики. 1921–1928 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2001. 239 с.
- ³¹ *Ягов О. В.* Кустарно-промысловая кооперация Поволжья в условиях реализации новой экономической политики. Самара; Пенза : Издательство Самарского научного центра РАН ; ПГПУ им. В. Г. Белинского, 2008. 335 с.
- ³² *Вахитов К. И.* Кооперация. Теория, история, практика : Избранные изречения, факты, материалы, комментарии / авт.-сост. К. И. Вахитов. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Дашков и К, 2008. 556 с.
- ³³ *Соболев А. В.* Кооперация : экономические исследования в русском зарубежье. М. : Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2015. 364 с.
- ³⁴ *Титаев В. Н.* Исторический опыт и проблемы развития потребительской кооперации Российской Федерации. 1965–1995 гг. : На материалах областей Нижнего и Среднего Поволжья : дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 1998. 351 с.
- ³⁵ *Коновалов И. Н.* Сельскохозяйственная кооперация в России в конце XIX – начале XX в. : На материалах губерний Северного, Приуралья и Поволжского районов : дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 1999. 423 с.
- ³⁶ *Петров В. В.* История становления кооперативной мысли в России (1861–1929 гг.) : дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2000. 420 с.
- ³⁷ *Гагиева А. К.* Исторический опыт и проблемы образовательной деятельности потребительской кооперации России в 20–90-е годы XX века : дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2005. 410 с.
- ³⁸ *Мальчук В. Н.* Потребительская кооперация в системе социально-экономических отношений Советского государства (1917–1928 гг.) (На материалах Астраханской, Самарской, Саратовской областей) : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1999. 249 с.
- ³⁹ *Быковец Т. Ю.* Культурно-просветительная деятельность кооперации России в конце XIX – начале XX века : (На материалах Нижнего Поволжья) : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2003. 190 с.
- ⁴⁰ *Туманова Л. В.* Культурно-просветительная деятельность кооперации на селе в период нэпа : на материалах Нижнего Поволжья : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2004. 175 с.
- ⁴¹ *Раужина Л. С.* Становление и развитие потребительской кооперации Мордовии : конец XIX в. – 1980-е гг. : дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2011. 184 с.
- ⁴² *Потапова Л. В.* Становление и развитие потребительской кооперации Среднего Поволжья в конце XIX – начале XX в. : дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2007. 206 с.
- ⁴³ См.: Потребительская кооперация Мордовии : история и современность / под общ. ред. Н. В. Мироновой. Саранск : Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, 2008. 218 с.
- ⁴⁴ *Абрамова Н. Н.* Кадры потребительской кооперации Мордовской АССР : 1945–1975 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2007. 229 с.
- ⁴⁵ *Кевбрина О. Б.* Становление и развитие кооперативной школы Республики Мордовия : 1925–2005 годы : дис. ... д-ра ист. наук. Саранск, 2007. 420 с.
- ⁴⁶ *Михеева О. Б.* Становление и развитие системы профессиональной подготовки кооперативных кадров Республики Мордовия : 1925–1975 годы : дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2001. 188 с.
- ⁴⁷ *Болотова Е. Ю.* В единении – сила. Потребительская кооперация в России в конце XIX – начале XX в. Волгоград : Волгоградский государственный педагогический университет, 2003. С. 329.
- ⁴⁸ *Болотова Е. Ю.* История и теория кооперативного движения в научном наследии Н. П. Макарова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2018. № 7. С. 172–177.
- ⁴⁹ *Фурман Е. Л.* Кооперативное движение в немецких колониях Поволжья (1906 – начало 1930-х годов) : дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2008. 357 с.
- ⁵⁰ *Воронин А. В.* Советская власть и кооперация (Кооперативная политика Советской власти : центр и местные власти Европейского Севера в 1917 – начале 30-х гг.). Петрозаводск : Издательство Петрозаводского университета, 1997. 204 с.
- ⁵¹ *Приятелев В. В.* Деятельность Вологодского губернского земства по развитию кооперативных организаций в Вологодской губернии : 1870–1917 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Вологда, 2006. 225 с.
- ⁵² *Дианова Е. В.* Культурно-просветительная деятельность кооперативных организаций Европейского Севера (1900–1920 гг.). Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2017. 360 с.

Поступила в редакцию 21.06.2021, после рецензирования 25.06.2021, принята к публикации 30.06.2021
Received 21.06.2021, revised 25.06.2021, accepted 30.06.2021

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 467–475

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 467–475
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-4-467-475>

Научная статья
УДК 94(44).028/029

Политическая мысль во Франции XVI века об инакомыслии и религиозной политике государства

И. Я. Эльфонд

Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А., Россия, 410054, г. Саратов, ул. Политехническая, д. 77

Эльфонд Ирина Яковлевна, доктор исторических наук, профессор кафедры дизайна архитектурной среды, iyelfond@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8665-5926>

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, нашедшие отражение во французской политической мысли XVI в. Автор концентрирует внимание на особенностях трактовки проблемы религиозного инакомыслия в связи с проблемой гражданских войн и анализирует требования политических теоретиков к религиозной политике государства.

Ключевые слова: Франция XVI в., политическая мысль, толерантность и насилие, религиозное инакомыслие, государственная политика

Для цитирования: Эльфонд И. Я. Политическая мысль во Франции XV века об инакомыслии и религиозной политике государства // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 467–475. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-4-467-475>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Political thought in XVI century France about heterodoxy and religious police of the State

I. Ya. Elfond

Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, 77 Politechnicheskaja St., Saratov 410054, Russia

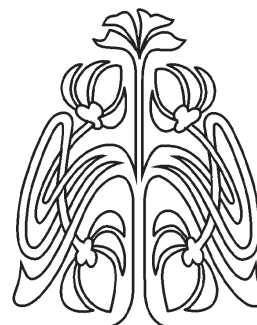
Irina Ya. Elfond, iyelfond@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8665-5926>

Abstract. The paper deals with the problem of French political thought in XVI century and focuses on the problem of heterodoxy. The author studies the interpretation of this problem in the context of the problem of civil wars and attempts to analyze the requirements of political theorists to the religious policy of the state.

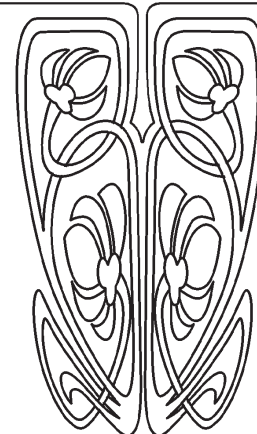
Keywords: France of the XVI century, political thought, tolerance and violence, heterodoxy, state politics

For citation: Elfond I. Ya. Political thought in XVI century France about heterodoxy and religious police of the State. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 467–475 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-4-467-475>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Бурные события гражданских войн во Франции XVI в. определили особый интерес к политической мысли: обеим сторонам было необходимо легализовать или обосновать свои действия, объяснять населению страны или единоверцам за рубежом мотивы тех или иных политических решений, доказывать их справедливость или необходимость. Подъем политической пропаганды во многом был связан с решением проблемы религиозной политики государства. Поскольку религиозное инакомыслие чаще всего воспринималось обществом как повод к вооруженной борьбе, а ведущие идеологи эпохи являлись гуманистами (или, по крайней мере, получили гуманистическое образование), то и трактовка проблемы оказывалась неоднозначной. Вопрос о понимании мыслителями эпохи проблемы религиозного инакомыслия и политики государства в его отношении является одним из важнейших в осмыслении политической идеологии и пропаганды эпохи. Сложность его изучения связана с эволюцией видения современниками религиозного инакомыслия и религиозного противостояния по мере углубления конфликта на протяжении десятилетий. Даже люди одного круга, знакомые и друзья могли разойтись в интерпретации этих проблем (пример тому – воззрения связанных литературными и дружественными узами М. Лопиталья, Э. Пакье и П. Ронсара).

Сам конфликт, определенный конфессиональным расколом общества и религиозной конфронтацией, неизбежно ставил вопрос о религии, ее месте в обществе и государстве и стратегии власти в случае религиозного раскола. Отсюда и интерес к вопросам, связанным с религией и веротерпимостью.

Протестантская версия трактовки указанных проблем была выработана давно и фактически не менялась: религиозное меньшинство на самом деле подвергалось преследованиям государства и общества и могло трактовать все события войн как вынужденную защиту (что и делало), несчастья же видели только свои. Лишь неистовый Агриппа д'Обинье уже в сонетах сборника «Гекатомба Диане» изобразил жуткие картины гражданской войны: сражения, ожесточенность обеих сторон, натуралистические описания и обвинение сильных мира сего в том, что их распри (*les débats des plus grands*) ведут к трагедии. Мысль, высказанная молодым автором, связана с общей идеей, витавшей во Франции: религиозное противостояние внутри общества ведет страну к гибели, отсюда образ «мертвого тела страны».

В «Трагических поэмах» Обинье развил намеченную концепцию преследования обществом и государством невинного религиозного меньшинства в соответствии с политической доктриной протестантов – учением монархмахов, которое выработывалось во многом благодаря необходимости легализации их вооруженных

действий. Объяснение этих событий гораздо более тенденциозно и для оценок политики государства: характерно изображение протестантов как мучеников, а их идейных противников как библейских символов греха и зла. В целом оценки протестантов гражданских войн как выражения политики короны соответствуют привычному клише: виновными в них объявляются сначала скверные советники короля, затем его мать и сам король, и, наконец, сторонники Лиги и испанского короля. Реже встречаются персональные обвинения: кардинал Лотарингский объявлялся причиной «всех бед и гражданских войн, которые продолжаются в этом королевстве, а, значит, гибели и разорения страны»¹. Но именно политикой короны по отношению к религиозному меньшинству оправдывалась гражданская война, именно в этом контексте и разрабатывалось учение о правах народа и праве на сопротивление: «Народ имеет право и обязан бороться, взявшись за оружие»².

Проблема «государство и религиозное инакомыслие» приобрела особое значение для идеологов партии «политиков»: Большинство из них были гуманистами, которые, оставаясь католиками, тем не менее, провозгласили одним из главных постулатов своей программы стабилизации положения в стране необходимость достижения религиозного согласия в обществе, а следовательно, толерантности.

Еще до начала вооруженного конфликта сложилась концепция толерантности власти, сформулированная канцлером Лопиталем³. Идеи ее были изложены в его сочинении «О цели войны и мира» и программной речи на открытии Генеральных Штатов в 1560 г. Суть заключалась в утверждении принципов свободы совести в сфере идеологии и веротерпимости в политике государства: «Еретики больны душевно, но тем большим злодейством являются попытки мучить их и преследовать огнем и мечом»⁴. Лопиталь доказывал необходимость проведения политики веротерпимости ссылаясь на естественное право: поскольку «нерушимые законы природы выше всех законов людей», то преследование их по религиозным мотивам означает «вести борьбу с природой, жестоко надругаться над человечностью». Принцип свободы совести, сформулированный Лопиталем, зиждется на требовании предоставления духовной свободы. По мнению гуманиста, без ее достижения невозможно и подлинное благочестие⁵. Без духовного раскрепощения человека, без предоставления ему свободы выбора невозможна и подлинная религиозность.

Выдвинутая концепция свободы совести отличалась широким спектром идей. Лопиталь настаивает, прежде всего, на сохранении гражданских прав инаковерующих: по его мнению, «даже отлученный не перестает быть гражданином»⁶. Тем самым не только снимался вопрос о необходимости защиты господствующей религии, но

по сути дела разводились церковь и государство. Отсутствие веротерпимости меняет характер власти, превращает законного государя в тирана: «Если государь лишает людей свободы совести, то подданные превращаются в рабов и сам он становится их угнетателем, а не государем». Наличие свободы совести легализует статус инаковерующих как подданных и определяет характер самого государства. Для гуманиста исключено насильственное приобщение к религии, государство не может приобщать к религии, «проливая потоки крови или проявляя жестокость»⁷. Таким образом, религиозное принуждение оказывается попыткой извратить сущность христианства и кощунством⁸. Лопиталь решительно протестовал против решения религиозных вопросов путем насилия: «Те, кто хочет насадить христианскую религию оружием (шпагами и пистолетами), действуют вопреки своему символу веры, который предписывает нам терпеть насилие, а не вершить его»⁹. Программа четко и недвусмысленно была изложена канцлером, следовавшим ей в своей политической деятельности.

Однако уже на заре гражданских войн гуманист разглядел политическую подоплеку религиозного конфликта и объявил, что «врагами и заклятыми противниками государства следует считать тех, кто вершит общественные дела, исходя скорее из своей личной ненависти, чем (дела) спасения народа»¹⁰. Решение религиозных вопросов подобными методами он считал государственным преступлением: «Те... кто пытается залить кровью народа огонь, который сами же и разожгли, постоянно направляя это королевство к гибели и разорению, могут считаться только предателями и губителями Родины и дела короля»¹¹. Лопиталь ставит проблему в самых общих чертах; религиозные мотивы как оправдание гражданской войны отягощают вину организаторов конфронтации: «Если гражданская война является развратом, худшим, чем война с внешним врагом, то какова же та, причиной и следствием которой оказывается христианская и евангелическая религия, которая, прежде всего, повелевает нам соблюдать мир и дружбу между людьми»¹². Вопрос о конфессиональных различиях решается Лопиталем однозначно: государство не должно вмешиваться в дела совести, но обязано охранять права всех граждан независимо от их вероисповедания, гарантируя им нормальную жизнь без преследований. Сторонники же религиозных преследований защищают не религию, а свои собственные интересы, что влечет за собой резкое ослабление власти и государства.

Гуманисты, даже не разделявшие взгляды Лопиталья, прочно усвоили его точку зрения о недопустимости насилия по отношению к инакомыслящим и осуждали религиозные усобицы в государстве, поскольку те подрывают его могущество. Однако, поддерживая позиции Лопиталья в отношении политики государства (запрет рели-

гиозных преследований, сохранение гражданских прав за иноверцами, прекращение гражданских войн), большинство мыслителей настаивают на ином отношении к проблеме «государство и религия». Проблема религиозной толерантности начинается как бы распадаться. Перед гуманистами встает дилемма: признать необходимость абсолютной свободы совести или же отстаивать единую государственную религию. Сложность выбора определялась тем, что они считали необходимой свободу духовную, но полагали, что достижение религиозной терпимости в обществе на имеющемся уровне развития невозможно, и осознавали опасность, которую представляли конфессиональные разногласия для государства. Субъективно они сочувствовали преследуемым, объективно приходили к идее необходимости единой религии в государстве, хотя считали недопустимым преследование граждан по конфессиональным мотивам и насильственное обращение в господствующую религию. Это усложнялось тем, что представление о национальной идентичности со времен Франциска I включало принадлежность к католицизму, точнее к галликанизму.

Провал политики толерантности вынудил политических теоретиков рассматривать, прежде всего, политические последствия религиозного инакомыслия и разногласий, т. е. проблему гражданских войн. Само понятие «гражданские войны» в представлении людей, получивших гуманистическое образование, трактовалось в соответствии с античной политической и исторической мыслью как величайшее бедствие, которое только может постигнуть страну или народ.

Идеи теоретиков своеобразно преломились в политической публицистике. В целом в оценках гражданских войн все более и более усиливается призыв к миру и как результат проблема религиозной конфронтации отодвигается на второй план. Эти тенденции отчетливо проявились в политической публицистике умеренных католиков еще в самом начале памфлетных войн. Уже в 1562 г. в памфлете «Совет королю» автор, отнюдь не симпатизирующий протестантам, упоминает не об общих невзгодах гражданской войны, а об опасности социальных и политических трансформаций в стране. Советник парламента (как он позиционирует себя) излагает по сути концепцию Лопиталья.

По мнению государственного чиновника, религиозные раздоры несут величайшую опасность для общества и государства и их следует избегать, так как они чреватые всевозможными социальными последствиями. Неслучайно эта гипотетическая возможность относится к выступлениям народных низов, автор пугает уже не пожарами, убийствами, нищетой и т.п., а тем, что «бедствия состоят в волнениях, смутах и бунтах, которые могут начаться в результате этого раскола»¹³. Вместе с тем он полагает, что в государстве должно быть единообразие, все должно строиться на единстве, а по-

тому мечта автора состоит в том, чтобы вернуть «все к старому доброму порядку, чтобы в конце концов одна партия успокоила другую, а лучше всего бы всем обратиться к общим установлениям и одинаково следовать содержанию священного писания»¹⁴. Тезис о единстве и однообразии в государстве распространяется и на религию, в соответствии с известным лозунгом («единый король, единая вера, единая страна»), религия понимается как составная часть сложившегося общественного порядка, а одна партия должна успокоить другую. Хотя характер этого «успокоения» было еще трудно предугадать, анонимный автор, несомненно, католик, отстаивает необходимость мирного убеждения инакомыслящих («следует использовать уговоры, а не насилие»¹⁵), но при этом все-таки необходимо вернуться к религиозному единообразию.

Дилемма поставлена вполне определенно, но сторонниками консервации существующих порядков (в том числе и религии) пропагандируется тезис о невозможности насильственного приобщения даже к государственной религии: к ней нельзя принуждать насилеи. Тем не менее только сильная рука может удержать этот конфликт в узде: «При правлении такого государя дремлют и находятся в состоянии покорности беды, смуты и гражданские войны»¹⁶. Однако сознательные граждане, подобно античным римлянам, должны им противостоять: «Нет ничего более достойного имени и свободы доброго гражданина, чем ненависть к гражданским войнам, особенно к тем, которые стремятся прикрываться именем Христа, как будто для христианина есть что-либо более дорогое или более подходящее, чем мир»¹⁷.

Таким образом, в публицистике умеренных католиков уже в начале войн отчетливо осуждаются нетерпимость и репрессивная политика государства. Идея гражданского согласия для публицистов-«политиков» неразрывно связана с идеей религиозной терпимости в обществе, хотя сами религиозные разногласия считаются «тяжелейшей болезнью», тем не менее «религия также не может быть вынуждена силой, как дерево не может существовать без корней»¹⁸. Иные публицисты считают необходимым при утверждении гражданского мира не только искоренение религиозной конфронтации и утверждение религиозного единообразия, но и проведение церковной реформы в католической церкви: «Без применения оружия вырвать из церкви оба незаконных побега – папистов и гугенотов и восстановить реформированный католицизм, проведя католическую реформу»¹⁹.

Выбор между сосуществованием разных религиозных течений и политическим конфликтом решается в пользу первого (хотя и без удовольствия). Веротерпимость как политика, с точки зрения теоретиков-политиков – меньшее из двух зол. В памфлете «Увещание о мире» (1574) осуждается религиозное инакомыслие («раскол

в религии – это величайшая болезнь»²⁰), но еще более негативно оценивается вооруженное столкновение между гражданами по этим мотивам: «Гражданская война – это лекарство еще более опасное, чем сама болезнь»²¹.

Гражданские войны понимались как результат религиозного противостояния и неизбежно должны были привести к ликвидации политического опыта Франции, исторически сложившихся политических институтов. После Варфоломеевской ночи и ее последствий теоретики вынуждены были обратиться к проблемам последствий религиозного инакомыслия и репрессивной политики. Отказ от правопорядка становится одним из главных составляющих в этой мрачной картине. Уже Л. Леруа указывает, что ныне «провинции Франции находятся в состоянии беспорядка, почти лишены правосудия, законов и должностных лиц, родные вооружаются против родных, соседи против соседей, граждане – против граждан»²². Он критикует политику правительства: «Допускают волнения и раздоры, когда им (правителям. – Э. И.) подобает держать все в дружественном согласии, и в итоге допускают страшную бурю гражданских войн»²³. Религиозный момент выделяется как основной в гражданских конфликтах в трактате «О бедствиях и смутах, порождаемых среди людей различиями в религии». Леруа стал одним из ведущих теоретиков, обращавшихся к проблемам конфессиональной конфронтации. Смысл его концепции сводился к тому, что при осуждении насилия и жестокости со стороны всех участников религиозных конфликтов он настаивал на консервации сложившихся политических порядков (прежде всего монархической власти и ее институтов) и утверждал необходимость наличия единственной государственной религии (а при идее сохранения *status quo* это означало поддержку католицизма). Поэтому неизбежно в порядок дня ставился вопрос не просто о религиозном единстве, но и о роли религии в государстве. Осуждая религиозный фанатизм (и гражданские войны как его следствие), Леруа считает религию необходимой составляющей общественного устройства. Господствующая религия неразрывно связана с государством, изменение ее влечет за собой серьезные политические последствия²⁴. В силу этого религия в государстве должна быть неизменна. Государство же обязано сохранять единство, не допуская религиозных расхождений, и тем более раскол общества не просто религиозному признаку: «Государь должен стремиться к согласию между людьми, он все погубит, если не станет поддерживать в своих владениях лишь одну религию»²⁵.

Отказ от этого принципа приводит не только к дестабилизации общества, но и преследованию религиозного меньшинства: «Внушаются ложные представления, утверждается насилие в форме убийств, изгнаний, конфискации, грабежей, и все это не прекращается вплоть до того времени,

когда более могущественная партия не подавит более слабую в ходе гражданской войны, несущей одни бедствия»²⁶. Отстаивая принцип единой, защищаемой государством религии, Леруа печется не о чистоте веры, а скорее о плачевной судьбе инаковерующего меньшинства. Наличие государственной религии, таким образом, оказывается средством предотвращения и религиозной конфронтации, и гражданских распрей, и их отрицательных последствий.

Вместе с тем гуманист резко осуждает религиозные войны, из-за которых люди теряют человеческий облик, а государство уничтожается; граждане становятся «подобны диким зверям, цивилизация забывается, а все божественные и человеческие установления смешиваются в беспорядочную кучу»²⁷. Анализ современных распрей приводит его к вопросу об исторической роли религий. Религия предстает не только как элемент политической организации общества, но и как один из важнейших формообразующих элементов государства. Нарушение существующих порядков, утверждает Леруа, приводит к разложению общества, формированию политических партий и гражданским войнам. Протест против гражданских войн и явное недружелюбие к «более могущественной партии» позволяют понять отношение католика Леруа к религиозному меньшинству.

Часть легитимистки настроенных гуманистов первоначально предпочитала не ввязываться в полемику по вопросам отношения к религиозному инакомыслию и гражданским войнам, но под давлением внешних обстоятельств вынуждена была изменить свою позицию. Документальным свидетельством нового восприятия ситуации могут служить письма знаменитого историка и филолога Э. Пакье. Он открыто говорит об использовании религиозной конфронтации в политических целях дворянами, причем одни прикрываются «именем святой лиги, другие же именем реформированной религии». В этой ситуации он высказывается не столько против религиозного инакомыслия, сколько против религиозной конфронтации: «Ничего так не следует страшиться, как гражданских войн, а среди них таких, которые ставят целью смену религии»²⁸. В силу этого гуманист негативно относился к любому «брожению умов» как первопричине политических потрясений. На раннем этапе он лишь подчеркивал, что религиозные конфликты и вытекающие из них столкновения неуютны Богу.

По мере углубления религиозных и политических конфликтов гуманист перешел к решительным политическим рекомендациям. Против противников мира необходимы радикальные меры.

Отличие позиции Пакье состоит в том, что он видит первопричину ситуации не в религиозных разногласиях, а в активности феодальной знати независимо от ее партийной и конфессиональной принадлежности. Религия лишь прикрывает их

цели децентрализации государства, а это ведет к активизации социальных низов, «черни, которая поддерживает мятежи» и «очень любит лигеров». Соответственно должна быть направлена политика государства.

В размышлениях Пакье религиозный конфликт отходит на второй план, но гуманист остается на старых позициях, сформулированных еще Лопиталем. По его убеждению, мир предоставит больше возможностей ликвидировать религиозное инакомыслие, чем гражданская война, ожесточающая народ: «Никогда государь не сможет привлечь на свою сторону людей, принадлежащих к противоположной религии, столь же успешно во время войны, как он делал это своими эдиктами умиротворения»²⁹.

Таким образом, в поле зрения политических теоретиков попадал в большей мере вопрос о допустимости религиозного инакомыслия, положения меньшинства и возможности перерастания религиозной конфронтации в гражданскую войну. В меньшей степени рассматривался вопрос о политике государства в отношении религиозного инакомыслия. По преимуществу эти рекомендации о недопустимости преследований инакомыслящих и гражданской войны из-за религии носят общий характер.

Наиболее отчетливо новая концепция веротерпимости, религиозного инакомыслия и религиозной политики государства была сформулирована в сочинениях крупнейшего политического мыслителя XVI в. Ж. Бодена. Основные ее принципы он излагает в своих сочинениях «О государстве» (1576) и «Гептапломерес» (1593).

В трактате «О государстве» Боден выразил ясную и четкую позицию относительно места религии в государстве и его религиозной политики. Характерно, что этой проблеме он посвятил большой фрагмент в разделе, посвященном социальным переворотам и их предотвращению. В вопросе о социальной и политической роли религии Боден во многом разделяет позиции Леруа, но его подход и трактовка проблемы гораздо глубже. Боден пропагандирует идею государственной религии, которая становится основой социального бытия. По его мнению, это очевидно: «Даже атеисты соглашаются с тем, что ничего так не направлено на сохранение государства, как религия, поскольку она является важнейшей основой могущества монархий и сеньорий, исполнения законов, повиновения подданных, почтения к магистратам, страха перед дурными поступками, и связывает каждого по отдельности и всех вместе узлами дружбы»³⁰. Боден, таким образом, считает религию нравственной основой общества и государства, их необходимым элементом; по сути, она определяет все внутренние связи в обществе и его нравственность. Такое понимание социальной функции религии сказывается и на позиции Бодена в отношении государственной политики: государство не должно насаждать

религию насильно, но обязано вмешиваться в религиозный раскол и ликвидировать его, однако не из жалости к меньшинству, как у Леруа, а ради стабильности всего общества. Поэтому религию Боден объявляет неприкосновенной и требует запрещения религиозных новшеств: «Если религия была однажды принята с согласия всех, то дальнейшие диспуты ни в коем случае не должны допускаться»³¹. Религиозная политика государства в отношении господствующей религии должна быть по Бодену строго охранительной вплоть до запрещения религиозных дискуссий: «Религию следует охранять как некую священную вещь, и ее нельзя подвергать сомнению посредством диспутов»³². Смена религии вызывает страшные последствия, и Боден напоминает об итогах Реформации в Европе: «Подобное не могло свершиться иначе, чем с крайним насилием и большим кровопролитием». Столь жесткая оценка определялась тем, что Боден полагал религиозные разногласия одним из важнейших поводов для социальной конфронтации в обществе и причиной мятежей и гражданских войн. Следовательно, «ничего не существует опаснее того, чтобы подданные разделились на две разные группы, будь-то в отношении государства или религии или же из-за законов и обычаев»³³.

В связи с этим он уделяет особое внимание публичным диспутам как способу популяризации разногласий, так как «все вопросы, которые становятся предметом обсуждения, становятся тем самым и предметом сомнений», и «великое святотатство ставить под сомнение то, что для каждого является непреложным и прочным». Боден прямо требует от государства в качестве превентивной меры запрета религиозных споров: «Диспуты были изобретены не для рассмотрения вопросов необходимых и божественных, которые всегда оказываются поставлены под сомнение диспутами»³⁴. Политик обрушивается на «мастеров красноречия», тех, кто «обманывает друзей противоречивыми доводами». Под ними он понимает проповедников, которые «побуждают народы к мятежам, и многие изменяют законы, обычаи, государства, религии, а иные приводят их к полному уничтожению, и точно также почти все они сами кончают насильственной смертью»³⁵ (в этом он перекликается с позицией П. Ронсара). Речь идет именно о религиозных проповедниках, неслучайно Боден упоминает Савонаролу (да еще в контексте с политическими вопросами), так как «красноречие опасно в устах демагога-бунтовщика». Однако его видение проблемы более сложно. По мысли Бодена, провокатором религиозной конфронтации могут стать и деятели господствующей церкви. Он приводит показательный пример: в качестве такого демагога у него выступает Константинопольский патриарх Нектарий, которому в вину ставится призыв расправиться с инаковерующими подданными, «проповедник, который воспламенял государей, чтобы те убивали и сжигали своих подданных»³⁶. Боден уточняет,

«ради этого (очищения земли от еретиков) он призывал разжигать костры», и подчеркивает благоразумие императора. Быть может, осуждая Нектария, он выразил отношение к «Огненной палате» во Франции и к испанской инквизиции.

Тем не менее Боден указывает на исторический опыт, утверждая, что «все споры о религии были прямо запрещены под страхом смерти, и впоследствии запрет на то, чтобы никто не смел спорить о религии, строго исполнялся»³⁷ (в том числе и в Германии после Аугсбургского мира). Последствия же этих споров ужасны и «следует в высшей мере остерегаться того, чтобы столь священный предмет был приведен к сомнениям или презрению спорами, поскольку от этого зависит гибель государства»³⁸. Защита государственной религии превращается в защиту государства. Боден считал, что верховная власть в подобных столкновениях должна стоять над схваткой адептов враждующих религий: «Государь не должен поддерживать партии, он обладает властью верховного судьи, это относится и к войнам из-за религии»³⁹. Таким образом, власть обязана пресекать религиозные распри, однако при этом Боден развивает идеи, унаследованные от Лопиталья.

В случае, если власть свою задачу вовремя не выполнила, Боден рекомендует придерживаться принципа веротерпимости: «Религию или секту следует терпеть, если от нее нельзя избавиться без разрушений для государства»⁴⁰. Он советует правителям проявлять особый политический такт в религиозных вопросах, уподобляя их «мудрым шкиперам», которые направляют корабль куда могут, если не в состоянии направить его в нужный порт.

Особое место в его концепции религиозной терпимости занимает позиция самого государя. Последний не должен вносить в свои политические действия личные пристрастия, в том числе и религиозные убеждения. В соответствии с гуманистической традицией Боден настойчиво повторяет тезис о недопустимости принуждения в делах совести: «Если государь, который совершенно убежден в том, что его религия – истинна, желает обратить своих подданных, разделенных на секты и партии, то он не должен пытаться использовать насилие»⁴¹. Подобная практика только ожесточает подданных: «Чем больше добрая воля людей принуждается, тем более несговорчивыми они становятся»⁴². Только личный пример может подвигнуть подданных следовать ему: «Если государь сам, лично следует подлинной религии без обмана и лицемерия, безо всякого использования насилия, или другого проявления наказания, то он может обратиться сердца и желания своих подданных к своей религии». В этом случае он сохраняет покой в государстве, «не только избегает беспокойства, бедствий и гражданских войн, но и ведет своих заблуждающихся подданных к вратам спасения»⁴³.

Образцом государства, в котором мирно сосуществуют религии, он объявил Оттоманскую

империю, где государь «охраняет свою религию, как это делает любой другой государь в этом мире»⁴⁴. Но при этом он никого не принуждает, «разрешая каждому жить в соответствии с требованиями своей совести».

В Европе в качестве подобного примера Боден нашел лишь одного – Теодориха Великого. Образцом религиозной политики для Бодена оказываются действия еретика-арианина: «Теодорих, хотя и благоволил к арианам, не пожелал насилловать совесть своих подданных». Боден привел слова Кассиодора: «Мы не можем властвовать в делах религии, поскольку никого нельзя заставить верить вопреки собственной воле». Много позже в «Гептаплемересе» Боден в уста самого неистового протестанта вложит схожую мысль: «Никто не в силах убедить в преимуществе своей веры, каждый считает свою веру истинной»⁴⁵.

Однако Боден исходит не из гуманных соображений. Он отмечает, что люди, «кому препятствуют в следовании своей собственной религии, испытывают отвращение к другим, обычно кончают тем, что превращаются в атеистов»⁴⁶. А это гораздо опаснее для государства и социума, так как атеисты «раз уж утратили страх перед Богом, попирают закон и магистратов, и предаются всем мыслимым видам нечестивости и злобы, и невозможно исправить положение дел с помощью человеческих законов». Следовательно, делает вывод Боден, «самые сильные предрассудки в мире куда менее отвратительны, чем атеизм», и если невозможно принять правильную религию, то лучше терпеть религиозное заблуждение, так как «необходимо избегать еще более худшего зла»⁴⁷.

Пропаганда идеи государственной веротерпимости и ненасилия сопровождается в трактате «О государстве» рассуждениями о сути религии. Здесь Боден фактически не ставит вопроса о самой религии и замечает, что не станет «обсуждать, какая религия самая лучшая»⁴⁸. Потому-то он и не защищает, как Лопиталь или Леруа, инакомыслящее меньшинство. По его мнению, все, кто высказывает особые религиозные взгляды, «даже не просто сумасшедшие, они ослабляют основу любых религий»⁴⁹. Религиозный скепсис Бодена здесь связан с пониманием необходимости защиты любого государства от развала. И тем не менее обязанность государя решительно пресекать если на само религиозное инакомыслие, то его последствия, наказывать тех, кто сбивает с пути истинного подданных, и противостоять столкновениям на религиозной почве.

Важнейшие идеи трактата Боден повторил и в самом дерзком своем сочинении «Гептаплемерес». Вновь был поставлен вопрос: «Дозволено ли добрым людям спорить о религии»⁵⁰, и снова доказывалось, что споры о религии наиболее опасны, «наитруднейшим всегда оказывается обсуждать друг с другом дела божественные, так как различные мнения разрушают дружбу и согласие»⁵¹. Он повторил тезис об опасности рас-

кола на религиозной почве: «Ничего нет опаснее для государства, чем когда граждане разделены на две партии, спорящие либо из-за законов, либо из-за должностей, либо из-за религии. А уж если этих партий становится больше, то начинаются гражданские войны, чтобы уничтожить стабильное согласие в государстве и гармонию в нем»⁵². Но вопрос о политике государства в отношении религиозного инакомыслия и сосуществования религий в этом трактате уже не поднимается.

Вопрос о месте религии в государстве, религиозной конфронтации и политики государства к инакомыслию резко актуализируется в 1584 г. Смерть герцога Анжуйского поставила в порядок дня переход короны к протестанту Генриху Наваррскому, что естественно вызвало серьезный отклик. Легитимисты выработали свою позицию: сложившаяся ситуация является выражением воли Бога, выступать против нее – идти против его воли⁵³. Вопрос о месте религии в государстве и о возможности существования религиозного инакомыслия по мере углубления событий уже интерпретируется легитимистами с позиций сакрализации королевской власти, выступать против нее может только «враг Бога». Следовательно, продолжение религиозной конфронтации и гражданских войн означает борьбу с государем, а это – «подлинный портрет гражданской войны», результатом чего является «начало хаоса» и «гибели всего организма»⁵⁴. Католические идеологи умеренного толка выступают против использования конфессиональных различий в политических целях. Эта тенденция усиливается, и религиозный экстремизм Лиги оценивается как политическая спекуляция и предательство интересов государства.

Единственным исключением в истории идеологии этого периода являются публицисты Лиги. Ее приверженцы выступают решительными противниками позиции «политиков» (обвиняют их в атеизме и равнодушии к вере) и санкционируют гражданскую войну, настаивая прежде всего на опасности для государства и порядка возникновения религиозного инакомыслия, при этом опираются на прецеденты в Германии и Чехии. Мотив тот же – религиозные разногласия ведут к социальному взрыву, но государство и общество должны использовать насилие для подавления инакомыслия, вплоть до искорчевания религиозной оппозиции огнем и мечом («сокрушайте отступников»). Первопричиной всех религиозных распрей в государстве они провозглашают свободу совести. Сторонники Лиги объявляют достижение чистоты религии первостепенной задачей государства; ради нее общество должно быть готово на любые жертвы вплоть до войны: «Мы должны принимать любую войну с еретиками», поскольку эта война «ведется в защиту нашей религии и законов наших предков, за наше благо и детей против врагов Бога, еретиков и их покровителей»⁵⁵.

Рассмотрение проблемы религиозного инакомыслия и конфронтации в государстве у католических идеологов было неоднозначно и существенно эволюционировало. В центре оказались проблемы религиозной терпимости и необходимости единой государственной религии. Однако при обсуждении вопроса о мерах преодоления религиозной конфронтации заметны существенные расхождения: если часть (умеренные католики и политики) высказывается за свободу совести, религиозную терпимость и необходимость действовать убеждениями, то более радикально настроенные (позднее сторонники Лиги), напротив, настаивали на предпочтении гражданских столкновений и войн сосуществованию различных религий в государстве, отмечая социальную опасность религиозного инакомыслия.

Сама проблема религиозного инакомыслия и политики государства в эпоху гугенотских войн оказывалась неразрывно связана с теорией государства и проблемой гражданских войн. Теоретики всех толков исходили из античного понимания гражданских войн как величайшего зла для общества и государства. В остальном они значительно расходились. Протестанты обвиняли католиков в преследованиях и оправдывали этим право на вооруженное выступление и, следовательно, ведение гражданской войны. В этой связи разрабатывается учение не только о праве, но и обязанности народа на выступление против легитимной власти. Особое внимание эта проблематика получила в католическом лагере и ее рассмотрение было далеко не однозначно. По преимуществу пальму лидерства здесь держат идеологи политиков – от наиболее выдающихся до самых скромных. Пожалуй, крупные мыслители и теоретики высказывались по этому поводу в первый и второй период войн, когда либо оставалась хрупкая надежда на восстановление правопорядка и единства, либо надо было теоретически обосновывать противостояние действиям гугенотов после Варфоломеевской ночи и их политическим идеям (тираноборчеству). В последний же период они исключительно призывали к миру, пугая перспективой утраты Францией независимости.

В принципе все идеологи католиков стояли на охранительных позициях и считали наличие религиозного инакомыслия опасным для государства, а религию одним из важнейших его устоев и формообразующих элементов. Однако в этом вопросе подходы были разными: радикальные католики с пеной у рта доказывали необходимость защиты чистоты веры и религии, умеренные полагали, что в основе религиозной политики должны лежать интересы общества и государства, и она должна определяться возможностью установления стабильности в обществе. Вместе с тем водораздел между идеологами католиков проходит, прежде всего, в решении вопроса о политике государства по отношению к религиозному меньшинству. Умеренные отстаивали принципы веротерпимости, предоставления гражданских прав и воздействие

на умы путем убеждения. Радикальные католики стояли на позициях правомерности и необходимости использования насилия. Этим определялось и отношение к религиозным войнам: для умеренных – гражданская война по любым мотивам недопустима и гибельна, для радикальных – это священная война против еретиков независимо от социально-политических последствий для государства. Соответствующие претензии предъявлялись и к носителям власти: с точки зрения одних, короли недостаточно боролись с ересью, с точки зрения других, политика насилия недопустима. В силу этого размежевание среди католиков (как и среди их идеологов) все более усиливается по мере углубления гражданских войн. Эти общие тенденции нашли отражение в сфере идеологии и политической пропаганды.

Примечания

- 1 Brief discours sur les moyens qui tient le cardinal de Lorraine pour empêcher l'établissement de la paix et ramener les troubles en France. S. l., 1568. P. Gijj-r.
- 2 De puissance legitime du prince sur le peuple et du peuple sur le prince. Genève : s.n., 1581. P. 211.
- 3 *Crouzet D.* La sagesse et le malheur : Michel de l'Hospital, chancelier de France. Seyssel : Champ Vallon, 1998. 608 p.
- 4 *L'Hospital M. de.* La liberté de conscience // Anthologie des écrivains françois de 15 et 16 sieclesю. Paris : s.n., s.a. P. 47.
- 5 *L'Hospital M. de.* Harangue du chancelier M. de L'Hospital dans l'assemblée des États Généraux. Paris : s.n., 1829. P. 18.
- 6 Ibid. P. 17.
- 7 Ibid. P. 18.
- 8 Ibid. P. 19.
- 9 *L'Hospital M. de.* La liberte de conscience. P. 47.
- 10 *L'Hospital M. de.* Harangue du chancelier M. de L'Hospital dans l'assemblée des États Généraux. P. 8.
- 11 Ibid. P. 7.
- 12 Ibid. P. 19.
- 13 *Advis au Roy.* Paris : s.n., 1562. P. B4-v.
- 14 Ibid. P. A3-v.
- 15 Ibid. P. B3-v.
- 16 Ibid. P. 9v.
- 17 Ibid. P. 23r.
- 18 Ibid. P. B4-v.
- 19 *Discours sur le conge impetré par le cardinal de Lorraine de faire perdre les armes defendues à ces gens pour la tuition et defence de sa personne.* S. l., 1575. P. 72.
- 20 *Exhortation à la paix.* Poitier : s.n., 1574. P. 9.
- 21 Ibid. P. 13.
- 22 *Leroy L.* Consideration sur l'histoire française et universelle de ce temps, don't les merveilles sont succictement recitées. Lyon : s.n., 1567. P. 3r.
- 23 *Leroy L.* Des troubles et differens advenance entre les homes par la diversité des religion : ensemble du commencement, progress et excellence de la chrestienne. Lyon : s.n., 1567. P. 7v.

- 24 Ibid. P. 12г.
- 25 Ibid. P. 12в.
- 26 Ibid. P. 5г.
- 27 Ibid. P. 3г.
- 28 *Pasquier E.* Les lettres. L. IV. Ep. XV. Paris : s.n., 1619. Vol. I. P. 224.
- 29 *Пакье Э.* Письмо 6, книга 10 // *Эльфонд И. Я.* Политические учения эпохи Возрождения и Реформации (Франция). Саратов : Саратовский государственный педагогический университет, 1991. С. 30.
- 30 *Bodin J.* De la Republique les six livres. Paris : s.n., 1583. P. 454.
- 31 Ibid.
- 32 Ibid.
- 33 Ibid. P. 456.
- 34 Ibid. P. 460.
- 35 Ibid.
- 36 Ibid.
- 37 Ibid. P. 455.
- 38 Ibid.
- 39 Ibid. P. 453
- 40 Ibid.
- 41 Ibid.
- 42 Ibid. P. 455
- 43 Ibid.
- 44 Ibid.
- 45 *Bodin J.* Colloquium Heptaplomeres de rerum sublimium arcans abditis. New York : Nabu Press, 1970. P. 353.
- 46 *Bodin J.* De la Republique les six livres. Paris : s.n., 1583. P. 456.
- 47 Ibid.
- 48 Ibid. P. 454.
- 49 Ibid. P. 531.
- 50 *Bodin J.* Colloquium Heptaplomeres de rerum sublimium arcans abditis. P. 125.
- 51 Ibid. P. 116.
- 52 Ibid. P. 117.
- 53 *Advertissement au Roy de Navarre de se reunir avec le Roy et à la Foy catholique.* S.l., 1985. P. B3.
- 54 *Brief discours au Roy suyvant la protestation qu'il a faict de prendre les armes pour la tuition et defence de la religion catholique.* Paris : s.n., 1587. P. 13.
- 55 *Justification de la guerre enterprise, commencee et poursuivree sous la conduite de tres valeureux et debonnaire prince, Monseigneur de Mayenne.* Paris : s.n., 1589. P. 6.

Поступила в редакцию 15.01.2021, после рецензирования 28.01.2021, принята к публикации 30.06.2021
Received 15.01.2021, revised 28.01.2021, accepted 30.06.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 476–479

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 476–479

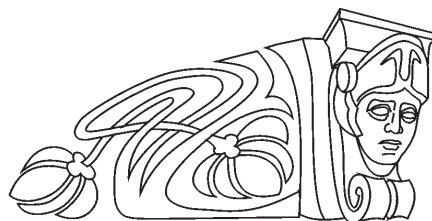
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-4-476-479>

Научная статья

УДК 655.26(427.1)|15|+929 Даниэль Адам Велеславин

Религиозные и моралистические сочинения в репертуаре типографии Даниэля Адама Велеславина

Е. Н. Многолетняя

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Многолетняя Елена Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Elenamногоletnjaja@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2079-6080>

Аннотация. В статье анализируется издательская деятельность чешского типографа XVI в. Даниэля Адама Велеславина, выявляется репертуар изданий, в том числе издание религиозных и моралистических сочинений, рассматриваются их роль и место в издательской продукции типографии и значение для чешского читателя. Обращение к источникам, в частности к библиографии чешских изданий, позволяет говорить о том, что из типографии Велеславина выходила нравственная и религиозная литература, не имевшая узкой религиозной направленности, но всегда опиравшаяся на жизненную практику.

Ключевые слова: книгопечатание в Чехии, чешские типографы, издательская деятельность, репертуар книжной продукции, религиозные и моралистические сочинения

Для цитирования: Многолетняя Е. Н. Религиозные и моралистические сочинения в репертуаре типографии Даниэля Адама Велеславина // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 476–479. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-4-476-479>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Religious and moralistic works in the repertoire of the printing house of Daniel Adam Veleslavin

E. N. Mnogoletnyaya

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Elena N. Mnogoletnyaya, Elenamногоletnjaja@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2079-6080>

Abstract. The author analyzes the publishing activity of the Czech typographer of the XVI century Daniel Adam Veleslavin, identifies the repertoire of publications, in particular the publication of religious and moralistic works, considers their role and place in the publishing products of the printing house and their significance for the Czech reader. Reference to sources, in particular to the bibliography of Czech publications, suggests that the printing house of Veleslavina produced moral and religious literature that did not have a narrow religious function, but it was always aimed at life practice.

Keywords: book printing in Bohemia, book printer, publishing, repertoire of books, religious and moralistic works

For citation: Mnogoletnyaya E. N. Religious and moralistic works in the repertoire of the printing house of Daniel Adam Veleslavin. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 476–479 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-4-476-479>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Даниэль Адам из Велеславина – самый знаменитый чешский типограф XVI в. В своей типографии он издавал сочинения различных жанров, выступал в роли не только издателя, но и переводчика и даже автора издаваемой продукции¹.

Из типографии Велеславина вышел целый ряд моралистических и религиозных сочинений. Литература этого рода пользовалась широким

спросом, так как в обществе, по мнению самого издателя, царил «нравственная распущенность»². Издание таких произведений находилось в тесной связи с нравственно-религиозными убеждениями самого Даниэля Адама, являвшегося тайным приверженцем общины чешских братьев.

Из нравоучительной литературы центральным изданием было сочинение Искокра-

та – афинского оратора и публициста, учителя Демосфена, основателя знаменитой школы красноречия в Афинах под названием «Наставления к Демонику Исократа» (1586 г.)³. Оно было адресовано, прежде всего, образованным чешским читателям. Об этом свидетельствуют два обстоятельства. Первое – это латинское посвящение, которое написал сам Велеславина. Второе обстоятельство – параллельно изданные две версии сочинения: чешская версия в переводе В. Писецкого и латинский вариант. Велеславина придерживался взглядов и разделял мнение автора о том, что в молодом человеке нужно гармонично развивать телесные, духовные и нравственные способности. Данное произведение призывало к воспитанию добродетели, входившей в этическую систему древних греков; в которой ощущалась потребность и во время Велеславина. Это было воспитание в человеке таких качеств, как мужество, сдержанность, справедливость. Очень актуальным в указанный период было осуждение несправедливости, лицемерия, эгоизма и расточительности. Выбор данного произведения Даниэлем Адамом не был случаен, он почитал античную этику. Еще одним свидетельством этого было добавление к латинской версии «Наставлений» нравственного поучения семи греческих мудрецов⁴.

Некоторые издания религиозных сочинений, которые были напечатаны в типографии Даниэля Адама, характеризуются особым содержанием, которое по большей части имеет отношение либо к истории, либо к географии. Это относится к двум сочинениям: «Странствия святых» (1592 г.) и «Описание города Иерусалима и его предместий» (1590 г.)⁵. Первая книга – это перевод немецкого сочинения лютеранского епископа Генриха Буентинга, повествующего согласно Священному Писанию о пребывании библейских персонажей в Святой земле. Во второй книге описывается согласно латинскому сочинению голландского библиста Кристиана Андихомия Иерусалим во времена Иисуса Христа. Тематика обеих книг была весьма популярной, потому что жизнь Иисуса Христа интересовала читающую публику не только в середине века, но и в эпоху Возрождения. Учитывая этот интерес, Велеславина занялся переводом названных сочинений. Однако в своих предисловиях он определил им не сугубо религиозную, а, скорее, «светскую функцию»⁶. Так, в предисловии к «Странствию святых» Вячеславина полностью отходит от содержания сочинения и занимает внимание читателей описанием путешествия выходцев из чешских земель в Палестину. Для этого он обращается к двум рукописным сочинениям чешских авторов – Мартина Кабатника и Олдржиха Префата из Влканова, описывающих их собственные путешествия в Палестину. Мартин Кабатник (Martin Kabátník) — чешский путешественник и писатель XV в. – был послан гуситской братской общиной «Чешские братья»

на Восток, чтобы выяснить, какая из церквей сохранила первоначальный христианский характер в чистейшем виде. Для этого Кабатник отправился в Малую Азию, Иерусалим и Египет. Его путь пролегал через Моравию, Силезию, Краков, Львов, Стамбул и Дамаск. Вернувшись на родину, он написал «Путешествие в восточные страны» («Cestopis do Krajín vychodních») и умер в 1503 г.⁷ «Путешествие...» Кабатника было издано в первый раз в 1518 г. и позже перепечатывалось много раз. Олдржих Префат (Oldřich Prefát z Vlkánova) – чешский математик и путешественник – происходил из богатой пражской семьи. Сначала учился в Праге, затем с 1540 по 1542 г. – в университетах Виттенберга, Лейпцига, Ингольштадта, Венеции и в 1550 г. изучал математику в Риме. В 1546–1547 гг. совершил путешествие в Палестину. Написал сочинение «Путешествие из Праги на Восток» («Cesta z Prahy do Beň[n]átek | a odtud potom po Moři až do Palestyny...»), первый раз изданное в 1563 г. в типографии Яна Козела Старшего в Праге⁸. Вероятно, Велеславина увидел в книге Буентинга, по сути своей религиозной, литературу, описывающую путешествия, т. е. своеобразные путевые заметки. Такие сочинения преследовали скорее христианско-просветительские цели, нежели конфессиональные.

Нравственная и религиозная литература, издаваемая Велеславинной, не имела узкой религиозной направленности, но всегда опирались на жизненную практику. Так, в 1582 г. Велеславина издает два сочинения «Краткое поучение о том, как люди набожные во время мора вести себя должны»⁹ и «Рассуждения о чуме...»¹⁰. Оба сочинения являются переводными, но в предисловиях к обоим проблематика была адаптирована к чешской среде. В сочинениях обсуждался вопрос: можно ли бежать из зачумленного города и в них же давался однозначный ответ: по религиозным, моральным и социальным причинам бежать от чумы нельзя, это грешно. Проблема чумы была знакома чешскому обществу, одна из эпидемий как раз приходилась именно на 1582 г.

Для простых людей той эпохи были непонятны причины многих явлений, в том числе и эпидемии чумы, неурожая, других природных катаклизмов, войн, катастроф. Это было время, благоприятное для возникновения и распространения разных суеверий. Велеславина сам был подвержен их влиянию. Так, например, в предисловии к «Двум хроникам...» (1585 г.) он пишет о предсказании 1588 г., о так называемых «странных вещах (делах)». При этом в его предсказаниях «странные вещи» были соединены с предчувствием событий, которые станут трагическими для чешского народа¹¹.

Велеславина поддался и другому суеверию, которое выражалось в убеждении о приближении конца света. Эсхатологические представления Велеславина отразились на титульных листах некоторых его изданий, где XVI столетие было

названо «последним веком», а завершающие годы этого столетия были объявлены «годами предела божьего терпения»¹². Вера в приближение конца света имела давние корни. Она сопровождала историю христианства с момента его зарождения. Убеждение это простекало из слов пророка, что конец света наступит по прошествии 6000 лет. Во времена Даниэля Адама это пророчество находило подтверждение в убеждении в том, что от сотворения мира прошло уже более, чем 5500 лет. Веру в приближение конца света укрепляли хронисты. Поскольку речь шла о ситуации в Чехии, указывалось на бедствия в этой стране, ее ослабление и упадок. Эта характерная примета, казалось, основывалась на предсказаниях пророка Даниила, в свете которых считалось, будто бы конец света приблизится, когда начнет приходить в упадок турецкое могущество.

Последствием этого суеверия и некоторых других стало распространение своеобразных литературных произведений, посвященных данной тематике. Это была собственно религиозная литература, она печаталась в типографии Даниэля Адама, часто в переводе самого издателя. Были изданы следующие сочинения: два сочинения Августина Аврелия, в том числе «Монолог (Беседа)» (1583 г.)¹³, «Таблица семи злых и семи добрых дел» (1588 г.)¹⁴, сочинение «Монолог» лютеранского проповедника Мартина Моллера (1593 г.)¹⁵, «Апостол и Евангелие воскресное и праздничное» (1597 г.), «Молитва воскресная и праздничная» Матиаша Ситтарда (1582 г.)¹⁶, «Краткое толкование или объяснение седьмого псалма» сочинение Франциска Тиммана (1598 г.) и некоторые др.

Из изданных Велеславиным произведений есть очень примечательные. Так, например, оба сочинения Псевдо-Августина и сочинения Мартина Моллера были вновь изданы только в период национального чешского Возрождения. Многие другие подверглись преследованию, так как попали в знаменитый список запрещенных в период контрреформации книг так называемый «Ключ к распознаванию ереси» чешского иезуита Антонина Кониаша. Например, там оказались «Щит веры правой» (1591 г.)¹⁷, «Таблица семи злых и семи добрых дел» (1588 г.)¹⁸ и даже «Исторический календарь»¹⁹ – сочинение самого типографа Даниэля Адама. Это является одним из свидетельств того, что издательская продукция Велеславина была чрезвычайно актуальной и отражала исторические и духовные процессы своего времени.

Таким образом, издательская деятельность Даниэля Адама по изданию нравственно-религиозной литературы носила глубоко прогрессивный характер и проходила в русле духовного развития своего времени. Современники хорошо были об этом осведомлены. Это относилось и к носителям идеологии контрреформации, которые в его изданиях нередко усматривали противоположность и

противовес издательской продукции иезуитского направления. Об этом свидетельствует следующий факт. 23 августа 1599 г. на Велеславина была подана жалоба. Она была направлена на имя императора Рудольфа II от пражского архиепископа Збьенка Берка. В тексте жалобы, помимо прочего, указывалось: «...Так же и относительно М. (магистра) Адама Велеславина, который тоже на собственный страх и риск и по своему желанию, без моего присмотра, что ему нравится, печатает и издает»²⁰. Архиепископ пражский в своей жалобе настоятельно требует, чтобы ему пражские типографы давали на просмотр все свои издания, иначе, как следует из текста, «много предосудительных вещей, чем дальше, тем больше будет издаваться и распространяться»²¹. К сожалению, мы не знаем, какое издание вызвало взрыв возмущения пражского архиепископа. Возможно, им оказалось изданное в 1599 г. Велеславиным в год его смерти «Толкование псалма 91» вместе с Киприановой проповедью и некоторыми молитвами, или какое-то неизвестное нам сочинение. Тем не менее этот факт свидетельствует о неразрывной связи издательской деятельности Велеславина с той религиозной атмосферой, исторической обстановкой в Чехии, в которой жил и творил чешский издатель.

Примечания

- 1 См.: *Многолетняя Е. Н.* Издательская деятельность чешского типографа Даниэля Адама Велеславина // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения.* 2016. Т. 16, вып. 4. С. 432–436. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2016-16-4-432-436>
- 2 *Kopecký M.* Daniel Adam z Veleslavína. Praha, 1962. P. 45–46.
- 3 *CDějiny české literatury.* Díl. 1. Starší česká literatura. Praha, 1959. S. 302.
- 4 *Kopecký M.* Op. cit. S. 47.
- 5 *Knihopis českých a slovenských tisků od doby nejstarší až do konce XVIII století.* Vydala Komise pro knihopisný soupis československých tisků až do konce XVIII. století. Díl. II. Tisky z let 1501–1800. Č. I–IX. Praha, 1939–1967. Č. 1361 (ссылка на библиографический источник дается на порядковый номер издания).
- 6 *Kopecký M.* Op. cit. S. 47–48.
- 7 *Kabátník, Martin.* Cesta z Čech do Jerusáléma. 1564. [Místo vydání není známo : nakladatel není známý], 1564 // *Databáze Národní knihovny ČR.* URL: https://aleph.nkp.cz/F/5R6BD7YFF97FF7CVB61SSF4PMD18LS8Q6X53C152G2BPT39JDG-40228?func=full-set-set&set_number=105174&set_entry=000001&format=999 (дата обращения: 04.04.2021).
- 8 *Prefát z Vlkanova, Oldřich.* Cesta Z Prahy do Beň[n] átek | a odtud potom po Moři až do Palestyny. Praha : Jan Kozel starší, 1563, 26. července // *Databáze Národní knihovny ČR.* URL: <https://aleph.nkp.cz/F/5R6BD7YFF97FF7CVB61SSF4PMD18LS8Q6X53C152G2BPT39J>

- DG-30363?func=full-set-set&set_number=104386&set_entry=000004&format=999 (дата обращения: 04.04.2021).
- ⁹ Knihopis... Č. 6057.
- ¹⁰ Kopecký M. Op. cit. S. 50.
- ¹¹ Ibid. S. 51–52.
- ¹² Ibid. S. 52.
- ¹³ Knihopis... Č. 880, 888.
- ¹⁴ Ibid. Č. 16046.
- ¹⁵ Ibid. Č. 5931.
- ¹⁶ Ibid. Č. 15424.
- ¹⁷ Ibid. Č. 1600.
- ¹⁸ Wzdálková B. Konkordance Koniášových klícu, indexu, Jungmanna a knihopisu // Příspěvky ke knihopisu, 6–10. Praha : Státní knihovna CSR, 1987–1988. S. 79.
- ¹⁹ Ibid. S. 72.
- ²⁰ Цит. по: Kopecký M. Daniel Adam z Veveslavína. Praha, 1962. S. 53.
- ²¹ Ibid. S. 53.

Поступила в редакцию 04.04.2021, после рецензирования 13.04.2021, принята к публикации 30.06.2021
Received 04.04.2021, revised 13.04.2021, accepted 30.06.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 480–484

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 480–484

<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-4-480-484>

Научная статья

УДК 2-78:2-9:94(5)

Особенности существования православной церкви в Китае в первой половине 1950-х гг. по документам Государственного архива Российской Федерации

Е. В. Дроботушенко

Забайкальский государственный университет, Россия, 672039, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, д. 30

Дроботушенко Евгений Викторович, кандидат исторических наук, декан историко-филологического факультета, DRZZ@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6473-1422>

Аннотация. В статье рассматриваются особенности существования православной церкви в Китае в сложный период, когда страну покидали носители православной веры – эмигранты, выходцы с территории бывшей Российской империи. Основу исследования составили архивные источники, а также некоторые имеющиеся публикации. Автор констатирует, что в начале 1950-х гг. православие в Китае стало приходить в упадок. К этому же времени относится появление идеи о создании самостоятельной китайской православной церкви, которая будет реализована в дальнейшем. Именно данный период остается наименее изученным в китайской православной истории.

Ключевые слова: российская эмиграция, православие, православная церковь, верующие, священнослужители, Китай, Духовная миссия, Восточно-Азиатский экзархат

Для цитирования: Дроботушенко Е. В. Особенности существования православной церкви в Китае в первой половине 1950-х гг. по документам Государственного архива Российской Федерации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 480–484. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-4-480-484>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Features of the existence of the Orthodox Church in China in the first half of the 1950s according to documents of State Archive of the Russian Federation

E. V. Drobotushenko

Transbaikal State University, 30 Aleksandro-Zavodskaya St., Chita 672039, Russia

Evgeny V. Drobotushenko, DRZZ@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6473-1422>

Abstract. The article describes the peculiarities of the existence of the Orthodox Church in China during a difficult period, when the main carriers of the Orthodox faith – emigrants, immigrants from the territory of the former Russian Empire left the country. The research was based on archival sources, as well as some available publications. The author shows that in the early 1950s Orthodoxy in China began to decline. The idea of creating an independent Chinese Orthodox Church, which will be implemented in the future, also dates back to this time. This period remains the least studied in Chinese Orthodox history.

Keywords: Russian emigration, Orthodoxy, Orthodox Church, believers, clergy, China, Spiritual mission, East Asian Exarchate

For citation: Drobotushenko E. V. Features of the existence of the Orthodox Church in China in the first half of the 1950s according to documents of State Archive of the Russian Federation. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 480–484 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-4-480-484>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

История православия в Китае в разное время нашла отражение на страницах обобщающих и специальных научных и научно-популярных изданий. Отдельные аспекты затрагивались в работах по истории российской эмиграции и в целом по истории Китая. Наиболее известны труды таких авторов, как В. Г. Дацышен (по

истории Российской духовной миссии в Китае¹ и христианства в этой стране²), протоиерей Дионисий Поздняев (о православии в Китае в XX в.³ и движении китайской православной церкви к автономии⁴), В. Г. Шаронова⁵ и др.

Несмотря на наличие определенного количества публикаций по истории православной

церкви в Китае, она восстановлена не в полной мере. Отдельным хронологическим периодам, а также фактам и явлениям уделено больше внимания, иным меньше, некоторые требуют более тщательного исследования. Так, не получила серьезного изучения история православия в Китае в период, когда страну начала покидать основная масса российских эмигрантов – главных носителей православной веры – и до возрождения православия в конце XX в. Существуют, главным образом, частные упоминания о том или ином факте или какой-либо персоналии.

Цель настоящего исследования – выявление особенностей существования православной церкви на территории Китая в один из сложнейших периодов ее истории.

Хронологические рамки статьи предопределены рядом факторов. На рубеже 1940–1950-х гг. XX в. Китай покинула основная масса православных верующих – представителей российской эмиграции в стране, и православная церковь оказалась в новой для себя ситуации отсутствия прихожан и доходов. В 1946 г. из Восточно-Азиатского митрополичьего округа был создан Восточно-Азиатский экзархат – особая церковно-административная единица. Вторая половина 1940-х гг. – это время его становления. К началу 1950-х гг. появляется возможность оценить эффективность его деятельности. В 1949 г. в ходе очередных преобразований в составе экзархата выделены Пекинская, Шанхайская и Харбинская епархии со своими архиереями, а также Тяньцзиньская на первоначальном этапе под управлением экзарха и Синьцзянская в ведении Московской Патриархии⁶. В самом начале 1950-х гг. впервые серьезно стала обсуждаться идея о создании самостоятельной Китайской православной церкви.

Трансформационные процессы в православной церкви в Китае будут происходить на протяжении всего периода 1950-х гг. В 1954 г. будет упразднена духовная миссия, а в 1956 г. все храмы Русской Православной Церкви Московского Патриархата окажутся переданы Китайской православной церкви. Экзархат будет упразднен⁷.

Территориально можно выделить несколько центров развития православия в Китае в XX в. В 1930–1940-е гг. это Пекин с представителями Духовной миссии, север страны, так называемое «Русское Трехречье», несколько удаленный от него Харбин с большой колонией российской эмиграции, Синьцзян на западе Китая, относительно небольшие колонии в Мукдэне, Тяньцзине и Шанхай с большим количеством православных (опять же представители российской эмиграции).

Общая характеристика состояния православия в Китае в конце 1940 – начале 1950-х гг.

Как уже отмечалось, кардинальные изменения в истории православия в Китае во второй по-

ловине XX в. приходится на 1946–1948 гг. Конец 1940-х гг. – это время отъезда из страны основной массы российских эмигрантов. Часть вернулась на Родину, но уже в СССР (по некоторым данным около 6 тыс. чел.), остальные же двинулись дальше в поисках лучшей жизни, в Австралию, Северную и Южную Америку. Первый пароход «Хван-Лен» со значительной частью эмигрантов ушел из Шанхая в январе 1949 г.⁸ Для православной церкви в стране наступили, пожалуй, самые сложные времена. Отток прихожан привел к сокращению и так незначительных доходов.

Оставшиеся православные верующие и священнослужители в основной своей массе вышли из-под управления Заграничного Архиерейского Синода и перешли под юрисдикцию Московской Патриархии⁹. Однако, несмотря на это, в среде православного духовенства в Китае стала активно продвигаться идея создания самостоятельной китайской православной церкви. Данная мысль также высказывалась главой Московской Патриархии Патриархом Алексием (Симанским). Это произошло в 1950 г. на встрече с архиепископом Виктором (Святымим), который приезжал в Москву с докладом о состоянии православия в Китае¹⁰.

Появление самой идеи о самостоятельности китайского православия было предопределено упадком православной церкви в Китае в связи с обозначенной причиной. Во время беседы патриарха с Виктором (Святымим) было указано на необходимость активизации работы с китайцами по происхождению. В общем-то, это то, чем должна была заниматься духовная миссия на всем протяжении своего существования.

В одном из документов отмечается, что по возвращении в Китай Высокопреосвященный Виктор «...начал делать некоторые попытки к усилению миссионерской работы среди китайцев...»¹¹. Она заключалась в посвящении в священники китайцев по происхождению, причем даже недостаточно подготовленных, и назначении их вторыми священниками в «русские приходы», в организации перевода «церковно-служебных» книг на китайский язык, в открытии школы на 250 чел. для китайцев по происхождению, среди предметов которой обязательным было изучение Закона Божиего¹².

В документах читаем, что «в условиях нового Китая» миссионерство вряд ли было возможно, поэтому вся проводимая работа особого значения уже не имела¹³.

Архиепископ Виктор говорил о том, что создание самостоятельной китайской церкви преждевременно, поскольку отсутствуют «китайские приходы, «богословски образованные» кадры епископов и священников из китайцев, церковная литература на китайском языке, переводчики, хорошо знающие славянский и китайский языки, материальная база. Все это, по мнению архиерея, могло привести к тому, что

православие попадет под влияние иностранных церквей¹⁴.

На начало 1950-х гг., как отмечается в источниках, не до конца ясна ситуация с правовым статусом, как Духовной миссии, так и экзархата. Архиепископ Виктор (Святин) не был признан китайскими властями ни как глава миссии, ни как глава Экзархата¹⁵.

В одном из писем на имя заместителя Министра иностранных дел СССР Я. А. Малика отмечалось, что и экзархат, и Духовная миссия имели в собственности и пользовании значительное движимое и недвижимое имущество, которое на начало 1950-х гг. не было полностью учтено и правильно оформлено с юридической точки зрения¹⁶. При этом на содержание Восточно-Азиатского экзархата и Духовной миссии Московским Патриархатом ежемесячно выделялась сумма в китайских юанях. К сожалению, документы содержат совершенно разные цифры, отличающиеся в десятки раз. Относительно рубежа 1940–1950-х гг. называются суммы, эквивалентные 3600 руб. или же 42 тыс. руб.¹⁷ Какая из них является наиболее верной, сказать сложно, однако важен сам факт содержания миссии и экзархата за счет Московской Патриархии.

Следует отметить, что православная церковь в стране, несмотря на наличие ассигнований со стороны Московского Патриархата, испытывала постоянную нужду в средствах, которая особенно явно проявилась после отъезда основной массы верующих. Как писал в одном из рапортов на имя Патриарха Алексия глава православной церкви в Китае архиепископ Виктор, налоги на имущество в начале 1950-х гг. в размере 2 тыс. американских долларов забирали все свободные финансовые ресурсы церкви. Доходы миссии от некоторых видов ее деятельности полностью прекратились. Так, перестали поступать средства от сдачи в аренду бывшего мыловаренного завода, помещения мельницы, помещения в Южном парке миссии, дачи в Пейтайхо. Доходный дом миссии передан Правительству Китая. Не поступали средства от подворий в Маньчжурии и Шанхае¹⁸.

К середине XX в. миссия не занималась хозяйственной деятельностью, а просто получала доходы от сдачи в аренду помещений. Это, несомненно, не могло не сказаться на ее финансовом состоянии.

Сложное финансовое положение Шанхайской епархии вынудило архиепископа Виктора выступить с предложением о продаже имущества госпиталя Шанхайского Православного Братства¹⁹.

После 48 лет издания прекратил существование журнал Духовной миссии «Китайский благовестник». Китайские власти не дали разрешение на его выпуск. Были закрыты типография и переплетная мастерская²⁰.

К началу 1950-х гг. почти полностью прекратилась связь между православными епархиями

Китая. Это было предопределено сложностью получения проездных документов от китайских властей. Практически отсутствовала связь с Московским Патриархатом. Высокопреосвященный Виктор писал, что на большинство своих рапортов и отчетов в Москву он ответа не получил²¹.

На фоне сокращения количества прихожан, неразберихи со статусом институтов православной церкви и ее имущества, нехваткой средств и т.д. возникли новые разногласия. Их нельзя назвать «расколом», как это было некоторое время назад, однако по сути уже появилась самостоятельная Шанхайская епархия во главе с епископом Сименоном (Ду), который при пассивной деятельности по созданию самостоятельной китайской православной церкви со стороны архиепископа Виктора (Святина) вел собственную работу в этом направлении, не считаясь с мнением главы Духовной миссии и экзархата. Он разослал по Пекинской и Харбинской епархиям анкеты с вопросом о целесообразности создания самостоятельной китайской православной церкви²². С точки зрения церковной подчиненности, это являлось явным нарушением. Однако каких-либо особых ответных мер принято не было. Это, на наш взгляд, свидетельствует о недостаточной централизации православной церкви в стране и относительно слабой позиции в ней Виктора (Святина), с мнением которого не считался даже не так давно назначенный епископ в общем-то небольшой епархии. При этом представители православного духовенства, русские по происхождению, идею создания самостоятельной китайской церкви не поддерживали²³.

Отметим, что священнослужителей – китайцев по происхождению было немного. По словам Высокопреосвященного Виктора (Святина), их число достигло к 1954 г. 25 чел., однако уровень их образования не отвечал необходимым требованиям²⁴.

Архивные источники дают нам данные о количественном составе членов Духовной миссии в Китае в начале 1950-х гг. Она состояла из 52 чел., включая истопников, вдов священнослужителей и даже «одной старушки»²⁵.

Очевидно, что в сложившейся ситуации говорить о развитии православия в Китае невозможно, более того, налицо его упадок в стране.

Сложившаяся ситуация привела к тому, что перед Советом по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР встал вопрос о дальнейшем существовании православной церкви в Китае, который он адресовал Посольству СССР в стране²⁶.

Ответ на поставленный перед посольством вопрос в документах на сегодняшний день нами не найден. Но его удалось обнаружить в документах Совета по делам Русской православной церкви. Суть сводилась к следующему. Существование Духовной миссии и экзархата не целесообразно. Для нужд православной церкви

в стране достаточно создать одно епархиальное управление. Имущество Миссии и экзархата рекомендовалось передать советскому представительству в стране, храмы – общинам верующих, начальную школу и детские учреждения в Пекине – местному отделу народного образования²⁷. По некоторым данным, при школах Духовной миссии в Китае к концу 1953 г. обучалось около 550 детей. Всего были три школы для китайских детей, Катехизаторская школа, Воскресная школа для прихожан – китайцев²⁸.

Сложившаяся ситуация – это по сути сворачивание деятельности православной церкви в Китае. Минимальное количество прихожан православных храмов после отъезда из страны российских эмигрантов делало невозможным их содержание.

Требования объективности исторического анализа не позволяют говорить только о негативной стороне истории православия в Китае в рассматриваемое время. Следует остановиться и на положительных составляющих. Так, помимо действовавших школ, работала Переводческая комиссия, «из числа благочестивых китайцев организован Женский Комитет Церковного Благолепия». Согласно рапорту Высокопреосвященного Виктора от ноября 1953 г. имели место крещения китайцев, богослужения велись на китайском языке и т.д.²⁹

Состояние православия в центрах российской эмиграции Китая в первой половине 1950-х гг.

Выше была представлена картина существования православной церкви в Китае в начале 1950-х гг. Для ее конкретизации можно остановиться на некоторых аспектах православной истории страны в отдельных регионах, где ситуация являлась отражением таковой по всей стране. Однако следует отметить, что упадок православия на севере Китая начался раньше. Значительный отток верующих из Русского Трехречья приходится на рубеж 1920–1930-х гг. Это связано с двумя основными факторами. Сначала состоялось несколько карательных походов красноармейских отрядов на названую территорию, а затем там появились японцы³⁰. Чуть позже значительный отток представителей российской эмиграции – носителей православной веры – произойдет из Харбина. Основная причина, несомненно, оккупация Северного Китая японскими войсками. Однако свою роль сыграло и сильнейшее наводнение в 1932 г., ухудшившее и без того сложное материальное положение российских эмигрантов. На рубеже 1940–1950-х гг. ситуация изменилась сначала из-за появившейся возможности вернуться в СССР (что и сделала часть бывших подданных Российской империи), а затем из-за передачи в 1952–1953 гг. китайским властям Китайско-Восточной железной дороги. На севере страны оставалось все меньше быв-

ших российских подданных. Упадок православия в Маньчжурии почувствовался к середине 1950-х гг.³¹

Сложнейшая ситуация сложилась в православной церкви на западе страны, в Синьцзяне. В августе 1952 г., по разрешению Патриарха Алексия в СССР на 2–3 месяца выехал настоятель Свято-Николаевской церкви г. Кульджа протоиерей Дмитрий Млодзяновский, пользовавшийся в регионе особым авторитетом. Вместо себя для исполнения церковных треб он оставил протоиерея Павла Кочуновского, который, будучи в преклонном возрасте, обязанности мог исполнять с трудом. Верующие просили, как можно скорее, вернуть им отца Дмитрия³². В Китай он так и не вернулся.

Если до начала 1950-х гг. православие в Синьцзяне поддерживалось и развивалось силами главным образом протоиерея Дмитрия Млодзяновского, то после его отъезда оно постепенно пришло в упадок.

Священный Синод обращался к архиепископу Пекинскому и Китайскому, Экзарху Московской Патриархии в Восточной Азии Высокопреосвященному Виктору (Святину) с просьбой подобрать замену протоиерею Дмитрию Млодзяновскому. Архиепископ Виктор речь по началу вел об отце Аниките Ване, китайце по происхождению, хотя основную массу прихожан Синьцзяна составляли русские. Однако в итоге и с ним вопрос не был решен³³.

Выше отмечалось сложное финансовое положение православной церкви в Шанхае. Имущество Шанхайской епархии было солидным, средств же на его содержание катастрофически не хватало. Город покинуло много верующих. Количество прихожан постоянно сокращалось. Если в 1951 г. их было около 900, то в 1952 г. уже около 500. Доходы церкви упали, по некоторым данным, на 70%. Уже в 1952 г. существовала вероятность закрытия всех епархиальных храмов³⁴. На одном из собраний епархиального духовенства в 1952 г. было решено донести до духовенства Шанхайской епархии находится на грани голода. И это при том, что было его не особенно много. На момент организации епархии – это два митрофорных протоиерея, один из которых протопресвитер, два приписных священника и два диакона на псаломщицких вакансиях. Епископ Симеон (Ду) привез с собой одного диакона-китайца, русского секретаря и нескольких «низших служителей»³⁵.

Епископ Шанхайский Преосвященный Симеон (Ду) очень негативно отзывался об основных носителях православия в Шанхае – представителях российской эмиграции, именуя их «эмигрантщиной». Говорил также, что верующих – китайцев по происхождению мало³⁶.

Налицо несомненный упадок православия, однако в отличие от других регионов Китая ситуация в Шанхае складывалась несколько иначе.

Именно он стал центром продвижения идеи самостоятельной китайской православной церкви, но общее положение было «печальным».

Аналогичным образом складывалась ситуация и в иных, относительно больших центрах проживания российской эмиграции в Китае, каковым, к примеру, являлся Тяньцзинь. С отъездом верующих и священнослужителей закрывались храмы. Православие постепенно стало переходить на бытовой уровень.

Таким образом, можно констатировать, что начало 1950-х гг. стало для православной церкви в Китае самым сложным временем. Именно в рассматриваемый период произошел упадок православия. Несомненно, будут еще 1960-е гг. с их гонением на религии и закрытием последних из оставшихся действовавших храмов, молитвенных домов и часовен.

Архивные источники дают нам не слишком хорошую оценку состояния православия в Китае в первой половине 1950-х гг., называемого не иначе как «неразберихой»³⁷.

На наш взгляд, история православия в Китае в период, когда страну покинула основная масса представителей российской эмиграции – носителей православной веры – и до трансформации религиозной политики в Китае в 90-е гг. XX в., изучена на сегодняшний день недостаточно. Для ее наиболее полного воссоздания требуется серьезная и длительная работа с источниками.

Примечания

- 1 См.: *Дацышен В. Г.* История Российской духовной миссии в Китае. Гонконг : Православное Братство святых Первоверховных апостолов Петра и Павла, 2010. 448 с.
- 2 См.: *Дацышен В. Г.* Христианство в Китае : история и современность. М. : Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2007. 240 с.
- 3 См.: *Священник Дионисий Поздняев.* Православие в Китае (1900–1997 гг.) // Православие в Китае. М. : Издательство Свято-Владимирского Братства, 1998. 277 с.
- 4 См.: *Дионисий (Поздняев).* Китайская Православная Церковь на пути к автономии // Проблемы Дальнего Востока. 1998. № 4. С. 125–134.
- 5 См.: *Шаронова В. Г.* История русской эмиграции в Восточном Китае в первой половине XX века. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив ; Университетская книга, 2015. 512 с.
- 6 См.: *Священник Дионисий Поздняев, Прозорова Г. В.* Восточноазиатский Экзархат // Православная энциклопедия : в 75 т. / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла (электронная версия). М. : Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2005. Т. 9. : Владимирская икона Божией Матери – Второе пришествие. С. 473–475.
- 7 См.: Китайская Автономная Православная Церковь // Русская Православная Церковь. Официальный сайт Московской Патриархии. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1143899.html> (дата обращения: 13.02.2021).
- 8 Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-6991 (Совет по делам религий при Совете министров СССР. 1943–1985). Оп. 4. Д. 52. Л. 7.
- 9 Там же. Оп. 1. Д. 1106. Л. 7.
- 10 Там же.
- 11 Там же. Л. 8.
- 12 Там же.
- 13 Там же.
- 14 Там же.
- 15 Там же. Л. 8–9.
- 16 Там же. Л. 7.
- 17 Там же. Л. 7, 82.
- 18 Там же. Л. 87.
- 19 Там же. Л. 90.
- 20 Там же. Л. 87.
- 21 Там же. Л. 87.
- 22 Там же. Л. 8.
- 23 Там же.
- 24 Там же. Л. 88.
- 25 Там же. Д. 1002. Л. 42–43.
- 26 Там же. Д. 1106. Л. 9.
- 27 Там же. Л. 79.
- 28 Там же. Л. 87, 89.
- 29 Там же. Л. 89.
- 30 Там же. Д. 148. Л. 3.
- 31 См.: *Коростелев В. В., Караулов А. К.* Православие в Маньчжурии. 1898–1956. Очерки истории. М. : Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2019. С. 389.
- 32 ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1106. Л. 12, 17.
- 33 Там же. Л. 19, 89.
- 34 Там же. Д. 1002. Л. 183, 184.
- 35 Там же. Л. 3, 17.
- 36 Там же. Л. 3.
- 37 Там же. Л. 192; Д. 1106. Л. 9.

Поступила в редакцию 25.06.2021, после рецензирования 28.06.2021, принята к публикации 30.06.2021
Received 25.06.2021, revised 28.06.2021, accepted 30.06.2021

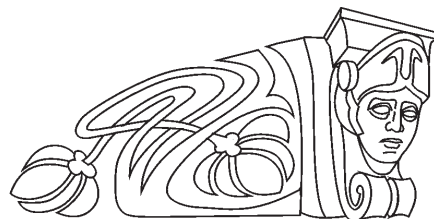

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 485–490
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 485–490
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-4-485-490>

Научная статья
УДК 94(55+56)20]

Ирано-сирийские отношения в период «сирийской весны»

А. В. Баранов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Баранов Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, baranovav@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3351-9258>

Аннотация. В статье анализируются этапы формирования политики Исламской Республики Иран в отношении «сирийской весны» и режима Башара аль-Асада в условиях реализации концепции «Исламское пробуждение».

Ключевые слова: Иран, Сирия, Башар аль-Асад, «сирийская весна», Исламское пробуждение, «арабская весна»

Для цитирования: Баранов А. В. Ирано-сирийские отношения в период «сирийской весны» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 485–490. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-4-485-490>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Iran-Syria relations during the “Syrian spring”

A. V. Baranov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Alexey V. Baranov, baranovav@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3351-9258>

Abstract. The article analyzes the stages of the formation of the Iranian policy regarding the “Syrian spring” and the regime of Bashar al-Assad in the context of the implementation of the concept of “Islamic Awakening”.

Keywords: Iran, Syria, Bashar al-Assad, Syrian spring, Islamic Awakening, Arabic spring

For citation: Baranov A. V. Iran-Syria relations during the “Syrian spring”. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 485–490 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-4-485-490>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Прокатившаяся по региону Ближнего Востока и Северной Африки череда антиправительственных движений в 2011 г. не миновала и Сирию, став серьезным испытанием для проверки двусторонних отношений между Тегераном и Дамаском. Однако в большинстве современных исследований, посвященных проблематике сирийского кризиса, априори заявлялось о безальтернативности официального подхода Ирана по поддержке режима Башара аль-Асада.

Парадокс, пожалуй, заключался в том, что до 2011 г. Иран не играл особо значимой роли во внешних отношениях Сирии, так как основным контрагентом выступала Турция, быстрыми темпами, с момента прихода к власти в 2003 г. Партии справедливости и развития (ПСР) Реджепа Эрдогана, наращивавшей широкомасштабное сотрудничество. Это даже позволило тогдашнему главе

МИД Турции Ахмеду Давутоглу 7 января 2011 г. назвать отношения между двумя странами «примером, которому должны следовать»¹ не только на региональном, но и на международном уровне. А подлинным символом установления дружественных, добрососедских отношений между Турцией и Сирией была призвана стать «Дамба дружбы», закладка первого камня в фундамент которой произошла в торжественной обстановке 6 февраля 2011 г. в присутствии сирийского президента Башара аль-Асада и турецкого премьер-министра Р. Эрдогана.

Иранское направление вполне вписывалось в систему выстраиваемой Башаром аль-Асадом многовекторной модели внешней политики. Иран, наряду, кстати, с Турцией, признавался в качестве стратегического партнера для Сирии. Однако, как показали последующие события, это не помешало

Турции полностью пересмотреть свои отношения с официальным Дамаском. Сделано это было под влиянием быстро развивавшихся в регионе процессов, получивших название «арабской весны», которые не могли не отразиться и на внешней политике Ирана, и на его подходах в отношениях с Дамаском.

Мало кто обратил внимание 17 декабря 2010 г. на отчаянную акцию саможжения молодого тунисца Мохаммеда Боазизи, которая ко всеобщему удивлению вызвала волну антиправительственных выступлений, приведшую к отставке и бегству из страны 14 января 2011 г. президента Зийн аль-Абедина Бен Али. Практически бескровная победа тунисцев, привела к началу массовых антиправительственных акций сначала в Египте, где 25 января протестующие вышли на площадь Тахир, а потом и в большинстве стран региона.

Именно после Тахира в Иране обратили внимание на эти события, увидев в них огромный потенциал воздействия на весь регион. В пятничной проповеди имам-джомэ Тегерана аятолла Ахмад Хагами 28 января обратил внимание на тот факт, что антиправительственные выступления охватили страны, которые считались наиболее вестернизированными, проводившими прозападный политический курс как во внутренней, так и во внешней политике. По словам аятоллы Хагами, данные движения означают начало конца политики США, стремившихся к доминированию посредством демократизации стран региона под своим контролем. «Сегодня, исламский Ближний Восток преобразуется, и этот новый Ближний Восток будет основан на исламе, религии и исламской демократии»², – подчеркнул аятолла.

Однако развернутую трактовку событий в регионе дал в своей пятничной проповеди рахбар аятолла сейид Али Хаменеи, когда 4 февраля обратился к верующим в кампусе Тегеранского университета. По мнению рахбара, мир стал свидетелем Исламского пробуждения, что является «эхом голоса иранского народа»³, зародившегося в событиях Исламской революции 1979 г. в Иране. Народы региона (в данном случае это Тунис и Египет) столкнулись с теми же проблемами, что и иранский народ, свергнувший режим шаха, который обслуживал интересы Америки и Израиля. Народные выступления – это реакция на политику великих держав, стремившихся сохранить зависимое положение региональных правительств, поддерживая политическую раздробленность и делая их послушными потребителями западных товаров, получая в обмен энергоресурсы. Все это ставило в полную зависимость страны региона, распространялось и на другие сферы жизнедеятельности: культуру, науку и образование. Таким образом, народные движения в регионе – это «прямой ответ» на предательства, совершенные преступными диктаторами, в которых превратились бессменные правители Туниса и Египта.

По словам аятоллы Хаменеи, Хосни Мубарак, превратив Египет в послушное орудие Америки, стал «доверенным лицом и слугой сионистов». Все это вместе взятое лишило народ независимости и самобытности, основанной на исламе и исламской культуре. Важную роль в его пробуждении должны сыграть улемы, и «когда народ после посещения мечети, начинает скандировать лозунги, необходимо их поддержать», уверен аятолла Хаменеи, говоря о роли мечети как центре народных выступлений.

Развивая далее озвученные идеи о причинах начавшихся народных движений, аятолла Хаменеи 8 февраля, встречаясь с офицерским составом ВВС Исламской Республики Иран (ИРИ), впервые заявил о том, что ИРИ духовно и материально может стать моделью для других наций⁴, вступивших на путь Исламского пробуждения. Массовое участие в движении народа вызвано «их недовольством и унижением» от проводимой США и сионистским Израилем «политики угнетения»⁵, результатом чего стало возведение барьера, разделившего народ и правительства, превратившиеся в послушных марионеток Запада. Следовательно, с точки зрения аятоллы Хаменеи, движения, охватившие страны региона, характеризуются такими чертами, как антиамериканизм, антисионизм, исланизм и широкое участие народных масс.

Февраль 2011 г. стал месяцем, когда антиправительственные волнения растекались по всему региону Ближнего Востока и Северной Африки, пиком которого явилась отставка президента Египта Хосни Мубарака 11 февраля. Наиболее активно движения развивались в Ливии, Йемене, Бахрейне и затронули даже такие «экзотичные» страны, как Джибути и Марокко. Сирия на этом фоне выглядела островком стабильности, что президенту Башару аль-Асаду 31 января даже позволило в интервью заявить о наличии у страны иммунитета на подобного рода беспорядки⁶. Действительно, не раз звучавшие в соцсетях призывы к проведению акций протеста на протяжении февраля, ни к чему не приводили. В Фейсбуке была создана группа с хештегом «Сирийская революция-2011», в которой с 26 января стали размещать призывы выходить на уличные акции протеста. А первая, крайне малочисленная акция в Дамаске, прошла только 15 марта, и, по замечаниям наблюдателей, большинство в ней составили представители прессы и сотрудники службы госбезопасности.

Однако то, что произошло на юге Сирии – в Дераа, контрастировало с общим положением протестного движения в стране. После пятничной молитвы 18 марта в Дераа в ходе антиправительственного митинга были убиты трое протестующих. Оппозиция виновниками объявила сотрудников правоохранительных органов. Обещание властей расследовать инциденты и разобраться с виновниками не оказало никакого влияния на дальнейшую эскалацию ситуации в Дераа, куда 23 апреля были введены войска, а сам город был

блокирован. Распространяемая через СМИ, главным образом зарубежных, информация о постоянных расстрелах мирных акций протеста, стала поводом для организации акций солидарности с жертвами в Дераа и других городах Сирии. К маю 2011 г. в стране четко оформились антиправительственные центры. Помимо Дераа, ими стали Хомс и Хама, где регулярно, в каждую пятницу, стали проходить митинги протеста с требованиями отставки Башара аль-Асада и лозунгом «Сирия, ислам, свобода».

В Иране в разворачивавшихся событиях в Сирии, в особенности в том, что касалось Дераа, не видели особой тревоги за судьбу сирийского режима. Если взять выступления за весну рахбара Али Хаменеи, то мы не найдем в них упоминаний о Сирии. Куда пристальней им отслеживался общий ход развития движений Исламского пробуждения в других странах региона, среди которых особо выделялись Египет, Ливия, Бахрейн и Йемен. Также, если брать повестки заседаний парламентского комитета по национальной безопасности и внешней политике маджлиса, которые проходили регулярно раз в месяц, то и тут ситуация в Сирии не фигурировала в качестве основной. Так, например, на заседании комитета с участием спикера маджлиса Али Лариджани 4 мая парламентарии рассматривали развитие ситуации в Египте, Йемене, Бахрейне и Ливии. В ходе сессии председатель парламентского комитета Алаеддин Боруджерди предоставил доклад по этим странам⁷. В целом официальный подход к ситуации сформулировал президент Ирана Махмуд Ахмадинежад, когда был вынужден отвечать на вопрос о беспорядках в Сирии: «Мы не вмешиваемся во внутренние дела других стран. Сирийское правительство и народ – наши друзья»⁸. В Тегеране были уверены, что сирийцы и правительство могут решить свои проблемы самостоятельно.

Озвучиваемая Ираном позиция нейтралитета по ситуации в Сирии к концу мая стала восприниматься в самом Тегеране уже как не соответствующая реалиям. Причинами для пересмотра иранского подхода стали несколько событий. Во-первых, на территории Турции, в Анталье, 27 мая и 1–2 июня прошли две встречи, заложившие основу по консолидации сирийской оппозиции, выступающей за свержение режима Башара аль-Асада. Во-вторых, это «бойня в Джиср-эш-Шуггур», когда группа вооруженных боевиков 6 июня захватила город, убив в ходе столкновений 120 полицейских и солдат Сирийской армии⁹. После начавшейся операции по освобождению города остатки боевиков отошли на территорию сопредельной Турции.

В Иране, таким образом, не могли не предвидеть последствий данных эксцессов для Сирии и для отношений Ирана с правительством Башара аль-Асада, учитывая изменившуюся роль Турции в сирийском кризисе. В Тегеране также обращали внимание и на активное участие

Анкары в разрешении ливийского кризиса, который приобрел международный характер после резолюции СБ ООН от 17 марта по введению над Ливией бесполетной зоны, которая после 19 марта превратилась в военную операцию международной коалиции по свержению режима М. Каддафи. Причем Турция, как и Катар, присоединилась к воздушным операциям, а Анкара отправила к ливийским берегам и свои военные корабли, оказывая ливийским повстанцам активную помощь и не только военную.

На протяжении июня рахбар Али Хаменеи в ряде своих выступлений коснулся развития движений Исламского пробуждения в изменяющихся реалиях. Выступая на церемонии поминовения Имама Хомейни 4 июня, рахбар заявил о неизбежных подвижках, которые отразятся на международной системе координат. Это приведет к падению влияния США как мирового гегемона. Однако не стоит думать, что слабеющий гегемон так просто откажется от доминирования. Нужно быть готовыми к тому, что США и их региональные союзники будут оказывать сопротивление и стараться подорвать движения Исламского пробуждения изнутри. Иран будет поддерживать любое движение, которое основывается на принципах Исламского пробуждения. «Однако, если мы увидим, что движение спровоцировано США или сионистами, мы не поддержим его, так как уверены, что Большой Сатана и его сателлиты не будут ничего делать ради другого народа»¹⁰.

Транслируя лозунги движения Исламского пробуждения, рахбар аятолла Али Хаменеи в своей речи от 30 июня подчеркнул, что Сирия отличается от других стран региона. Эта страна и до событий 2011 г. уже шла в русле Исламского пробуждения, являясь активным бойцом фронта исламского сопротивления, находясь на передней линии противостояния сионистскому режиму. Главным сторонником Израиля выступают США, которые будут пытаться, прикрываясь народными движениями в регионе, чинить препятствия и сеять внутреннюю смуту внутри сирийского народа. По словам аятоллы Хаменеи, «в Сирии ясно проглядывается рука США и Сионистского образования»¹¹. США и их союзники будут пытаться сымитировать в Сирии «народное» движение, изображая его аналогичным движениям в Египте, Тунисе, Йемене и Ливии.

Исходя из принципов, сформулированных рахбаром, официальные власти Ирана были вынуждены также корректировать позицию в отношении Сирии, как к событиям внутри, так и вокруг нее. Тем более, что со стороны Запада наблюдалось усиление давления и на Сирию, и на Иран, который обвинялся в оказании помощи в подавлении и преследовании сирийской оппозиции. В данных обстоятельствах Тегеран, обвиняя Запад в нагнетании обстановки, отрицал свою причастность к акциям по преследованию сирийских протестующих. По словам спикера МИД ИРИ

Рамина Мехманпараста, военное вмешательство во внутренние дела Сирии будет иметь тяжелые последствия для региона. Иран призывает воздерживаться от любого вмешательства во внутренние дела Сирии. «Мы уверены, что ситуация в Сирии – это внутренний вопрос, и сирийское правительство, и народ достаточно мудры, чтобы самим урегулировать свои проблемы»¹².

Ирану, стремившемуся не дать разрастись конфликту из-за вмешательства извне во внутренние дела Сирии и не допустить его интернационализации, фактически, как показали события августа 2011 г., это не удалось. В августе внутрисирийский кризис вышел на региональную политическую арену. Дело в том, что в знак протеста с политикой Дамаска в отношении антиправительственных демонстраций 8–9 августа власти Саудовской Аравии, Катара и Бахрейна объявили об отзыве своих послов из Дамаска и разрыве дипломатических отношений. В ответ Дамаск 10 августа зеркально ответил отзывом своих послов из этих стран. Параллельно таким шагам арабских монархий Турция де-факто 9 августа предъявила Сирии ультиматум, который был озвучен лично Башару аль-Асаду главой МИД Турции А. Давутоглу в ходе его однодневного визита в Дамаск.

Столкнувшись с угрозой повторения в Сирии «ливийского сценария», Иран был вынужден выработать возможные варианты дальнейшего развития ситуации в Сирии в случае падения режима Башара аль-Асада. В рамках Высшего Совета по национальной безопасности (ВСНБ) ИРИ во второй половине августа 2011 г. прошли консультации на уровне высшего руководства страны, где присутствовал и рахбар аятолла Али Хаменеи. Помимо рахбара и членов ВСНБ, в обсуждении участвовали глава Объединенного командования начальников штабов Вооруженных сил (ОКНШ ВС) ИРИ генерал-майор сейид Хассан Фирузабади, министр разведки Хейдар Мослехи, командующий корпусом «Кудс» Корпуса стражей исламской революции (КСИР) Кассем Сулеймани¹³. Точной даты этой встречи в открытых источниках найти не удалось. Можно только утверждать, что она прошла в последней декаде августа, до 29-го числа.

В центре обсуждения «сирийского вопроса» были доклад и рекомендации, подготовленные секретарем ВСНБ ИРИ Саидом Джалили. По мнению Джалили, если в Сирии произойдет смещение клана аль-Асада, это приведет к появлению вакуума власти, которую попытаются заполнить внешние силы – в первую очередь Турция, США и страны Запада. В этом случае новое правительство будет стремиться вывести Сирию из-под влияния Ирана, что создаст трудности для Тегерана.

Исходя из этого, Джалили рекомендует начать поиск альтернатив режиму Башара аль-Асада в виде силы, которая могла бы соответствовать интересам и целям Тегерана в Сирии

и регионе после его ухода. Защита свободы и освобождение мусульман, так же как и противодействие любой иностранной интервенции во внутренние дела, должны ставиться выше стремления Ирана поддержать режим Башара аль-Асада или Хизбаллы.

По итогам обсуждения данных рекомендаций было принято решение, согласно которому любое сирийское правительство должно придерживаться принципа антисиионизма и участия в рядах фронта исламского сопротивления. Иранской разведке было поручено провести встречи по налаживанию контактов с потенциальными сирийскими лидерами за рамками узкого круга приближенных лиц Башара аль-Асада, и помочь им укрепить свое влияние. Одновременно подразделение «Кудс» предпримет меры против «экстремистских элементов внутри сирийской оппозиции, которым нельзя доверять». К числу последних относятся лица, которые ориентируются на западные либеральные ценности и признают Запад в качестве лидера. Также к таким относятся те, кто допускает возможность компромисса или урегулирования отношений с Израилем, чтобы получить Голаны.

Естественно, контакты должны были осуществляться тайно. Причем высока вероятность того, что это делалось без ведома сирийских властей. Информации о конкретном круге лиц среди сирийской оппозиции, с которыми были проведены встречи, или которым были сделаны предложения о встрече, в открытых источниках крайне мало. Из тех отрывочных сведений, которые удалось все же найти в открытом доступе, можно говорить о том, что такие встречи имели место, как минимум, с конца августа до начала ноября 2011 г. Причем они проходили не только и не столько на территории Сирии, сколько за ее пределами, в частности в Турции и во Франции.

Согласно информации, имеющейся в свободном доступе, мы можем говорить, что иранская сторона выходила с предложением о встрече на представителей Сирийского революционного совета по координации комитетов (СРСКК), Арабский комитет по защите свободы слова и мысли, а также на сирийских «братьев-мусульман».

На контакт с представителями СРСКК Иран пытался выйти одним из первых. Председатель организации Мухаммад Раххаль подтвердил факт попыток вступления с ним в переговоры эмиссаров Ирана, а также Катара, которые предлагали посреднические услуги между оппозицией и властями. Однако Раххаль отверг подобное предложение, заявив, что не приемлет вмешательства иностранных держав во внутренние дела своей страны. По его словам, дни Башара аль-Асада и так сочтены, и любые переговоры с ним – лишь отсрочка неизбежного финала¹⁴.

Что касается Арабского комитета по защите свободы слова и мысли, то спикер этой группировки сирийских диссидентов Бахья Мардини под-

твердила факт встречи с иранскими дипломатами в Париже в первых числах сентября 2011 г.¹⁵ Она заявила, что сирийская оппозиция сама вышла на контакт с иранскими дипломатами, чтобы развеять страхи Ирана в отношении постасадовской Сирии. Мардини призвала Иран прекратить оказывать поддержку слабейшему режиму аль-Асада, которому положит конец народное восстание. Поставки вооружений и финансирование режима аль-Асада со стороны Ирана, лишь усугубят ситуацию в стране и приведут к большим жертвам среди населения.

На сирийских «братьев-мусульман» в Иране возлагали особые надежды, учитывая налаживающие отношения с их египетскими однопартийцами после свержения в Египте Хосни Мубарака¹⁶. К тому же турецкая правящая ПСР также разделяла взгляды «братьев-мусульман», являясь де-факто ее турецким отделением.

Спикер сирийских «братьев-мусульман» Фарук Тайфур признал, что в общей сложности было три раунда встреч с иранскими представителями, «действовавшими по поручению аятоллы Али Хаменеи»¹⁷. Все они проходили в конце октября – начале ноября 2011 г., при посредничестве Турции. Как признал сам Тайфур, переговоры де-факто так и не начались, так как иранская сторона отказалась рассматривать предварительные условия для их начала, выставляемые «братьями-мусульманами». Речь шла о прекращении иранской помощи сирийскому режиму как вооружениями, так и финансами.

В итоге тайные попытки наладить контакты с сирийской оппозицией в качестве альтернативы правительству Башара аль-Асада, были прекращены. Посольство ИРИ в Дамаске заявило 16 ноября 2011 г. о том, что контакты с сирийской оппозицией не стоят в повестке дня официальной политики ИРИ¹⁸. На практике это должно было означать факт однозначной переориентации Тегерана в решении «сирийского кризиса» в сторону безусловной поддержки Башара аль-Асада и его режима.

Таким образом, анализируя динамику отношений Ирана и Сирии в период «сирийской весны», можно говорить о наличии нескольких этапов в оформлении и принятии в качестве доминирующей концепции по поддержке Башара аль-Асада во главе сирийского режима. И если вначале, на пике движений «арабской весны», Тегеран выступал как осторожный наблюдатель, заявлявший о нейтралитете к событиям в Сирии весной 2011 г., то летом, после активизации сирийской оппозиции при поддержке Турции, Иран был вынужден активизировать свою политику, основываясь на призывах о невмешательстве во внутренние дела Сирии и подчеркивании необходимости начала внутрисирийского диалога между властями и оппозицией. Потерпев неудачу в том, что касается интернационализации сирийского кризиса и оказавшись под мощным прессингом санкционного

давления, Иран попытался наладить контакты с представителями сирийской оппозиции на своих условиях, обещая отказаться от контактов с режимом Башара аль-Асада. Однако встретив непримиримую и бескомпромиссную позицию со стороны радикальной сирийской оппозиции, за которой явно просматривалась позиция Турции и Катара, Иран был вынужден полностью отказаться от каких-либо контактов с радикальной частью оппозиции, и перейти к политике по поддержке сирийского режима во главе с Башаром аль-Асадом, делая ставку в дальнейшем на его диалог с умеренной частью сирийской оппозиции.

Примечания

- ¹ Путь к миру на Ближнем Востоке лежит через Сирию – МИД Турции. URL: <https://www.trend.az/world/turkey/1807994.html> (дата обращения: 07.01.2011).
- ² New Mideast taking shape based on Islamic principles : cleric // Tehran Times. 2011. January 29. URL: <https://www.tehrantimes.com/news/234865/New-Mideast-taking-shape-based-on-Islamic-principles-cleric> (дата обращения: 29.01.2011).
- ³ Leader's Friday Prayer Address. [Электронный ресурс]. URL: <http://english.khamenei.ir/news/1417/Leader-s-Friday-Prayer-Address> (дата обращения: 05.02.2011).
- ⁴ Speaking to a Large Group of Commanders and Staff of the IRI Army Air Force. URL: <http://www.leader.ir/langs/en/index.php?p=contentShow&id=7790> (дата обращения: 16.11.12).
- ⁵ Leader's Address to Participants of International Islamic Unity Conference. URL: <http://english.khamenei.ir/news/1426/Leader-s-Address-to-Participants-of-International-Islamic-Unity> (дата обращения: 20.02.2011).
- ⁶ Syrian leader : Arab world protests mark 'new era' // Asharq Al-Awsat. 2011. Jan 31. URL: <https://eng-archive.aawsat.com/theaawsat/news-middle-east/syrian-leader-arab-world-protests-mark-new-era> (дата обращения: 31.01.2011).
- ⁷ Important revolutions emerging in region : Larijani // Tehran Times. 2011. May 11. URL: <https://www.tehrantimes.com/news/240355/Important-revolutions-emerging-in-region-Larijani> (дата обращения: 11.05.2011).
- ⁸ West seeking to break up Jordan to save Israel : Ahmadinejad. URL: <http://en.mehrnews.com/news/45311/West-seeking-to-break-up-Jordan-to-save-Israel-Ahmadinejad> (дата обращения: 04.04.2011).
- ⁹ 'Syria armed groups flee to Turkey'. URL: <http://english.trib.ir/news/world/west-asia/item/75599-syria-armed-groups-flee-to-turkey> (дата обращения: 08.06.2011).
- ¹⁰ Leader's Speech on the Occasion of Imam Khomeini's 22nd Demise Anniversary. URL: <http://english.khamenei.ir/news/1467/Leader-s-Speech-on-the-Occasion-of-Imam-Khomeini-s-22nd-Demise> (дата обращения: 04.06.2011).
- ¹¹ Regional movements, anti-US, anti-Zionist in nature. URL: <http://www.leader.ir/langs/en/index.php?p=contentShow&id=8268> (дата обращения: 21.11.12).
- ¹² Iran : Military presence in Syria brings heavy consequences. URL: <http://isna.ir/en/news/9003-15710/Iran-Military->

presence-in-Syria-brings-heavy (дата обращения: 14.06.2011).

- ¹³ Al Husseini, *Huda*. Iran : Planning for the post-Assad period // Asharq Al-Awsat. 2011. Sep. 03. URL: <https://eng-archive.aawsat.com/huda-al-husseini/opinion/iran-planning-for-the-post-assad-period> (дата обращения: 03.09.2011).
- ¹⁴ Syrian uprising to get aggressive- Activist // Asharq Al-Awsat. 2011. Aug. 29. URL: <https://eng-archive.aawsat.com/theaawsat/news-middle-east/syrian-uprising-to-get-aggressive-activist> (дата обращения: 29.08.2011).
- ¹⁵ Syrian opposition tells Tehran to back off // Asharq Al-Awsat. 2011. Sep. 07. URL: <https://eng-archive.aawsat.com/theaawsat/news-middle-east/syrian-opposition-tells-tehran-to-back-off> (дата обращения: 07.09.2011).
- ¹⁶ См.: Баранов А. В. Инициатива Ирана по восстановлению отношений с Египтом в первой половине 2011 года в условиях противостояния с Западом // Иран в мировой политике. XXI век / отв. ред. Н. М. Мамедова. М. : ИВ РАН, Издатель А. В. Воробьев, 2017. С. 135–149.
- ¹⁷ Syria's Muslim Brotherhood rejects Iranian initiative // Asharq Al-Awsat. 2012. Jan 5. URL: <https://eng-archive.aawsat.com/theaawsat/news-middle-east/syrias-muslim-brotherhood-rejects-iranian-initiative> (дата обращения 05.01.2012).
- ¹⁸ Contacting Syrian opposition not on Iran's Agenda : embassy.URL: <http://en.mehrnews.com/news/48905/Contacting-Syrian-opposition-not-on-Iran-s-agenda-embassy> (дата обращения 16.11.2011).

Поступила в редакцию 27.04.2021, после рецензирования 30.05.2021, принята к публикации 30.06.2021
Received 27.04.2021, revised 30.05.2021, accepted 30.06.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 491–497
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 491–497
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-4-491-497>

Научная статья
УДК 94(4)

Исторические оценки в эстонском обществе: самосознание эстонцев и русскоязычных в контексте местной политики памяти

К. А. Зверев

Костромской государственной университет, Россия, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, д. 17

Зверев Кирилл Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры Истории, zverew.kir@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4747-4970>

Аннотация. В статье рассматриваются основы исторической парадигмы современной Эстонской Республики и степень восприятия ее основных тезисов местным населением. С провозглашением независимости местный истеблишмент принял решение о полном разрыве с советским прошлым и вынужден был конструировать не только собственный политический механизм, вертикаль власти, но и новую историческую парадигму, способную стать скрепляющим звеном нарождающейся государственности, а также самого эстонского общества (его эстоноязычной и русскоязычной частей). Эстонская политика памяти непосредственным образом повлияла на оформление коллективной идентичности местного населения – в большей степени эстонцев, нежели русскоязычных. Она не смогла стать скрепляющим звеном для многонациональной Республики и предсказуемо отстаивает (и даже насаждает) исторические взгляды титульного населения, не учитывая иные точки зрения.

Ключевые слова: Эстония, русскоязычное население, самосознание, политика памяти, историческая парадигма

Для цитирования: Зверев К. А. Исторические оценки в эстонском обществе: самосознание эстонцев и русскоязычных в контексте местной политики памяти // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 491–497. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-4-491-497>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

**Historical assessments in Estonian society:
The identity of Estonians and Russian speakers in the context of local memory politics**

К. А. Zverev

Department of History of Kostroma State University, 17 Dzerzhinsky St., Kostroma 156005, Russia

Kirill A. Zverev, zverew.kir@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4747-4970>

Abstract. The article examines the foundations of the historical paradigm of the modern Republic of Estonia and the degree of its perception by the local population. With the proclamation of independence, the local establishment decided to completely break with the Soviet past and had to construct not only its own political mechanism, the vertical of power, but also a new historical paradigm that could become a fastening link of the emerging statehood, as well as the Estonian society itself (its Estonian-speaking and Russian-speaking parts). The Estonian memory policy directly influenced the shaping of the collective identity of the local population – to a greater extent Estonians than Russian speakers. The state historical policy failed to become a fastening link for the multinational Republic and predictably defends (and even implants) the historical views of the titular population, without considering other points of view.

Keywords: Estonia, Russian-speaking population, self-awareness, politics of memory, historical paradigm

For citation: Zverev K. A. Historical assessments in Estonian society: The identity of Estonians and Russian speakers in the context of local memory politics. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 491–497 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-4-491-497>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Исторические воззрения всегда играли значимую роль в самосознании народов, особенно в

период становления национальной государственности. Поэтому вполне закономерно, что политические элиты стремились утвердить в научной и общественной сфере определенные исторические

трактовки как доминирующие, т.е. реализовывали государственную историческую политику (или политику памяти). Не явились исключением и страны постсоветского пространства, которые вынуждены были не только конструировать собственную политическую, экономическую модель, но и выработать новую концепцию национальной истории, отвечающую современным реалиям. Особенно важно в данном контексте обратиться к опыту стран Балтии, в частности Эстонской Республики, которая не только выбрала стратегию полного отказа от коммунистического прошлого, но и реализовала принцип правового континуитета, объявив о возрождении собственной государственности (1918–1940 гг.) после полувековой «советской оккупации». Дополнительный интерес данной исследовательской теме придает тот факт, что Эстония является многонациональным государством с 30%-ной долей русскоязычного населения, компактно проживающего в столице и на северо-востоке Республики. Кроме того, основные концепции политики памяти Прибалтийских республик, в том числе и Эстонии (восприятие древней истории как борьбы за свободу против иностранных завоевателей, тезисы о «советской оккупации», «преступлениях коммунизма»), в новейший период оказались востребованы среди историков и истеблишмента ряда постсоветских государств (так, следует упомянуть Грузию, Украину, Молдову, в которых после «цветных революций» 2000-х гг. активизировались русофобские настроения и появились негативные оценки советского прошлого по аналогии с риторикой стран Балтии).

В настоящей статье предпринята попытка оценить степень восприятия новых трактовок национальной истории эстонским обществом (его эстоноязычной и русскоязычной частями) и их влияние на самосознание местного населения. Считаем, что данные трактовки прошлого имеют все признаки государственной исторической политики, под которой в данной статье подразумевается набор практик, применяемых отдельными политическими силами для утверждения определенных интерпретаций исторических событий как доминирующих. Понятия «политика памяти», «историческая парадигма» используются как синонимы исторической политики.

Институциональное оформление независимой республики

Эстонская Республика провозгласила свою независимость от Советской России в 1918 г. и сохраняла самостоятельность вплоть до инкорпорации в состав СССР в качестве союзной республики в 1940 г. После Второй мировой войны этно-национальный состав населения Эстонии изменился коренным образом. Доля русскоязычных (постоянных жителей, для которых русский

является родным или функционально первым языком общения) увеличилась в 4 раза – с 8,5% в 1934 г.¹ до 35% в 1989 г.² Большинство из вновь прибывших эстонским языком не владели и имели слабое представление об особенностях местного исторического развития³.

В годы перестройки в Эстонской ССР, как и в других республиках, начался рост национализма и сепаратизма, обусловивший широкую поддержку идеи выхода из состава Советского Союза со стороны титульного населения. Так, в марте 1991 г. в Эстонском референдуме о восстановлении независимости участвовали 82,86% избирателей, имевших право голоса. За независимость проголосовали 77,83%, против – 21,43% (17,77%)⁴. Учитывая, что эстонцы составляли 61,5% населения, становится очевидным, что немалая часть неэстонцев высказалась за независимость. Другими словами, на заре эстонской государственности в самом начале 1990-х общество продемонстрировало достаточно консолидированный запрос на оформление независимости. Это подтверждают и результаты социологического исследования, проведенного акционерным обществом ЭМОР 16–18 сентября 1991 г. в городах северо-востока Эстонии (место компактного проживания русскоязычного населения) среди неэстонского населения региона об отношении к гражданству вновь образованного государства. 46% опрошенных заявили, что готовы сразу же подать заявление на получение эстонского гражданства; 37% посчитали, что они должны еще подумать; 5% определенно не собирались добиваться гражданства⁵. Приведенные цифры свидетельствуют о достаточно высокой степени лояльности нетитульного населения к новой Эстонской Республике и титульному населению (таблица). Однако официальный Таллин предпочел путь конфронтации в историческом и правовом поле. В результате уже к середине 1990-х гг. обозначился рост взаимного недоверия (см. табл.).

Основными законодательными актами местных властей на пути к выходу из состава СССР стали Закон «О государственном статусе Эстонии»⁶ и постановление Верховного Совета ЭССР «О государственной независимости Эстонии»⁷, в которых инкорпорация в Советский Союз 1940 г. объявлялась незаконной и инспирированной извне, весь период существования Эстонской ССР интерпретировался как «советская оккупация», а также провозглашалось «восстановление» (или принцип правового континуитета) Эстонской Республики 1920–1930-х гг. со всеми вытекающими правовыми последствиями. Данная особенность в виде «реставрации» государственности межвоенного периода нуждалась в объяснении и популяризации в обществе, что обусловило повышенное внимание официального Таллина к историческому дискурсу (в особенности в отношении событий XX в.) и сподвигла местный

Ощущение общности русских и балтийских народов, %⁸

Годы	Эстонцы	Русские в Эстонии	Латыши	Русские в Латвии	Литовцы	Русские в Литве
Насколько Вы ощущаете свою общность с эстонцами, латышами, литовцами?						
1993	86	24	63	25	76	31
1995	88	28	74	25	82	
1996	84	13	80	21	83	36
Насколько Вы ощущаете свою общность с русскими?						
1993	4	62	9	57	7	52
1995	5	70	9	52	4	51
1996	4	73	14	65	4	57

истеблишмент к оформлению государственной исторической политики.

Оформление концепции национальной истории

Эстонскую политику памяти можно свести к следующим основным компонентам: первый – «историческому этноцентризму», под которым мы подразумеваем комплекс подходов в историографии по написанию крайне национально-центричной «истории эстонцев», интерпретации истории как извечной борьбы за независимость и свободы от иностранных захватчиков; второй и третьей составляющим местной исторической парадигмы – «концепции оккупации стран Балтии» и «антикоммунизму», направленным на популяризацию в научной и общественной сферах утверждений об «оккупации» Советским Союзом Эстонии, Латвии, Литвы, а также на обличение «преступлений коммунизма» против народов Прибалтийских республик.

Вне исторического контекста «концепция оккупации стран Балтии» и взаимосвязанный с ней принцип правового континуитета выразились в «реставрации» правовой базы Республики 1918–1940 гг. и, как следствие, неравноправном положении местного русскоязычного населения: отказ официального Таллина от автоматического предоставления гражданства всем жителям Республики (прибывшим в период «оккупации»), введение для неэстонцев процедуры натурализации, отказ от статуса русского языка как государственного и возникающие вследствие этого политические, профессиональные и экономические ограничения для нетитульного населения. Все это выразилось в нарастании межнациональных противоречий и привело к расколу общества по этноязыковому признаку – на эстоноязычное большинство и русскоязычное меньшинство. Данный раскол обозначился уже в первой половине 1990-х гг. (см. табл.). Однако местный истеблишмент, не пожелав пойти на уступки в правовом и языковом поле, решил преодолеть межнациональные трения, в том числе через реализацию новой государственной исторической парадигмы, активизация которой стала особенно заметной в 2000-х гг.

Так, эстонский политик (премьер-министр Эстонии в 1992–1994 гг. и в 1999–2002 гг.) и историк (автор учебников по истории Эстонии для средней школы) Март Лаар в одной из своих работ в предисловии отметил, что «до сих пор историю писали немцы и русские, писали “официальную историю”, которая игнорировала историю эстонцев. Чтобы сбалансировать данную особенность, эстонские историки иногда становятся довольно национально-центричными. Данная книга призвана рассказать историю борьбы эстонского народа за свободу»⁹.

Однако по мере укрепления собственной государственности в условиях XXI в. и господства идей мультикультурализма, европейских ценностей наметилась необходимость корректировок прежних исторических подходов. В частности, это выразилось в появлении нового фундаментального труда «История Эстонии» под авторством 11 исследователей Института истории и археологии Тартуского университета¹⁰ в 2012 г. Это событие знаменовало собой активизацию нового витка дискуссий в национальной исторической науке о степени состоятельности классических национально-романтических трактовок прошлого. По мнению эстонского публициста Эррки Баховски и историка Игоря Копытина, трактовка событий 1200–1550-х гг. в новой «Истории Эстонии II» является революционной, поскольку ставится крест на преобладавшей ранее национально-романтической подаче истории Средневековья Эстонии, которую постепенно развивали Гарлиб Меркель в XVIII в., Карл Роберт Якобсон в XIX в. и Ханс Круус в XX в. Так, в новой редакции «Истории Эстонии» к событиям 1208–1227 гг., т. е. времени борьбы древних эстов против крестоносцев, применяется не привычное название «Древняя освободительная война» («Muistne vabadusvõitlus»), а крестовые походы в Северо-Восточной Европе («Kirde-Eurooparistisõda»). Один из авторов книги историк Марек Тамм считает, что понятие крестовых походов более объективное и его использование опирается на историографию средневековой Европы. Разговор об отстаивании свободы не имеет под собой почвы, поскольку у эстов тогда отсутствовала государственность и сами они зача-

стую воевали между собой, в том числе и на стороне иноземных захватчиков¹¹. Также в новой книге история подается менее этноцентрично. Профессор Анти Селарт отмечает, что *«историю Эстонии как таковую раньше рассматривали лишь с конца XVIII века, то есть начиная с Меркеля и Якобсона. И историки советской Эстонии рассматривали отечественную историю лишь как историю крестьянства. Предшествующие события были как бы историей немцев. Теперь же от этого отказались, не ставя больше ударение на национальный аспект, а рассматривая историю всех народов, действовавших на этой земле»*¹². С критикой нового подхода выступили историки Лаури Вахтре и упомянутый выше Март Лаар, которые считают, что замена «Древней борьбы за свободу» не имеет веских причин, поскольку это стержень самосознания всей эстонской нации¹³. Столь жаркие дискуссии в отношении одного исторического труда, пусть и фундаментального, объясняются тем, что «История Эстонии II» является итогом 15-летней работы местных ученых-историков, своего рода «государственным заказом», на основе которой будут написаны школьные учебники и преподаваться отечественная история.

По большому счету в данном споре прослеживается тенденция к постепенному отказу от этноцентризма и национальных мифов 1930-х гг., поступательное движение в сторону более мультикультурной и глобалистической подачи истории¹⁴.

Исторические оценки эстонцев и русскоязычных

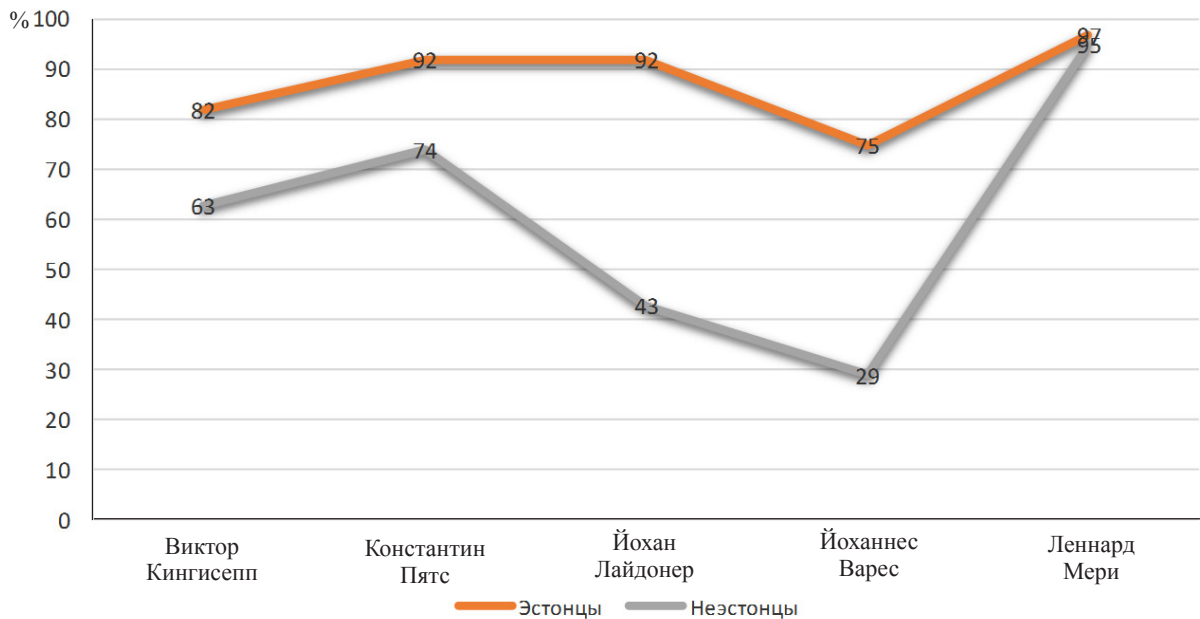
Что касается самого эстонского общества, то, как и в Литве, Латвии, основной интерес здесь прикован к событиям XX в., ставшего переломным в национально-государственном строительстве. Так, в апреле 2009 г. фирмой Saag Poll в Эстонии было проведено социологическое исследование «Историческое осознание важнейших событий прошлого века в Восточной Европе», которое показало отношение жителей страны к основным событиям и личностям XX в.¹⁵ Согласно полученным результатам 73% эстонцев заявили, что интересуются историей своей страны, а 78% испытывают интерес к событиям XX в., тем самым демонстрируя наивысший результат среди стран Балтии. Этот же опрос выявил среди латышей 60% интересующихся отечественной историей и 58% – событиями XX в. Среди литовцев таковых было 51% и 46% соответственно¹⁶. Другими словами, не проявляют интереса к истории половина литовцев, 40% латышей и лишь 20% эстонцев. Это говорит о большом значении политики памяти и исторического дискурса как такового для официального Таллина.

По данным исследования Saag Poll этнические эстонцы показали довольно высокий уровень информированности о личностях и событиях XX в. – в среднем около 80–90%. При этом наиболее положительные оценки заслужили полити-

ческие деятели периода буржуазной республики 1920–1930-х гг. и современности, а наименьшие – члены эстонской компартии¹⁷. Советский период истории в целом, за исключением победы в Великой Отечественной войне, разоблачения культа личности И. Сталина на XX съезде КПСС и распада СССР, вызвал более чем негативные оценки эстонского общества. Обращает на себя внимание и более критический взгляд на советское прошлое молодежи младше 30 лет, среди которой капитуляцию нацистской Германии перед СССР положительно оценили лишь 55%, против 70% из числа более возрастных респондентов, распад Советского Союза поддержали 75% молодых людей, против 70% представителей старшего поколения¹⁸. Респонденты младше 30 – это и есть поколение, выросшее в независимой Эстонии, которое испытало на себе изменение господствующей исторической концепции, а также основные меры местной политики памяти.

По результатам этого же социологического исследования 2009 г. информированность неэстонцев об основных событиях и личностях истории Эстонской Республики XX в. в среднем на 20–30% ниже, чем у титульного населения (рисунок). На наш взгляд, это можно объяснить наличием прослойки русскоязычных, прибывших в Республику в зрелом возрасте и не знакомых с местной историей, не проходивших ее в школе). Оценки эстонских исторических личностей XX в., данные русскоязычными, оказались более сдержанными, чем у представителей титульного населения. Так, например, наибольшие различия касаются деятелей коммунистической партии – Виктора Кингисеппа (российский и эстонский революционер, один из создателей Коммунистической партии Эстонии) и Йоханнеса Вареса-Барбаруса (эстонский поэт и писатель, политический деятель, премьер-министр Эстонии в 1940 г., председатель Президиума Верховного Совета Эстонской ССР в 1940–1946 гг.), которых положительно оценили 58% и 54% русскоязычных респондентов (среди эстонцев данные деятели набрали 30% и 41% положительных отзывов). Поддержку первому президенту новой Эстонии – Леннарту Мери выразили лишь 76% неэстонцев, среди коренных жителей таковых было 90%¹⁹. Другими словами, советское прошлое вызывает предсказуемое сочувствие у местных русскоязычных, а новейший период воспринимается более критично. При этом мы не видим прямо противоположных суждений (за исключением событий Второй мировой войны) касательно большей части исторического контекста, что свидетельствует об отсутствии поляризации общества, о существовании своеобразного диалога в эстонском историческом дискурсе (опять же за исключением событий Второй мировой войны).

Разделяющим эстонское общество звеном, без сомнения, стала «концепция оккупации стран

Информированность об эстонских исторических личностях²⁰

Балтии» (выработанная Б. Мейснером, Д. Лёбером, В. Шлау и другими членами Геттингенской рабочей группы)²¹, которая заключается в продвижении тезисов о том, что в 1940 г. Эстония, Латвия, Литва были оккупированы Советским Союзом и незаконно инкорпорированы в его состав (в этой связи в эстоноязычном обществе стали культивироваться антисоветские и антикоммунистические настроения, в том числе восприятие событий Второй мировой войны не как освобождение народов Европы и Прибалтики советскими войсками²², а как «смена немецкой оккупации советской»)²³. В рамках данной концепции в эстонском обществе сложились диаметрально противоположные взгляды эстонцев и русскоязычных на события Второй мировой войны, которые весьма показательны на примере так называемой «Войны памятников», начавшейся в 1991 г. и продолжающейся с разной степенью интенсивности до настоящего времени. В первую очередь, сразу после провозглашения независимости, с центральных площадей эстонских городов в рамках декоммунизации исчезли памятники Ленину, другим «красным» вождям и партийным деятелям, улицам и площадям были возвращены довоенные названия. К началу 2000-х гг. основное внимание переместилось на монументы, посвященные Великой Отечественной войне. Провокации вокруг этих памятников проводились в преддверии местных парламентских выборов. Одновременно начали появляться новые монументы, прославлявшие бывших легионеров СС, а также тех, кто воевал на стороне нацистской Германии или пострадал от советской власти (например, монумент в местечке Лихула на западе Эстонии). Однако наибольший

общественный резонанс вызвали действия правительства Республики по демонтажу в конце апреля 2007 г. памятника «Павшим во Второй мировой войне» (или «Бронзового солдата»). Это вызвало недовольство русскоязычного населения и массовые беспорядки в Таллине и городах северо-востока Эстонии, получившие название «Бронзовых ночей»²⁴, которые продемонстрировали наличие глубокого межэтнического конфликта в Эстонии, в том числе и в вопросе исторических оценок²⁵. Так, согласно социологическому исследованию TNS Emor, проводившемуся в начале мая 2007 г., действия премьер-министра страны А. Ансипа с момента демонтажа «Бронзового солдата» поддержали 82% эстонцев, тогда как 84% неэстонцев оценивали действия главы правительства негативно. В июне 2007 г. фирмой Saar Poll был проведен опрос населения, посвященный событиям конца апреля 2007 г. Если 51% опрошенных эстонцев сочли решение властей о демонтаже монумента «совершенно верным» и 28% – «скорее верным», то среди неэстонцев данный вариант ответа поддержали лишь 4% и 7% соответственно²⁶. Здесь мы видим не только диаметрально противоположные взгляды на действия властей, но и на восприятие самого исторического контекста событий Второй мировой войны и Великой Отечественной как ее части. В ходе другого социологического исследования 2010 г. 92,3% русских и 78,9% эстонцев согласились с утверждением, что различное толкование вопроса оккупации и Великой Отечественной войны не только имеет место быть, но и препятствует в налаживании межобщинного диалога. Обострение межнациональных отношений в Эстонской Республике в 2010 г. связывали с политикой России 36%

русскоязычных участников исследования и 74% эстонцев. И наоборот, правительство Эстонии в межэтнических трениях обвинили около 90% неэстонцев и 56,8% респондентов, чьим родным языком является эстонский²⁷. В 2007 г., в «оккупацию» Эстонии Советским Союзом верили лишь 7% местных русскоязычных. В 2002 г. 43% русскоговорящих считали, что Эстония добровольно присоединилась к Советскому Союзу. Согласно опросу, проведенному в 2005 г., аналогичное утверждение поддержали 56%²⁸. Весьма показателен и социологический опрос, проведенный по заказу правительства г. Нарвы в 2009 г., согласно которому 53% жителей Нарвы считают присоединение Эстонии к СССР проявлением свободы воли народа; 60% убеждены, что суверенитет Эстонии не был нарушен в 1940 г. Причем доля неэстонцев, критически воспринимающая тезис о «советской оккупации», постоянно растет²⁹. По нашему мнению, данные настроения, не отвечающие основным устремлениям эстонской политики памяти, могут быть следствием не только «апрельского кризиса» 2007 г. (демонтаж «Бронзового солдата» в Таллине), но и отчужденности местного русскоязычного населения от Эстонской Республики вследствие языковой политики, ущербного правового статуса (из-за отсутствия гражданства)³⁰.

Обращает на себя внимание и интеграционная политика официального Таллина, направленная на нивелирование межнациональных трений в Республике. Понимая взаимосвязь интеграции рецепции местной государственной исторической парадигмы, эстонские власти включили в качестве критериев интегрированности неэстонцев в эстонское общество «*положительное отношение к переменам, произошедшим в эстонском обществе за последние пятнадцать лет, доверие к эстонскому государству*»³¹. Другими словами, отказ от положительных оценок новейшего периода эстонской истории служит аргументом в пользу нелояльности к Эстонской Республике. Данные поправки в местную программу интеграции на 2008–2013 гг.³² были внесены именно после уже описанных нами событий «Бронзовых ночей». Однако и в настоящее время данные утверждения вполне актуальны. Так, в конце декабря 2020 г. эстонский политик Кристина Каллас в интервью заявила: «*Празднование 9 мая – это первое дело, которое надо поменять. Потому что это то, что в сознании эстонцев автоматически связывает вас с Россией. <...> Мы празднуем 9 мая, как российский праздник, политические праздники Российской Федерации, если русские их здесь справляют, то для эстонцев это сразу "пятая колонна", но если русские празднуют это как семейный праздник, всё в порядке*»³³. До сих пор политические и общественные деятели предпочитали не высказываться относительно возможности исправления памятных дат.

Заключение

Резюмируя вышеизложенное, можно констатировать, что эстонская политика памяти непосредственным образом повлияла на оформление коллективной идентичности местного населения – в большей степени эстонцев, нежели русскоязычных. Восприятие древней истории как борьбы против колонизаторов, идеалистические воспоминания о Республике 1918–1940 гг., павшей жертвой «советской агрессии» и последовавшая за этим полувековая «оккупация» прочно утвердились в национальном самосознании. Однако государственная историческая политика не смогла стать скрепляющим звеном для многонациональной Республики и предсказуемо отстаивает (и даже насаждает) исторические взгляды титульного населения, не учитывая иные точки зрения. В результате комплекс правовых, языковых и исторических подходов местного истеблишмента к проблеме русскоязычных жителей Эстонии привел к росту их отчужденности как по отношению к Эстонскому государству, так и коренным жителям (при этом изначально неэстонцы были более чем лояльны к новому государству). Несмотря на некоторое сближение исторических воззрений эстонцев и молодых русскоязычных, отношение к прошлому продолжает разделять эстонское общество, оставаясь питательной средой для конфликтов.

Примечания

- 1 Rahvaloendus Eestis : 1881, 1897, 1922, 1934, 1959, 1970, 1979, 1989 = Population censuses in Estonia = Переписи населения в Эстонии / Statistikaamet. Tallinn : Statistikaamet, 1997. 55 l.
- 2 2000. Aasta rahva ja eluruumide loendus. II, Kodakondsus, rahvus, emakeel ja võõrkeelte oskus = 2000 population and housing census. II, Citizenship, nationality, mother tongue and command of foreign languages / Statistikaamet; [koostanud K. Känd, M. Langi, R. Leinbock ... jt.]. Tallinn : Statistikaamet, 2001. L 14.
- 3 Laar M. Estonia's way [translation by H.-H. Dunning]; ed. by R. Hazlehurst. Tallinn : Tallinna Raamatutrukikoda. 296 lk.
- 4 См.: Фурман Д., Задорожнюк Э. Социальные проблемы российского зарубежья. Притяжение Балтии : Балтийские русские и балтийские культуры // Страны Балтии и Россия : общества и государства. М. : Референдум, 2002. С. 105.
- 5 Rahvusarhiiv (Эстонский государственный архив). Ф. R-3. Оп. 3. Д. 16115.
- 6 Закон Верховного Совета Эстонской ССР от 30 марта 1990 г. «О государственном статусе Эстонии» // К Союзу Суверенных Народов : сборник документов КПСС, законодательных актов, деклараций, обращений и президентских указов, посвященных проблеме национально-государственного суверенитета / сост. А. И. Доронченков. М. : Институт теории и истории социализма ЦК КПСС, 1991. С. 243.

- ⁷ Ведомости Эстонской Республики. 1991. 21 авг. № 25.
- ⁸ Фурман Д., Задорожнюк Э. Указ. соч. С. 113.
- ⁹ Цит. по : Laar M. Op. cit. P. 13.
- ¹⁰ Selart A., Kala T., Kaljundi L., ... jt. Eesti ajalugu II : Eesti keskaeg. Tartu : Tartu Ülikooli ajaloo ja arheoloogia instituut, 2012. 456 lk.
- ¹¹ См.: Копытин И. Новый взгляд на историю Эстонии // Postimees. URL: <https://rus.postimees.ee/1144948/igor-kopytin-novyy-vzglyad-na-istoriyu-estonii> (дата обращения: 07.11.2020).
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ См.: Адамсон А. Национальная история Эстонии в контексте европеизации прошлого и «войны памятников» // Национальные истории на постсоветском пространстве – II / под ред. Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. М. : Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XXI, 2009. С. 182–200.
- ¹⁵ Ajalooteadvus eelmise sajandi olulisematest sündmustest Ida-Euroopa aladel. Aprill-mai 2009.a. Saar Poll, september 2009.a. // SAAR POLL (Саар Полл). URL: http://www.saarpoll.ee/UserFiles/File/Ajaloteadvuse_uuringu_esitlus_23_09_2009.pdf (дата обращения: 08.11.2020).
- ¹⁶ Там же. L. 5.
- ¹⁷ Там же. L. 5–16.
- ¹⁸ Там же. L. 42.
- ¹⁹ Там же. L. 9.
- ²⁰ Там же. L. 7.
- ²¹ Meissner B., Loeber D. A. Die baltischen Staaten im weltpolitischen und völkerrechtlichen Wandel : Beiträge 1954–1994. Hamburg : Bibliotheca Baltica; Tallinn : Ühiselu, 1995. 319 lk.
- ²² См.: Зеттерберг С. История Эстонской Республики / пер. Д. Брунс. Таллинн : KPD, 2013. 400 с.
- ²³ См.: Крийска А., Мязсалу А., Селарт А., Пыльтсам-Юрьо И., Пийримяэ П., Сеппель М., Андресен А., Паюр А, Таннберг Т. История Эстонии / пер. Э. Вяря. Таллинн : Avita, 2020. 350 с.
- ²⁴ Monumentaalne konflikt : mälu, poliitika ja identiteet tänapäeva Eestis / koostanud P. Petersoo ja M. Tamm. Tallinn : Trükikoda OÜ Geif, 2008. 308 lk.
- ²⁵ См.: Зверев К. А. Русскоязычное население Эстонской Республики в контексте государственной национальной политики (1992–2007 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Кострома, 2015. 298 с.
- ²⁶ См.: Никифоров Н. Нарушение прав национальных меньшинств в Эстонии // Современная европейская этнократия : Нарушение прав национальных меньшинств в Эстонии и Латвии / под ред. М. В. Демиурина, В. В. Симиндея. М. : Фонд «Историческая память», 2009. С. 160–163.
- ²⁷ Отношения между общинами осложняют невоспитанность и вопросы истории // Postimees. 2010. 14 сент. URL: <https://rus.postimees.ee/312869/otnosheniya-mezhdu-obshchinami-oslozhnyayut-nevosпитанност-i-voprosy-istorii> (дата обращения: 21.11.2020).
- ²⁸ Всего 7 процентов. Эстонские русские верят в оккупацию // DELFI.lt 2007. 21 мая. URL: <https://www.delfi.lt/news/daily/world/vos-7-proc-estijos-rusutiki-jos-okupacija.d?id=13266632> (дата обращения: 28.11.2020).
- ²⁹ См.: Тамм М. Нарва : Эстония добровольно присоединилась к Советскому Союзу // Postimees. 2009. 7 окт. URL: <https://www.postimees.ee/172489/narvakad-estiliitus-noukogude-liiduga-vabatahtlikult> (дата обращения: 28.11.2020).
- ³⁰ См.: Зверев К. А. Указ. соч. С. 160–189.
- ³¹ Цит. по : Лауристин М. Эстонская программа интеграции 2008–2013 : Заключительный отчет об исследовании необходимости и возможности реализации. Таллинн : Integratsiooni Sihtatus ; Tartu, 2008. С. 21.
- ³² Эстонская программа интеграции 2008–2013 // Kultuuriministeerium (Сайт Министерства Культуры Эстонии). Систем. требования : Adobe Acrobat Reader. URL: https://www.kul.ee/sites/kulminn/files/loimumiskava_2008-2013_rus_vv_11.06.09_nr_236.pdf (дата обращения: 20.11.2020).
- ³³ Каллас Кристина. Празднование 9 мая – это первое дело, которое надо поменять русским в Эстонии // DELFI.lt 2020. 26 дек. URL: <https://m.rus.delfi.ee/estonia/article.php?id=92059713> (дата обращения: 29.12.2020).

Поступила в редакцию 01.03.2021, после рецензирования 07.06.2021, принята к публикации 30.06.2021
 Received 01.03.2021, revised 07.06.2021, accepted 30.06.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 498–505

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 498–505

<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-4-498-505>

Научная статья

УДК 327

«Кадровый резерв» деэскалации: М. Рожански об американско-российских отношениях

Ю. Г. Голуб, С. Ю. Шенин

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Голуб Юрий Григорьевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений и внешней политики России, goloub@sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9819-7494>

Шенин Сергей Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России, shenins@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0002-4503-5923>

Аннотация. Статья посвящена анализу политической, научной и практической деятельности директора Института Кеннана Мэтью Рожански. В контексте заявлений администрации Дж. Байдена о необходимости деэскалации американско-российских отношений и с учетом попытки назначить Рожански на пост директора по России в Совет национальной безопасности США изучаются эволюция его мировоззрения, система взглядов на текущее мироустройство, роль России в современном мире и характер отношений между Вашингтоном и Москвой. Делается вывод о том, что внешнеполитические представления Рожански близки к либерально-универсалистской идеологии прогрессивистской группировки демократической партии.

Ключевые слова: М. Рожански, администрация Байдена, американско-российские отношения, деэскалация, Институт Кеннана, общественная дипломатия

Для цитирования: Голуб Ю. Г., Шенин С. Ю. «Кадровый резерв» деэскалации: М. Рожански об американско-российских отношениях // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 498–505. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-4-498-505>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

“Staff Reserve” of De-Escalation: M. Rojansky on American-Russian Relations

Yu. G. Golub, S. Yu. Shenin

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Yury G. Golub, goloub@sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9819-7494>

Sergei Y. Shenin, shenins@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0002-4503-5923>

Abstract. The article is devoted to the analysis of the political, scientific and practical activities of the director of the Kennan Institute, Matthew Rojansky. In the context of the statements of the Biden administration on the need to de-escalate US-Russian relations and taking into account the attempt to appoint Rojansky to the post of Russia Director on the US National Security Council, the evolution of his worldview, the system of views on the modern world order, the role of Russia in the contemporary world and nature of relations between Washington and Moscow are considered. It is concluded that Rojansky's foreign policy views are close to the liberal-universalist ideology of the progressive grouping in the Democratic Party.

Keywords: M. Rojansky, Biden administration, American-Russian relations, de-escalation, Kennan Institution, public diplomacy

For citation: Golub Yu. G., Shenin S. Yu. “Staff Reserve” of De-Escalation: M. Rojansky on American-Russian Relations. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 498–505 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-4-498-505>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Не подлежит сомнению, что сегодня российско-американские отношения находятся в своей низшей точке, начиная с середины 1980-х гг. После всех обвинений и санкций Вашингтона, которые имели место в последние годы, а также ответных шагов Москвы сложилось впечатление, что эти

отношения перешли в фазу, близкую к неуправляемой эскалации, которая грозит перерасти в новую холодную войну.

Подчиняясь логике заданного процесса, президент-демократ Дж. Байден сразу после прихода в Белый дом предпринял несколько жестких анти-

российских шагов. Однако в апреле – мае 2021 г. он вдруг заговорил о возможности деэскалации и налаживания отношений с Москвой на тех направлениях, которые представляют для США наибольший интерес.

Этот отход от антироссийского мейнстрима, несомненно, ставит администрацию в непростое положение, поскольку предыдущего президента-республиканца Д. Трампа демократы обвиняли именно в желании «ладить с Россией». Любая ошибка или сбой на этом пути даст оппонентам Байдена – демократам-ястребам и республиканцам-консерваторам – возможность обвинить администрацию в чем угодно: от непрофессионализма до национальной измены. Соответственно, для осуществления курса на деэскалацию в такой противоречивой обстановке Белому дому потребуются очень квалифицированные специалисты.

Пост директора по России в Совете национальной безопасности США является ключевым для координации деятельности различных ведомств администрации по вопросу американской политики в постсоветском регионе. Насколько серьезно планирует новый президент двинуться в сторону деэскалации американо-российских отношений, во многом зависит от того, кто займет эту позицию. Тем удивительнее оказались информация в прессе о том, что основным претендентом на данный пост стал директор Института Кеннана Мэтью Рожански¹.

Последний появился в поле зрения администрации и стал рассматриваться в качестве кандидата на указанную позицию еще в конце февраля 2021 г. Как говорят в Вашингтоне, его рекомендовала бывшая конгрессвумен от Калифорнии Дж. Харман, которая в настоящее время занимает пост почетного президента Центра Вудро Вильсона – правительственного мозгового центра, частью которого и является Институт Кеннана. По неподтвержденной информации, этот кадровый импульс прошел через офис вице-президента К. Харрис, хотя в последнем эту информацию опровергают².

Тем не менее слухи о назначении М. Рожански на высокую позицию вызвали волну негативных эмоций в Вашингтоне. Так, несколько неназванных бывших и настоящих высокопоставленных чиновников предупредили Белый дом о том, что появление Рожански на данном посту станет проблемой для администрации, поскольку может рассматриваться как сигнал о готовности перейти к примирительной политике в отношении Москвы³.

Очень активно поспешили выразить протест многие антироссийские «ястребы», например У. Браудер, который заявил (ни больше ни меньше), что «если Мэтью Рожански станет советником Байдена по России в Совете национальной безопасности, то считайте, что Навальный почти мертв... Путин увидит в этом знак того, что Вашингтон ничего не будет делать, если они убьют Навального»⁴. Другой непримиримый оппонент Москвы – Г. Каспаров – с его своеобразным чув-

ством юмора полюбопытствовал: «Если Рожански будет работать в Белом доме по России, он сохранит свою кремлевскую зарплату?»⁵

Гневно отреагировало на эту информацию украинское лобби. В письме Дж. Байдену от 12 апреля президент и вице-президент Украинского комитета конгресса Америки назвали работу Рожански «источником большого беспокойства» и заявили, что директор Института Кеннана рассматривает Украину как «расходный материал для обеспечения более тесных американо-российских отношений»⁶.

Наконец, Рожански припомнили, как в 2018 г. украинские выпускники Института Кеннана в открытом письме жестко критиковали директора за то, что под его руководством данная структура стала «невольным инструментом российского политического вмешательства». Он осуждался за «растущее прокремлевское влияние, отсутствие демократических процедур и непрофессиональное отношение к выпускникам Института Кеннана на Украине», антимайданную кадровую политику в киевском филиале и сотрудничество с «близкими к Путину российскими олигархами»⁷.

В целом оппоненты всех оттенков осуждают Рожански за то, что он негативно относится к чрезмерно жесткой политике в отношении Российской Федерации и избыточному применению санкций, к эскалации конфликта, который несет в себе «неприемлемые риски», к тому, что США используют «Россию в качестве пугала в стиле паранойи холодной войны» и не желают налаживать даже те отношения с Москвой, которые могут быть полезны американским национальным интересам⁸.

В результате этих атак уже в середине апреля вопрос о назначении Рожански в СНБ был снят с рассмотрения в Белом доме. Видимо, там опасались, что его «мягкость» в отношении России может дать республиканцам повод говорить, что именно за такую политику Трампа выводили на импичмент, а теперь демократы пытаются делать то же самое. Тем не менее само появление Рожански в качестве кандидата на пост координатора российского направления внешней политики США очень симптоматично.

Во-первых, это недвусмысленно свидетельствует о том, что в американском политическом классе сохранились достаточно влиятельные силы, осознающие пагубность для Вашингтона продолжения всемерной деградации отношений с Москвой.

Во-вторых, можно предположить, что сам процесс выдвижения такой по-своему радикальной фигуры должен был определить степень текущей антироссийской оголтелости и запустить процесс «привыкания» общества и элиты к идее о необходимости смягчения откровенного антироссийского курса.

В-третьих, хотя Рожански сравнительно молод, он привлек внимание «селекционеров» администрации тем, что является идейным и

системным молодым политиком, мощнейшим и тонким аналитиком с серьезными перспективами в будущем занять заметное место в вашингтонских коридорах власти. Он не лоббист с конъюнктурными интересами, а политик с идеалами, позволяющими ему ясно представлять систему американских интересов (по крайней мере, одну из этих систем), в рамках которых взаимодействие с Россией является важнейшим элементом *Rax Americana*.

Внешнеполитическая идеология М. Рожански сформировалась давно и прочно. С одной стороны, международные отношения с фокусом на евразийско-российской проблематике были сознательно выбраны им со студенческих времен в Калифорнийском университете Беркли и Гарвардском университете. С другой стороны, его интересовали те аспекты международных отношений, которые были связаны с юриспруденцией и действием международных законов, – эта сторона его представлений формировалась в Юридической школе Стэнфордского университета. Ведущие места в списке приоритетов Рожански занимали такие актуальные проблемы современности, как контроль за распространением ядерного оружия (здесь, видимо, сказалась работа в Министерстве иностранных дел Израиля в 2003–2004 гг.), а также развитие мировой торговли в контексте экономической глобализации.

В единый идеологический комплекс все эти представления Рожански были объединены в 2006–2007 гг., в период работы исполнительным директором в организации под названием «Партнерство за безопасную Америку» (*Partnership for a Secure America – PSA*), созданной влиятельными и авторитетными политиками – экс-конгрессменом Ли Гамильтоном и экс-сенатором Уорреном Рудманом. Важно отметить, что, несмотря на то, что Гамильтон был демократом, а Рудман – республиканцем, их точки зрения совпадали по многим важнейшим вопросам, касающимся безопасности США. Оба политика на собственном примере демонстрировали положительный эффект от совместной работы представителей обеих ведущих партий. Именно экстраполяцию такого взаимодействия на федеральный уровень они назвали миссией своей организации – укрепление двухпартийного диалога для налаживания продуктивного обсуждения важнейших вопросов национальной безопасности США.

Либеральный демократизм Л. Гамильтона и умеренный центризм У. Рудмана во многом совпадали со взглядами Мэтью Рожански. В представлениях Гамильтона «самым кошмарным» для США является сценарий появления на территории страны террориста с ядерным оружием, чего абсолютно нельзя допустить и в чем очень важно сотрудничество с Москвой. Он также считал необходимой поддержку «дружественной России» для решения и других сложнейших международных проблем, призывая при этом работать не только с

правительством Российской Федерации, но и с ее гражданами. Гамильтон ратовал за прагматическую поддержку Америкой демократических реформ в других странах, за втягивание их в глобальные либерально-демократические процессы⁹. Все эти идеи оказали большое влияние на Рожански, способствовали «цементированию» его научного мировоззрения и той повестки политической активности, которую он впоследствии станет реализовывать на посту директора Института Кеннана.

Через всю деятельность Рожански последовательно проходит мысль об исключительной важности тесных отношений, сотрудничества США и России. Еще в 2007 г., работая в *PSA*, Рожански обвинял Дж. Буша-мл. в том, что своей политикой он создает у Москвы впечатление, будто Вашингтон стремится взять Кремль под контроль, и это отдаляет Россию от США. Москва, однако, имеет возможность стать более независимой благодаря буму на нефтяном и газовом рынках. Рожански выражал надежду, что следующий президент сможет изменить эту политику, и наступит «золотой век» в двухсторонних отношениях¹⁰. В 2011 г. он был убежден в том, что прагматичная российская власть пойдет на сближение с США для развития торговли, а также для решения таких своих проблем, как, например, растущее влияние Китая в Центральной Азии¹¹.

Однако со временем (в 2018 г.) Рожански вынужден констатировать, что его оптимистичные прогнозы не сбылись. Двухсторонние отношения оказались в глубоком кризисе, возможно, худшем с начала 1980-х или даже 1960-х гг. Позиции Москвы и Вашингтона стали враждебными почти по всем вопросам международных отношений, а «токсичная» внутренняя политика обеих стран, похожая на истеричную атмосферу начала 1950-х гг., по-видимому исключает любую возможность нормализации отношений, поскольку в результате многолетней беспощадной взаимной пропаганды российское и американское общества вряд ли готовы даже на самые незначительные уступки¹².

Рожански считает, что основную вину за это несет на себе Россия, которая бросила вызов западному (американскому) мировому порядку, применила силу против Украины и Грузии, захватив их территории. Москва представляет собой немалую военную угрозу для союзников по НАТО в Восточной Европе и особенно в странах Балтии. Кроме того, она несет всему Западу, включая США, «гибридную» угрозу, состоящую из применения так называемых «маленьких зеленых человечков», которых Кремль использовал в Крыму и на востоке Украины, экономического давления, непрекращающейся пропаганды, а также применения кибероружия, которое позволяет атаковать критически важную инфраструктуру и вмешиваться во внутренние политические процессы, в том числе и выборы¹³.

Россия, по его мнению, видит в Америке перенапрягшегося гегемона, власть которого может

рухнуть, как «карточный домик», от «порыва ветра» вместе с его мировым либеральным порядком. Гегемон не может найти силы и ресурсы, чтобы справиться с проблемами внутри своей страны и рядом со своими границами, и тем более не сможет бороться с «русским вызовом», находящимся на противоположном конце мира¹⁴.

США, со своей стороны используя против России карательные санкции всего Запада, фактически помогают Кремлю оправдать его вызов мировому порядку. Три десятилетия глобального господства США породили у американцев чувства «самодовольства и самоуверенности», они не привыкли иметь дело с равными соперниками, которым стремится стать Москва. Скорее, Вашингтон убежден, что Россия является уходящей со сцены державой, не способной бросить вызов Америке в стратегическом плане¹⁵.

Тем не менее в таком достаточно предсказуемом развитии событий Рожански больше всего беспокоит то, что эскалация экономико-политической вражды между США и Российской Федерацией «несет с собой неприемлемые риски» и может привести к военной конфронтации от Северной Европы до Ближнего Востока с очень реальной опасностью катастрофического обмена ядерными ударами¹⁶.

Несмотря на кажущуюся отдаленность, перспектива такого обмена представляется Рожански достаточно реальной. Обе страны имеют арсеналы из тысяч единиц ядерного оружия, подчеркивает он, некоторые из которых находятся в состоянии боевой готовности, и любая из этих единиц, если будет взорвана, несомненно, изменит (а возможно, уничтожит) мир, каким мы его знаем. Это достаточная причина для того, чтобы серьезно относиться к России и поддерживать активный рабочий диалог по вопросам стратегической стабильности и безопасности, невзирая на другие разногласия¹⁷.

Не меньше, чем возможность «ядерной эскалации» между США и Россией, Рожански волнует проблема использования ядерного оружия третьими странами. Он считает, что Москва и Вашингтон должны стать гарантами соблюдения договоренностей о нераспространении ядерных вооружений и запрещении ядерных испытаний. Правда, дело затрудняют внутренние раздоры в Вашингтоне, поскольку Сенат до сих пор не ратифицировал договор о «всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний». Это очень опасно, поскольку может развязать руки другим странам в разработке такого вооружения. Начинать надо с себя, считает он¹⁸.

Усилия по контролю над ядерными вооружениями со стороны США и России должны дать Москве позитивную заинтересованность в более стабильных взаимоотношениях и сигнализировать третьим странам о том, что две крупные ядерные державы мира серьезно относятся к снижению риска в данной сфере. Это важно и для Вашингтона, который надеется на более широкую между-

народную поддержку своих подходов к иранской и северокорейской ядерным проблемам. Россия имеет особые отношения с этими странами, а также большой вес в международных организациях, особенно в СБ ООН¹⁹.

Поскольку проблема ядерных угроз США, как считал Л. Гамильтон, вне политики, Рожански последовательно призывал к управлению конкуренцией с Россией таким образом, чтобы защитить интересы США и минимизировать риски. «Россия никуда не денется», – утверждает Рожански, – «мирное сосуществование остается императивом, каким бы сомнительным ни был режим Путина»²⁰.

По мнению директора Института Кеннана, необходимость снижения рисков ядерной катастрофы для США также настоятельно диктует необходимость активизации сотрудничества с Россией в сфере борьбы с терроризмом. Вашингтон должен стремиться извлечь выгоду из значительных возможностей Москвы в области глобальной и региональной разведки. Правда, здесь следует учитывать, что русские и американцы никак не могут прийти к единому определению террористической угрозы. «Мы по-разному определяем терроризм. Очевидно, мы бы сказали, что [президент Сирии Башар] Асад – террорист, убивающий свой собственный народ. Русские так не считают»²¹. «Тем не менее, мы можем договориться о совместной работе против, по крайней мере, некоторых групп, которые нацелены на невинных гражданских лиц, поддерживают экстремистские идеологии и/или стремятся приобрести ОМУ»²².

Рожански считает, что Россия далеко не безразлична к риску того, что террористы могут получить достаточное количество расщепляющегося материала для создания рудиментарного ядерного устройства или «грязной бомбы». В конце концов, Россия пережила теракты с большими жертвами среди гражданского населения, сопоставимыми с жертвами терактов 11 сентября, терактом в Сан-Бернардино или взрывами на Бостонском марафоне (предыстория бостонского теракта, по мнению Рожански, подтверждала исключительную ценность сотрудничества с российскими спецслужбами²³). Тем не менее на данном направлении основная проблема для США состоит в том, что Россия воспринимает угрозы своей национальной безопасности и геополитическим интересам со стороны Соединенных Штатов как еще более серьезные, чем терроризм²⁴.

Кроме предотвращения ядерной катастрофы, поиски подходов к обеспечению мирного сосуществования с Россией должны диктоваться и многими другими выгодными аспектами сотрудничества с Москвой.

Как настоящий вильсониец Рожански считает, что развитие экономических отношений с Россией открывает для Америки большие возможности. Еще в 2011 г. он полагал, что для укрепления общего диалога необходимо расширение российско-американской торговли, а идеальной основой

для этого могла бы стать платформа по обсуждению вступления Российской Федерации в ВТО²⁵. Спустя годы, уже во времена пандемии, директор Института Кеннана с небольшой ностальгией резюмировал, что когда политические отношения были относительно стабильными, торговля между США и Россией развивалась очень быстро и во многом была на пользу крупным американским компаниям. Для последних «российский рынок стал одним из самых прибыльных, и это относится не только к энергетическому сектору, но также к американским юридическим, бухгалтерским, банковским и другим сервисным компаниям, потребительским товарам, машинам, сельскому хозяйству и многому другому»²⁶.

Рожански уверен, что жизненно важные национальные интересы США во многом завязаны на взаимозависимость государств по глобальным проблемам. Например, растущие мегаполисы и массовые международные поездки способствуют распространению болезней быстрее, чем когда-либо прежде, повышая риск глобальных пандемий, которые могут захлестнуть систему общественного здравоохранения любой отдельной страны (об этом он прозорливо писал еще в 2017 г.). Экстремальные погодные условия и стихийные бедствия также подталкивают государства к сотрудничеству в разработке мер реагирования, направленных на защиту своих народов и экономик. Как крупнейшая страна в мире, обладающая огромной долей мировых лесных, минеральных и пресноводных ресурсов, а также как научно развитое общество с богатым опытом в области общественного здравоохранения, Россия имеет все возможности для того, чтобы внести свой вклад в скоординированные международные ответные меры. США должны стремиться стимулировать и поощрять Россию играть важную роль в сферах здравоохранения и экологии²⁷.

Необходимость поддерживать нормальные отношения с Москвой диктуется также и проблемой кибербезопасности США. Вашингтон серьезно озабочен российскими кибератаками на критически важную инфраструктуру США, включая американские выборы и политические партии. Правда, Рожански не верит, что Кремль сознательно ищет для себя политические выгоды из вмешательства в выборы, понимая, что вряд ли возможно предсказать эффект такого влияния на избирателей. Скорее, он просто сигнализирует о том, что даже американская хваленая демократия является уязвимой для внешнего вмешательства, и это должно подтолкнуть Америку к более комиссионным отношениям²⁸.

Санкции США вряд ли смогут сдерживать будущие российские кибератаки не только из-за ограниченной способности Вашингтона накладывать адекватные наказания на высокопоставленных российских чиновников, которые заказывают взломы, но и потому, что ни одна из сторон, похоже, не готова искать подходы к взаимному сдерживанию

в киберпространстве²⁹. Рожански указывает, что в начале 2000-х гг. Путин предлагал переговоры о заключении договора по контролю над кибероружием, однако Вашингтон высокомерно отказался, считая, что лидерство в этой области ему гарантировано. Сегодня же Россия рассматривает эту сферу как эффективный противовес доминированию США и НАТО в традиционных областях, и поэтому Кремль сейчас менее склонен обсуждать эту проблему³⁰.

Тем не менее, чтобы снизить данную угрозу, Вашингтон должен начать обсуждение с Москвой киберконфликта в контексте общей стратегической стабильности с конечной целью подтверждения взаимоприемлемого кодекса поведения для киберопераций, исключающего разрушительные атаки на критическую инфраструктуру³¹.

В целом все вышесказанное указывает на то, что Рожански имеет четкое представление о том, почему надо сближаться с Российской Федерацией, и какие американские стратегические интересы при этом могут выиграть. Другой вопрос заключается в том, как организовать это сближение и какие факторы ему мешают.

Директор Института Кеннана солидарен с доминирующими в американском истеблишменте представлениями относительно характера власти и состояния демократии в России. Разделение властей в ней он считает формальным, а единственным человеком, который определяет повестку дня правящей партии, законодательной и исполнительной власти, включая внешнюю политику, является президент В. Путин. Эксперт открыто называет существующий режим «тиранией», в рамках которой лидеры системной оппозиции ничего не хотят менять, а у независимой (несистемной) оппозиции не хватает сил для создания реального противовеса действующей власти³².

Отсюда следовал вывод, что многие россияне готовы согласиться с сохранением режима, чтобы не допустить прихода к власти серых и непопулярных политиков. Правда, Рожански указывает, что Путин потерял часть своей популярности в связи с одобрением пенсионной реформы (с которой согласился вынужденно), однако многие «годы беспощадной антиамериканской пропаганды», а также раздувающие российскую гордость американские санкции и «широко распространенные в народе теории заговора и исторический нарратив» все равно обеспечивают режиму необходимую устойчивость³³.

Тем не менее Рожански считает, что Путин — хороший президент для укрепления американо-российских отношений. Он, скорее, не диктатор, а менеджер, который старается управлять страной, исходя из прагматических соображений³⁴. «Много простых русских людей поддерживают Путина, потому что он олицетворяет собой стабильность и непрерывность статуса-кво, и это очень позитивный фактор для восстановления отношений России с Западом»³⁵.

Рефреном через аналитику Рожански проходит мысль о том, что Путин – не инициатор конфликта, он находится в защитной позиции и лишь реагирует на такие американские шаги, как чрезмерная активность в странах постсоветского пространства, уверенность Вашингтона в своем ракетном и противоракетном превосходстве, «безжалостное давление американских санкций», которые укрепляют ответ Путина «до алмазной твердости»³⁶. Санкции как основной инструмент, используемый Западом для наказания России, очень слаб для того, чтобы вынудить Кремль отступить в вопросах Украины или кибератак³⁷. Более того, до тех пор, пока Соединенные Штаты полны решимости продолжать санкции против России и одновременно усиливать торговое давление на Китай, Москва и Пекин являются естественными партнерами³⁸.

Директор Института Кеннана опасается, что дальнейшая эскалация конфликта может привести к тому, что Россия перестанет быть управляемой даже для В. Путина, поскольку ведет к бесконтрольному росту националистических и популистских настроений и сил, а российский президент опасается этого так же, как и американцы, и здесь тоже есть точка совпадения интересов³⁹. Конечно, с сожалением констатирует эксперт, конфликт, взаимные обвинения и пропагандистские удары России и США помогают элитам в решении небольших проблем во внутренней политике, однако одновременно они сужают перспективные возможности во внешней политике⁴⁰.

С русскими можно иметь дело, считает Рожански, они нормальные, адекватно воспринимающие не только угрозу национализма, но в целом, хотя и под своим углом, позитивно понимают важность и неизбежность глобализации. Несмотря на то, что российская правящая элита долго говорила об угрозе «конца мирового либерального порядка», сегодня, когда эти прогнозы стали сбываться и на Западе эту угрозу также признали, оказалось, что в Москве никто не собирается по этому поводу «пить шампанское» – там очень обеспокоены⁴¹.

Инициатива по снижению напряженности должна исходить от США, считает Рожански, поскольку у Вашингтона «достаточно дополнительных позитивных и негативных стрел в колчане», чтобы добиваться гораздо более активного диалога между Америкой и Россией⁴². В первую очередь Рожански всегда настаивал на том, чтобы Вашингтон обратил пристальное внимание на постсоветское поколение в России, которое выросло и начало принимать активное участие в экономической и политической жизни общества. Молодые россияне, считает он, более коммуникабельны, открыты миру, готовы принять западные ценности, активно пользуются Интернетом и современными девайсами. Вашингтону следует помогать этой молодежи интегрироваться в западный образ жизни, что будет способствовать партнерству двух стран, а не критиковать Россию за нарушение прав человека,

подвергать регулярным нападками и выставлять в прессе в качестве агрессора⁴³.

Идея работать с гражданами, активнее использовать «общественную дипломатию» стала доминировать во взглядах Рожански с 2010 г., когда он начал пропагандировать идею расширения программ обмена для простых граждан США и России в противовес усложнявшимся отношениям двух стран на правительственном уровне. «Если русские и американцы хотят видеть такие отношения в будущем, которые не нужно будет “перезагружать” каждые несколько лет, то обе стороны должны быть готовы поддержать основы диалога и обмена, созданные с конца холодной войны»⁴⁴, – заключает он.

Рожански считает, что именно политики испортили те отношения между обществами, которые терпеливо выстраивались на протяжении 20 лет после распада СССР. Он с сожалением встретил такие взаимные шаги, как принятие «Акта Магнитского», запрет на усыновление российских детей американскими семьями, подрыв договора Нанна-Лугара и запрет на деятельность USAID в России – все это способствовало «заморозке» отношений двух стран⁴⁵.

Особенно печальным событием стало для него закрытие филиала Института Кеннана в Москве в 2014 г. Однако он не накинудся с обвинениями на Москву, считая, что это естественный этап проводимой обеими сторонами политики: «Те, кто мыслят прагматично и думают о будущем, поймут, что здесь есть будущее, – писал он. – Те же, кто просто разозлился на то, что мы живем в сложном мире, где американо-российские отношения крайне запутанны, ... всегда найдут причины жаловаться»⁴⁶.

В этой же плоскости он рассматривает и российско-украинский конфликт, понимая, что в его основе лежат американские интересы. Поэтому, подчеркивает Рожански, нужно не поставлять на Украину приборы ночного видения и бронезилеты, а расширять образовательные программы и программы обмена между простыми гражданами. И в отношении России необходимо не накладывать санкции, а расширять взаимодействие с простыми людьми, налаживать программы обмена, благоприятствовать малому и среднему бизнесу и т. п.⁴⁷ «В настоящее время я бы посоветовал Западу держать двери открытыми для простых россиян»⁴⁸, – писал он.

С 2013 г., заняв должность директора Института Кеннана, Рожански получил возможность реализовать свои взгляды на практике. Несмотря на отсутствие финансирования со стороны правительства США, он сумел получить необходимые средства по частным каналам и приступил к реанимации деятельности института. Возобновив программы научного обмена, он, кроме того, инициировал проведение конференций выпускников программ Кеннана, чего ранее никогда не делалось.

В этой своей практической деятельности Рожански решал две задачи. Во-первых, он пытался

иницировать процесс «общественной дипломатии», которая должна способствовать поиску решений российско-украинского кризиса (например, в рамках проведения таких конференций, как «Роль интеллигенции в российско-украинском и украино-российском диалоге» и «Противоречивые повествования, непримиримые воспоминания»). Во-вторых, после избрания Трампа президентом США Рожански открыл «второй фронт», войдя в конфликт с властью и ее национал-популистской идеологией (конференции «Популизм в центре внимания» и «Универсальные нормы во времена суверенитизма»).

Суммируя сказанное, можно сделать вывод, что М. Рожански в своей внешнеполитической ориентации больше тяготеет к левому прогрессистскому флангу демократической партии, где преобладают представления о вильсоновско-универсалистском либерально-демократическом устройстве мира с господством международных законов, безопасной и открытой торговлей, равноправной интеграцией в него всех членов глобального сообщества и т. п.

В рамках этой парадигмы Рожански рассматривает современную Россию в качестве одного из ключевых игроков, без которого невозможно построить безопасный и процветающий мир с сильной Америкой во главе. При этом он считает, что снизить уровень конфликта и вернуть Россию в свою сферу влияния США могут с помощью позитивной мотивации, используя «пряник», а не «кнул» (последнее, как известно, исповедуют однопартийцы из неолиберальной фракции).

Хотя сегодня точка зрения Рожански в Вашингтоне, мягко говоря, не доминирует, тем не менее, сама попытка продвинуть такого нестандартного эксперта на одну из ключевых позиций в американском механизме принятия внешнеполитических решений свидетельствует о том, что демократическая элита, возможно, готовится пересмотреть глобальные приоритеты. Этот пересмотр может быть связан с выходом мировой экономики из острой фазы кризиса, в ходе которого Вашингтон пытался консолидировать рассыпающийся коллективный Запад с помощью «российской угрозы». Приход Байдена в Белый дом стал по сути стартовой точкой возврата США к новому витку стратегии глобализации, прогресс которой вряд ли возможен в условиях нарастающей эскалации конфликта двух ядерных супердержав. Что, в свою очередь, и позволяет с некоторым оптимизмом смотреть на перспективы российско-американских отношений.

Примечания

- ¹ *Swan J., Basu Z.* Scoop : Biden eyes Russia adviser criticized as soft on Kremlin // *Axios*. 2021. 10.04. URL: <https://www.axios.com/biden-national-security-council-russia-director-15d02b7f-f4ca-4386-93a7-893c06947ea3.html> (дата обращения: 23.04.2021).
- ² *Bertrand N.* Biden won't bring on board controversial Russia expert // *Politico*. 2021. 19.04. URL: <https://www.politico.com/news/2021/04/19/bkiden-russia-expert-483000> (дата обращения: 23.04.2021).
- ³ Ibid.
- ⁴ *Bill Browder (@Billbrowder)* Запись в Twitter : 11 апреля 2021 в 1:11 AM (<https://twitter.com/billbrowder/status/1381354354200903683>).
- ⁵ *Garry Kasparov (@Kasparov63)* Запись в Twitter : 13 апреля 2021 в 2:11 AM (<https://twitter.com/Kasparov63/status/1381731650078441478>).
- ⁶ Ukrainian Congress Committee of America. 12.04.2021. URL: <https://ucca.org/wp-content/uploads/2020/03/Biden-Rojansky-Letter-Apr-2021.pdf> (дата обращения: 23.04.2021).
- ⁷ *Swan J., Basu Z.* Scoop : Biden eyes Russia adviser criticized as soft on Kremlin // *Axios*. 2021. 10.04. URL: <https://www.axios.com/biden-national-security-council-russia-director-15d02b7f-f4ca-4386-93a7-893c06947ea3.html> (дата обращения: 23.04.2021).
- ⁸ Ibid.
- ⁹ *Гамильтон Л.* Между политикой и наукой // *Международные процессы*. 2006. Т. 4, № 1. URL: <http://intertrends.ru/old/tenth/011.htm> (дата обращения: 23.04.2021).
- ¹⁰ *Rojansky M.* US-Russia Relations at a Crossroads // *Partnership for a Secure America*. 2007. 11.05. URL: <http://blog.psaonline.org/2007/11/05/us-russia-relations-at-a-crossroads/> (дата обращения: 23.04.2021).
- ¹¹ *Rojansky M.* No Need to Reset the Reset // *The New York Times*. 2011. 27.09. URL: <http://www.nytimes.com/2011/09/27/opinion/27iht-edrojan27.html/> (дата обращения: 23.04.2021).
- ¹² *Rojansky M.* The US Has Hit Rock Bottom With Russia. This Isn't Going to End Well // *Newsweek*. 2017. 28.11. URL: <https://www.newsweek.com/us-has-hit-rock-bottom-russia-isnt-going-end-well-724963> (дата обращения: 23.04.2021).
- ¹³ *Rojansky M.* Can a US-Russia conflict be contained? // *European Leadership Network*. 2018. 17.10. URL: <https://www.europeanleadershipnetwork.org/commentary/can-a-us-russia-conflict-be-contained/>(дата обращения: 23.04.2021).
- ¹⁴ *Rojansky M.* The Real Risk of Unintended U.S.-Russia Conflict.
- ¹⁵ Ibid.
- ¹⁶ *Rojansky M.* Can a US-Russia conflict be contained?
- ¹⁷ Survey : Does Russia Matter? // *Russia Matters*. 2016. 24.10. URL: <https://russiamatters.org/analysis/survey-does-russia-matter> (дата обращения: 23.04.2021).
- ¹⁸ *Rojansky M.* Reviving one acronym with another : NPT and CTBT // *PSA*. 2007. 24.10. URL: <http://blog.psaonline.org/2007/10/24/reviving-one-acronym-with-another-npt-and-ctbt/> (дата обращения: 14.03.2015).
- ¹⁹ *Rojansky M.* Can a US-Russia conflict be contained?
- ²⁰ *Graham T., Rojansky M.* New Sanctions Challenge the Tenuous Ties Between America and Russia // *National Interest*. 2020. 13.07. URL: <https://nationalinterest.org/feature/new-sanctions-challenge-tenuous-ties-between-america-and-russia-164682> (дата обращения: 23.04.2021).

- ²¹ For the Record with Greta, Transcript // MSNBC. 2017. 12.04. URL: <https://www.msnbc.com/transcripts/for-the-record-with-greta/2017-04-11-msna981956> (дата обращения: 23.04.2021).
- ²² Survey : US Vital Interests Vis-à-Vis Russia // Russia Matters. 2017. 15.02. URL: <https://russiamatters.org/analysis/survey-us-vital-interests-vis-vis-russia> (дата обращения: 23.04.2021).
- ²³ *Rojansky M.* Fixing Russia Cooperation After Boston // National Interest. 2013. 02.05. URL: <http://nationalinterest.org/commentary/fixing-russia-cooperation-after-boston-8419> (дата обращения: 23.04.2021).
- ²⁴ *Litwak R., Rojansky M.* How to Batten Down Putin's Nuclear Loose Cannon // Newsweek. 2016. 30.10. URL: <https://www.newsweek.com/how-batten-down-putin-nuclear-loose-cannon-514205> (дата обращения: 23.04.2021).
- ²⁵ U.S.-Russian Relations and the Bilateral Presidential Commission // Carnegie Endowment for International Peace. 2011. 04.03. URL: <http://carnegieendowment.org/2011/03/04/u.s.-russian-relations-and-bilateral-presidential-commission/26qd/> (дата обращения: 23.04.2021).
- ²⁶ *Matthew Rojansky* (matthewrojansky) Запись в Raddit : 6 мая 2020 г. (https://np.reddit.com/r/IAMA/comments/geophf/im_matthew_rojansky_director_of_the_kennan/)
- ²⁷ Survey : US Vital Interests Vis-à-Vis Russia.
- ²⁸ *Rojansky R.* Tinker Tailor Soldier Hacker : The Russian Factor In The DNC Email Scandal // War on the Rocks. 2016. 26.07. URL: <https://warontherocks.com/2016/07/tinker-tailor-soldier-hacker-the-russian-factor-in-the-dnc-email-scandal/> (дата обращения: 23.04.2021).
- ²⁹ Survey : US Vital Interests Vis-à-Vis Russia.
- ³⁰ *Rojansky M.* Russia and America's Cyber Deterrence Dilemma // The National Interest. 2016. 29.12. URL: <https://nationalinterest.org/feature/russia-americas-cyber-deterrence-dilemma-18900> (дата обращения: 23.04.2021).
- ³¹ Survey : US Vital Interests Vis-à-Vis Russia; Survey : Tips for President Trump Ahead of His First Meeting With Putin // Russia Matters. 2017. 03.07. URL: <https://russiamatters.org/analysis/survey-tips-president-trump-ahead-his-first-meeting-putin> (дата обращения: 23.04.2021).
- ³² *Rojansky M.* The Russian Protests and Putin's Choices // Carnegie Moscow Center. 2011. 22.12. URL: <http://carnegie.ru/publications/?fa=46324> (дата обращения: 23.04.2021).
- ³³ *Rojansky M.* The US Has Hit Rock Bottom With Russia. This Isn't Going to End Well.
- ³⁴ *Rojansky M.* No Need to Reset the Reset.
- ³⁵ Ibid.
- ³⁶ *Rojansky M.* Can a US-Russia conflict be contained?; Matthew Rojansky on Russia and Ukraine // C-Span. Washington Journal. 2020. 18.01. URL: <https://www.c-span.org/video/?468233-6/washington-journal-matthew-rojansky-discusses-russia-ukraine> (дата обращения: 23.04.2021).
- ³⁷ *Rojansky M.* It's All About Ukraine // Perspectives, August 2014. URL: <http://perspectives.carnegie.org/us-russia/its-all-about-ukraine/> (дата обращения: 23.04.2021).
- ³⁸ *Matthew Rojansky* (matthewrojansky). Запись в Raddit : 6 мая 2020 г. (https://np.reddit.com/r/IAMA/comments/geophf/im_matthew_rojansky_director_of_the_kennan/).
- ³⁹ The Brookings Institution. The Future of the European Security Order. March 1, 2017. P. 17. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2017/03/20170301_european_security_transcript1.pdf (дата обращения: 23.04.2021).
- ⁴⁰ *Rojansky M.* Putin and Obama need to do more than reset relations (again) // The Guardian. 2013. 21.02. URL: <http://www.theguardian.com/commentisfree/2013/feb/21/us-russia-relations-reset-not-enough> (дата обращения: 23.04.2021).
- ⁴¹ The Brookings Institution. The Future of the European Security Order.
- ⁴² *Rojansky M.* Can a US-Russia conflict be contained?
- ⁴³ *Rojansky M.* Engaging the Post-Soviet Generation in Russia // National Interest. 2011. 21.10. URL: <http://nationalinterest.org/commentary/engaging-the-post-soviet-generation-russia-6061> (дата обращения: 23.04.2021).
- ⁴⁴ *Rojansky M.* Putin and Obama need to do more than reset relations (again).
- ⁴⁵ *Pecquet J.* Russia skewers US election as undemocratic, the worst in the world // The Hill. 2012. 04.11. URL: <http://thehill.com/policy/international/265689-russia-skewers-us-election-as-undemocratic-the-worst-in-the-world> (дата обращения: 23.04.2021).
- ⁴⁶ *Roth A.* U.S. Center for Russian Studies to Shut Moscow Office // The New York Times. 2014. 12.02. URL: <http://www.nytimes.com/2014/02/12/world/europe/kennan-institute-named-for-author-of-containment-to-close.html> (дата обращения: 23.04.2021).
- ⁴⁷ *Rojansky M.* It's All About Ukraine. August 2014. URL: <http://perspectives.carnegie.org/us-russia/its-all-about-ukraine/> (дата обращения: 23.04.2021).
- ⁴⁸ *Rojansky M., Yalowitz K.* No matter what Putin says – Russian people have no appetite for war // Reuters. 2014. 25.06. URL: <https://www.reuters.com/article/idUS385852318420140625> (дата обращения: 23.04.2021).

Поступила в редакцию 21.06.2021, после рецензирования 25.06.2021, принята к публикации 30.06.2021
 Received 21.06.2021, revised 25.06.2021, accepted 30.06.2021

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 379–388

Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 506–516

<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-4-506-516>

Научная статья

УДК 94(470+571+470.44-25)|16|+929Борятинский

Воевода Саратова князь Федор Петрович Борятинский (1648–1650): спорные страницы биографии

Я. Н. Рабинович

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Рабинович Яков Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии, RabinovichYN@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6204-125X>

Аннотация. В статье впервые представлена подробная биография воеводы Саратова князя Федора Петровича Борятинского. Этот князь Рюрикович первый раз отличился в боях на южных рубежах страны в завершающий период Смутного времени уже после избрания царем Михаила Романова. Осенью 1613 г. он освобождал Стародуб от сторонников польского королевича Владислава, участвовал в походе на Гомель, а затем сражался под Дорогобужем, оборонял Москву в 1618 г. После Смуты, будучи уже московским дворянином, он служил воеводой в разных городах около 50 лет: в сибирском городе Тара, в новой крепости Атемар, в Саратове, Севске, Суздале.

Ключевые слова: Смутное время, воевода, Записная книга, боярские списки, Саратов, приказ Денежного сбора

Для цитирования: Рабинович Я. Н. Воевода Саратова князь Федор Петрович Борятинский (1648–1650): спорные страницы биографии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 506–516. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-4-506-516>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

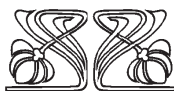
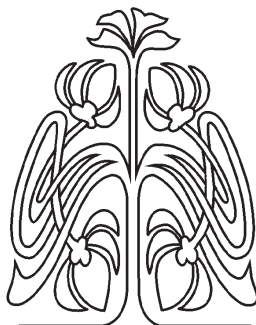
**Voivode of Saratov Prince Fyodor Petrovich Boryatinsky (1648–1650):
Controversial pages of the biography**

Ya. N. Rabinovich

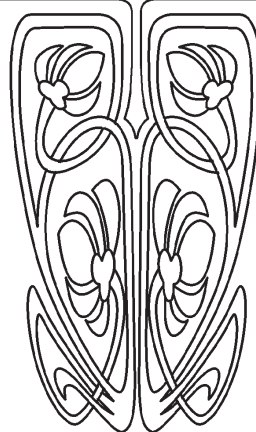
Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Yakov N. Rabinovich, RabinovichYN@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6204-125X>

Abstract. The article for the first time presents a detailed biography of the governor of Saratov, Prince Fyodor Petrovich Boryatinsky. This prince Rurikovich first distinguished himself in battles on the southern borders of the country in the final period of the Time of Troubles after the election of Mikhail Romanov as tsar. In the autumn of 1613, he freed Starodub from the supporters of the Polish prince Vladislav, participated in the campaign against Gomel, and then fought near Dorogobuzh, defended Moscow in 1618. After the Troubles, being already a Moscow nobleman, he served as a voivode in different cities for about 50 years - in the Siberian city of Tara, in the new fortress Atemar, in Saratov, Sevs, Suzdal.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Keywords: theTime of Troubles, voivode, Notebook, boyar lists, Saratov, order of collection

For citation: Rabinovich Ya. N. Voivode of Saratov Prince Fyodor Petrovich Boryatinsky (1648–1650): Controversial pages of the biography. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 506–516 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-4-506-516>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Одной из самых неизвестных и загадочных фигур в истории левобережного Саратова до последнего времени является воевода князь Федор Борятинский. Как писал известный саратовский краевед Виктор Николаевич Семенов, «в 1649–1650 годах воеводою в Саратове был князь Федор Никитич Борятинский. Кроме того, что он служил в 1656 году в Смоленске товарищем воеводы, никаких других сведений о нем нет»¹. В новом издании своей книги, вышедшей уже в 2014 г., В. Н. Семенов пополнил сведения об этом воеводе (князе Ф. Н. Борятинском), указав его семейное положение и прохождение службы в разных местах². К сожалению, Федор Никитич Борятинский, как мы увидим далее, не мог быть воеводой Саратова.

О воеводе Саратова князе Федоре Борятинском (без отчества) исследователям было известно только из одной записи в Книгах Печатного приказа. Этот источник был введен в научный оборот А. А. Голомбиевским. Запись относится к 1650 г. и звучит следующим образом: «На Саратов, воеводе князю Федору Борятинскому; по челобитью Саратовца Ивана Микулина, велено ему службу служить по Саратову на Иваново место Желебина». Далее указано, что эта запись была в «книге № 53, л. 108 об.». Следующая запись в данной книге (№ 53, л. 290 об.) за тот же 1650 год, в которой вновь упоминается Саратов, относится уже к другому воеводе, стольнику Василию Феофиладельцу. В ней говорится о разрешении двум детям боярским Федору Алееву и Глебу Неронову «служить на Саратове в ряду с другими детьми боярскими»³.

Эти две записи за один и то же год свидетельствуют о том, что в 1650 г. в Саратове произошла смена воевод, и прежнего воеводу Федора Борятинского сменил новый воевода Василий Феофиладельц. Учитывая, что воеводы в удаленных Поволжских городах обычно назначались не на один, а на два года, можно предположить, что этот Федор Борятинский прибыл в Саратов в 1648 г. Ф. Ф. Чекалин⁴ и составители Саратовской летописи Ф. В. Духовников и Н. Ф. Хованский⁵ указывали, что кн. Ф. Борятинский был воеводой в Саратове в 1650 г., А. П. Барсуков – в 1649 г.⁶, а А. А. Гераклитов объединил эти даты и указал годы его воеводства – 1649–1650 гг.⁷

Отчество этого Федора Борятинского в источнике не указано. Это затрудняет идентификацию воеводы Саратова, потому что в те годы было немало князей Борятинских, носящих имя Федор. А. А. Гераклитов предположил, что это мог быть Федор Никитич Борятинский, хотя

на всякий случай поставил знак вопроса после этого отчества. Не найдя никаких других фактов из его биографии, А. А. Гераклитов указал, что в Смоленске в 1656 г. был товарищем воеводы кн. Федор Никитич Борятинский⁸.

На самом деле Федор Никитич Борятинский не мог быть в 1648–1650 гг. воеводой Саратова. Различные источники свидетельствуют о том, что кн. Ф. Н. Борятинский находился в это время в Москве, как минимум, – с марта по сентябрь 1649 г., а потом снова в Москве в марте 1650 г.

Воеводы отдаленных городов не имели права покидать свой город на длительное время (к тому же дорога Саратов – Москва – Саратов в те годы занимала не менее двух – трех месяцев).

В 1647–1648 гг. стольник кн. Ф. Н. Борятинский был воеводой в южной крепости Усерде, расположенной на Белгородской черте, на реке Тихая Сосна (современное село Стрелецкое Белгородской области)⁹.

25 марта 1649 г. на Пасху кн. Ф. Н. Борятинский присутствовал на обеде у царя, «сказывал в большой стол» стольник кн. Ф. Н. Борятинский¹⁰. Летом 1649 г. он продолжал находиться в Москве. В Книге продаж Соборного уложения отмечено, что «Борятинский Федор Никитич, князь, стольник» купил в Москве 17 июня 1649 г. книгу Соборное уложение¹¹. Через два месяца после покупки книги 25 августа 1649 г. кн. Ф. Н. Борятинский также находился в Москве, встречал польского посла Дебеслава Чеклинского, был головой у сотен из стольников¹². А уже в марте 1650 г. стольник кн. Ф. Н. Борятинский был послан в Бежецкую пятину для отправки на службу новгородских дворян и детей боярских (речь идет о подавлении восстания в Новгороде и Пскове)¹³.

Отметим, что в те годы известен только один князь Федор Никитич Борятинский, его полных тезок не обнаружено. Поэтому приведенные факты из биографии этого служилого человека полностью исключают возможность пребывания его в Саратове в 1648–1650 гг.

На роль воеводы Саратова могут претендовать другие представители рода Борятинских, носящие имя Федор. Это князь Федор Якимович (Акимович) Борятинский, московский дворянин, отличившийся в Смоленскую войну в полку кн. Д. М. Черкасского, потом он служил в 1642 г. на Туле в полку кн. Ю. Н. Трубецкого, а в 1646 г. – на Ливнах в полку кн. Н. И. Одоевского. Последние сведения о нем относятся к 23 апреля 1647 г., когда он дневал и ночевал на государевом дворе¹⁴. Далее сведения о нем пропадают и уже в 1649 и 1651 г. все его поместья и другие имения «справлены»

за детьми и за женой¹⁵. Следовательно, он к тому времени умер.

Другие кандидаты на роль воеводы Саратова – жилец Федор Иванович и стряпчий Федор Семенович Борятинские – в середине XVII в. были еще сравнительно молоды, им было по 20–25 лет, их имена отсутствуют в боярском списке 1643/1644 г. Федор Иванович начал службу при дворе в 1644 г. в качестве жильца, а Федор Семенович (родной племянник кн. Ф. П. Борятинского-Горбуна) впервые в разрядах упоминается как стряпчий, который 2 июня 1652 г. сопровождал царя в походе в Троице-Сергиев монастырь¹⁶. Также очень молоды в те годы были будущий окольный Федор Юрьевич Борятинский и Федор Степанович Борятинский. Воеводой в такой отдаленный город, как Саратов, обычно назначали зрелого воина.

Исключив всех остальных возможных кандидатов на роль воеводы Саратова, у нас остается только один человек – князь Федор Петрович Борятинский-Горбун (прозвище Горбун или Горбунец, видимо, свидетельствует о физическом недостатке). Об этом представителе весьма разветвленного рода князей Борятинских ничего не писал Е. В. Богданович, посвятивший специальное исследование князьям Борятинским (только указал на родословном древе)¹⁷. Впервые довольно подробные сведения о кн. Ф. П. Борятинском привел Г. А. Власьев, который еще в 1906 г. указал основные этапы биографии этого князя, отметив, что в 1648–1650 гг. тот служил воеводой на Саратове¹⁸.

К сожалению, данное исчерпывающее исследование Г. А. Власьева, опубликованное в Санкт-Петербурге товариществом Р. Голике и А. Вильборг, выпало из поля зрения А. А. Герасимова, который писал свою работу о воеводах Саратова через 7 лет после выхода книги Г. А. Власьева. В провинциальном Саратове до революции 1917 г. многие столичные книжные новинки были редкостью и поступали в библиотеку СУАК с оказией. Что касается университетской библиотеки, то до создания историко-филологического факультета в Саратовском университете в 1917 г. научная гуманитарная литература была редкостью. Добавим, что в данной книге Г. А. Власьева имеются сведения о многих представителях Черниговских Рюриковичей, которые были воеводами Царицына и Саратова (князья Оболенский, Мышецкий, Горчаков и др.), однако саратовские краеведы и через 100 лет после публикации работы А. А. Герасимова продолжают ориентироваться только на его список воевод.

Что нам известно о кн. Федоре Петровиче Борятинском до его назначения в Саратов? Его родословие подробно изучено благодаря многим публикациям, начиная с Бархатной книги¹⁹ и родословного сборника П. В. Долгорукова²⁰.

Князь Ф. П. Борятинский происходил из княжеского рода Рюриковичей, являлся потомком

святого кн. Михаила Всеволодовича Черниговского, праправнук которого Александр Андреевич получил во владение волость Борятино, находящуюся на р. Клетома в Мещовском районе современной Калужской области, поэтому все его потомки стали называться Борятинскими (затем – Барятинскими). Три сына А. А. Борятинского Григорий, Лев и Федор Александровичи стали родоначальниками отдельных ветвей этого рода, потомки которых дожили до наших дней. Воевода Саратова кн. Ф. П. Борятинский принадлежит к старшей ветви рода, являясь потомком Григория Александровича Борятинского. О самом Г. А. Борятинском и его сыне Василии Григорьевиче ничего не известно. Четверо сыновей В. Г. Борятинского (Дмитрий, Федор, Иван и Василий) были в 1550 г. детьми боярскими 3-й статьи по Тарусе, а потом были переведены в состав столичного дворянства²¹.

Нас будет интересовать потомство кн. Федора Васильевича Борятинского, который был прадедом кн. Ф. П. Борятинского. Сведения о самом Федоре Васильевиче чрезвычайно скудные. Также почти ничего не известно об его сыне Андрее Федоровиче и внуке Петре Андреевиче.

У кн. Петра Андреевича Борятинского было 3 сына – Григорий, Федор и Семен. Старший сын Григорий Петрович, дворянин московский, отличился при обороне Москвы в 1618 г., служил воеводой в ряде городов, в том числе в Яранске, Тюмени, был полковым воеводой, а также воеводой у Алатырской засеки, умер в 1652 г. без потомства²². Его биография хорошо известна. Младший сын П. А. Борятинского Семен Петрович Борятинский впервые упоминается 25 марта 1628 г., когда был пожалован в московский список²³.

Что касается героя этого очерка, среднего сына кн. П. А. Борятинского – Федора Петровича Борятинского, то его связь с основателем рода князей Борятинских выглядит следующим образом: Александр – Григорий – Василий – Федор – Андрей – Петр – Федор.

В те годы был еще жив Федор Петрович Борятинский по прозвищу Борец, впервые отмеченный в Разрядах в 1577 г. как дворянин московский (следовательно, уже тогда он был достаточно взрослым человеком). Хорошо известно о его службах в 1580–1620-е гг. Он также принадлежал к старшей ветви князей Борятинских, идущей от Григория Александровича Борятинского. Его связь с основателем рода князей Борятинских можно представить следующим образом: Александр – Григорий – Василий – Иван – Петр – Федор. Видим, что он был троюродным дядей нашего героя, имел довольно большой денежный оклад в Смутное время. Известны его **младшие братья**, в том числе Михаил и Никита. Других полных тезок кн. Ф. П. Борятинского в Смутное время, судя по родословным, не было. Поэтому там, где говорится о кн. Ф. П. Борятинском, имеющем небольшой денежный оклад, находящемся в подчинении у

Михаила и Никиты Борятинских, то речь может идти только о будущем воеводе Саратова.

Полный тезка воеводы Саратова – кн. Ф. П. Борятинский-Борец – в 1617–1618 гг. был послом в Швеции, при нем происходила ратификация Столбовского договора (июнь 1618 г.) королем Густавом Адольфом. Вернувшись в Россию в 1619 г., он служил в 1620–1621 гг. вторым воеводой в Казани, умер без потомства где-то в конце 1620-х гг. Известно, что кн. Ф. П. Борятинский-Борец был болен, когда его назначили в Казань вторым воеводой при кн. Б. М. Лыкове (если это не было «местнической болезнью»).

Сведения о дальнейшей службе кн. Ф. П. Борятинского-Борца после воеводства в Казани не сохранились. Г. А. Власьев указал, что он 31 июля 1627 г. во время отъезда царя в Симон-монастырь «дневал и ночевал» в Москве²⁴, однако эти сведения относятся к нашему герою (Г. А. Власьев на всякий случай указал обоим князьям Борятинских, которые были в Москве 31 июля, хотя в источнике записан только один из них). Е. В. Богданович продлил срок жизни Ф. П. Борятинского-Борца до середины 1630-х гг., отправив его в преклонном возрасте на воеводство в Сибирь, в город Тару: «По возвращении в Россию, князь Федор Петрович, в 1620 г. был назначен воеводою в Казань, и на воеводстве-же в Таре, в 1636 г. скончался»²⁵.

Неизвестный автор статьи в Русском биографическом словаре после указания на воеводство кн. Ф. П. Борятинского-Борца в Казани в 1621 г., куда он якобы был направлен «для сбора войска по случаю начинавшейся войны с поляками», далее писал: «Наконец в 1635 г. послан воеводою в сибирский город Тару, где, вероятно и скончался»²⁶.

Многие современные исследователи повторяют данный тезис. При этом никого не смутила отправка человека, которому было уже за 80 лет, воеводой в далекую Сибирь. А. П. Барсуков объединил двух князей Ф. П. Борятинских, приписав этому «воеводе-долгожителю» воеводство в Ярославле в 1608 г., в других городах, в том числе на Таре, и завершение службы в Севске в 1659 г.²⁷

В любом случае сведения об участии в различных дворцовых церемониях и службах в первой половине 1620-х гг. кн. Ф. П. Борятинского могут относиться к этим двум представителям рода Борятинских, а что касается событий более позднего времени, то они точно относятся к нашему герою. В «Подлинных» боярских списках, начиная с 1626 г., указан только один князь Ф. П. Борятинский²⁸.

Князь Ф. П. Борятинский родился около 1590 г. При Василии Шуйском он был жильцом при Государевом дворе с окладом 13 руб., потом оклад его стал 15 руб. Впервые в источниках мы встречаем молодого кн. Ф. П. Борятинского в 1613 г. Из его челобитной от сентября 1613 г. следует, что он при Василии Шуйском имел денежный оклад из Устюжской чети в размере

15 руб., никаких поместий и вотчин у него не было, а теперь его посылают в Новгород-Северский на службу к воеводе кн. Михаилу Петровичу Борятинскому. В челобитной кн. Ф. П. Борятинский просит дать ему деньги «четверной оброк» на 122 г. в Новгород-Северском из таможенных кабацких доходов. 7 октября 1613 г. эта челобитная была удовлетворена, и воеводе кн. М. П. Борятинскому была отправлена соответствующая грамота²⁹. Естественно, такую челобитную никак не мог писать кн. Ф. П. Борятинский-Борец, старший брат воеводы Новгород-Северского, поэтому указанный в документе «Федор князь Петров сын Борятинский» – это наш герой.

Прибыв в Новгород-Северский, молодой воевода отличился уже в первых боях ноября – декабря 1613 г. Воевода кн. М. П. Борятинский отправил его с дворянами и детьми боярскими под Стародуб-Северский. В результате этого похода жители Стародуба присягнули царю Михаилу Романову. Вернувшись в Новгород-Северский, кн. Ф. П. Борятинский сразу же был отправлен в новый поход со служилыми людьми по отечеству и с казаками атамана Герасима Попова под литовский город Гомель, «с литовскими людьми бился, языки и знамена и литавры поимал, и на том бою убили под ним коня»³⁰. В книге сеунчей говорится, что гонцы-сеунчики с известием об этой победе прибыли в Москву 22 января 1614 г. Здесь также приводятся подробности данного похода, сообщается о трех боях с литовскими людьми как под самим Гомелем, так и в его окрестностях. Наградой молодому воеводе были чарка, камка и сорок куниц³¹. В Расходной книге товарам Казенного приказа и вещам говорится, что данные награды были выданы кн. Федору Борятинскому и остальным сеунщикам 28 января 1614 г.³² Видимо, эта поездка в Москву продолжалась недолго, и уже в феврале 1614 г. он был снова отправлен в Новгород-Северский.

За эту службу молодой воевода получил придачу к окладу в размере 10 руб. 15 февраля 1614 г. из Москвы была послана грамота воеводе кн. М. П. Борятинскому о выдаче кн. Ф. П. Борятинскому в Новгород-Северском нового жалования за 122 г. в размере 25 руб. из кабацких и таможенных доходов³³.

Вновь мы встречаем кн. Ф. П. Борятинского через два года. К тому времени он уже приехал из Новгорода-Северского в Москву. В сентябре 1616 г. ему было указано ехать в Торжок и там собирать дворян и детей боярских, чтобы потом отвести их в Ржев к кн. Никите Петровичу Борятинскому (младшему брату воеводы Новгород-Северского кн. М. П. Борятинского)³⁴. Князь Ф. П. Борятинский не только собирал служилых людей, но и имел при себе большую сумму денег, которую должен был им раздать. В октябре 1616 г. мы видим кн. Федора Борятинского уже в Дорогобуже, куда из Ржева со своим войском прибыл воевода кн. Н. П. Борятинский. В октябре – начале

ноября 1616 г. наш герой потерпел поражение под Дорогобужем от польского отряда под командованием полковника Гадуна. В Разрядах отмечено: «Как пошел из Твердилиц полковник Гадуна, и князь Никита (Борятинский. – Я. Р.) послал из Дорогобужа на него ратных людей и с ними племянника своего Федора Горбуна-Борятинского, и сошлись с Литовскими людьми от Дорогобужа верст с пятнадцать. И Литовские люди государевых людей побили и поймали, а князь Федор прибежал в Дорогобуж»³⁵.

«Племянник» кн. Ф. П. Борятинский-Горбунец был на самом деле троюродным племянником кн. Н. П. Борятинского.

Г. А. Власьев отмечал, что в 1618–1619 гг. Ф. П. Борятинский участвовал в размежевании земель со шведами в Новгородском уезде³⁶. Однако в Дворцовых разрядах, ссылаясь на которые делает Г. А. Власьев, речь идет о дворянине и наместнике Муромском кн. Ф. П. Борятинском-Борце, полном тезке нашего героя, который был отправлен послом в Швецию для ратификации Столбовского мирного договора³⁷.

Ф. П. Борятинский-Горбун (Горбунец) в период, когда королевич Владислав штурмовал Москву осенью 1618 г., был еще жильцом. Он участвовал в обороне Москвы вместе со старшим братом Григорием, который в то время был уже дворянином московским. В Осадном списке Ф. П. Борятинский записан 17-м в списке жильцов, которые «были по полкам» (указан между И. П. Огаревым и Ф. Ф. Уваровым). За осадное сиденье он был пожалован вотчинами по данным писцовых книг в Галицком уезде (Усольская волость, Окологородный стан), в Калужском уезде (Подгородный стан), в Суздальском уезде (Тейков и Салмыш станы). Возможно, что какие-то из этих земель, как и земли в Луховском уезде, это владения его полного тезки (земли в Луховском уезде потом перешли к брату Ф. П. Борятинского-Борца Никите Петровичу, а затем – к детям этого Никиты Борятинского – Федору и Юрию). У нашего героя братья, как уже говорилось, были Григорий и Семен, а Никита Петрович – это троюродный дядя, тот самый, с которым Ф. П. Борятинский-Горбун служил в Дорогобуже. В Приложениях к Осадному списку и в указателе оба Федора Петровича Борятинских (Борец и Горбун) объединены, так что трудно выяснить, какие именно земельные владения были у Борятинского-Горбуна, а какие – у Борятинского-Борца³⁸.

Ссылаясь на справку Разрядного архива, Г. А. Власьев отмечал, что в 1618–1619 гг. кн. Ф. П. Борятинский-Горбун был еще жильцом. В Расходной книге Устюжской чети в 1618/1619 г. он отмечен как четвертчик этой Устюжской чети с окладом 30 руб.³⁹ Аналогичный его оклад указан и в следующем году⁴⁰. Перед кн. Ф. П. Борятинским в этих источниках записаны двое стряпчих, после него – жилец, а против его фамилии ничего не стоит. Когда против фамилии человека не указан его чин, дьяки подразумевали, что это дворянин

московский (чин у всех стольников, стряпчих, жильцов или служивших по какому-либо городу указан). Судя по данным записям, можно сделать вывод, что кн. Ф. П. Борятинский-Горбун к тому времени уже стал дворянином московским. Скорее всего, за московское осадное сиденье жилец кн. Ф. П. Борятинский был повышен в чине и стал дворянином московским, как и его старший брат Григорий.

В этих же Расходных книгах Устюжской чети 1618/19 г. и 1619/20 г. далеко впереди нашего героя записан с высоким окладом 170 руб. (а на следующий год – 230 руб.) его полный тезка, кн. Ф. П. Борятинский, вернувшийся в самом конце 1618 г. из Швеции (известен его маршрут в ноябре – декабре 1618 г. из Ладоги через Тихвин в Новгород). В Москву он приехал уже в начале 1619 г. (в марте 1619 г. награждали членов его посольства за эту посольскую службу, а сам он получил придачу к окладу в 50 руб.)⁴¹.

В «Наличном» боярском списке 1624 г. среди московских дворян между Василием Колычевым и Богданом Воейковым записан «Князь Федор Меньшой княж Петров сын Борятинской»⁴². Здесь, видимо, дьяки специально указали «Меньшой», чтобы отличить его от Ф. П. Борятинского-Борца, которого в дальнейшем мы не увидим в боярских списках.

В «Подлинном» боярском списке 1626 г. московский дворянин кн. Ф. П. Борятинский записан сразу после Григория Никитича Орлова, который в те годы был воеводой в Саратове. В последующих боярских списках он постоянно записан после Г. Н. Орлова, пока тот находился в Саратове⁴³.

31 июля 1627 г. при путешествии царя Михаила в Симонов монастырь (празднование Происхождения Честного креста) кн. Ф. П. Борятинский оставался дневать и ночевать в Москве вместе с боярами М. Б. Шеиным и кн. Д. И. Мезецким (в списке дворян московских записан между А. А. Мячковым и кн. С. А. Шеховским)⁴⁴.

За период 1627–1631 г. в боярских списках против фамилии кн. Ф. П. Борятинского не стоят никакие пометы, которые бы говорили о службах в разных городах или о выполнении каких-либо особых поручений. Видимо, все это время он оставался в Москве⁴⁵.

Об участии кн. Ф. П. Борятинского в Смоленской войне 1632–1634 гг. сведений пока не обнаружено. Вновь мы встречаем его уже после окончания войны, когда он в 1635 г. был назначен воеводой в далекий сибирский город Тару.

В Дворцовых разрядах указано, что 21 января 1635 г. получили назначение новые воеводы в сибирские города (перечислены 15 городов) во главе с воеводой Тобольска кн. М. М. Темкиным-Ростовским. Все остальные воеводы, в том числе воевода Тары, направлялись одновременно с воеводой Тобольска⁴⁶.

Это было первое самостоятельное воеводское назначение кн. Ф. П. Борятинского. Он сразу был

назначен первым воеводой Тары. Его помощником состоял Григорий Андреев (Агеев, Авдеев) Кафтырев⁴⁷. В те годы деревянный городок-крепость Тара, основанная в 1594 г. на среднем Иртыше, находилась в устье р. Тара, а в 1669 г. после наводнения крепость была перенесена на нынешнее место на 30 км ниже по течению Иртыша в устье р. Архарки (современный районный центр Омской области). Гарнизон Тары в период пребывания там кн. Ф. П. Борятинского был многонациональным, многоконфессиональным. Здесь мы видим голову татарскую, голову казачью, ротмистра литовского, сотника у иноземцев, трех стрелецких сотников, четырех казачьих атаманов. В Государевом разряде, в отличие от частных разрядных записей, сведения о составе гарнизона несколько отличаются. Применительно к начальствующему составу говорится просто: 2 головы, 1 ротмистр литовский, 4 сотника и 4 атамана. Приведем состав гарнизона (в скобках укажем цифры из Государева разряда). В состав гарнизона входили 8 детей боярских (9), 127 чел. «Литвы, Черкас и Немец» (128), 53 казака Литовского списка (53), 72 конных казака (142), 303 стрельца (233), 102 пеших казака (101), 10 пушкарей (10, а также 2 воротника), 46 юртовских служилых татар (45). Всего свыше 730 служилых людей (735 чел.). Далее добавлено, что в уезде, волостях и юртах ясачных татар 654 чел.⁴⁸ Сумма стрельцов и конных казаков в обоих источниках одинакова – 375 чел.

Весной 1635 г. кн. Ф. П. Борятинский, прибыв на новое место службы, приступил к своим обязанностям. Прежние воеводы Тары кн. Федор Самойлович Бельский и Неупокой Андреев сын Кокошкин после передачи дел новым воеводам были отпущены в Москву. В Дворцовых разрядах в одном месте воевода Тары назван Федор Горбун Петрович Борятинский (тем самым дьяки облегчили работу будущих историков, изучающих биографию этого человека)⁴⁹.

В 1636 г. состав гарнизона Тары в Разрядах уточнен. Добавлено 3 подъячих, уточнено, что ранее было 27 иноземцев, «Литвы, Черкас и Немец», а дополнительно прислано из Нижнего Новгорода 100 «Черкас и Немец» (в итоге получилась указанная ранее сумма в 127 чел.). По-прежнему видим 53 Литовского списка казаков и 72 конных казака. Есть уточнения насчет стрельцов. Оказывается, ранее было 103 старых стрельца, а теперь вновь присланы из далекой Вологды 200 стрельцов (получаем прежнюю сумму в 303 стрельца). Количество пеших казаков, пушкарей и юртовских татар не изменилось (102, 10 и 46)⁵⁰. Можно предположить, что эти дополнительные воинские контингенты стрельцов и иноземцев были отправлены на Тару в связи с обострением русско-калмыцких отношений, а время их отправки совпадает с отъездом в Сибирь новых воевод, в том числе кн. Ф. П. Борятинского. Одновременно дополнительные войска для укрепления сибирских гарнизонов были отправлены

в Тобольск (стрельцы из Устюга и Каргополя) и в Тюмень (стрельцы из Холмогор).

Некоторые подробности отправки служилых иноземцев в Сибирь из Нижнего Новгорода мы узнаем из отписки Тимофея Васильевича Шушерина и ответной царской грамоты ему в Соликамск. Т. В. Шушерин именно в 1635 г. сопровождал в Тобольск 140 служилых иноземцев из Нижнего Новгорода, многие из которых были с женами и детьми. Не исключено, что до Соликамска воеводы сибирских городов ехали вместе с ними. В Соликамске иноземцы задержались почти на полгода, не желая ехать дальше⁵¹. Но, как видим, они потом добрались до Тобольска, а часть из них (100 чел.) тобольский воевода отправил в Тару.

Служба в Сибири для кн. Ф. П. Борятинского, как и для других сибирских воевод, продолжалась 4 года. В декабре 1638 г. были назначены новые воеводы в Сибирь во главе с воеводой Тобольска кн. П. И. Пронским. На Тару получил назначение стольник В. А. Чоглоков (память в Казанский приказ была отправлена 24 декабря)⁵². Возможно, что с отправкой новых воевод в Сибирь произошла задержка. В Дворцовых разрядах говорится, что царский указ об отправке воевод в Сибирь вышел в феврале 1639 г., причем, все воеводы были разделены на 2 разряда (Тобольский и Томский)⁵³. Воеводы городов Восточной Сибири подчинялись воеводе Томска. В любом случае весной 1639 г. новый воевода В. А. Чоглоков со своим помощником Яковом Остафьевым сыном Тухачевским прибыли к месту службы, на Таре произошла смена воевод, кн. Ф. П. Борятинский отправился в Москву и летом 1639 г. уже находился в столице, отчитываясь о своем воеводстве. Следует отметить, что через 10 лет эти оба воеводы вновь встретятся в Саратове, но теперь уже кн. Ф. П. Борятинский будет сменять В. А. Чоглокова⁵⁴.

О службе кн. Ф. П. Борятинского в Сибири и о взаимоотношениях его со вторым воеводой Тары Григорием Кафтыревым сохранился любопытный документ в столбцах Сибирского приказа, из которого мы узнаем, что в 1636–1639 гг. производился сыск по поводу злоупотреблений и раздоров этих двух воевод. При этом Ф. П. Борятинский обвинял своего помощника «в намерении убить его»⁵⁵.

Пока кн. Ф. П. Борятинский находился в Сибири, в его московском дворе жил младший брат кн. Семен Петрович Борятинский. В 1638 г. кн. Ф. П. Борятинский имел двор в Москве на Покровке. Рядом находился двор боярина И. Н. Романова, царского дяди⁵⁶.

В 1640 г. кн. Ф. П. Борятинский указан одним из воевод у засек на южной границе. В Дворцовых разрядах отмечено, что «у Орловских ворот воевода князь Федор княж Петров сын Борятинский да голова»⁵⁷.

В конце 1640 г. мы видим его уже в Москве. 24 февраля 1641 г. дворянин кн. Ф. П. Борятинский дневал и ночевал на государевом дворе с

боярином Ф. И. Шереметевым во время отъезда царя в село Покровское⁵⁸.

В июне 1641 г. он был послан на службу в новый город Атемар. 12 июня была послана память в Устюжскую четь к дьяку Пантелею Чирикову о выдаче государева жалованья «*для атемарской службы князю Федору княж Петрову сыну Борятинскому оклад его сполна*». Он по-прежнему был четвертчиком Устюжской чети. По боярской книге 1640/1641 г. его оклад составлял 55 руб.⁵⁹ За 20 лет, прошедших со времени окончания Смуты, он увеличился на 25 руб. Видимо, это была награда за службу на воеводстве в Таре и на засечной черте. Отметим, что через пару лет после окончания службы кн. Ф. П. Борятинского на Саратове сын этого дьяка Пантелея Чирикова также будет назначен воеводой в Саратов.

Атемар, построенный в 1640 г. на горе с северной стороны от р. Атемарка в районе Крымской дороги, был вначале главным пунктом новой засечной черты в современной Мордовии (Атемаро-Саранская сторожевая черта). Потом эта черта стала частью Симбирской черты. А. П. Барсуков первого воеводу Атемара указал только в декабре 1644 г. Это был князь В. Н. Приимков-Ростовский⁶⁰. До него после кн. Ф. П. Борятинского были в Атемаре еще другие воеводы, но их имена выяснить не удалось.

В 1644 г. кн. Ф. П. Борятинский отмечен в разрядах в качестве объезжего головы для огней в Москве в Китай-городе, он должен был следить за противопожарной безопасностью и соблюдением порядка в своей зоне ответственности. Царский указ о назначении новых объезжих голов был подписан 28 апреля 1644 г.⁶¹ В боярском списке 1643/1644 г. против его фамилии стоит помета: «*Князь Федор княж Петров сын Борятинский. В объезде. Здесь*»⁶². Это свидетельствует о том, что в том году никаких длительных командировок у него не было.

В 1648–1650 гг., как уже отмечалось, кн. Ф. П. Борятинский находился в Саратове в качестве воеводы этого города. Здесь перед нами встает еще один сложный вопрос: кого он сменил на воеводском посту? А. А. Гераклитов, ссылаясь на труд В. В. Руммеля, считал, что этим воеводой был Иван меньшей Юрьевич Тургенев («*около 1648 г.*»)⁶³, причем этот служилый человек был, по мнению В. В. Руммеля⁶⁴ и А. А. Гераклитова, воеводой в Саратове и Тюмени (1647–1648). Далее в списке воевод Саратова у А. А. Гераклитова указан князь Федор Борятинский (1649–1650). Почему-то никого не смущало, что за такой короткий срок один человек мог быть воеводой в таких удаленных друг от друга городах, как Саратов и Тюмень. Следует учесть, что в 1644–1646 гг. воеводой в Саратове был Аверкий Федорович Болтин⁶⁵, а 22 июня 1646 г. в одном из документов Печатного приказа, который позднее обнаружил А. А. Гераклитов, указан новый воевода Саратова стольник Василий Чоглоков (без отчества)⁶⁶.

Беря во внимание длительность пребывания воевод в Поволжских городах, можно сделать вывод о том, что предшественником кн. Ф. П. Борятинского на воеводском посту в Саратове был этот Василий Чоглоков. В те годы хорошо известен стольник Василий Александрович Чоглоков, который ранее сменил на воеводстве в Таре нашего героя. Известны два документа, в которых говорится об этом саратовском воеводе, о его «саратовской службе».

В опубликованной недавно боярской книге 1639 г. говорится: «*Василей да Петр Олександровы дети Чоглокова. Помесные оклады им по 450 чети человеку, денег по 18 рублей. А в 138-м году Василью учинен помесной оклад, и с прежним 600 чети, денег 30 рублей. Василью ж за саратовскую службу 156-го году по памяти ис Казанского дворца за приписью диака Томила Перфильева придано помесного 300 чети, денег 70 рублей*»⁶⁷. В другом документе, опубликованном еще в 1850 г., более подробно говорится об этой Саратовской службе: «*Василью Чоглокову за Саратовскую службу 155 года за Татарский бой, за взятые за 23 человека, да за убитых за 30 человек, – учинено придачи к 600 четям – 300 чети, денег к 30 рублем – 70 рублей, да в приказ дано кубок в пол 3 гривенки, атлас золотной в 40 рублей, да 40 соболей в 70 рублей*»⁶⁸. Судя по этим двум документам, «Татарский бой» в окрестностях Саратова произошел в конце 1715 или в начале 1716 г., т. е. в августе – сентябре 1647 г.

Будучи воеводой Саратова, кн. Ф. П. Борятинский встречал и провожал знатных гостей. Летом 1648 г. в Саратове останавливались возвращавшиеся домой из Персии посланник Григорий Васильевич Булгаков с подьячим Ягупом Бреевым и толмачом Афанасием Цвилленевым. В 1649 г. в Саратове были русские послы кн. Савелий Иванович Козловский и дьяк Иван Зиновьев, возвращавшиеся из Персии вместе с не дошедшими до Индии гонцами Никитой Сыроежкиным и Василием Тушкановым. В том же году через Саратов в Москву направлялось объединенное грузинское посольство царя Теймураза и имеретинского царя Александра III, а также персидское посольство шаха Аббаса (посол Магмет Кулы-бек), с которым вместе прибыл посол от правителя Шемахи. Обеспечение безопасного плавания всех этих посольских караванов являлось одной из главных задач воеводы Саратова, особенно, учитывая грабежи на Волге воровских казаков и очередное нападение враждебных калмыков на городские окрестности.

Ко времени воеводства кн. Ф. П. Борятинского относится появление в Саратове казанского таможенника и первая успешная попытка освоения сухопутного торгового пути из Саратова в Москву индийскими купцами.

Состав Саратовского гарнизона при воеводе кн. Ф. П. Борятинском оставался практически таким же, как и 10 лет назад. Сведения приводятся по состоянию на 1651 г., но они вряд ли были другими год – два назад⁶⁹. Первыми помощниками воеводы были 18 детей боярских и 3 стрелецких сотника. Из

этих 18 детей боярских мы пока знаем только имена двоих. Это Федор Ховрин и Иван Желебин, которого еще при воеводе кн. Ф. П. Борятинском сменил Иван Микулин. Впервые приводятся сведения о наличии 4-х подъячих, которые помогали воеводе в хозяйственных делах. Стрельцов было 400 чел. (100 конных и 300 пеших), здесь также находились годовальщики из разных Поволжских городов. Если добавить сюда 6 пушкарей и 2 сторожа, то получим без годовальщиков 433 чел. Думается, что этими сведениями о Саратове при воеводе кн. Ф. П. Борятинском можно ограничиться в связи с тем, что данный вопрос был рассмотрен ранее⁷⁰.

После прибытия в Саратов в 1650 г. сменщика Василия Григорьевича Феофилаьева кн. Ф. П. Борятинский возвратился в Москву. В апреле 1651 г. мы видим его в свите царицы во время царского похода в Хорышево⁷¹.

В 1656–1658 гг., как отмечал Г. А. Власьев, кн. Ф. П. Борятинский «отправлял должность по денежному сбору». Г. А. Власьев ссылается на «справку разрядного архива д.а.66». Эту информацию можно дополнить. Накануне войны с Польшей за Смоленск и Украину был создан специальный приказ Денежного сбора, который должен был заниматься финансированием армии в этой тяжелой войне. Со всех людей, кто занимался торговыми промыслами, включая даже стрельцов и пушкарей, служилых иноземцев, не говоря о посадских людях и крестьянах, предписано «с их животом и промыслов собрать десятую денгу, с рубля по гривне»⁷².

В марте 1654 г. во главе приказа Денежного сбора поставили боярина князя Михаила Петровича Пронского, помощником которого был окольный Иван Васильевич Олферьев и два дьяка (Иван Байбаков и Григорий Нечаев)⁷³. Однако уже через два месяца в мае 1654 г. вместо И. В. Олферьева помощником к кн. М. П. Пронскому был назначен кн. Ф. П. Борятинский, а уже в конце 1654 г. кн. Ф. П. Борятинский стал судьей приказа Денежного сбора, заменив на этом посту кн. М. П. Пронского, который умер от чумы 11 сентября 1654 г. Нечасто можно встретить такое, когда московский дворянин становится во главе приказа, который прежде возглавлял боярин. Видимо, в Москве по достоинству оценили его деятельность на воеводском посту, где он показал себя рачительным хозяином, опытным администратором и финансистом. Ему помогали дьяки Иван Прокопьевич Байбаков и Анисим Грибов, который сменил Григория Нечаева. Только в октябре 1658 г. кн. Ф. П. Борятинского сменил на этом посту боярин кн. И. Б. Репнин⁷⁴. Нашему герою предстояла новая служба в одном из южных городов – воеводой в Севске. Осенью 1658 г. он уже находился в этом городе.

К моменту отправки кн. Ф. П. Борятинского в Севск на Украине уже шла настоящая гражданская война, так называемая «Руина» между сторонниками Москвы и изменником гетманом Иваном Выговским, который пытался укрепить свою власть с помощью союза с поляками и

крымскими татарами. В это время уже был заключен Гадячский договор гетмана Выговского с Польшей (6 сентября 1658 г.), полностью аннулирующий все статьи Переяславской рады 1654 г. Сторонники Выговского вместе с татарами начали нападения на пограничные русские земли.

В декабре 1658 г. из Москвы к новому гетману Ивану Выговскому были отправлены посланники майор Григорий Васильевич Булгаков и подъячий Фирс Байбаков. В статейном списке Г. Булгаков указывал, что 3 января 1659 г. они приехали в Севск. Обстановка на юге была сложная. Соседний с Севском Глухов, а также Конотоп, были заняты казаками-изменниками, которые «безпрестанно» нападали на Севский уезд: «Прибегают и всяких людей в полон емлют». Они едва не убили отправленного к ним для принятия присяги полковника Абрама Лопухина. Воевода кн. Ф. П. Борятинский посоветовал посланникам Булгакову и Байбакову ехать в Путивль для безопасности через Рыльск⁷⁵.

О родственных связях подъячего Фирса Байбакова с дьяком И. П. Байбаковым, с которым кн. Ф. П. Борятинский служил в приказе Денежного сбора, сказать трудно, а вот с Г. В. Булгаковым воеводе Севска ранее приходилось встречаться в 1649 г., когда он служил в Саратове. Как тесен мир!

6 января 1659 г. в Севск был отправлен стольник Василий Иванович Хилков «для обереганья от изменников от черкас». Он должен был стать полковым воеводой в Севске, а в товарищах к нему велено быть в Севске осадному воеводе кн. Ф. П. Борятинскому. Через неделю 13 января в Севск был послан главный воевода кн. А. Н. Трубецкой⁷⁶.

Служба кн. Ф. П. Борятинского в Севске продолжалась недолго. 12 мая 1659 г. в Москве были на отпуске у государевой руки новые воеводы Севска. Полковым воеводой был назначен стольник Михаил Михайлович Дмитриев вместо кн. В. И. Хилкова, а осадным воеводой – Михаил Федорович Скрябин «на княж Федорово место княж Петрова сына Борятинскаго»⁷⁷. В конце мая – начале июня 1659 г. смена воевод в Севске уже произошла, и кн. Ф. П. Борятинский вернулся в Москву. Трагические события под Конотопом в конце июня 1659 г., когда русская армия кн. А. Н. Трубецкого потерпела поражение и отступила в Путивль, произошли без участия кн. Ф. П. Борятинского.

Сведений о дальнейшем прохождении службы кн. Ф. П. Борятинского в течение четырех лет (1660–1663 гг.) пока не найдено. В справке из Разрядного архива, которую привел Г. А. Власьев, отмечено, что кн. Ф. П. Борятинский находился «в 1664 г. в Серпухове, Туле и Кашире для высылки московских чинов к Москве, а городовых дворян по своим местам»⁷⁸.

Последнее место службы кн. Ф. П. Борятинского – г. Суздаль. В окрестностях этого города были его многочисленные вотчины, видимо,

он сам просил назначить его поближе к своим владениям. В Суздале он занимался различными хозяйственными делами.

Судя по царской грамоте приказчику дворцового села Дунилова, в 1665/1666 г. воеводой Суздаля был Богдан Васильевич Яковлев: «*И во 174 году по нашему великого государя указу послана ... грамота в Суздаль к воеводе Богдану Яковлеву*»⁷⁹. Известен также воевода Суздаля Василий Прокудин, который в ноябре 1664 г. писал в Москву о покупке шубных кафтанов⁸⁰.

Возможно, кн. Ф. П. Борятинский был назначен воеводой в Суздаль в 1666 г. Обнаружена пока только одна грамота, адресованная кн. Ф. П. Борятинскому как воеводе Суздаля. Она датирована 31 августа 1666 г. В ней ему предписывалось найти из местных посадских жителей или из крестьян охочих людей, кто бы захотел взять на откуп новый кружечный двор, построенный в Ярополчской волости соседнего Владимирского уезда. Предусмотрен был и запасной вариант, если не будет желающих взять этот кружечный двор на откуп. В этом случае земский староста и посадские люди должны были «*выбрать в головы тотчас самого лутчего и пожиточного и правдивого человека*», которому можно было верить⁸¹.

По-видимому, в Суздале престарелый воевода умер. В этот город снова был назначен воеводой Богдан Васильевич Яковлев. В уже цитируемой ранее царской грамоте приказчику дворцового села Дунилова говорится: «*И в нынешнем в 176 г. (1667/1668) писал к нам из Суздаля воевода Богдан Яковлев и прислал сыск...*»⁸². А. П. Барсуков на основании этих двух цитат указал, что в Суздале все время с 1665/1666 г. по 1668 г. был воеводой Богдан Яковлев, а про кн. Ф. П. Борятинского ничего не писал⁸³.

Г. А. Власьев отмечал, что в 1667 г. кн. Ф. П. Борятинский умер, его жена Мария в этом году указана как вдова, которая получила на прожиток земли мужа 170 четей в Суздальском и Галицком уездах, а 263 чети отданы сыну, кн. Ивану Борятинскому.

В завершение этого очерка приведем сведения Г. А. Власьева об известных земельных владениях и потомках кн. Ф. П. Борятинского. Земельные владения нашего героя находились в Московском, Суздальском, Галицком уездах. В 1618 г. по государевой грамоте и по разделу с кн. Никитой Борятинским кн. Ф. П. Борятинский получил деревню Федотову в Московском уезде, которая потом стала селом Троицким. В 1628–1630 гг. за ним числились земли в Суздальском уезде (половина села Сахатова и ряд пустошей), всего 190 четей. В 1641 г. после возвращения из Тары даны ему земли в Галицком уезде, 5 деревень, 200 четей. В 1650 г., через год после окончания службы в Саратове, он получил в Суздальском уезде часть земель кн. Ивана Семеновича Борятинского в селе Ивачево – 100 четей. Вдова Мария в 1672 г. отдала

сыну Ивану Федоровичу земли в Галицком уезде (5 деревень) и в Суздальском уезде (2 деревни и 2 пустоши, 170 четей)⁸⁴.

Князь Ф. П. Борятинский от брака с Марией имел только одного, известного нам сына – Ивана. Иван Федорович Борятинский у Г. А. Власьева показан в 1668–1675 гг. жильцом. Возможно, что 1668 г. – это первая обнаруженная дата, а жильцом он стал раньше, либо это был поздний ребенок, родившийся после завершения Саратовской службы около 1650 г.

Жилец кн. И. Ф. Борятинский в 1676 г. был пожалован в стряпчие, а в 1678 г. – в стольники. В 1668 г. ему дано после смерти отца в Московском уезде пустошь Меленки (57 четей). В 1672 г. он получил от матери княгини Марии ее имения в Галицком уезде (5 деревень – Борзино, Семеновскую, Рубцово, Иевлево, Мокрую) и в Суздальском уезде 3 деревни (Ульянкову, Крапивную и Июдинку) и 2 пустоши (Захарову и Бормосову)⁸⁵.

Князь И. Ф. Борятинский умер в 1709 г. В своем духовном завещании он завещал трем сыновьям – Ивану, Даниле и Степану – разделить поровну все имения, в том числе родовую вотчину село Меленки. Внучке Прасковье, дочери умершего 4-го сына Василия, передавалась деревня Яковлево в Галицком уезде, а вдове сына Василия княгине Евдокии была отдана Луховская вотчина кн. И. Ф. Борятинского.

Из четырех детей Ивана Федоровича Борятинского мужское потомство оставил только сын Данила, а на его сыне Михаиле Даниловиче в середине XVIII в. эта ветвь рода Борятинских пресеклась⁸⁶.

Приведенные сведения о жизненном пути кн. Ф. П. Борятинского, несмотря на их неполноту, позволяют в какой-то мере представить облик этого служилого человека, карьера которого была типичной для многих родовитых представителей Государева двора того времени. Тихая спокойная жизнь при дворе или в своих вотчинах не была характерна для московских дворян «Бунташного века». Начав службу в Смутное время в качестве жильца, кн. Ф. П. Борятинский в дальнейшем свыше полувека служил на различных воеводских должностях во многих регионах страны – в далекой Сибири (Тара), на Засечной черте (Атемар), на Нижней Волге (Саратов), на южных рубежах (Севск). Все эти службы требовали от воеводы высокой ответственности за порученные дела, проявления инициативы и небоязни принимать самостоятельные решения. И только в конце жизненного пути он был назначен воеводой в подмосковный Суздаль.

Примечания

¹ Семенов В. Н. Начальные люди Саратова. От первого воеводы до последнего первого секретаря. Саратов : Надежда, 1998. С. 35.

- 2 См.: Семенов В. Н. Правители земли Саратовской. Саратов : ООО «Волга», 2014. С. 22.
- 3 Гоздаво-Голомбиевский А. А. Материалы для истории г. Саратова : записи книг Печатного приказа (1650–1675 гг.). М. : Университетская типография, 1892. С. 9.
- 4 См.: Чекалин Ф. Ф. Саратовское Поволжье с древнейших времен до конца XVII в. Саратов, 1892. С. 80.
- 5 См.: Духовников Ф. В., Хованский Н. Ф. Саратовская летопись // Саратовский край, исторические очерки, воспоминания, материалы. Саратов, 1893. Вып. 1. С. 26.
- 6 См.: Барсуков А. П. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам. СПб., 1902. С. 202.
- 7 См.: Гераклитов А. А. Список Саратовских и Царицынских воевод XVII в. // Труды СУАК. Саратов, 1913. Вып. 30. С. 66.
- 8 Там же.
- 9 См.: Записная книга Московского стола 7155 года // Русская историческая библиотека издаваемая Археологической комиссией (далее – РИБ) : в 39 т. СПб., 1886. Т. 10. С. 309.
- 10 См.: Записная книга Московского стола 7157 года // РИБ. СПб., 1886. Т. 10. С. 448.
- 11 Латкин В. Материалы для истории Земских соборов XVII столетия (1619–20, 1648–49 и 1651 годов) : Выписка из книги за № 39, хранящейся в библиотеке Московской Синодальной Типографии. СПб., 1884. С. 197.
- 12 См.: Записная книга Московского стола 7157 года // РИБ. СПб., 1886. Т. 10. С. 472.
- 13 См.: Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II отделением собственной ЕИВ канцелярии : в 4 т. СПб., 1852. Т. 3. Стб. 152.
- 14 См.: Записные книги Московского стола 7145 и 7155 годов // РИБ. СПб., 1886. Т. 10. С. 19, 42, 91, 363.
- 15 См.: Власьев Г. А. Потомство Рюрика : Материалы для составления родословий. Т. 1 : Князья Черниговские : в 3 ч. СПб., 1906. Ч. 2. С. 76.
- 16 См.: Дворцовые разряды. Т. 3. Стб. 316.
- 17 См.: Богданович Е. В. Род князей Барятинских. Исторические очерки. СПб. : Типолитограф. Р. Голина, 1898 (генеалогическая таблица)
- 18 См.: Власьев Г. А. Указ. соч. С. 67–68.
- 19 См.: Родословная книга князей и дворян Российских и выезжих / изд. Н. И. Новиков (Бархатная книга) : в 4 ч. М., 1787. Ч. 1. С. 203.
- 20 См.: Родословная Российская книга кн. П. В. Долгорукова : в 4 ч. СПб., 1854. Ч. 1. С. 72–74.
- 21 См.: Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 1550–х гг. XVI в. / подготовка к печати А. А. Зимин. М. ; Л. : Издательство Академии наук СССР, 1950. С. 74.
- 22 См.: Власьев Г. А. Указ. соч. Т. 1, ч. 2. С. 66–67.
- 23 См.: «Подлинные» боярские списки 1626–1633 годов : сборник документов / сост. Е. Н. Горбатов. М. : Древнехранилище, 2015. С. 145.
- 24 См.: Власьев Г. А. Указ. соч. Т. 1, ч. 2. С. 49–50.
- 25 См.: Богданович Е. В. Указ. соч. С. 12.
- 26 Барятинский, кн. Федор Петрович // Русский биографический словарь : в 25 т. Т. 2 (Алексинский – Бестужев-Рюмин) / издан под наблюдением пред. Императорского ист. общества А. А. Половцова. СПб. : Императорского ист. общества, 1900. С. 550.
- 27 См.: Барсуков А. П. Указ. соч. С. 444.
- 28 См.: «Подлинные» боярские списки 1626–1633 годов... С. 51, 136.
- 29 См.: Столбцы Галицкой и Владимирской Четвертей 120–126 гг. : Четвертки Смутного времени. 1604–1617 гг. (Смутное время Московского государства. Вып. 9) / пред. Л. М. Сухотина (далее – Сухотин Л. М. Четвертки...) // Чтения в Обществе истории и древностей Российских при императорском Московском университете (далее – ЧОИДР). 1912. Кн. 2. С. 247–248.
- 30 Сухотин Л. М. Четвертки... С. 265–266.
- 31 См.: Книга сеунчей 1613–1619 гг. / сост. А. А. Станиславский и др. // Памятники истории Восточной Европы : Источники XV–XVII веков : в 9 т. Т. 1. М. ; Варшава : Археологический центр, 1995. С. 23.
- 32 См.: Приходно-расходные книги Казенного приказа // РИБ : в 39 т. СПб., 1884. Т. 9. С. 230–231.
- 33 Сухотин Л. М. Четвертки... С. 265–266.
- 34 См.: Книги разрядные по официальным оных спискам : в 2 т. СПб., 1853. Т. 1 (1614–1627). Стб. 215.
- 35 Дворцовые разряды. СПб., 1850. Т. 1. Стб. 256.
- 36 См.: Власьев Г. А. Указ. соч. Т. 1, ч. 2. С. 68.
- 37 См.: Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 321, 325.
- 38 См.: Осадный список 1618 г. // Памятники истории Восточной Европы. Т. 8 / сост. Ю. В. Анхимюк, А. П. Павлов. М. ; Варшава : Древлехранилище, 2009. С. 48, 121, 221, 386, 523, 587.
- 39 См.: Расходная книга Устюжской чети 127 г. : Приходно-расходные книги московских приказов. Кн. 1 // РИБ. М., 1912. Т. 28. Стб. 703.
- 40 См.: Расходная книга Устюжской четверти 1619/1620 г. // Приходно-расходные книги московских приказов 1619–1621 гг. / сост. С. Б. Веселовский. М. : Наука, 1983. С. 150.
- 41 Там же.
- 42 «Наличный» боярский список 1624 года / публ. Е. Н. Горбатова // Российская генеалогия : научный альманах. Вып. 3. М. : Старая Басманная, 2018. С. 76.
- 43 См.: «Подлинные» боярские списки 1626–1633 годов... С. 51, 136.
- 44 См.: Записные книги Московского стола : Записная книга Московского стола. 1626, мая 5 – 1627, августа 31 // РИБ. Т. 9. С. 508.
- 45 См.: «Подлинные» боярские списки 1626–1633 годов... С. 213, 296, 377, 421, 482.
- 46 См.: Дворцовые разряды. СПб., 1851. Т. 2. Стб. 411.
- 47 См.: Сибирские летописи (Сибирский летописный свод, книга записная) // Полное собрание русских летописей (ПСРЛ) : в 43 т. М. : Наука, 1987. Т. 36. С. 151.
- 48 См.: Разрядная книга 1637–38 годов / отв. ред. В. И. Буганов. М. : Институт истории АН СССР, 1983. С. 126–127.
- 49 См.: Дворцовые разряды. Т. 2. Стб. 411, 479 (Горбун), 518, 550.
- 50 См.: Книги разрядные. СПб., 1855, Т. 2. Стб. 935.
- 51 Царская грамота Тимофею Шушерину о том, чтобы он поспешил доставить в Тобольск 140 человек ино-

- земцев, взятых в Нижнем Новгороде. 1635, июля 25 // РИБ. СПб., 1875. Т. 2, № 182. Стб. 762–763.
- 52 Записная книга Московского стола 7147 года // РИБ. СПб., 1886. Т. 10. С. 133.
- 53 Дворцовые разряды. Т. 2. Стб. 602.
- 54 Рабинович Я. Н. Окольный Василий Александрович Чоглоков : страницы биографии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 4. С. 1–12. <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2021.617>
- 55 Барятинский, кн. Федор Петрович // РБС. Т. 2 (Алексинский – Бестужев-Рюмин). СПб., 1900. С. 550.
- 56 См.: Переписная книга г. Москвы 1638 г. М., 1881. С. 142.
- 57 Дворцовые разряды. Т. 2. Стб. 639.
- 58 См.: Записная книга Московского стола 7149 года // РИБ. СПб., 1886. Т. 10. С. 253.
- 59 Там же. С. 288–289.
- 60 См.: Барсуков А. П. Указ. соч. С. 12.
- 61 См.: Дворцовые разряды. Т. 2. Стб. 733.
- 62 Жаринов Г. В. Боярский «подлинный» список 7152 (1643/44) года // Архив русской истории. Вып. 8. М. : Древлехранилище, 2007. С. 414.
- 63 Гераклитов А. А. Список Саратовских и Царицынских воевод XVII в. С. 66.
- 64 См.: Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий : в 2 т. СПб. : Изд. А. С. Суворина, 1887. Т. 2 (М–Я). С. 539–540.
- 65 См.: Рабинович Я. Н. Аверкий Федорович Болтин, воевода Саратова (1644–1646) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 244–255. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-244-255>
- 66 См.: Гераклитов А. А. История Саратовского края в XVI–XVIII вв. Саратов, 1923. С. 235.
- 67 Боярская книга 1639 г. / подг. текста В. А. Кадика, М. П. Лукичева, Н. М. Рогожина; вступ. статья М. П. Лукичева ; предисл. Н. М. Рогожина. М. : Изд. центр Института российской истории РАН, 1999. С. 44.
- 68 О награждении князя Михаила Андреевича Волконского // Временник имп. Московского общества истории и древностей российских : в 25 кн. М., 1850. Кн. 3 (7). Смесь. Разд. 2. Материалы. С. 60–61.
- 69 См.: Водарский Я. Е. «Сметный список» военных сил России 1651 года // Дворянство России и его крепостные крестьяне. XVII – первая половина XVIII в. / сост. Я. Е. Водарский, О. А. Шватченко. М. : Институт истории АН СССР, 1989. С. 24–25.
- 70 См.: Рабинович Я. Н. «Новая Саратовская летопись» о событиях 1641–1650 гг. в Саратове // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История, Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 80–90. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-80-90>
- 71 См.: Дворцовые разряды... Т. 3. Стб. 230.
- 72 Отписка Вологодскому воеводе Белозерского воеводы Василия Замыцкого с просьбой о присылке на Белозеро росписи и выписки из Вологодских таможенных книг о белозерских торговых людях, для взыскания с них десятой денги. 1655, май // Акты, относящиеся до юридического быта древней России, изданные Археологической комиссией (далее – АЮБ) : в 3 т. СПб., 1864. Т. 2, № 196. Стб. 608–609.
- 73 См.: Память Новгородского воеводы князя Буйносова-Ростовского Тихвинского монастыря архимандриту Иосифу, о выборе в монастырском посаде окладчиков для сбора с торговых людей, русских и иноземцев десятой денги на жалованье ратным. 1654, ноября 1 // Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией (далее – АИ) : в 5 т. СПб., 1842. Т. 4, № 93. С. 234–235.
- 74 См.: Богоявленский С. К. Приказные судьи XVII века. М.; Л. : Издательство Академии наук СССР, 1946. С. 43–44.
- 75 См.: Посольство майора Григория Булгакова и подъячего Фирса Байбакова к гетману Ивану Выговскому. 1658, декабря – 1659 февраля : Статейный список // Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России (далее – АЮЗР) : в 15 т. Т. 7 : 1657–1663, 1668–1669. СПб., 1872. С. 264.
- 76 См.: Дополнения к 3-му тому Дворцовых разрядов, издаваемых по высочайшему повелению 2-м отделением собственной ЕИВ канцелярии. СПб., 1854. Стб. 164.
- 77 Там же. Стб. 187–188.
- 78 Власьев Г. А. Указ. соч. С. 68.
- 79 Грамота приказчику дворцового села Дунилова Василию Ощерину, об отдаче на откуп таможенной пошлины в селе Васильевском. 1668, июня 17 // Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археологической комиссией (далее – ДАИ) : в 12 т. СПб., 1855. Т. 5, № 72. С. 382.
- 80 См.: Записная книга Московского стола. 1664–1665 гг. // РИБ. СПб., 1889. Т. 11. С. 85.
- 81 См.: Грамоты указные : Грамота Суздальскому воеводе князю Федору Борятинскому, об объявлении во всеобщее сведение указа касательно отдачи в откупное содержание в городах кружечных дворов, о выборе в Ярополчский кружечный двор головы и целовальников. 1666, августа 31 // АЮБ. СПб., 1857. Т. 1, № 53-XVIII. Стб. 280–285.
- 82 Грамота приказчику дворцового села Дунилова Василию Ощерину // ДАИ. Т. 5, № 72. С. 382.
- 83 См.: Барсуков А. П. Указ. соч. С. 220.
- 84 См.: Власьев Г. А. Указ. соч. С. 68–69.
- 85 Там же. С. 81–82.
- 86 Там же. С. 93–96, 113.

Поступила в редакцию 12.04.2021, после рецензирования 13.06.2021, принята к публикации 30.06.2021
Received 12.04.2021, revised 13.06.2021, accepted 30.06.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 517–524
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 517–524
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-4-517-524>

Научная статья
УДК 94(470)

Финансовая политика Саратовского земства: расходы и бюджетный дефицит

Е. Н. Морозова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Морозова Елена Николаевна, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и историографии, morozovaen@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4420-8156>

Аннотация. В статье представлена характеристика важнейшей части финансовой политики органов земского самоуправления Саратовской губернии – исполнения бюджета по расходам. Особое внимание уделяется видам расходов, направленных на исполнение обязательных и необязательных повинностей земства. Ключевое место в публикации занимает проблема бюджетного дефицита и кредитной политики земских учреждений в 1866–1917 гг.

Ключевые слова: земство, финансы, бюджет, расходы, дефицит

Для цитирования: Морозова Е. Н. Финансовая политика Саратовского земства: расходы и бюджетный дефицит // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 517–524. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-4-517-524>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Financial policy of Saratov zemstvo: Expenditure and budgetary deficit

E. N. Morozova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Elena N. Morozova, morozovaen@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4420-8156>

Abstract. The article presents the characteristics of the most important part of the financial policy of the zemstvo self-government bodies in Saratov province - administration of the expenditure budget. Particular attention is paid to the types of expenses aimed at fulfilling the compulsory and optional duties of the zemstvo. An important place in the publication is occupied by the problem of budget deficit and credit policy of zemstvo institutions in 1866-1917.

Keywords: zemstvo, finance, budget, expenses, deficit

For citation: Morozova E. N. Financial policy of Saratov zemstvo: Expenditure and budgetary deficit. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 517–524 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-4-517-524>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Эффективность работы современных муниципальных образований оценивается по исполнению бюджетов, от которых зависит проведение экономической и социокультурной политики органов местного самоуправления. Не секрет, что в современной России их бюджеты испытывают хронический дефицит¹. В этой ситуации небезынтересно изучить опыт российских земских учреждений.

По «Положению 1864 г.» на земские учреждения были возложены определенные повинности в области местного хозяйства, которые делились

на обязательные и необязательные. К обязательным земским повинностям относились: дорожная (устройство и содержание дорог, мостов, плотин, гатей, перевозов, устройство и содержание верстовых столбов), подводная, квартирная, содержание местного гражданского правления, присутствий по крестьянским делам, мировых судебных учреждений, расходы по общественному призрению. Все остальные повинности относились к необязательным, в том числе самые необходимые для населения – медицинское дело и просвещение². К ним же относились расходы на земское управле-

ние, повышение экономического благосостояния населения, благотворительную деятельность.

В свою очередь, повинности делились на губернские и уездные. В соответствии с законоположением первое экстренное Саратовское губернское земское собрание (май 1866 г.) приняло резолюцию: «Отнести на губернский сбор удовлетворение тех повинностей, которые касаются нужд целой губернии, а все остальное отнести к уездным»³.

Деление повинностей на обязательные и необязательные Б. Б. Веселовский совершенно справедливо назвал искусственным⁴. Здесь уместен экскурс в историю появления подобного разделения повинностей.

При обсуждении валуевского варианта земской реформы в Государственном совете ряд его членов (Н. И. Бахтин, Е. П. Ковалевский) обратили внимание на отсутствие в законопроекте статей, очерчивающих круг полномочий органов самоуправления в социокультурной сфере. «В первоначальном проекте закона, – отмечали Г. Е. Львов и Т. И. Полнер, – не было даже упомянуто, что земство имеет право заботиться о народных школах и медицине. Только Государственный совет при рассмотрении Положения вспомнил об этом»⁵.

Однако наблюдение за народным образованием должно было остаться в руках правительства под надзором Министерства народного просвещения. Роль органов земского самоуправления, по мнению Государственного совета, следовало ограничить «привлечением земства к доставлению средств к устройству для распространения начального образования»⁶. В Положение 1864 г. вошли статьи, дающие земству право участия в попечении о народном образовании и народном здравии⁷.

Такое обременение земств обязательными расходами «сильно тормозило местную работу»⁸. Оценивая роль обязательных повинностей в бюджете Саратовского земства, А. В. Зайковский подчеркивал, что они «никогда не зависели от органов самоуправления» и «имели крупное абсолютное и относительное значение в бюджете земства»⁹.

Этот бесспорный факт отмечали и отмечают как дореволюционные, так и современные исследователи земства. Однако следует иметь в виду, что анализ бюджета по расходам представляет значительные сложности, ибо из бюджетных денег оплачивались постатейно прежде всего обязательные повинности, а необязательные – очень часто покрывались из иных источников, о чем речь пойдет ниже. Данные официальной статистики не всегда совпадали с реальным положением дел в каждом отдельном земстве. Цифры, приводимые исследователями, скорее, показывают тенденцию земских расходов, ибо процентное соотношение финансирования отдельных направлений деятельности могло разительно отличаться не только между земствами отдельных губерний, но и между уездными земствами в рамках одной губернии.

По подсчетам Ф. Ф. Караваева, в 1871 г. общий бюджет всех земств России составлял 20 млн руб., из которых 11,5 млн (57%) составляли ассигнования на обязательные повинности. Только к началу 1890-х гг. эта сумма в процентном исчислении составила 39%¹⁰. Б. Б. Веселовский приводит другую статистику. По его сведениям, в 1887 г. сумма расходов российских земств на эти повинности составляла около 71% в сметах уездных и свыше 50% губернских органов земского самоуправления. А в Саратовском, Самарском, Орловском, Пензенском, Пермском земствах – обязательные расходы составляли 70–80% бюджета¹¹. Однако данные сметных расходов Саратовского земства показывают несколько иную картину. Действительно, в конце 1860 – начале 1870-х гг. затраты на обязательные повинности составляли львиную долю расходов в уездных земствах Саратовской губернии – около 70% и 25% – в губернском земстве. А к началу 1890-х гг. обязательные расходы сокращаются до 45–50%, составляя все же половину всех сметных назначений. А. И. Шингарев, исследуя движение бюджетов по 34 губерниям, утверждал, что уменьшение абсолютной величины обязательных расходов шло крайне медленно¹².

Можно говорить о кардинальном сокращении расходов Саратовского земства на обязательные повинности в начале XX в. до 10–12%. Этому процессу способствовало принятие Закона в 1912 г. о возмещении из государственного бюджета затрат на подводную и воинскую повинности. Одновременно земства были освобождены от уплаты процентов казне за прием и хранение земских денег¹³. К 1916 г. расходы на правительственные учреждения в Саратовской губернии составляли всего 0,7% от сметы расходов, на дорожное дело – 9,6%¹⁴.

Среди необязательных расходов Саратовских органов земского самоуправления значительное место занимало содержание земского управления. Существенную часть этих сумм составляло жалование земской администрации (председателей и членов управ). По свидетельству Б. Б. Веселовского, в 1860-е гг. вопрос о безвозмездной службе членов земской управы обсуждался немногими земствами России¹⁵. Вопрос о назначении жалования управленцам был поставлен на первом экстренном губернском земском собрании в мае 1866 г. Некоторые гласные выступили за безвозмездную службу председателя и членов управ. Инициатором земской службы на общественных началах стал В. А. Федоровский, известный саратовский либерал, будущий председатель губернской управы. В этой дискуссии победили сторонники платной службы незначительным большинством голосов (44 против 32). От имени сторонников платной службы выступил Н. Н. Минх, который указал, что «примеры безвозмездной службы есть в Англии, где эта служба является первой ступенью к более высшим и почетным должностям».

Однако в России, считал он, «по всем условиям государственного строя, общественной и экономической жизни, безвозмездной обязательной службы от членов общества требовать невозможно»¹⁶. Земское собрание установило следующие размеры жалования: председателю губернской управы полагалось 2 тыс. руб., ее членам – по 1,5 тыс. руб. В 1873 г. председателю Саратовской губернской управы было повышено жалование до 3 тыс. руб., членам управы – до 2 тыс. руб.¹⁷ Постепенно жалование членов земской администрации увеличивается. В 1914 г. председатель губернской земской управы получал 6 тыс. руб., его заместитель – 4,2 тыс. руб., 3 члена управы – по 3,6 тыс. руб.¹⁸ Такие суммы были эквивалентны окладам государственных чиновников. Не будем забывать, что по «Положению 1890 г.» члены управы состояли на государственной службе и имели право на чиновничество.

В уездах оклады земской администрации были ниже, но и уездные бюджеты были скромнее. В Кузнецком уезде (1881 г.) председатель управы получал 1,5 тыс. руб., 3 члена управы и бухгалтер по 1,2 тыс. руб., помощник бухгалтера – 420 руб., кассир – 480 руб.¹⁹ В Аткарском уезде жалование председателя составляло 1,7 тыс. руб. и двух членов управы – по 1,3 тыс. руб.²⁰

Повышение окладов управленцам вызывало дискуссии в земской среде. Этот сюжет можно проследить на примере Петровского земства. В 1876 г. ряд гласных на уездном земском собрании высказали мнение, согласно которому «существующее содержание членов управы очень значительно, и следует его понизить: председателю 800 руб., членам – 600 рублей». Однако собрание большинством голосов оставило жалование в прежнем размере²¹. В 1881 г. гласный Фокин предложил повысить председателю оклад до 2 тыс. руб.²², а через 3 года поступило предложение увеличить его до 3 тыс. руб. Аргументы против 33%-процентного повышения жалования председателю земской управы озвучил Н. С. Ермолаев: «Эта должность настолько почетна, что никогда не ощущалось недостатка в лицах, желающих занять ее»²³.

Расходы на земское управление (содержание личного состава управ, канцелярии, ревизионных комиссий, расходы на пенсии и пособия служащим, наем и содержание помещений управ) в первые годы деятельности земских учреждений составляли 18–19% всей сметы губернского и уездных земств²⁴. В 1888 г. расходы на губернскую управу исчислялись суммой в 18 тыс. руб. На содержание уездных управ в первое шестилетие тратилось от 10,8% в Камышинском до 17% в Аткарском уездах²⁵.

Значительные управленческие издержки беспокоили уездных гласных, которые считали, что их нужно всемерно сокращать, используя высвободившиеся деньги на насущные потребности населения. Н. С. Ермолаев неоднократно ставил

вопрос о слишком больших затратах на канцелярию управы, утверждая, что они не соответствуют действительным потребностям. Губернское земство предприняло ряд мер для уменьшения их расходов, сократив количество членов управы с 6 до 3 чел. и уменьшив состав канцелярии с 20 до 17 чел.²⁶ Однако эти меры желаемого результата не принесли. Вплоть до 1883 г. расходы на губернскую управу составляли 17% сметы, и только к концу 1880-х гг. они незначительно уменьшились (до 14%). Расходы уездных земств по этой статье к началу 1890-х гг. снизились до 9,2–9,6%²⁷.

В начале XX в. управленческие издержки постепенно сокращались, занимая все более скромное место в расходной части бюджета. В абсолютных величинах они возрастали, но одновременно росли и земские доходы. За 28 лет, с 1888 г. по 1916 г., расходы на губернскую земскую управу резко возросли (в 10 раз) в абсолютном выражении, превысив сумму в 180 тыс. руб. Но в процентном отношении к общей сумме бюджета эти затраты составили всего 7,5% сметных назначений²⁸. Это резкое увеличение ассигнований было связано, с одной стороны, с ростом отделений в самой управе: если в 1867-х гг. их было всего четыре (счетная часть и бухгалтерия, страхование, общественное призрение и народное здравие, строительная часть, почтовый стол и народное продовольствие)²⁹, то к 1917 г. их число увеличилось до 9 с соответственным ростом численности служащих в них³⁰. С другой стороны, повышение отчислений на содержание управы было вызвано возросшими функциями ее в условиях Первой мировой войны и резким ростом инфляции.

Приоритетными направлениями земской социокультурной деятельности стали народное образование и здравоохранение, которые считались уездными повинностями не только в Саратовской, но и в других земских губерниях России.

Расходы губернского земства на народное образование были невелики: от 2% земского сбора в начале 1870-х гг. до 8,5–11% в начале 1890 гг. В 1913–1916 гг. ассигнования на просвещение не превышали 26 тыс. руб., составляя 10,8% от общей сметы губернских издержек³¹.

Безусловно, вся основная тяжесть расходов в сфере народного образования лежала на уездных земствах. В первом шестилетии на эту статью расходов уездные земства ассигновали всего от 1,5% до 4,5% сметы. Постепенно доля расходов на народное образование увеличивается и достигает к началу 1890 гг. 15% всех затрат уездных земств. Самые большие средства на эту статью выделяли Камышинский и Вольский уезды (свыше 20%). А в Кузнецком уезде издержки на народное образование не превысили за четверть века 9% сметы расходов. Резкий рост расходов на народное образование начинается с наступлением нового XX в. В 1905 г. уездные земства тратили на народное образование свыше 500 тыс. руб.³², в 1911 г. – около 1 млн руб., в 1913 г. – почти 2 млн руб. К 1913 г.

ассигнования на народное образование Саратовского, Балашовского, Сердобского уездных земств превысили 40% от сметы; траты остальных уездов составили 1/3 от сметных назначений, за исключением Вольского и Царицынского уездов³³. Различия в финансировании народного образования были огромными, достигая почти десятикратного размера: накануне Первой мировой войны Балашовское земство тратило на народное образование свыше 400 тыс. руб., а ассигнования Вольского и Царицынского уездов составляли чуть более 55 тыс. руб. С началом военных действий общие расходы Саратовского земства на народное образование продолжали расти: от 2 млн 079 тыс. руб. в 1914 г. до 3,5 млн руб. в 1917 г.³⁴

Самые значительные расходы российские земства, в том числе и Саратовское, несли в сфере здравоохранения. Основные затраты на медицинскую часть ложились на уездные земства. Эти затраты увеличились с 12,7% в 1870-х гг. до 26,8% к началу 1890-х гг. Больше других на медицину тратил Аткарский уезд: в 1872 г. расходы на нее составляли 30%, а в 1889 г. превысили 34% всех уездных ассигнований. Меньше других денежных средств на эту статью выделяли Саратовский, Вольский, Царицынский уезды. Даже в 80-х гг., когда начинается быстрый рост медицинского дела в губернии, в этих уездах издержки по данной статье не превышали 20–22% сметных назначений³⁵. Рост ассигнований на медицину резко возрастает в конце XIX – начале XX в. В 1900-х гг. затраты Саратовского земства на здравоохранение в среднем составляли 34,5% бюджета. Однако если расходы на эту статью одних уездных земств составляли свыше 40% бюджета (Камышинское, Кузнецкое), то других – менее 30% (Балашовское, Саратовское)³⁶.

Затраты на здравоохранение продолжали расти и в годы Первой мировой войны. В целом за период с 1914 по 1917 г. финансирование земствами Саратовской губернии общественной медицины выросло более чем в 2 раза (с 1,5 млн руб. до 3,2 млн руб.) Годы Первой мировой войны стали периодом колоссального увеличения чрезвычайных расходов земства, связанных с военными потребностями страны (содержание военнопленных, оказание помощи беженцам, формирование более 120 военных лазаретов)³⁷.

С 1890-х гг. еще одним важным направлением в деятельности органов земского самоуправления стали мероприятия по повышению экономического благосостояния крестьянского населения губернии. Поворот земства к этим проблемам был обусловлен голодом 1891 г. Первоначально новые статьи в расходной части земских бюджетов в уездах Саратовской губернии занимали незначительную часть: в начале XX в. (1902–1904 гг.) подавляющее число уездных земств тратило на экономические нужды от 3,1% до 4,5% своего бюджета. Из земств Саратовской губернии резко выделялось Вольское земство, чьи ассигнования на эти цели составляли

около 15% всех расходов³⁸. К 1914 г. практически во всех уездных земствах расходы на экономическое благосостояние составляли около 10%. Это третье место финансовых издержек после расходов на медицину и образование³⁹. В годы Первой мировой войны увеличивается финансирование уездными земствами Саратовской губернии мероприятий по подъему благосостояния крестьян. С одной стороны, отток рабочей силы из деревни на фронт поставил вопрос о введении новых агротехнологий, повышении производительности труда. С другой стороны, интенсификации труда требовала основная задача, поставленная перед Всероссийским земским союзом (ВЗС) – снабжение хлебом фронта. Если в 1915 г. на экономические нужды уездные земства выделили свыше 520 тыс. руб., то к 1917 г. эти расходы возросли до 927 тыс. руб. Особой активностью отличались Петровский и Сердобский уезды, чье финансирование экономических мероприятий составляло от 124 тыс. руб. до 134 тыс. руб. «Рекордсменом» стал Камышинский уезд, ассигнования которого на эту статью сметы в 1917 г. составили около 200 тыс. руб., или 12% всех расходов⁴⁰.

Ассигнования губернского земства в сфере экономических мероприятий также возрастали, составляя 38,8 тыс. руб. (3,4% к губернской смете) в 1907 г., 380 тыс. руб. (19,6% к губернской смете) в 1915 г., 535,8 тыс. руб. (22,7% к губернской смете) в 1916 г.⁴¹ За 10 лет расходы на экономическое благосостояние губернского земства увеличились в 14,2 раза, но все же расходы на здравоохранение и образование были существенно выше.

Особую статью расходов в сметах органов земского самоуправления Саратовской губернии составляли расходы на благотворительность. Эта статья расходной части бюджета крайне сложно поддается цифровому анализу, ибо данные статьи расходов покрывались процентами из благотворительного капитала и иными источниками доходов. Некоторые благотворительные учреждения получали финансовую поддержку на постоянной основе. Так, например, саратовский сиротский приют существовал практически на земские средства, ибо губернское попечительство отпускало на его содержание около 200 руб. в год. Земство ежегодно давало приюту от 5 до 6 тыс. руб., и за 1877–1887 гг. финансовая поддержка этого учреждения составила 37 тыс. руб.⁴² В начале XX в. затраты на приют возросли: в 1906 г. на его нужды в смету было внесено 33,7 тыс. руб.⁴³, а в 1914 г. земство финансировало ремонт приюта, ассигновав 17,9 тыс. руб.⁴⁴

На постоянной основе ежегодную финансовую помощь получали Александровская и Устиновская богадельни: от 3 тыс. до 10 тыс. руб. в год. В эти суммы входило обеспечение богадельцев питанием, одеждой, постельным бельем, содержание помещений и т.д.⁴⁵

Часть средств на благотворительные цели брались из смет на народное просвещение.

В частности, из этой статьи бюджета выплачивались стипендии неимущим ученикам гимназий и училищ, студентам в вузах. Стипендии земство назначало в основном детям служащих земства и плательщикам земских налогов. На постоянной основе эту благотворительную помощь получали Саратовское реальное училище, мужская классическая гимназия, женская Мариинская гимназия, Вольская учительская семинария. Если в 1867 г. на стипендии (включая вузы) губернским земством было потрачено 1,2 тыс. руб., то в 1890 г. стипендиальный фонд составлял 3 тыс. руб.⁴⁶ Стипендиальные фонды некоторых уездных земств были сопоставимы с затратами на эти цели губернского земства. Так, в 1882 г. Кузнецкое земство оплачивало 10 стипендий в уездном училище, 5 стипендий в Вольской учительской семинарии, 2 стипендии в университете (1,1 тыс. руб.)⁴⁷. Саратовский уезд на 20 стипендий ассигновал 850 руб.⁴⁸ «Чемпионом» по благотворительной помощи был Камышинский уезд, чьи затраты по этой статье за год превзошли ассигнования губернского земства за 15 лет: в 1882 г. уездное земство оплатило 38 стипендий в реальном училище (5,4 тыс. руб.) и одну стипендию студенту Московского университета (200 руб.)⁴⁹.

В 1914 г. из сметы по народному образованию было потрачено 19 тыс. руб. на благотворительные цели, в том числе на стипендии для детей служащих Саратовского губернского земства (8 тыс. руб.), 10 стипендий для детей земских плательщиков Саратовской губернии в память 50-летия существования земских учреждений (2 тыс. руб.), СУАК на издание ученых трудов (1 тыс. руб.), Боголюбовскому рисовальному училищу – 500 руб.⁵⁰ В этом же году в смету на благотворительные цели были внесены пособия приюту малолетних преступников (2 тыс. руб.), на содержание в Саратове школы глухонемых (500 руб.), пособия нуждающимся в призрении (1,2 тыс. руб.), призрение семей нижних чинов за войны (1877–1878 гг.) и (1904–1905 гг.) – 1,7 тыс. руб., на бесплатное лечение в Александровской больнице служащих университетской клиники и субсидии детской Поздеевской больнице – 2 тыс. руб.⁵¹

В начале XX в. общие расходы Саратовского земства на благотворительность исчислялись суммой в 159,6 тыс. руб., составляя примерно 5–5,5% бюджетных расходов⁵². Но эта сумма представляется заниженной, ибо часто расходы на благотворительность покрывались из сметных назначений по другим статьям (медицине, народному образованию) и заимствованных сумм из капиталов специального назначения.

Характерной чертой земских бюджетов являлся хронический дефицит. Он был обусловлен несколькими причинами. Во-первых, значительную долю земского бюджета «съедали» обязательные повинности земства. Во-вторых, существование постоянных недоимок по земским

сборам, которые ежегодно возрастали и к началу XX в. составляли до 40% к общей сумме доходов⁵³. В-третьих, реализация социокультурных и экономических программ органов местного самоуправления требовала больших средств, превышавших финансовые возможности земства. Земские управы при нехватке денежных сумм тратили их в первую очередь на повинности необязательные: просвещение, медицину, экономические мероприятия. В частности, в журналах заседаний Хвалынского уездного собрания 1876 г. отмечалось: «Поручить управе при недостаточности денежной кассы производить прежде всего удовлетворение расходов необязательных, как по предметам, составляющим для интересов земства крайнюю потребность»⁵⁴.

Единственным выходом в подобной ситуации становятся займы, которые играют особую роль в мобилизации дополнительных финансовых средств. Источниками покрытия дефицита являются внутренние и внешние займы⁵⁵. К внешним источникам кредитования относились заимствования, полученные из государственной казны, у частных банков и частных лиц. К внутренним источникам кредитования относились займы из собственных капиталов специального назначения, а для уездных управ – заимствования и в казне губернского земства.

Дискуссии на земских собраниях показывают, что кредиты различного рода были частыми, а ряд гласных выражал недовольство займами, полученными «из различных капиталов специального назначения». Только в 1875 г. на развитие народного образования губернская управа взяла из почтового капитала 27 тыс. руб. (помимо 5 тыс. руб., уже определенных сметой на счет губернского сбора), на здравоохранение из того же капитала было позаимствовано около 40 тыс. руб. В 1879 г. в Петровском земстве на медицинское дело, кроме определенных сметой 11803 руб., из суммы на непредвиденные расходы было добавлено 4400 руб. В 1882 г. на эти же цели из тех же источников было взято 4 тыс. руб. Факты подобных займов отмечались и в других уездных земствах⁵⁶. В целом за 15 лет (1866–1890 гг.) заимствования из собственных капиталов Саратовского губернского земства составили солидную сумму – 1,53 млн руб. В 1914 г. только из благотворительного и страхового капиталов было взято в долг 145 тыс. руб.⁵⁷ Статьи расходов, на которые шли кредитные суммы, были многообразны (ссуды уездным управам, на медицинскую часть, на культурно-просветительскую деятельность, на содержание губернской управы, покрытие дефицита по губернскому сбору, покрытие дефицита по благотворительному, запасному, почтовому капиталам и непредвиденные расходы)⁵⁸.

С ростом земского хозяйства нехватка финансов ошутимо сказывалась на его развитии. Денежных средств требовалось много, а земская казна с постоянным ростом недоимок была пуста. Осо-

бенно тяжелое положение с дефицитом бюджета сложилось в годы Первой русской революции, когда доходная часть бюджета составила менее половины назначенной⁵⁹. А денег на выполнение сметных назначений катастрофически не хватало. Практически все уездные земства обращались с ходатайствами к губернскому земскому собранию. В 1905 г. Саратовское уездное земство просило ходатайствовать о кредите в 250 тыс., Аткарское – в 141 тыс., Камышинское и Вольское – по 100 тыс., Кузнецкое – в 50 тыс. руб. Целевое назначение кредитов было разное: на выполнение сметных расходов, на удовлетворение необязательных повинностей. Само губернское земство нуждалось в 250 тыс. руб.⁶⁰ Внутренние источники кредитования были исчерпаны и с внешними возникли затруднения, о которых сообщил глава Бюджетной комиссии Н. Н. Львов на очередном земском губернском собрании 1905 г. (проходившем в январе – феврале 1906 г.): «Сейчас просить кредит в четверть миллиона у правительства невозможно», ибо сам государственный бюджет – дефицитен. В то же время от имени Бюджетной комиссии он авторитетно заявил, что для губернского земства брать кредиты у частных лиц невозможно, ибо земское хозяйство является слишком крупным, и тем более, частные лица дают кредиты под грабительские 10%. Далее он отметил, что такой «значительный кредит нельзя брать и в частных банках – они не могут выдать такие крупные кредиты»⁶¹.

Но несмотря на аргументацию Бюджетной комиссии, кредитная политика земств продолжала развиваться, и это был абсолютно закономерный процесс. На рубеже XIX–XX вв. использование кредитов начинало играть важную роль в развитии хозяйственных структур в условиях функционирования рыночной экономики, способствуя экономическому развитию страны в целом. На эффективное функционирование всех направлений земского хозяйства требовались огромные деньги, которых не было и не могло быть в земском бюджете. В 1914 г. только 6 уездов Саратовской губернии (Вольский, Аткарский, Камышинский, Саратовский, Хвалынский, Балашовский) получили около 2 млн кредитов из внешних (в отделении Государственного банка, у местных банков, у частных лиц) и внутренних источников – земских капиталов (благотворительного, страхового, запасного)⁶². Одновременно губернское земство ходатайствовало перед правительством о ссуде в 415 тыс. руб. для оказания помощи на посевные и уборочные работы семьям солдат, призванных на войну⁶³.

Финансовые трудности породили дилемму: земская деятельность не могла осуществляться без займов, а подобные денежные вливания усиливали бюджетный дефицит. В годы Первой русской революции этот вопрос стоял наиболее остро. Ряд земских гласных (Уваров, Ружичка-де-Розенверт, Мономахов, Сумароков, Кропотов, Grimm, Олсуфьев) в целях сокращения бюджетного дефицита

настаивали на секвестировании бюджета. Они предлагали сократить расходы, «сократить земское хозяйство до тех пределов, которые близки к полной приостановке функционирования некоторых его отраслей»⁶⁴. Среди прочих мер они рекомендовали сократить обложение, уменьшить земский сбор наполовину, усилить кампанию по взиманию недоимок. Последнее предложение было почти невыполнимым. Земства не обладали исполнительной властью в этой сфере, это была прерогатива полиции. Уменьшение размера земского обложения и сокращение доходных статей бюджета на 50% привели бы к гибели земского хозяйства. Об этом четко сказал председатель Саратовской губернской управы А. Д. Юматов: «Я не согласен, чтобы уменьшить обложение... Это приведет к уменьшению доходов. Если уменьшить земский сбор хотя бы на 1 коп. – то это потеря 100 тыс. рублей»⁶⁵. Против снижения суммы земского обложения выступили Бюджетная комиссия и ряд гласных. В частности, М. С. Ермолаев подчеркнул: «Нельзя сокращать земскую деятельность и земское обложение... Нужно развивать крестьянское хозяйство. Поэтому нужно их деньги тратить целесообразно, возвращать их населению»⁶⁶.

В целях сокращения бюджетного дефицита земство шло по пути секвестирования определенных статей расходов или некоторых назначений в этих статьях. Подобный секвестр был неновым явлением. Он применялся и в начальный период существования земства, когда сокращались или вообще изымались из расходной части бюджета сметные назначения на содержание отдельных земских школ, выплату пенсий земским служащим, дорожное дело и т. д. В 1906 г. были почти в 2 раза снижены расходы на работу оценочной комиссии (с 9 тыс. до 5,3 тыс. руб.)⁶⁷. Одновременно было принято решение о сокращении должности юрисконсульта (с жалованьем в 3 тыс. руб.) и упразднении телефона в Александровской богадельне (75 руб.)⁶⁸.

Обилие кредитов, взятых под огромные (по тем временам) проценты, грозило земству попаданием в «долговую яму», ибо выплачивать их вовремя не было финансовых возможностей. В 1914 г. председатель губернской управы К. Н. Grimm отмечал, что губернское земство «еще не разделалось с правительственным долгом в 840 тыс. рублей»⁶⁹. Накапливались долги по ссудам и у уездных органов земского самоуправления. Некоторые из них, не расплатившись со старыми долгами, ходатайствовали о новых займах. В частности, в этом же году было отказано в кредите Кузнецкому земству, которое не вернуло губернскому земству долг в 18 тыс. руб. А Петровское земство просило об отсрочке своего долга губернскому земству в течение 20 лет, при этом ходатайствуя о новых кредитах⁷⁰. В целях предупреждения полного финансового банкротства уездных земств губернское земство разрешало брать кредиты с фиксированным процентом. Так,

в начале Первой мировой войны Вольской уездной управе разрешили взять кредит на покупку участка земли под сельскохозяйственный склад в 15 тыс. руб. не выше 7% годовых.

Итак, анализ финансовой политики дает представление о тех средствах, из которых исходило Саратовское земство в своей практической работе. Исполнение расходных статей земских бюджетов представляет собой важный показатель эффективности работы органов земского самоуправления на протяжении полувека их существования. На примере анализа бюджета Саратовского земства очевидна динамика его расходной части: от доминирования расходов на обязательные повинности в первые десятилетия существования земских учреждений к абсолютному преобладанию финансирования социокультурных потребностей населения губернии в начале XX в.

Безусловно, исполнение бюджета по расходам на всем протяжении исследуемого периода испытывало огромные трудности, которые усиливались в результате роста чрезвычайных расходов, связанных с экономическими и политическими кризисами (голод начала 1890-х гг., Русско-Японская война, Первая русская революция, Первая мировая война). Но главной объективной причиной бюджетных затруднений являлось несоответствие земских бюджетов тем направлениям деятельности земских учреждений, которые необходимо было финансировать. Вследствие этого бюджеты как уездных, так и губернского земств, испытывали хронический дефицит, который приводил к бесконечным займам из разных источников. Однако без широкого использования кредитов земское хозяйство развиваться не могло. Кредитование являло собой неотъемлемую часть, важный фактор развития рыночной экономики, социокультурного развития как губернии, так и страны в целом.

Примечания

- 1 См.: Асмолова Е. В., Корень А. В., Алексеева Н. В. Дефицит бюджета муниципального образования: инструменты снижения // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2018. Т. 7, №2 (23). С. 31–35.
- 2 Высочайше утвержденное Положение о губернских и уездных учреждениях // Полное собрание законов Российской империи. 2-е изд. : в 55 т. СПб., 1893. Т. 39. Отделение первое. № 40457. С. 1.
- 3 Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. 5 (Саратовская губернская земская управа). Оп. 1. Д. 28. Л. 32.
- 4 См.: Веселовский Б. Б. История земства за сорок лет : в 4 т. СПб. : Издательство товарищества О. Н. Поповой, 1909–1911. Т.1. СПб., 1909. С. 236.
- 5 Львов Г. Е., Полнер Т. И. Наше земство и 50 лет его работы. М. : Задруга, 1914. С. 25.
- 6 Государственный совет. Материалы Департамента законов. Т. 25, ч. 1–3. Б.м., б.и., б.г. Ч. 1. С. 5.
- 7 Подробнее см. : Морозова Е. Н. Подготовка земской реформы : проекты П. А. Валуева (март – июль 1862 г.) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2012. Т. 12, вып. 4. С. 82–90.
- 8 Караваев Ф. Ф. Земские сметы и раскладки : Исторический очерк развития земских бюджетов // Юбилейный земский сборник. 1864–1814 (далее – ЮЗС) / под ред. Б. Б. Веселовского и З. Г. Френкеля. СПб. : Издательство товарищества О. Н. Поповой, 1914. С. 165.
- 9 Зайковский Л. В. К вопросу об источниках земских доходов // Саратовская земская неделя. 1904. № 8–9. С. 120.
- 10 См.: Караваев Ф. Ф. Указ соч. С. 165–166.
- 11 См.: Веселовский Б. Б. Указ. соч. Т. 1. С. 247.
- 12 Шингарев А. И. Вопрос об улучшении земских финансов // ЮЗС. С. 107.
- 13 См.: Воронезцев А. В. Земство // Очерки истории Саратовского Поволжья (1894–1917) / под ред. И. В. Пороха : в 2 т. Т. 2, ч. 2. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1999. С. 146.
- 14 ГАСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3657. Л. 8–18.
- 15 Веселовский Б. Б. Указ. соч. Т. 3. СПб., 1911. С. 61–62.
- 16 ГАСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 18. Л. 7.
- 17 Журналы заседаний очередного Саратовского губернского земского собрания 1873 г. Саратов, 1874. С. 36.
- 18 Журналы 49-го очередного Саратовского губернского земского собрания сессии 1914 г. Саратов, 1916. С. 121.
- 19 Журналы заседаний очередного Кузнецкого уездного земского собрания 1881 г. Саратов, 1881. С. 11.
- 20 Отчеты и доклады уездной земской управы очередному уездному земскому собранию 1870 г. Саратов, 1870. С. 1, 9.
- 21 Постановления Петровского чрезвычайного земского собрания 24–27 апреля 1876 г. Саратов, 1876. С. 4.
- 22 Журналы заседаний очередного Петровского уездного земского собрания 1881 г. Саратов, 1881. С. 8–9.
- 23 Журналы заседаний очередного Петровского уездного земского собрания 1884 г. Саратов, 1881. С. 6–7.
- 24 См.: Морозова Е. Н. Саратовское земство 1866–1890. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1991. С. 166.
- 25 Журналы заседаний 22-го очередного Саратовского губернского земского собрания. 1888. Саратов, 1888. С. 22.
- 26 Там же. С. 29–31.
- 27 См.: Морозова Е. Н. Саратовское земство... С. 166.
- 28 ГАСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3657. С. 8–11.
- 29 Журналы заседаний Саратовского губернского земского собрания за 1867 год. Саратов, 1868. С. 121.
- 30 Журналы очередного Саратовского губернского земского собрания сессии 1917 г. Саратов, 1917. С. 74.
- 31 ГАСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3657. Л. 10–16.
- 32 Статистический обзор Саратовской губернии за 1905 г. Саратов, 1906. С. 26–27.
- 33 Сметы расходов Аткарского, Балашовского, Камышинского, Петровского, Саратовского, Сердобского, Хвалынского и Царицынского управ за 1909–1913 гг. Саратов, 1914. С. 6–10, 34–37, 66–69.

- ³⁴ См.: *Фортуна А. А.* Органы земского самоуправления Саратовской губернии в годы Первой мировой войны : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2020. С. 120.
- ³⁵ Систематический сборник постановлений Саратовского губернского земского собрания (1866–1882). Саратов, 1891. С. 110–117.
- ³⁶ См.: *Назаров В. А.* Деятельность земских учреждений в области здравоохранения в 60-е годы XIX – начале XX веков (по материалам Саратовской губернии) : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2003. С. 56.
- ³⁷ См.: *Фортуна А. А.* Указ. соч. С. 117, 183.
- ³⁸ Сельскохозяйственный справочный листок. 1904. № 1.
- ³⁹ Журналы заседаний очередного Саратовского губернского земского собрания 1915 года. Саратов, 1916. С. 173.
- ⁴⁰ См.: *Фортуна А. А.* Указ. соч. С. 217.
- ⁴¹ Отчет Саратовской губернской управы чрезвычайному Саратовскому губернскому земскому собранию 18 мая 1917 года. Саратов, 1917. С. 8–9.
- ⁴² Доклады губернской управы очередному губернскому земскому собранию 1888 г. Саратов, 1888. С. 199.
- ⁴³ Журналы 40-го очередного губернского земского собрания сессии 1905 г. Саратов, 1906. С. 115.
- ⁴⁴ Журналы 49-го очередного Саратовского губернского земского собрания сессии 1914 г. С. 78.
- ⁴⁵ Там же. С. 18, 106.
- ⁴⁶ См.: *Морозова Е. Н.* Саратовское земство... С. 172–173.
- ⁴⁷ ГАСО. Ф. 1 (Канцелярия Саратовского губернатора). Оп. 1. Д. 2418. Л. 26–29.
- ⁴⁸ Там же. Л. 26–27.
- ⁴⁹ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3662. Л. 68–70.
- ⁵⁰ Журналы 49-го очередного Саратовского губернского земского собрания сессии 1914 г. С. 17.
- ⁵¹ Там же. С. 24–25, 37–38, 101.
- ⁵² ГАСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3657. С. 11–16.
- ⁵³ См.: *Морозова Е. Н.* Фискальная политика Саратовского земства (1866–1914 гг.) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 545. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-542-547>
- ⁵⁴ Журналы заседаний очередного Хвалынского уездного земского собрания 1876 г. Саратов, 1877. С. 44.
- ⁵⁵ См.: *Асмолова Е. В., Корень А. В., Алексеева Н. В.* Указ. соч. С. 33.
- ⁵⁶ Отчет губернской управы по выполнению сметы за 1875 г. Саратов, 1875. С. 181, 293.
- ⁵⁷ Журналы 49-го очередного Саратовского губернского земского собрания сессии 1914 г. С. 175.
- ⁵⁸ *Морозова Е. Н.* Саратовское земство... С. 165.
- ⁵⁹ Журналы 40-го очередного губернского земского собрания сессии 1905 г. С. 39–45.
- ⁶⁰ Там же. С. 72–73.
- ⁶¹ Там же. С. 35.
- ⁶² Журналы 49-го очередного Саратовского губернского земского собрания сессии 1914 г. С. 25, 175.
- ⁶³ Там же. С. 67–68.
- ⁶⁴ Журналы 40-го очередного Саратовского губернского земского собрания сессии 1905 г. С. 22.
- ⁶⁵ Там же. С. 38.
- ⁶⁶ Там же. С. 44.
- ⁶⁷ Там же. С. 318.
- ⁶⁸ Там же. С. 309.
- ⁶⁹ Журналы 49-го очередного Саратовского губернского земского собрания сессии 1914 г. С. 194.
- ⁷⁰ Там же. С. 192.

Поступила в редакцию 26.05.2021, после рецензирования 13.06.2021, принята к публикации 30.06.2021
Received 26.05.2021, revised 13.06.2021, accepted 30.06.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 525–532
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 525–532
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-4-525-532>

Научная статья
УДК 947.084.61

История повседневности рабочих Савельевского сланцевого рудника Саратовской области в годы довоенных пятилеток

Е. В. Воейков

Пензенский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Россия, 440031, г. Пенза, ул. Калинина, д. 33В

Воейков Евгений Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры «Менеджмент, информатика и общегуманитарные науки», evgenijvoeikov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3971-8960>

Аннотация. В статье исследуется малоизученная история Савельевского сланцевого рудника и повседневная жизнь рабочих и служащих в 1931–1941 гг. В рамках методологической концепции социальной истории и истории повседневности рассматриваются вопросы охраны труда, несчастных случаев и травматизма, снабжения продуктами и организации общественного питания, жилищные условия и состояние медицинского обслуживания. Статья основана на архивных материалах, впервые вводимых в научный оборот.

Ключевые слова: сланцевые рудники, шахты, техника безопасности, столовая, общежития

Для цитирования: Воейков Е. В. История повседневности рабочих Савельевского сланцевого рудника Саратовской области в годы довоенных пятилеток // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 525–532. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-4-525-532>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The history of everyday life of the workers of the Savelyev shale mine in the Saratov region during the pre-war five-year plans

E. V. Voeikov

Department "Management, Informatics and General humanitarian Sciences", Penza branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation, 33B Kalinina St., Penza 440031, Russia

Evgenij V. Voeikov, evgenijvoeikov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3971-8960>

Abstract. The article examines the little-studied history of the Savelyev shale mine and the daily life of workers and employees in 1931–1941. Within the framework of the methodological concept of social history and the history of everyday life, the issues of labor protection, accidents and injuries, food supply and catering, housing conditions and the state of medical care are considered. The article is based on archival materials that were first introduced into scientific circulation.

Keywords: shale mines, mines, safety equipment, canteen, dormitories

For citation: Voeikov E. V. The history of everyday life of the workers of the Savelyev shale mine in the Saratov region during the pre-war five-year plans. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 525–532 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-4-525-532>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Эпоха предвоенной модернизации в СССР – неоднозначно оцениваемый учеными период российской истории. В стране шла ускоренная подготовка к новой общеевропейской войне. Перевооружение и реформирование Красной армии, создание мощной промышленной базы с внедрением новых технологий сопровождалось одновременным падением жизненного уровня основной части населения страны, массовой коллективизацией, заложившей основы кризисных

тенденций в сельском хозяйстве в последующие десятилетия. Воссоздание истории повседневности людей 1930-х гг. позволяет лучше понять эпоху и оценить как гигантский модернизационный скачок, так и трудовой подвиг поколений, переживших все социальные катаклизмы довоенных пятилеток и тяжелейшие испытания Великой Отечественной войны.

В последние десятилетия в отечественной историографии заметно активизировалось из-

учение отдельных отраслей индустрии 1920–1940-х гг., в частности оборонной промышленности¹. На региональном уровне ход довоенной индустриализации представлен целым комплексом исследований по истории Среднего² и Нижнего³ Поволжья. Но все еще «белыми пятнами» продолжает оставаться история ряда отраслей промышленности как на общесоюзном, так и на региональном уровне. Можно указать и на слабую изученность торфяной и сланцевой отраслей топливной промышленности. В частности, еще не написана монография по истории сланцевой промышленности России в XX в. Имеются исследования, рассматривающие отдельные аспекты и периоды развития сланцедобывающих предприятий Поволжья. Так, статьи В. Н. Курятникова освещают историю Кашпирского рудника Куйбышевской области⁴, Д. А. Шаронин специализируется преимущественно на истории Всесоюзного теплотехнического института⁵, поэтому основное внимание в его работах уделяется использованию сланцев как топлива⁶.

Поволжье, по сведениям начала 1930-х гг., располагало значительными месторождениями горючих сланцев: Ундоровское – 400 млн т, Кашпирское – около 100 млн т, Общий Сырт – от одного до десяти млрд т.⁷ Савельевское – 150 млн т⁸. В XXI в. запасы месторождений волжских сланцев оцениваются уже на уровне десятков миллиардов тонн, в частности, в последних публикациях называется показатель 44,6 млрд т⁹.

Впервые в России горючие сланцы в качестве топлива начали добывать в 1919 г., затем в середине 1920-х гг. рудники были закрыты. В 1930 г. в районе г. Сызрань Средне-Волжского края начал добычу Кашпирский рудник. В 1931 г. к нему присоединились Ундоровский и Захарьевский рудники севернее Ульяновска. В августе 1931 г. первые тысячи тонн сланца были добыты на Савельевском руднике, находящемся в поселке Горный Краснопартизанского района Нижне-Волжского края.

В рамках данной статьи рассмотрены наиболее значимые аспекты условий труда и быта работников Савельевского сланцевого рудника Саратовской области в период 1931–1941 гг.

Условия работы в шахтах рудника в некоторых случаях оказывались слишком экстремальными даже для неизбалованных излишним комфортом российских людей 1930-х гг. При проверке Савельевского рудника в мае 1935 г. выяснилось, что вновь прибывшие рабочие спецодеждой не обеспечивались¹⁰. Сотрудник областной газеты М. Парфенов в феврале 1937 г. писал в своей докладной записке: «Два дня, которые я провел в шахте, показали такую картину: рабочие-крепыльщики, стоя по колено в воде и грязи, работали в рваных ботинках и рваной спецовке при чрезвычайно холодной температуре. А в это время с потолка и со стен шахты лилась вода. Администрация не находит средств для приоб-

ретения спецовки (сапог, плащей), ссылаясь на отсутствие денег»¹¹. В 1939 г. данная проблема на Савельевке сохраняла актуальность, автор газетной заметки отмечал: «Многие рабочие не имеют спецодежды»¹².

На сланцевых рудниках Поволжья зачастую не соблюдались технические нормы и нарушались правила техники безопасности. На совещании производственно-хозяйственного актива Савельевского рудника 6 апреля 1938 г. один из выступающих отметил: «Шахтеры идут работать в шахту или без шахтерки, или без электролампочки. Из-за этого получается увеличение травматизма, увеличивается количество увечий»¹³. В начале 1939 г. об аналогичном нарушении техники безопасности («работают без ламп-шахтерок») писал в докладной записке побывавший на руднике инструктор промышленного отдела Саратовского обкома ВКП (б)¹⁴.

Уполномоченный по комиссии партийного контроля по Саратовской области в докладной записке от 4 мая 1941 г. сообщал о Савельевском руднике: «Вентиляция местами разрушена. Крепления частично сгнили. Подземное электрооборудование находится в аварийном состоянии: кабели не подвешены и завалены породой; электромеханизмы не заземлены»¹⁵.

Руководитель профсоюзной организации Савельевского рудника на краевом съезде профсоюзов упомянул о следующих случаях: «Так, отдельные чуждые элементы старались распространить слухи, что в шахтах будто бы бывают ежедневные обвалы, отравляются газами и умирают люди...»¹⁶. Подобные слухи об авариях в шахтах с человеческими жертвами рождались не на пустом месте. В годовых отчетах сланцевых рудников сохранились данные о несчастных случаях на производстве по более позднему периоду второй – третьей пятилетки. Так, в результате нарушений правил техники безопасности в 1936 г. на Савельевском руднике произошло два смертельных случая. Моториста Бондаренко убило током, так как он работал с проводами без резиновых перчаток, машиниста Уткина – оборвавшимся ремнем. Всего в 1936 г. по Савельевке было зафиксировано 92 несчастных случая, в их числе из-за обвала породы сланцев – 9, повреждения осколками и падающими предметами – 26, при откатке вагонеток – 27. При сравнении рассматриваемых показателей 1936 г. сланцедобывающего предприятия Саратовской области и других рудников отрасли обращает на себя внимание тот факт, что всего по объединению «Союзсланец» в 1936 г. было зафиксировано 983 несчастных случая, из них на Савельевке – 92¹⁷. То есть с учетом того, что в СССР в этом году было всего три работающих и несколько строящихся сланцевых рудников, процент травматизма на Савельевском руднике можно считать относительно низким в рамках данной отрасли.

В 1937 г. количество несчастных случаев по объединению «Союзсланец» не уменьшилось и составило 988, в том числе на Савельевском руднике их было зафиксировано 255. Таким образом, в 1937 г., по сравнению с 1936 г., Савельевский рудник явно ухудшил свои показатели производственного травматизма. На сланцевом руднике Саратовской области 77 несчастных случаев пришлось на «обвал породы и сланцев», 45 – на «повреждения при движении (откатка и доставка)». В этом году на Савельевке было зафиксировано 6 случаев падения в выработку. Следует отметить, что если в 1937 г. на Кашпирском руднике имели место два смертельных случая, на Савельевском – только один. Смерть работницы Заряевой произошла, как указывалось в отчете, из-за «плохого состояния откаточных путей и отсутствия тормозных устройств». В целом причинами несчастных случаев на предприятиях «Союзсланца» называлось «грубое нарушение правил безопасности»¹⁸.

В 1938 г. отмечалось некоторое снижение уровня травматизма в целом по «Союзсланцу» – 815 случаев. По Савельевскому рудоуправлению данные в отчете приводились только по подземным работам – 195 случаев. Смертельных исходов и падений в выработках не было, на обвал породы и сланцев пришлось 57, на «повреждения при движении» – 55 случаев¹⁹.

В объяснительной записке к годовому отчету Савельевского рудоуправления за 1940 г. по шахте № 1 указывалось: «Состояние техники безопасности за отчетный период было крайне неудовлетворительно. Руководители шахт и рудоуправления вопросом техники безопасности не занимались... инженера по технике безопасности при рудоуправлении не было до IV кв. 1940 г.»²⁰. Архивные документы сохранили эпизод аварии в шахте № 2 в феврале 1940 г., когда произошло обрушение лавы. По мнению главного инженера и начальника участка, причины заключались в «плохом качестве крепления» из «сырого леса». Жертв удалось избежать, потому что рабочие успели быстро покинуть лаву²¹.

В отраслевом журнале давался анализ причин постоянных нарушений правил техники безопасности: «Отсутствует инструктаж и надлежащая помощь для выполнения производственного задания. На Савельевском руднике додумались всю подготовку новых кадров свести к пятишестидневной работе новичка под руководством рядового рабочего, после этого новичок перестает быть новичком...»²². В газетной заметке 1939 г. отмечались следующие факты: «Рабочие при приеме на работу не инструктируются», и «охрана труда отсутствует»²³. Указываемые современниками причины травматизма в свою очередь требуют объяснений.

Факты ежегодных повторений одних и тех же нарушений правил техники безопасности, обуславливающих многочисленные случаи

производственного травматизма, наводят на мысль о профессиональной некомпетентности руководителей Савельевского рудника. Для проведения регулярного инструктажа с рабочими и контроля за соблюдением норм техники безопасности в шахте, в частности проверки прочности деревянных креплений, не требовалось ни дополнительного финансирования из центра, ни поставок нового оборудования, ни наличия высококвалифицированных инженерных кадров. О бесхозяйственности и неумении руководителей Савельевки организовать производственный процесс неоднократно писали в своих заметках корреспонденты местных газет и в первой²⁴, и в третьей пятилетках²⁵. Также в письме обкома ВКП (б) и облисполкома Саратовской области от 2 февраля 1939 г., адресованном наркомом топливной промышленности, имеется показательная фраза: «Вскрыты крупнейшие безобразия на руднике, зависящие целиком от неудовлетворительной и подчас преступной работы руководителей рудника и районных организаций»²⁶.

Свидетельством неблагоприятных условий работы в забоях может служить протокол бюро парткома первичной парторганизации Савельевского рудника от 20 сентября 1933 г. За отказ идти на работу в шахту были исключены из рядов ВКП (б) четыре человека²⁷. Аналогичный случай имел место на партсобрании 26 марта 1940 г.: двое коммунистов были исключены из партии за отказ работать в шахте²⁸. В отчете «Союзсланца» за 1936 г. по Савельевскому руднику отмечалось: «Вербуемые рабочие с большой неохотой идут на подземные работы и очень скоро уходят с рудника»²⁹.

Традиционными для эпохи первых пятилеток были сложности в вопросе снабжения продуктами и организации общественного питания. В СССР в 1930-х гг. был хронический дефицит ряда продовольственных товаров, которые поступали в торговую сеть нерегулярно, с перебоями. В 1933 г. в газете «Горючие сланца» подчеркивалось, что «централизованное снабжение не может и не обеспечивает всеми продуктами целиком»³⁰. На Савельевском руднике, как говорилось в выступлении одного из руководящих работников на партсобрании 10 января 1937 г., «перебои с хлебом... продолжались 3 дня». Выступавший сделал вывод: «Это полное издевательство над рабочими»³¹. На партсобрании 23 января 1937 г. рабочие рудника жаловались на то, что за хлебом «приходится стоять в очереди, а это нам надоело»³². Очереди в рудничном поселке заметила и комиссия Саратовского облкомхоза, обследовавшая рудник в июне 1937 г.: «Торговля происходит из небольшого количества маленьких тесных ларьков. Во время нашего пребывания очереди были все время, что, видимо, является обычным явлением в поселке Горном»³³. В начале 1939 г. руководители Краснопартизанского района отмечали: «Имеющаяся сеть магазинов

не обеспечивает нормальную торговлю. На руднике имеется всего три ларька и один небольшой магазин. Торговля проходит в одну смену, в силу чего создаются большие очереди даже за недефицитным товаром»³⁴. Одновременно комиссия облкомхоза обратила внимание на низкое качество выпекаемого хлеба на Савельевском руднике: «Чёрный хлеб по своему качеству очень плохой: сырой, видимо, имеет повышенную кислотность, почему и называется “динамит”»³⁵.

В резолюции заседания профсоюзного комитета рудника 10 января 1939 г. отмечалось: «Имеют место частые перебои в продаже предметов первой необходимости: спички, сахар, хлеб, мыло, колбаса»³⁶. Перебои с поступлением продовольствия на Савельевке зафиксированы в архивных документах и весной 1939 г. Так, управляющий рудником сообщал в обком, что в магазинах на руднике «мясо, масло, яйца, имеющиеся в районе, отсутствуют совершенно»³⁷.

Оставляло желать лучшего и состояние самих помещений, где производилась торговля. Автор статьи о Савельевском руднике писал в конце 1938 г.: «Вместо хлебного магазина – убогий ларек. Немногим отличаются и рядом существующие три бакалейных магазина, в которых, как правило, никогда не бывает нужных товаров»³⁸. На заседании профсоюзного комитета 10 января 1939 г. в прениях по докладу об организации торговли на руднике приводились факты, что «продавцы занимают пьюнку и торгуют в пьяном виде». Кроме того, в резолюции указывалось, что «со стороны продавцов... к посетителям проявляется грубость»³⁹.

В полном соответствии с тезисом «спасение утопающих – дело рук самих утопающих» рабочие рудников пытались сами решать продовольственный вопрос за счет своих приусадебных хозяйств. Автор статьи в журнале «Горючие сланцы» выявил интересную тенденцию: «Надо отметить, что большинство живущих в землянках – рабочие горного цеха. Интересен тот факт, что многие из этих рабочих предпочитают жить в своей собственной землянке, имея корову, поросят и кур, свой обособленный участок, чем переходить в центральный поселок, где, как они заявляют, хотя и получают лучшую квартиру, но будут стеснены целым рядом неудобств в части содержания коров, кур»⁴⁰.

Система общепита в 1930-е гг. повсеместно подвергалась критике на разных уровнях. Достаточно полистать подшивки газет тех лет. Приставший на Савельевский рудник в мае 1935 г. контролер комиссии партийного контроля при ЦК ВКП (б) по Саратовскому краю В. Рубцов лично посетил столовую и побеседовал с отдельными рабочими. Проверяющий отметил, что в столовой большие очереди, еда невкусная и иногда подается в грязных тарелках. Он счел нужным подчеркнуть, что «если считать по количеству блюд (от 6 до 8), обеды можно считать удовлетворительными,

то по своему качеству обеды являлись неудовлетворительными и дорогими». Расспросы рабочих-ударников только подтвердили личные наблюдения В. Рубцова: «...Последние заявили, что обеды в столовой очень дорогие, невкусные... и что в столовой очень грязно и нет порядка, поэтому они предпочитают питаться не в столовой, а на дому». Личные впечатления проверяющего выразились в следующем: «Столовая и кухня находились в чрезвычайно плохом санитарном состоянии: всюду грязь, много сора, во всех залах и кухне штукатурка от стен и потолков отваливается и нередко попадала прямо на столы... Картофельная после работы не промывалась и стояла с картофельными остатками. Мясорубка грязная и, как правило, долгое время стоит не промытой и окисляется. Умывальника в столовой нет, а имеющийся для служащих столовой умывальник был настолько грязный, что нельзя было различить из какого, собственно, металла он сделан»⁴¹.

На совещании партийно-хозяйственного актива рудника 6 апреля 1938 г. один из выступавших поделился впечатлениями от столовой: «Там все грязное – и столы, и официантки грязные... Вилки не хватает, стаканов не хватает»⁴². На этом же совещании первый секретарь Саратовского обкома ВКП (б) В. Р. Калачёв в резкой форме раскритиковал работу столовой⁴³. Устроенный им разнос слабо повлиял на состояние общепита Савельевки. На заседании профсоюзного комитета рудника 10 января 1939 г. один из выступавших приводил информацию по проблемам столовой: «Плохо с освещением в столовой, часто гаснет свет и приходится пользоваться свечками и керосиновыми лампами... Продукты находятся на грязном полу»⁴⁴. В докладной записке руководителя Савельевского рудоуправления А. С. Бастанова за первые пять месяцев 1939 г. в очередной раз констатировалось: «...В столовой грязь, очереди, вкусовые качества пищи неудовлетворительны, а выбор ограничен»⁴⁵. Следует отметить, что столовая была еще и тесная и не могла обслужить всех желающих. В газетной заметке подчеркивалось: «На 5 тысяч населения одна столовая, всего лишь на 15 столов»⁴⁶.

Работа столовой так и не улучшилась вплоть до начала войны. В объяснительной записке к годовому отчету Савельевского рудоуправления за 1940 г. имеется фраза: «Совершенно неудовлетворительно было организовано... общественное питание»⁴⁷.

Для рабочих поселков сланцевых рудников актуальным оставался вопрос снабжения помимо продовольственными еще и промтоварами. Контролер комиссии партийного контроля при ЦК ВКП (б) по Саратовскому краю В. Рубцов в докладной записке от 10 мая 1935 г. подчеркнул, что на Савельевском руднике реализуются товары ограниченного спроса, например, папиросы высшего сорта, ночные горшки, игрушки, музыкальные инструменты; в то же время «торго-

вые точки не имеют таких ходовых и нужных товаров, как фуражек, обуви, галантереи, ниток, трикотажа, верхнего платья, нижнего белья...»⁴⁸. На заседании профсоюзного комитета 10 января 1939 г. приводились факты, свидетельствующие о том, что в торговых точках Савельевского рудника промтовары продавались преимущественно «родным и знакомым, как, например, “ушли” два патефона»⁴⁹. Кроме того, выступавшие жаловались на то, что в продаже часто отсутствовали мыло и спички. В циркуляре Наркомата угольной промышленности от 29 января 1941 г., направленном в Саратовский обком, сообщалось про недостатки торговли на руднике: «В продаже нет сахара, чая, папирос, обуви, белья, мануфактуры, тёплой одежды и других промтоваров»⁵⁰.

Жилищные условия на сланцевых рудниках, как и продовольственный вопрос, были постоянным объектом критики как со стороны работников рудников, так и приезжающих с проверками инструкторов обкомов, корреспондентов газет. Следует отметить, что на сланцевых рудниках Поволжья очень долго сохранялись землянки, которые начали строить в начале 1930-х гг. из-за катастрофической нехватки жилого фонда.

На 1 апреля 1935 г. на Савельевском руднике насчитывалось 1013 рабочих. Из них 525 чел. (51,8%) жили в квартирах домов рудничного поселка. Условия проживания оценивались как «удовлетворительные». Еще 366 чел. (36%) проживали в землянках, 122 чел. (12%) – в окрестных селах. Из 93 служащих 49 чел. (52,7%) жили в поселке, 30 (32,3%) – в землянках, 14 (15%) – в селах. Инженерно-технические работники (ИТР) в количестве 40 человек в полном составе проживали в квартирах рудничного поселка⁵¹.

Таким образом, 35,8% рабочих на тот момент были вынуждены жить в окрестных селах на расстоянии 4–6 км от рудника, еще 12,3% – в землянках. Подобное решение жилищного вопроса во втором квартале 1935 г. нельзя признать благополучным: 48% работающих на руднике либо жили очень далеко от места работы, либо были обеспечены жильем низкого качества.

Избыточным комфортом общежития Савельевского рудника похвастать не могли. В протоколе заседания парткома рудника от 23 декабря 1932 г. отмечалось: «В общежитиях отсутствует необходимый инвентарь (баки, кружки, столы, тумбочки, свет, веники, ведра, тазы и т.п.). Общежития не приведены пока в надлежащий порядок, не дооборудованы печи, холод... При общежитиях отсутствуют уборные, баня работает с перебоями»⁵².

Обследовавший Савельевский рудник контролер комиссии партийного контроля при ЦК ВКП (б) по Саратовскому краю В. Рубцов в своей докладной записке от 10 мая 1935 г. оставил описание наиболее поразивших его жилых помещений: «В общежитии комбината, где были размещены 37 человек, завербованных в феврале и марте,

большая грязь, много мусора. Неимоверная теснота. Тумбочек не было, не было также табуреток или скамеек, поэтому рабочие вынуждены были в грязном платье садиться на кровати и загрязнять и без того грязные постельные принадлежности... Подушек и наволочек никто не имел. Одежда и матрасы очень грязны»⁵³. В осмотренной В. Рубцовым комнате № 4 барака № 43 жили 9 рабочих, в помещении было грязно; стола, умывальника, бака для питьевой воды, одеял, простыней, наволочек, подушек не было. Табуреток в этой комнате имелось только три штуки. В комнате № 7 барака № 44 также проживали 9 чел. Отсутствовали кровати, постельные принадлежности, умывальники⁵⁴.

Следует отметить, что приведенные подробности быта относились именно к рабочим общежитиям с наихудшими условиями проживания и не отражали всего спектра повседневности рабочих Савельевки. Можно полагать, что квартиры домов рудничного поселка, где весной 1935 г. проживали примерно половина рабочих и все инженерно-технические работники, отличались большей степенью комфорта, во всяком случае, мебель, умывальники и чистое постельное белье там явно должны были быть в наличии.

В холодное время года серьезной проблемой в рабочих общежитиях Савельевского рудника стало нерегулярное снабжение топливом. На партсобрании 10 января 1937 г. прозвучала информация о том, что «приходит шахтер с работы в нетопленную комнату. В домах двери не обшиты, сланец как следует не подвозят...»⁵⁵. На Савельевке в декабре 1938 г. и январе 1939 г. из-за недостроенной осенью системы отопления не отапливались и были закрыты ясли, детсад, горпромуч, клуб, помещения рудкома и парткома. Неблагополучная ситуация с отоплением наблюдалась и в жилых домах. Побывавший на руднике инструктор обкома писал в докладной записке от 20 января 1939 г.: «Несмотря на большой перерасход средств, жилища остались неотапленными, печи неисправные, и с наступлением холодов жильцы спасались от холода, накаливая печи...»⁵⁶. В газетной статье середины декабря 1938 г. сообщалось: «В накуренном коридоре рудоуправления целый день толпится народ. В кабинетах управляющего Бастанова и его помощника Васильковского – очереди. Здесь стоят начальники участков, прорабы, десятники, стахановцы, ударники. Все они ожидают разрешения очень важного для них вопроса – нет топлива, не застеклены окна в квартире, не починили дверь, печь и т.п. Казалось бы, чем проще раз и навсегда разрешить топливный вопрос. Сланец под руками, транспорт есть, но начальник коммунального отдела тов. Калмыков упорно не желает наладить бытовое обслуживание специалистов и рабочих»⁵⁷.

В начале 1939 г. в газетной статье упоминался следующий факт: «Рабочим приходится после работы таскать за три километра сланец для отопления жилищ»⁵⁸. В протоколе заседания парт-

бюро первичной парторганизации Савельевского рудника от 3 января 1940 г. отмечалось прекращение подвоза сланца к домам рабочих рудника: «Сейчас не дают ни одной лошади... записалось в очередь на сланец 98 человек. Автомашинной возить нельзя, снегу много...»⁵⁹.

Подобные явления были типичны для многих предприятий страны рассматриваемого периода. Нарком тяжелой промышленности Г. К. Орджоникидзе в 1933 г. эмоционально охарактеризовал данную проблему: «Мы пятилетку кончили, строим социализм, построили крупнейшую промышленность, но этого нельзя говорить рабочему, который сидит в холодной казарме, – он вас ко всем чертям пошлёт... Антрацит есть, его можно подвезти, а не превращать нашего рабочего в воришку, не заставлять его жену мешками таскать уголь и кокс с завода»⁶⁰. Естественно, жители поселков сланцевых рудников не хотели мерзнуть из-за чьей-то неорганизованности. Поэтому они сами доставляли в свои квартиры сланец с рудников или тайком таскали и рубили на дрова доски, предназначенные для строительства. Так, инструктор Саратовского обкома ВКП (б) в докладной записке от 20 января 1939 г. упоминал хищения крепежного леса на Савельевском руднике: «Нередко можно видеть, как он растаскивается работниками на отопление»⁶¹.

Осенью 1940 г. на Савельевском руднике группа рабочих из Бессарабии написала письмо И. В. Сталину о тяжелых условиях жизни на предприятии. Из ЦК ВКП (б) это письмо переслали в Саратовский обком, который, в свою очередь, отправил все документы в Краснопартизанский райком, принявший надлежащие меры. В результате, как сообщал в марте 1941 г. в обком управляющий рудника, за счет улучшения организации труда зарплата рабочих повысилась, общежития снабдили чайниками и кружками, постельное белье стало меняться раз в неделю⁶².

Проблемы труда и быта неизбежно должны были отражаться на здоровье рабочих и служащих. По данному аспекту истории повседневности Савельевского рудника сохранилось минимальное количество сведений, которые касаются преимущественно наличия медицинского персонала. Контролер В. Рубцов в начале мая 1935 г. отмечал, что медперсонал рудника состоит из одного фельдшера и двух медсестер. Стационар был рассчитан только на четыре койко-места. В амбулатории отсутствовали хирургические инструменты, а при шахтах – аптечки. Свои впечатления проверяющий выразил следующей фразой: «Медобслуживание поставлено отвратительно»⁶³. В материалах проверки рудника комиссией облкомхоза в июне 1937 г. среди медперсонала упоминалось уже несколько врачей, но уровень профессионализма медработников оставлял желать лучшего. Так, проверяющие сочли необходимым отметить, что «один из врачей систематически пьет и подлежит самой

срочной замене»⁶⁴. В первой половине 1939 г., по данным докладной записки руководителя рудника А. Бастанова, на руднике в наличии были только гинеколог и детский врач, отсутствовали хирург и стоматолог⁶⁵.

Результатом плохих бытовых и производственных условий стала текучесть кадров на сланцевых рудниках. Рабочих хронически не хватало. В 1937 г. Савельевская шахта была обеспечена рабочей силой только на 60,6% плана (410 чел. вместо 677)⁶⁶. Проблема текучести рабочих кадров так и не была решена вплоть до конца рассматриваемого периода. В 1940 г. на Савельевском руднике на шахтах № 1 и № 2 работали 506 чел. При этом за первое полугодие прибыли 666, убыло 702 чел.; во втором полугодии прибыли 592, убыло 260 чел.⁶⁷

Однако, несмотря на все перечисленные недостатки, по сравнению с первой пятилеткой, состояние жилищной сферы во второй половине 1930-х гг. по ряду показателей улучшилось. Во-первых, удалось постепенно создать определенный жилищный фонд, обеспечив жильем основную массу рабочих. В объяснительной записке к годовому отчету Савельевского рудника за 1940 г. приводились следующие сведения: «Обеспеченность жилплощадью на одного человека, проживающего в квартирах – 5,1 м², а в общежитиях – 4,3 м²»⁶⁸. В то же время еще в 1936 г. на человека приходилось 3,1 м² жилой площади⁶⁹. Как видно из приведенных данных, нормы жилплощади на человека по руднику были на уровне общесоюзных показателей. Для сравнения: в 1939 г. в Саратове на одного жителя приходилось 3,8 м² жилой площади⁷⁰; в Балашове – 2,8 м², в Вольске – 3,5 м², в Петровске – 4,4 м², в Пугачеве – 5,6 м²⁷¹.

Во-вторых, как указывалось в годовом отчете Союзсланца 1936 г., «на всех рудниках развернули работу прачечные и бани». В отчете Савельевского рудоуправления за 1940 г. констатировалось: «...Имеющиеся баня и парикмахерская своей пропускной способностью в отчетном году удовлетворяли запросы трудящихся»⁷². В-третьих, во второй половине 1930-х гг. постепенно менялась к лучшему ситуация с обеспечением рудничного поселка врачами.

Нерешенными к началу войны бытовыми проблемами на руднике оставались вопросы снабжения продуктами, промтоварами и неудовлетворительная работа столовой. Но в данном случае это было общим большим местом экономики СССР. В упрек руководителям рудника можно поставить многолетнее нарушение правил техники безопасности в шахтах и неумение или нежелание наладить систему подвоза топлива к домам и общежитиям.

Бытовые условия людей, работавших на Савельевском руднике в годы довоенных пятилеток, способны привести в ужас человека, привыкшего к уровню комфорта начала XXI в. Однако не

следует забывать, что дефицит продовольствия и промтоваров, очереди в магазинах, неустраиваемость в рабочих общежитиях были привычными реалиями повседневности в СССР не только предвоенных и военных лет, но и послевоенных десятилетий. Трудно было ожидать, что на возникшем практически «с нуля» в малонаселенной степи руднике с шахтами, электростанцией и рабочим поселком за несколько лет будет создана приемлемая жилищная сфера и налажено снабжение необходимыми товарами.

Историю сланцевой промышленности Поволжья довоенных пятилеток необходимо рассматривать комплексно в связи с общим развитием как топливного комплекса СССР, так и всей индустрии страны. Перегруженность железных дорог и водного транспорта не позволяла в 1930-е гг. своевременно и в достаточных объемах снабжать города Поволжья углем из Донбасса и нефтетопливом из Баку. В сложившейся сложной ситуации разрабатывались фантастические проекты использования в Поволжье энергии ветра, сжигания в топках лузги от семян подсолнечника и камышовых зарослей дельты р. Волги⁷³. В Поволжье в 1930-е гг. произошло резкое увеличение объемов заготовок дров⁷⁴ и торфа⁷⁵. В Татарской АССР и Куйбышевской области эти виды топлива повсеместно заменили на предприятиях спиртовой, текстильной, стекольной, химической, бумажной промышленности традиционные уголь и мазут. Но в Саратовской области крупные по площади лесные массивы и торфяные месторождения отсутствовали. Поэтому ставка была сделана на низкокалорийное сланцевое топливо. Далеко не все из задуманного в освоении богатейших месторождений горючих сланцев Поволжья удалось реализовать. Однако, несмотря на все трудности и «провалы» в развитии сланцевой отрасли, Савельевский рудник являлся с 1937 г. основным поставщиком топлива для Саратовской электростанции, самым важным звеном не только в системе топливной промышленности, но и энергетики региона. Добыча сланцев в Поволжье стала заметным фактором местного топливоснабжения и в суровые военные годы. Эти результаты были достигнуты в том числе и за счет труда рабочих и ИТР Савельевки в тяжелейших производственных и бытовых условиях. Автор данной статьи солидаризируется с оценкой трудовых усилий советских людей в ходе индустриализации известного саратовского исследователя индустриального развития Нижневолжского региона В. А. Чолахяна, считающего, что «колоссальные усилия этого поколения заложили материальные и социальные основы для модернизации всех сторон жизни общества»⁷⁶.

На сайте «Туристический Саратов» есть фотографии террикона на окраине поселка Горный и памятников, связанных с Савельевским рудником. В описании указано: «В центре поселка находится открытый 5 ноября 2002 года памятник шахтёрам, основателям посёлка. Другой монумент,

напоминающий о раннем этапе истории Горного, расположен на севере посёлка и представляет собой лампу-шахтёрку – незаменимый инструмент горняков. Открыт памятник был в 2008 году»⁷⁷.

Таким образом, памятники шахтерам сланцевого рудника в маленьком населенном пункте и даже высокий холм, сложенный из отвалов пустой породы, рассматриваются как туристический объект. В данном случае туристический бизнес и администрация области опередили изыскания региональных ученых. История сланцевой, промышленности Саратовской области 1930–1950-х гг. ждет своего исследователя.

Примечания

- 1 См., например: *Соколов А. К.* От военпрома к ВПК: советская военная промышленность. 1917 – июнь 1941 гг. М.: Новый хронограф, 2012. 527 с.
- 2 См., например: *Кузьмина Т. Н., Шарошкин Н. А.* Индустриальное развитие Поволжья. 1928 – июнь 1941 гг.: достижения, издержки, уроки. Пенза: ПГПУ им. В. Г. Белинского, 2005. 604 с.
- 3 См., например: *Чолахян В. А.* Индустриальное развитие Нижнего Поволжья (конец XIX в. – июнь 1941 г.): исторический опыт и уроки. Саратов: Научная книга, 2007. 320 с.
- 4 См., например: *Курятников В. Н., Малиновская Ю. А., Климовичкина А. Ю.* Сланцевый проект Самарского края: достижения и просчёты // История и педагогика естествознания. 2018. № 4. С. 18–24.
- 5 См.: *Шаронин Д. А.* Информационный потенциал документов Всесоюзного теплотехнического института им. Ф. Э. Дзержинского по истории индустриализации Куйбышевской области в годы первых трёх пятилеток // Вестник архивиста. 2015. № 3 (131). С. 52–66.
- 6 См.: *Шаронин Д. А.* Сланцевая проблема и энергетическое развитие Куйбышевской области в годы первых пятилеток (1928–1942) // Всеобщая история. 2016. № 4. С. 10–29.
- 7 См.: *Медведев П. А.* Сланцы как топливо. М.; Самара: Средне-Волжское краевое издательство, 1933. С. 10, 15, 21.
- 8 См.: *Шварц И.* Сланцевая промышленность в 1932 г. М.: Партиздат, 1932. С. 7.
- 9 См.: *Воробьев В. Я., Ильясов В. Н., Меркулов В. Н.* Перспективы освоения волжских горючих сланцев // Геология нефти и газа. 2017. № 1. С. 57.
- 10 Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). Ф. 594 (Саратовский обком ВКП (б)). Оп. 1. Д. 456. Л. 29.
- 11 Там же. Д. 1155. Л. 104.
- 12 *Дрякин.* Быстрее ликвидировать последствия вредительства на руднике // Коммунист. 1939. 14 янв.
- 13 ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 1451. Л. 43.
- 14 Там же. Д. 1708. Л. 87.
- 15 Там же. Д. 2463. Л. 24.
- 16 Сланцы разрешают топливную проблему // Поволжская правда. 1932. 17 апр.

- 17 Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 660. (Союзсланец). Оп. 1. Д. 680. Л. 28, 29.
- 18 Там же. Д. 721. Л. 9.
- 19 Там же. Д. 755. Л. 6, 7.
- 20 РГАЭ. Ф. 8701 (Главсланец Наркомугля). Оп. 1. Д. 172. Л. 6 об.
- 21 ГАНИСО. Ф. 1111 (первичная парторганизация Савельевского сланцевого рудника). Оп. 1. Д. 31. Л. 11.
- 22 *Щеблыкин В. С.* Организация труда на сланцевых рудниках // Горючие сланцы. 1933. № 4. С. 30.
- 23 *Дрякин.* Указ. соч.
- 24 См., например: На рудниках нет подлинного хозрасчёта // Поволжская правда. 1932. 17 сент.
- 25 См., например: *Стешин И.* На шахте // Коммунист. 1941. 25 мая.
- 26 ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 1708. Л. 57.
- 27 Там же. Ф. 1111. Оп. 1. Д. 2. Л. 108.
- 28 Там же. Д. 31. Л. 24.
- 29 РГАЭ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 680. Л. 41.
- 30 *Иванов Т. А.* Повести решительную борьбу с текучестью рабсилы // Горючие сланцы. 1933. № 5. С. 20.
- 31 ГАНИСО. Ф. 1111. Оп. 1. Д. 11. Л. 4.
- 32 Там же. Л. 14.
- 33 ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 1155. Л. 181.
- 34 Там же. Д. 1708. Л. 69.
- 35 Там же. Д. 1155. Л. 181.
- 36 Там же. Д. 1708. Л. 20.
- 37 Там же. Д. 2104. Л. 3 об.
- 38 *Ларин А.* На сланцевых рудниках // Коммунист. 1938. 15 дек.
- 39 ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 1708. Л. 18, 20.
- 40 *Феоктистов Д. А.* О культурно-бытовом и санитарном благоустройстве сланцевых рудников // Горючие сланцы. 1935. № 5. С. 35.
- 41 ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 456. Л. 37.
- 42 Там же. Д. 1451. Л. 52.
- 43 Там же. Л. 69.
- 44 Там же. Д. 1708. Л. 20.
- 45 Там же. Д. 2104. Л. 3 об.
- 46 *Ларин А.* Указ. соч.
- 47 РГАЭ. Ф. 8701. Оп. 1. Д. 178. Л. 18.
- 48 ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 456. Л. 30.
- 49 Там же. Д. 1708. Л. 18.
- 50 Там же. Д. 2463. Л. 8.
- 51 См.: *Феоктистов Д. А.* Указ. соч. С. 35.
- 52 ГАНИСО. Ф. 1111. Оп. 1. Д. 2. Л. 203.
- 53 Там же. Ф. 594. Оп. 1. Д. 456. Л. 38.
- 54 Там же. Л. 38–39.
- 55 Там же. Ф. 1111. Оп. 1. Д. 11. Л. 4.
- 56 Там же. Ф. 594. Оп. 1. Д. 1708. Л. 23, 39.
- 57 *Ларин А.* Указ. соч.
- 58 *Кузьмичев И., Проскуряков А.* На Савельевском руднике нужно навести порядок // Коммунист. 1940. 16 янв.
- 59 ГАНИСО. Ф. 1111. Оп. 1. Д. 31. Л. 8.
- 60 *Орджоникидзе Г. К.* Во чтобы то ни стало ликвидировать отставание чёрной металлургии. Речь на пленуме Донецкого обкома КП(б)У в Сталино 31 января 1933 г. // *Орджоникидзе Г. К.* Избранные статьи и речи. 1918–1937. М.: Государственное издательство политической литературы, 1945. С. 258.
- 61 ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 1708. Л. 37.
- 62 Там же. Д. 2104. Л. 5, 6, 8–9; Д. 2478. Л. 10–11.
- 63 Там же. Д. 456. Л. 40.
- 64 Там же. Д. 1155. Л. 182.
- 65 Там же. Д. 2104. Л. 3 об.
- 66 РГАЭ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 721. Л. 26, 27.
- 67 РГАЭ. Ф. 8701. Оп. 1. Д. 178. Л. 14 об., 16.
- 68 Там же. Л. 18.
- 69 ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 1155. Л. 32.
- 70 См.: *Чолахян В. А.* Жилищные условия и благоустроенность городов Нижнего Поволжья в 1920–1930-х годах // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2009. Т. 9, вып. 2. С. 68.
- 71 См.: Из справки областной плановой комиссии о размещении промышленности Саратовской области. 25 мая 1939 г. // Саратовская партийная организация в предвоенные годы. Документы. 1937–1941 гг. Саратов: Приволжское книжное издательство, 1966. С. 76, 78, 80.
- 72 РГАЭ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 680. Л. 70; Ф. 8701. Оп. 1. Д. 178. Л. 18.
- 73 См., например: *Прохоров К.* Результат обследования камышовых зарослей дельты Волги // Нижнее Поволжье. 1931. № 5–6. С. 118–121.
- 74 Подробнее см.: *Воейков Е. В.* Стахановцы лесозаготовок Поволжья в годы довоенной индустриализации // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Т. 15, № 5. С. 74–75.
- 75 Подробнее см.: *Воейков Е. В.* «Торфяные пятiletки» в Поволжье – забытая страница истории 1930-х гг. // Российская история. 2010. № 2. С. 43–52.
- 76 *Чолахян В. А.* Нижневолжский вариант индустриальной модернизации (конец XIX – 1930-е гг.) // Российская история. 2012. № 3. С. 30.
- 77 Туристический Саратов. Достопримечательности. Террикон посёлка Горный. URL: <https://www.tursar.ru/page-joy.php?j=2649> (дата обращения: 05.01.2021).

Поступила в редакцию 01.03.2021, после рецензирования 07.06.2021, принята к публикации 30.06.2021

Received 01.03.2021, revised 07.06.2021, accepted 30.06.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 533–540
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 533–540
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-4-533-540>

Научная статья
УДК 342.552+304.42(470.22)“1955/1965”

Власть и общественная жизнь в Карелии в годы «оттепели» (середина 1950 – середина 1960-х годов)

Л. И. Вавулинская

Карельский научный центр Российской академии наук, Россия, Республика Карелия, 185910, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, д. 11

Вавулинская Людмила Ивановна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории, ludvav@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6404-7551>

Аннотация. Статья посвящена проблеме взаимоотношений власти и общества в период «оттепели», положившей начало либерализации общественной жизни и кардинальным изменениям в общественном сознании. На региональных материалах Республики Карелия показаны общественно-политическая обстановка в республике, реакция населения на действия центральной и местной властей. Подчеркивается, что процессы либерализации были противоречивыми и непоследовательными, сохранялся жесткий идеологический контроль над жизнью общества.

Ключевые слова: общественно-политическая жизнь, либерализация режима, общественные организации, самодеятельность населения

Благодарности: Финансовое обеспечение исследований осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН (ИЯЛИ).

Для цитирования: Вавулинская Л. И. Власть и общественная жизнь в Карелии в годы «оттепели» (середина 1950 – середина 1960-х годов) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 533–540. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-4-533-540>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Power and public life in Karelia during the “thaw” period (mid-1950s – mid-1960s)

L. I. Vavulinskaya

Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Science, 11 Pushkinskaya St., Petrozavodsk 185910, Karelia, Russia

Ludmila I. Vavulinskaya, ludvav@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6404-7551>

Abstract. The article investigates the relationships between authorities and the society during the “thaw” period, which launched liberalization in public life and radical changes in public consciousness. Regional material from the Republic of Karelia was used to demonstrate the situation in the region’s political and public sphere, and the response of people to the activities of central and local governments. The study highlights that liberalization processes were contradictory and inconsistent, and the life of the society remained under strict ideological control.

Keywords: government and public life, regime liberalization, non-governmental organizations, grassroots initiative

Acknowledgements: The study was carried out under state order of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (ILLH).

For citation: Vavulinskaya L. I. Power and public life in Karelia during the «thaw» period (mid-1950s – mid-1960s). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 533–540 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-4-533-540>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Проблема взаимоотношений власти и общества приобретает особое значение в условиях трансформации постсоветского российского социума, что обуславливает необходимость обращения к историческому опыту использования

многообразных форм взаимодействия власти и населения. Особый интерес вызывает период так называемой «оттепели», время перемен, наступившее после смерти Сталина и продолжавшееся до середины 1960-х гг. В этот период было положено

начало кардинальным изменениям в общественном сознании, предприняты заметные шаги по либерализации общественной жизни в стране и привлечению населения к участию в различных формах общественной самодеятельности.

Общественно-политические процессы и изменения, связанные с критикой культа личности Сталина и либеральной политикой Н. С. Хрущева, анализируются в работах Р. Г. Пихои¹, Т. А. Сивохиной и М. Р. Зезиной², М. Л. Галас³, А. П. Волкова⁴, Ю. В. Аксютин и О. В. Волобуева⁵ и др. В исследованиях Е. Ю. Зубковой⁶, А. В. Пыжикова⁷, Ю. А. Аксютин⁸, В. Н. Мамяченкова⁹ особое внимание уделено проблеме взаимоотношений власти и общества в период «оттепели». В них освещены различные аспекты общественной жизни, реакция населения на те или иные решения власти, механизм функционирования общественного мнения. Вопросам протестного движения, диссидентства и инакомыслия посвящены монографии Л. М. Алексеевой¹⁰, В. А. Козлова¹¹, А. В. Шубина¹².

В исследовании проблемы взаимоотношений власти и общества особое значение имеет разработка ее региональных аспектов, изучение комплекса вопросов функционирования местной власти, практики ее взаимодействия с населением. В статье на основе введения в научный оборот целого комплекса новых документов, хранящихся в архивах Республики Карелия, рассмотрены проблемы осуществления идеологического контроля над обществом, послаблений в общественно-политической жизни в середине 1950-х гг., реакции «низов» на действия центральной и местной властей.

Исследование подготовлено на основе комплексного использования общенаучных (анализ, синтез) и конкретно-исторических методов исследования (хронологический, сравнительно-исторический, метод микроистории), позволяющих осветить конкретное многообразие форм взаимодействия власти и общества на разных уровнях общественной жизни.

Смерть Сталина 5 марта 1953 г. оказала огромное влияние на общественную жизнь, положив начало процессам обновления в обществе. Советский и российский политолог, журналист Ф. Бурлацкий вспоминал: «Сама эта смерть потрясла до основания душу каждого человека в нашей стране, хотя и вызвала разные чувства. Ушло нечто, казавшееся незыблемым, вечным, бессмертным. Простая житейская мысль: умер человек, и тело покойного надо предать земле, — едва ли кому-либо приходила в голову. Нет, рухнул, обрушился институт власти, то, что лежало в самом фундаменте всего здания. Как теперь жить? Что произойдет с нами? Куда пойдет страна?»¹³. Подобные чувства испытывали многие жители Карелии. А. С. Степанова, фольклорист, кандидат филологических наук в своих воспоминаниях подчеркивает: «Я печалилась вместе со всеми, правда, слез не было, но думала: “Как же мы без

него жить-то будем?” Собирались митинги, везде звучала траурная музыка, было настроение всеобщей скорби. Плакали преподаватели, даже те, чьи родные были репрессированы. Большинство ведь считало, что Сталин был не в курсе того, что творилось в стране. И не у всех была возможность прочитать об этом где-либо...»¹⁴.

В июле 1953 г. состоялся Пленум ЦК КПСС, подвергший критике недостатки в партийном руководстве, нарушения ленинских норм партийной жизни, сложившиеся в результате культа личности Сталина. Органы МВД были поставлены под контроль партии, ликвидированы все внесудебные органы («тройки», «пятерки» и др.), восстановлен в своих правах и усилен прокурорский надзор, пересмотрены дела оперативного учета, заведенные по непроверенным и малозначительным материалам. Гарантом политической стабильности была объявлена Коммунистическая партия. В постановлении пленума ЦК Компартии Республики и Петрозаводского горкома партии от 13 июля 1953 г., осудившем преступные действия Л. Берии, говорилось, что «партийное руководство всеми организациями является главным условием успешной их работы, что уход из-под партийного контроля ведет неизбежно к провалам в работе и к загниванию работников»¹⁵.

15 июля 1953 г. на предприятиях, в организациях и учреждениях республики прошли собрания, на которых с чувством глубокого возмущения говорилось о предательской деятельности Берии. Выступавшие выражали благодарность партии и правительству за разоблачение коварного врага, призывали поднять бдительность и принимали повышенные обязательства по досрочному выполнению плановых заданий.

Одной из важных особенностей либерализации режима стала реабилитация жертв политических репрессий. Первый этап реабилитации (с марта 1953 г. по февраль 1956 г.) проходил в основном негласно. Постановлением бюро ЦК КП Карелии от 15 мая 1954 г. была создана республиканская комиссия по пересмотру уголовных дел на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления, содержащихся в лагерях, колониях и тюрьмах МВД СССР и находившихся в ссылке на поселении. В ее состав вошли представители прокуратуры, МВД, КГБ при Совете Министров КФССР и Министерства юстиции республики. К этому времени (июль 1954 г.) только в исправительно-трудовых лагерях МВД КФССР содержалось 4584 заключенных, из них 420 были осуждены за «контрреволюционные» преступления¹⁶. Реабилитация в первую очередь коснулась тех, кто был расстрелян, умер в лагерях и ссылке. В 1955 — начале 1956 г. были посмертно реабилитированы в судебном порядке руководящие партийные и советские деятели республики: Э. Гюллинг, Г. Ровио, Н. Архипов, В. Гурьев, Ф. Поттоев, Я. Мяки и др.

Меры по восстановлению законности, однако, не всегда проводились последовательно. Хотя

после смерти Сталина массовые репрессии были прекращены, они не исчезли полностью как средство поддержания политической стабильности. В 1954 г. следственными аппаратами Прокуратуры республики были незаконно арестованы, а затем освобождены 90 чел., или 16% к числу арестованных, и по делам органов милиции освобождены из-под стражи как необоснованно арестованные 96 чел., или 10% к общему числу арестованных. На прокуроров Пудожского и Питкярантского районов были наложены взыскания за допущение несанкционированных арестов¹⁷.

Первые шаги по либерализации общественной жизни в стране вызвали у людей ожидания перемен к лучшему. Преобладали настроения, отражавшие полное доверие к проводимой партией политике. Об этом свидетельствуют надписи патриотического характера на бюллетенях в день выборов в Верховный Совет Республики и местные советы, выборов, состоявшиеся 6 марта 1955 г.:

«Я голосую за могущество нашей Родины, за счастье народа, за коммунизм».

«За мир, за светлое будущее».

«Благодарю от всей души великую Родину».

«Голосую за Советскую власть».

Подобных патриотических надписей было много, но встречались и критические высказывания и наказания отдельным кандидатам: «Очень груб, недостоин», «Нужно больше сахара и масла, а не депутатов»¹⁸.

Важным событием общественной жизни страны и республики в середине 1950-х гг. стал XX съезд партии (февраль 1956 г.), впервые поставивший вопрос о культе личности и его последствиях. На съезде были вскрыты многочисленные факты нарушения законности, однако критика сталинизма носила не политический, а скорее моральный характер. Осуждение культа личности и преступлений режима на съезде вызвало у многих людей крушение веры в партию, в идеалы социализма. Хотя в выступлениях на партийных собраниях звучала мысль, что «критика культа личности свидетельствует о крепости партии и социалистического строя», многие коммунисты задавались вопросом: «Знал ли Сталин о преступных действиях Берии? Почему Сталин не был разоблачен раньше?» В докладных записках КГБ Карелии в ЦК Компартии Республики о настроениях населения в связи с докладом Первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева на XX съезде партии «О культе личности и его последствиях» приводились следующие высказывания:

Преподаватель училища г. Петрозаводска Ц.: «Для меня это не новое. Я раньше Сталина не уважал. Я считаю, что пока партия будет над Советской властью, — дело не будет. Советская власть — это Советы, а не партия. Наступит время, когда партийные органы не будут играть ведущей роли в жизни государства, а будет Советская власть»;

В., студентка педагогического института: «В моей душе, да и не только в моей, произошел

целый переворот. В моей душе обида, недовольство и в то же время радость за папу, и вообще за всех людей, которые пострадали невинно... Обидно, что слишком поздно всплыла горькая правда на поверхность... До меня очень трудно доходит, как мог один человек действовать против тысяч. А десятки человек знали это и молчали, набравши в рот воды»;

Товаровед Х. (ДОРУРС Кировской железной дороги): «...Ясно одно, что на мертвого легче свалить. Мое мнение такое: нечего было рассказывать народу всю правду. Как было хорошее мнение у народа о Сталине, так оно и осталось бы. Поскольку наше руководство знало, надо было тайно прочитать это письмо только для верхушки, а не низовым партийным органам и всему народу. А теперь народ только возмущается и все равно не верит».

Многие коммунисты считали необходимым более подробно разъяснить, «почему после смерти стали винить одного Сталина, когда было давно известно из той обстановки, в каком ненормальном положении находятся колхозы и обеспечение населения, существуют слишком большие налоги и Сталина не считало население за бога. Богом его считали только в печати, кино, радио»¹⁹. Общественные настроения, критические высказывания фиксировались информаторами партийных органов и органов государственной безопасности во время частных разговоров, бесед в кругу коллег. Подобная информация поступала в партийные органы также от комсомольских, профсоюзных организаций. «Брожение умов» вызвало ответную реакцию. 19 декабря 1956 г. было опубликовано письмо ЦК КПСС «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских, враждебных элементов».

Тем не менее осуждение культа личности повлекло за собой ряд практических шагов. В 1956 г. была отменена судебная ответственность рабочих и служащих за самовольный уход с предприятий и из учреждений и за прогул без уважительной причины, восстановлены товарищеские суды, занимавшиеся разбором дел о мелких правонарушениях. Более широкие масштабы приняла работа по реабилитации жертв репрессий. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1956 г. были образованы комиссии для проверки в местах лишения свободы обоснованности осуждения каждого лица, обвиненного в совершении преступлений политического характера²⁰. Лица, освобожденные от дальнейшего отбывания наказания, получили все гражданские и политические права. В целом за 1954–1961 гг. в республике были реабилитированы более 10 тыс. жертв сталинского террора²¹. В дальнейшем этот процесс был приостановлен, и пересмотр дел велся только по заявлениям родственников репрессированных.

Серьезное влияние на внутривластную обстановку в республике оказывали международ-

ные события, в частности, вооруженное восстание против правительства коммунистов в Венгрии в октябре – ноябре 1956 г., ликвидированное советскими войсками. Как свидетельствуют зафиксированные органами внутренних дел высказывания жителей республики, многие из них осудили ввод советских войск в Венгрию. Так, во время беседы группы преподавателей педагогического института член КПСС К. сказал: «В Венгрии мы действовали как жандармы Европы». Такого же мнения придерживался артист Финского театра С.: «Выступление в Венгрии является результатом неправильной политики. Было очень нехорошо, когда наши войска приняли участие в подавлении восстания». Во многих письмах высказывались опасения о возможности новой войны: «Международная обстановка у нас так осложнилась, что я вообще чувствую себя, как на пороховой бочке»; «Сейчас такое положение, что нужно воздержаться от выезда от семьи, напряжение очень плохое, если не придется воевать, то до Нового года встретимся»²².

Многие жители республики связывали международные события с последующим неизбежным ухудшением продовольственного положения в стране: «Хлеб пойдет за границу, чтобы не было войны, и богаче от этого не станем... Многие, кроме интеллигенции, ничего купить не могут, денег нет, а на Украине ни денег, ни даже ситца. Жизнь тяжело». В связи с Суэцким кризисом – международным конфликтом в октябре 1956 г. – марте 1957 г., связанным с определением статуса Администрации Суэцкого канала, конструктор Онегзавода К. сказал: «Возможно, наши будут оказывать материальную помощь Египту, что может отразиться на наших условиях жизни, в магазинах может уменьшиться продажа продовольственных товаров». В то же время некоторые студенты университета и педагогического института в связи с англо-французской оккупацией Египта заявили, что они готовы идти добровольно служить в армии Египта²³.

В связи с обострившейся международной обстановкой особое внимание уделялось усилению оборонно-массовой работы. Постановлением Совета Министров республики от 2 сентября 1955 г. в городах и районах Карелии было введено всеобщее обязательное обучение населения с 16-летнего возраста по противоатомной защите²⁴. Только с сентября 1955 г. по сентябрь 1956 г. организациями ДОСААФ были обучены противоатомной защите 160 тыс. жителей республики (53% к плану)²⁵. Постановление Совета Министров КАССР от 27 ноября 1956 г. предусматривало проведение всеобщего обязательного обучения населения по противовоздушной, противоатомной, противохимической и противобактериологической защите. Разрабатывались планы подготовки инструкторов-общественников и населения, подготовки групп самозащиты в жилых районах, создавались санпосты, сандружины. За 1959 г. и первое полу-

годие 1960 г. в кружках санпостов и сандружин только в столице республики – г. Петрозаводске – обучены ГСО и БГСО более 10 тыс. чел.²⁶

Общественная жизнь в республике в годы «оттепели» так же, как и в предшествующий период, находилась под сильным влиянием правящей КПСС. Несравнимо расширились экономические функции партийных организаций, низовым ячейкам было предоставлено право контроля за деятельностью администрации. Такое положение вызывало вопросы у коммунистов. В своем письме в редакцию газеты «Правда» секретарь партбюро Маткоженской ГЭС А. Н. Абраменко спрашивал: «Во все ли вопросы должна вникать партийная организация и в каких пределах, чтобы не подменять руководителя и не заниматься за него администрированием? Просим Вас помочь разобраться, где мы правы и где нет, чтобы быть настоящей партийной организацией»²⁷.

Большое внимание уделялось вопросам количественного и качественного состава партийных организаций республики. Из года в год росло число принятых в кандидаты и члены КПСС: в 1955 г. – 1182 чел., в 1957 г. – 2685, в 1959 г. – 3421, в 1961 г. – 4175 чел.²⁸ При этом преимущество при приеме в партию получали рабочие и колхозники, что создавало иллюзию социального равенства: если в 1955 г. они составляли в партийном пополнении 37,9%, то в 1959 г. – 61,2%²⁹.

Во второй половине 1950-х гг. власть предприняла усилия по активизации деятельности советов, профсоюзов, комсомола. Некоторое расширение прав советов, однако, не привело к усилению их самостоятельности. Увеличивался поток бумаг в адрес местных советов и их исполкомов. Если в 1956 г. Совет Министров Карелии принял 362 постановления и 324 распоряжения, то в 1958 г. – 482 постановления и 744 распоряжения³⁰. Кабинетный стиль работы порождал формализм, отвлекая внимание органов власти на составление всевозможных справок и отчетов.

Люди высказывали недовольство безальтернативностью выборов в советы и их фактически безвластным положением.

Аналогичная ситуация складывалась в сфере деятельности профсоюзов. Провозглашенные меры по расширению их прав привели к возрастанию объема работы профсоюзных организаций. Более 60 тыс. человек являлись членами фабрично-заводских и местных комитетов профсоюзов, их постоянных комиссий или выполняли различные профсоюзные поручения³¹. В то же время о слабом использовании прав ФЗМК свидетельствовал поток жалоб и заявлений (2770), направленных в 1958–1959 гг. в областной совет профсоюзов. Народными судами из 4 тыс. конфликтных дел, поступивших от профсоюзных комитетов, по 1802 делам вопрос был решен в пользу трудящихся, что также свидетельствовало о бесправном положении многих ФЗМК³².

1950-е гг. стали временем роста творческой активности молодежи: освоение целины, молодежные стройки, рейдовые бригады, отряды «комсомольского прожектора» и т.п. Однако в партийном руководстве укреплялся взгляд на профсоюзы, комсомол, общественные организации как инструмент по выполнению заданий партийно-государственного управленческого аппарата. На практике наблюдалось все более частое копирование комсомолом партийных форм и методов работы. Тревога и обеспокоенность этим явлением звучала в выступлениях некоторых партийных и комсомольских работников. Секретарь Петрозаводского горкома партии Я. С. Крючков на пленуме областной партийной организации, рассмотревшем в июле 1960 г. вопрос об усилении партийного руководства комсомолом, подчеркнул: «Многие партийные организации не руководят, а допускают мелочную опеку комсомольских организаций». Мастер Матросского лесопункта П. С. Гаврилов, выступая на пленуме, признал: «Наши комсомольские организации... больше обсуждают на своих собраниях вопросы производственного характера и мало обращают внимания на вопросы учебы, физкультуры, оборонной работы, проведения культурно-массовых мероприятий и в целом отдыха комсомольцев и молодежи»³³. Неприятие у молодежи вызывала погоня за количеством и стремление охватить всю молодежь членством в комсомоле, формализм и заорганизованность многих мероприятий.

Общественная активность в годы «оттепели» проявлялась в разных областях. К примеру, 26 октября 1960 г. в Петрозаводске состоялась конференция женщин, на которой присутствовало около 800 чел. Участники конференции обратились к женщинам города с призывом активно участвовать в хозяйственной и общественно-политической жизни, вести борьбу с туеядцами, лодырями, включиться в поход за здоровый быт, укрепление семьи³⁴. В конце 1950-х гг. прошли съезды учителей, работников культуры, инженеров и техников республики.

Оживление политической жизни в стране нашло выражение и в повышении роли печати, появлении целого ряда новых изданий: журналов «Советы депутатов трудящихся», «Советская молодежь», «Комсомольская жизнь» и др. В середине 1957 г. в республике издавались 32 газеты и журнала, разовый тираж которых составлял более 160 тыс. экземпляров³⁵. В 1959 г. начал работу коллектив Петрозаводской телестудии. Таким образом, значительно расширились возможности средств массовой информации в освещении политической жизни страны и республики, в идеологическом воздействии на массовую аудиторию.

Периодическая печать являлась одним из важных каналов взаимодействия власти и общества. Граждане нередко обращались с письмами в редакции газет, выявляя недостатки в различных областях общественной жизни. Обращения насе-

ления к властным структурам затрагивали многие стороны жизни общества: условия быта, снабжения продовольственными и промышленными товарами, зарплаты, привилегий аппарата, бюрократизма, волокиты и других явлений, характеризовавших в глазах людей негативный облик власти.

Письма и жалобы населения служили для власти важным источником информации о настроениях в обществе. Значительная их часть поступала в органы власти, партийные и общественные организации. Регулярно осуществляемые проверки по рассмотрению заявлений населения показывали, что в этой области имелись существенные проблемы. Так, в докладной записке Председателя Президиума Верховного Совета КАССР в Карельский обком КПСС о выполнении постановления ЦК КПСС от 2 августа 1958 г. «О серьезных недостатках в рассмотрении писем, жалоб и заявлений трудящихся» отмечалось, что за 8 месяцев 1959 г. в 124 проверенные организации, в том числе исполкомы местных и районных советов, учреждения суда и прокуратуры, предприятия и организации, поступило 18 690 писем, жалоб и заявлений. Наибольшее их число – по вопросам трудового и жилищного законодательства, пенсионного обеспечения, устройства детей в детские учреждения, медицинского и бытового обслуживания. Несвоевременное и поверхностное рассмотрение жалоб и заявлений на местах вынудило многих граждан обращаться в вышестоящие партийные и правительственные органы. За 8 месяцев 1959 г. в приемную Председателя Президиума Верховного Совета КАССР поступило 980 жалоб и заявлений и в приемную Председателя Совета Министров КАССР 1500 жалоб и заявлений, которые должны были решаться на местах³⁶.

Фактический отказ от политических репрессий выдвинул на первое место задачи усиления идеологической работы партии. После выхода в свет постановления ЦК КПСС от 9 января 1960 г. «О задачах партийной пропаганды в современных условиях» сеть политического просвещения в республике возросла почти в 2 раза. Дополнительно было создано более одной тысячи кружков, школ и семинаров с числом слушателей более 22 тыс. чел., из них более половины беспартийных. Политическую работу в республике вели более 16 тыс. агитаторов³⁷. В большинстве коллективов еженедельно проводились политинформации, освещающие внутреннюю и внешнюю политику СССР. Все эти формы пропаганды призваны были обеспечить унификацию общественной жизни.

С повестки дня не снимались вопросы повышения политической бдительности. В 1958 г. на бюро Петрозаводского горкома партии был рассмотрен вопрос о выпуске группой комсомольцев геологического факультета Петрозаводского государственного университета двух номеров рукописного журнала «Циник». Материалы журнала были расценены как «пошлые и злопыха-

тельские, уродливо показывающие жизнь и быт студенчества, способствующие проникновению буржуазного влияния в студенческую среду»³⁸.

В постановлении бюро обкома КПСС от 2 августа 1960 г. отмечались случаи засылки антисоветской литературы в республику и активизация деятельности зарубежных радиоцентров. Постановление бюро ОК КПСС от 25 августа 1960 г. «О мерах активного противодействия враждебной радиопропаганде» предусматривало ряд мер по улучшению работы Комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров Карелии³⁹.

Комитет государственной безопасности республики стал шире применять предупредительные и воспитательные меры в отношении граждан, совершавших «политически неправильные поступки... в силу своего низкого политического развития и недопонимания политики советского государства». Только в 1961 г. по этим мотивам было профилактровано 47 жителей республики. Многие из этих мероприятий проводились при активном участии общественности⁴⁰.

Важной приметой «оттепели» стало широкое общественное обсуждение наиболее острых политических вопросов. В ходе подготовки к XXII съезду КПСС на партийных собраниях в первичных партийных организациях и собраниях рабочих присутствовало свыше 156 тыс. чел. В редакции республиканских газет поступило более одной тысячи писем, в адрес обкома КПСС, Совета Министров, Совета народного хозяйства, министерств и ведомств было высказано более 280 критических замечаний и предложений⁴¹. При обсуждении проекта Программы и Устава партии коммунистами вносились предложения о строгом пресечении фактов преследования за критику (редакция газеты «Советская Карелия»), введении в учебные планы средних и высших учебных заведений курса этики и морали (Государственный музей), говорилось о необходимости регулярных отчетов секретарей горкомов, райкомов партии и первичных партийных организаций о своей деятельности перед партийными организациями и собраниями (Гидрометобсерватория) и др.⁴²

Во многих выступлениях коммунистов звучала тревога по поводу качественного состава партии, вносились требования исключать из партии за пьянство, хулиганство, стяжательство, частнособственническую психологию. Коммунисты Беломорского лесозавода внесли предложение о необходимости рекомендации трудового коллектива для вступления в партию. Немало высказываний касались гарантий от рецидива культа личности, которые виделись в ограничении сроков пребывания на руководящих партийных и государственных постах, строгом соблюдении принципов социальной справедливости.

XXII съезд партии (октябрь 1961 г.), принявший третью Программу КПСС, поставил перед трудящимися, казалось бы, величественные, хотя и нереальные задачи. «Развернутое строительство

коммунизма» объявлялось высшей целью КПСС, что смещало акцент с реальных общественных процессов в сторону абстрактных социально-политических конструкций. По привычной схеме после съезда началось обсуждение и одобрение партийных документов в трудовых коллективах. В разъяснении и пропаганде Программы и Устава партии участвовало более 22 тыс. пропагандистов, лекторов и агитаторов. Свыше 80 тыс. чел. изучали документы съезда в системе партийного просвещения⁴³. За 1960–61 гг. количество читателей в библиотеках республики увеличилось более чем на 50 тыс. человек, достигнув 275 тыс.⁴⁴

После XXII съезда КПСС усилилось партийное влияние на советы, профсоюзы, комсомол. Одним из важнейших факторов этого влияния был подбор и расстановка кадров. В 1964 г. в депутатском корпусе республики коммунисты составили 44%, в областном совете и областных комитетах профсоюзов – 57%, а среди председателей первичных профсоюзных организаций – 36%⁴⁵.

Выдвинутые в Программе партии задачи коммунистического строительства, постепенного перехода к общественному самоуправлению, несмотря на теоретическую несостоятельность, вызвали энтузиазм населения, различные трудовые подвиги. Общественный подъем стимулировали и такие важные события конца 1950 – начала 1960-х гг., как запуск первого в мире искусственного спутника Земли, полет в космос 12 апреля 1961 г. первого в мире космического корабля-спутника «Восток» с пилотом-космонавтом Ю. А. Гагариним.

В стране набирала силу новая общественная инициатива – движение за коммунистическое отношение к труду. Это движение не соответствовало реалиям и возможностям того времени. К тому же погоня за ростом числа участников движения привела к обесценению звания ударника коммунистического труда. В 1961 г. в движении участвовало 3,7% от числа работавших в республике, а в 1965 г. – уже 31%⁴⁶. Не удивительно, что вскоре движение свернуло в традиционное русло формализма и сошло на нет.

Одной из наиболее ощутимых перемен в общественной жизни периода «оттепели» стало широкое внедрение общественных начал в деятельность партийных, советских, профсоюзных и других организаций, возникновение и деятельность многочисленных форм общественного самоуправления в области культуры, народного образования, здравоохранения, торговли, социального обеспечения и др. В 1964 г. в республике действовало более 11,5 тыс. различных общественных организаций, в которых участвовало около 119 тыс. чел.⁴⁷ На предприятиях, стройках, в совхозах, учреждениях республики работали 766 групп содействия и 1287 цеховых групп и постов содействия партийно-государственному контролю, в составе которых насчитывалось 10 200 чел.⁴⁸ Деятельность общественных объ-

единений граждан отражала тенденцию формирования гражданского общества. Многие из них приносили реальную пользу (домовые и родительские комитеты, товарищеские суды, народные дружины), в то же время нередко общественные формирования дублировали работу штатных органов, злоупотребляли активностью людей. Власть законодательными и другими мерами стремилась поставить общественную самодеятельность под контроль и направить ее в строго определенное русло.

Отсутствие реальных прав и материально-финансовой базы у общественных организаций, призванных приблизить власть к народу, нередко порождало формально-бюрократическое отношение к их предложениям и рекомендациям, что вызывало у людей горькое разочарование в их деятельности. В письме председателя Матросского поселкового комитета Н. М. Сергеева секретарю Президиума Верховного Совета КАССР А. Богданову говорилось: «Андрей Дементьевич! Вы были инициатором создания в Карелии сельских и поселковых комитетов на общественных началах, Вы верили в силу общественности, а мы гордились этим доверием и старались делать все, что в наших силах, решая вопросы местного значения... Но в осуществлении ряда нужных вопросов мы находимся в зависимости от местных начальников и руководителей предприятий, которые хотят – сделают, а не захотят, то даже в малозначительных вопросах не окажут помощи»⁴⁹.

Меры по либерализации общественной жизни осуществлялись противоречиво и непоследовательно, сохранялся идеологический контроль над жизнью общества. Массовое недовольство граждан вызывала ощутимая социальная несправедливость, особые привилегии, которые имели работники партийного и государственного аппарата. Растущее недовольство усугублялось дефицитом продуктов питания и промышленных товаров в государственной торговле. Все это вызывало разочарование людей в надеждах на обновление общественной жизни. Характерным в этом плане является анонимное письмо члена партии с 1931 г. в редакцию газеты «Правда». В нем говорилось: «Мы ведь еще к коммунизму не пришли и вряд ли сам Хрущев до него доживет. Сколько можно помогать государству? В годы войны люди сдали заем, сдали, слова не сказали. Теперь же в течение 12 лет вновь по-честному отдавали государству свои трудовые денежки. Скажу о себе: я займа имею в три раза больше, чем на сегодня всего имущества, подсчитывая книги и ту одежду, что я ношу ежедневно...». В связи с этим автор внес ряд предложений: установить определенный максимум зарплаты руководящим должностным лицам, строгий контроль за использованием финансов, прекратить оказание помощи другим государствам и т. д. В конце письма выражалась озабоченность тем, что государственная политика ведет к росту недовольства среди трудящихся:

«Люди на собраниях не выступают, а в душе остаются врагом нашего правительства – растут внутренние враги...»⁵⁰.

Потеря доверия к местной власти побуждала людей обращаться в высшие инстанции. Так, фотокорреспондент газеты «Коммунист Прионежья» А. И. Шурупов в письме на имя Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева в 1965 г. отмечал, что «в нашей стране после смерти Сталина ничего не сделано по восстановлению ленинских норм партийной жизни». В письме, проникнутом беспокойством за ведение хозяйства в республике подчеркивалось: «Веди хозяйство разумно, без хрущевских нововведений и при соответствующей технике и кадрах, Карелия могла бы стать производящей в избытке сельскохозяйственную продукцию». Письмо журналиста было расценено руководящими партийными органами республики как клевета на партию⁵¹.

Недовольство рабочих республики недостатками в организации, нормировании и оплате труда привели в 1964 г. к фактам группового отказа от работы на ряде предприятий⁵².

Неудовлетворенность населения частичными мерами по оздоровлению общественной жизни выражалась косвенно и в увеличении потребления спиртных напитков. Абсолютное потребление водки в республике возросло с 655 тыс. декалитров в 1956 г. до 740 тыс. в 1961 г., т.е. с 10,5 до 11,2 л в расчете на душу населения. С 1963 по 1967 г. в расчете на душу населения продажа алкогольных изделий увеличилась с 86 руб. до 113 руб., или на 31%⁵³.

Таким образом, шаги по либерализации общественной жизни в стране, предпринятые в годы «оттепели», вызвали готовность людей к диалогу с властью, рост политической и социальной активности. Общественная деятельность проявлялась в разных областях: широком обсуждении наиболее острых политических вопросов, возникновении и деятельности многочисленных форм общественного самоуправления, новых трудовых починках. Однако сохранялся жесткий идеологический контроль над жизнью общества, стремление власти ввести общественную инициативу в строго определенное русло. Отсутствие реальных прав и материально-финансовой базы у общественных организаций, призванных приблизить власть к народу, вызывало разочарование в их деятельности. К середине 1960-х гг. происходят заметные изменения в общественном сознании людей, выразившиеся в снижении доверия к власти, о чем свидетельствовали многочисленные письма, жалобы и заявления граждан во властные структуры, общественные организации, редакции газет.

Примечания

¹ Пихоя Р. Г. Советский Союз : история власти. 1945–1991. М. : Издательство РАГС, 1998. 735 с.

- 2 См.: Сивохина Т. А., Зезина М. Р. Апогей режима личной власти. «Оттепель». Поворот к неосталинизму: Общественно-политическая жизнь в СССР в середине 40-х – 60-е годы. М.: Издательство Московского университета, 1993. 26 с.
- 3 См.: Галас М. Л. Подготовка к либерализации политического (государственного) режима СССР во второй половине 1950-х – 1964 гг. (по документам РГАСПИ) // Вопросы истории. 2020. № 10–2. С. 61–74. <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202010Statyi26>
- 4 См.: Волков А. П. Общественно-политические процессы конца 50-х – начала 60-х гг. XX века: некоторые аспекты // Симбирский научный вестник. 2013. № 1(11). С. 22–29.
- 5 См.: Аксютин Ю. В., Волобуев О. В. XX съезд КПСС: новации и догмы. М.: Политиздат, 1991. 224 с.
- 6 См.: Зубкова Е. Ю. Общество и реформы 1945–1964. М.: Издательский центр «Россия молодая», 1993. 200 с.
- 7 См.: Пыжиков А. В. Хрущевская «оттепель»: 1953–1964. М.: Олма-Пресс, 2002. 511 с.
- 8 См.: Аксютин Ю. В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М.: РОССПЭН, 2004. 488 с.
- 9 См.: Мамяченков В. Н. Идеологический контроль за настроениями граждан СССР в 1953 — начале 1960-х гг. (на материалах Свердловской области) // Научный диалог. 2016. № 5 (53). С. 156–174.
- 10 См.: Алексеева Л. М. История инакомыслия в СССР. Новейший период. Вильнюс; М.: Вестъ, 1992. 352 с.
- 11 См.: Козлов В. А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе (1953 – начало 1980-х гг.). Изд. 3-е, испр. и доп. М.: РОССПЭН, 2010. 462 с.
- 12 См.: Шубин А. В. Диссиденты, неформалы и свобода в СССР. М.: Вече, 2008. 400 с.
- 13 Бурлацкий Ф. После Сталина. Заметки о политической оттепели // Новый мир. 1988. № 10. С. 153.
- 14 Степанова А. С. Помни корни свои. Воспоминания о Шомбозере и история моего рода. Петрозаводск: Периодика, 2017. С. 144.
- 15 Карельский государственный архив новейшей истории (КГАНИ, в настоящее время – в составе НА РК). Ф. 8 (Центральный комитет Компартии Карело-Финской ССР). Оп. 93. Д. 10. Л. 141.
- 16 См.: Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. П-3 (Карельский областной комитет КПСС). Оп. 65. Д. 24. Л. 12.
- 17 Там же. Ф. П-8 (Центральный комитет Компартии Карело-Финской ССР). Оп. 1. Д. 6021. Л. 34–36, 41.
- 18 Советы Карелии, 1917–1992: Документы и материалы / под ред. Л. И. Вавулинской. Петрозаводск: Карелия, 1993. С. 294–295.
- 19 Неизвестная Карелия: Документы спецорганов о жизни республики, 1941–1956 гг. / под ред. В. Г. Макурова. Петрозаводск: СДВ-Оптима, 1999. С. 245–252.
- 20 См.: КГАНИ. Ф. 8. Оп. 101. Д. 55-а. Л. 1–2.
- 21 См.: История Карелии с древнейших времен до наших дней / под ред. Н. А. Кораблева, В. Г. Макурова, Ю. А. Саватеева, М. И. Шумилова. Петрозаводск: Периодика, 2001. С. 673.
- 22 Неизвестная Карелия. С. 267.
- 23 Там же. С. 262–266.
- 24 См.: НА РК. Ф. Р-1394 (Совет Народных Комиссаров Карело-Финской ССР). Оп. 6. Д. 2528. Л. 89–91.
- 25 Там же. Оп. 7. Д. 637. Л. 78.
- 26 См.: История Петрозаводска: власть и горожане / под ред. А. Ю. Жукова, А. И. Бутвило. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2008. С. 247.
- 27 НА РК. Ф. П-3. Оп. 7. Д. 20. Л. 32–33.
- 28 См.: Карельская организация КПСС в цифрах. 1921–1984 / под ред. Е. М. Морозова и др. Петрозаводск: Карелия, 1985. С. 42.
- 29 См.: НА РК. Ф. П-3. Оп. 11. Д. 32. Л. 17.
- 30 Там же. Оп. 10. Д. 28. Л. 7.
- 31 Там же. Оп. 11. Д. 40. Л. 58.
- 32 Там же. Л. 64.
- 33 Там же. Д. 16. Л. 89, 106.
- 34 Там же. Ф. П-1230 (Петрозаводский горком КПСС). Оп. 76. Д. 26-а. Л. 9.
- 35 См.: История Карелии с древнейших времен... С. 675.
- 36 См.: Советы Карелии... С. 318–319.
- 37 См.: НА РК. Ф. П-3 Оп. 11. Д. 62. Л. 14, 17.
- 38 Там же. Ф. П-1230. Оп. 73. Д. 20. Л. 18–20.
- 39 Там же. Д. 42. Л. 19–20; Д. 45. Л. 39.
- 40 Там же. Оп. 13. Д. 2. Л. 95.
- 41 Там же. Ф. П-3. Оп. 72. Д. 4. Л. 154.
- 42 Там же. Оп. 12. Д. 99. Л. 13–15, 69.
- 43 Там же. Оп. 13. Д. 2. Л. 5.
- 44 Там же. Л. 81.
- 45 Там же. Оп. 15. Д. 5. Л. 26.
- 46 Там же. Ф. Р-480 (Карельский областной совет профессиональных союзов). Оп. 10. Д. 142. Л. 1; Д. 396. Л. 3.
- 47 Там же. Ф. П-3. Оп. 15. Д. 5. Л. 26.
- 48 См.: КГАНИ. Ф. 8. Оп. 15. Д. 132. Л. 23.
- 49 Советы Карелии... С. 343.
- 50 НА РК. Ф. П-3. Оп. 8. Д. 110. Л. 35–36.
- 51 Там же. Оп. 15. Д. 5. Л. 62; Оп. 16. Д. 87. Л. 163.
- 52 Там же. Оп. 15. Д. 82. Л. 24–29.
- 53 Там же. Оп. 13. Д. 2. Л. 56; Оп. 19. Д. 131. Л. 39.

Поступила в редакцию 08.04.2021, после рецензирования 12.05.2021, принята к публикации 30.06.2021
Received 08.04.2021, revised 12.05.2021, accepted 30.06.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 541–548
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 541–548
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-4-541-548>

Научная статья
УДК 94(470.62+477.75)

Национальный состав Саратовской области в начале XXI века: этапы складывания и перспективы

А. П. Мякшев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Мякшев Анатолий Павлович, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и историографии, myakshev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2997-2618>

Аннотация. В статье анализируются основные этапы эволюции национальной структуры региона с момента основания г. Саратова до ее радикальной трансформации в начале третьего тысячелетия. Рассматривается проблема «новых» этносов в современном развитии регионального многонационального сообщества. На примере становления системы этноконфессионального сотрудничества в Саратовском крае определяются закономерности и отличительные особенности российского «имперства».

Ключевые слова: этноконфессиональное взаимодействие, национальная структура, этнос, регион, империя, межнациональные отношения

Для цитирования: Мякшев А. П. Национальный состав Саратовской области в начале XXI века: этапы складывания и перспективы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 541–548. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-4-541-548>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The national composition of the Saratov region at the beginning of the XXI century: The stages of folding and prospects

A. P. Myakshev

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Anatoly P. Myakshev, myakshev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2997-2618>

Abstract. The article analyzes the main stages of the national structure's evolution of the region at the beginning of the foundation of Saratov to its radical transformation at the beginning of the third millennium. The problem of «new» ethnic groups in the modern development of a regional multinational community is considered. On the example of the system's formation of ethno-confessional cooperation in the Saratov Region, the regularities and distinctive features of the Russian «imperialism» are determined.

Keywords: ethno-confessional interaction, national structure, ethnos, region, empire, interethnic relations

For citation: Myakshev A. P. The national composition of the Saratov region at the beginning of the XXI century: The stages of folding and prospects. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 541–548 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-4-541-548>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В эволюции национальной структуры Саратовского края с момента вхождения его территории в состав Московского государства можно выделить четыре основных этапа. Начальная грань первого этапа совпадает с началом формирования на громадных евразийских просторах новой империи, точнее – превращения русской Московии в огромную полиэтническую и многоконфессиональную государственно-политическую историческую общность. Территория, на которую простиралась сфера влияния кочевников

Большой Ногайской орды, куда сезонно прибывали тысячи русских для ловли рыбы и где промышляли волжские казаки, от украинной Рязанской земли отделяло так называемое «Дикое поле», на освоение которого московскими правителями будет потрачено немало усилий и не менее столетия времени. Только укрепив волжские рубежи оборонительными линиями и крепостями в 1580–1680-х гг., правительство сделало возможным поселение на этих землях служилых людей: русских, мордвы, татар, чувашей. Сюда

же устремились и беглые: холопы и крестьяне из центральных российских районов, бежавшие от произвола помещиков, татары и мордва – от принуждения к крещению, старообрядцы – от гонений царской администрации.

Конечная грань первого этапа эволюции национальной структуры Саратовского края может быть отнесена к началу 1760-х гг., когда завершилась в основном массовая дворянская и монастырская колонизация Правобережья, а правительственная колонизация достигла своего апогея. После того как в 1734 г. на Волгу было переселено свыше тысячи семей донских казаков, в крае было образовано Волжское казачье войско, правда, просуществовавшее лишь 40 лет. Тогда же в северной части края образовался обширный ареал расселения татар, мордвы и чувашей, записанных, в конце концов, поголовно в разряд казенных крестьян. Территория Заволжья практически весь период оставалась во владении кочевников, среди которых стали выделяться калмыки. В завершение данного периода территория Саратовского края превратилась в своеобразный «перекресток», где встретились три мировые религии: христианство, ислам и буддизм.

Начало второго периода связано с правительственными указами 1760-х гг. Указ 1763 г., дававший льготы солевозчикам, усилил приток украинского населения. Украинцы-чумаки, с 1747 г. привлеченные хорошими заработками при перевозке соли с Эльтона, активно обживали южную и юго-восточную части Саратовского края. Манифест декабря 1762 г. и два указа 1763 г. создавали законодательную основу приглашения иностранцев на постоянное жительство в Российскую империю. Уже с осени 1764 г. в Саратов стали прибывать первые переселенцы из Западной Европы, а через 4 года на Волге уже было основано 106 колоний, в которых обосновались представители различных этносов и религий (католики, лютеране, реформаторы). К 1773 г. численность колонистов достигла почти 31 тыс. чел. крайне разнородной профессиональной, этнической и религиозной принадлежности. На Волге появились лютеране, католики и представители различных реформаторских религиозных учений. Чуть более половины переселенцев были крестьянами, остальные представляли, по подсчетам И. Р. Плева, около 150 профессий, в том числе и музыканты, художники, даже химик¹. Большинство переселенцев были выходцами из различных германских земель, много было швейцарцев, французов, голландцев, поляков, шведов. Приезжали на Волгу из Пруссии и Саксонии, Лотарингии и Эльзаса, Австрии и Швабии, Дании и Вестфалии, Баварии и Люксембурга, Вюртемберга и Бранденбурга, Дармштадта и Пфальца, Изенбурга и Гессена и т.д. Западноевропейский «анклав» быстро распространялся по территории Саратовского края и столь же быстро увеличивалась его численность.

Отличительной чертой второго этапа коло-

низации региона стало образование одной из наиболее крупных административных единиц Европейской России – Саратовской губернии в 1797 г. (до этого в течение 16 лет – наместничество) в составе 9 уездов, повлекшее, в свою очередь, присоединение некоторых территорий Тамбовской и Астраханской губерний, в том числе и г. Царицына. Была сформирована современная сеть городских поселений в Правобережье края, а наиболее интенсивно заселяемой частью стало Заволжье, где в начале XIX в. было всего лишь 114 селений. Правда, именно наиболее динамично заселявшиеся заволжские территории Николаевского и Новоузенского уездов по указу 6 декабря 1850 г. были переданы во вновь образованную Самарскую губернию, а третий левобережный уезд, Царевский, перешел к Астраханской губернии.

Главной же особенностью данного периода стало окончательное формирование современной национальной структуры. В 1846 г. из учтенного податного населения в количестве 1730477 чел. 74,7% (1292636 чел.) составляли русские. Великорусское население переселялось в край (в 1835–1850 гг. 21,41% общего числа переселенцев в России приходилось как раз на Саратовскую губернию) из Владимирской, Калужской, Тульской, Тверской, Московской, Тамбовской, Воронежской, Орловской, Курской, Пензенской, Рязанской, Симбирской, Нижегородской губерний. По результатам переписи 1897 г. доля русского населения выросла еще на 2% и составила 76,8%. Второй по численности национальной группой губернии, компактно проживавшей в Царицынском (Сарепта), Камышинском, Аткарском, Саратовском, Николаевском и Новоузенском уездах, стали колонисты, выходцы из стран Западной Европы, оформившиеся в особую этническую группу под этнонимом «поволжские немцы». Поволжских немцев насчитывалось 147804 чел. (8,5%) в 1846 г., по данным переписи 1897 г. их доля сократилась (в связи с территориально-административным реформированием) до 6,9%².

К середине XIX в. на третьем месте по численности находились украинцы – 114594 чел. (6,6%), в основном переселившиеся из губерний Левобережной Украины – Полтавской, Черниговской, Харьковской. Перепись 1897 г. подтвердила прежнее место украинцев в национальной структуре губернии, преимущественно расселившихся в центральных и южных уездах края и составивших 6,2% его населения. Четвертым этносом губернии была мордва, насчитывавшаяся в 1846 г. 101915 чел. За период до переписи населения 1897 г. доля мордвы изменилась мало – с 5,9 до 5,2%. Пятерку этносов губернии замыкали располагавшиеся, как и мордва, в северной части Саратовского края татары, составлявшие в 1846 г. 3,5% (61330 чел.), и увеличившие свою долю в 1897 г. до 3,9%. Отчет саратовского губернатора А. С. Фадеева 1846 года фиксировал представи-

тельство в крае еще одного поволжского народа – чувашей в количестве 8502 чел. (0,5%)³.

Сведения А. С. Фадеева касались также небольших этнических групп, проживавших в крае: мещеряков, крещеных калмыков, ногайцев, хивинцев, цыган, составлявших в совокупности не более 0,3% податного населения и расселившихся дисперсно, а также 650 башкир, обитавших в Новоузенском уезде, числившихся в составе Уральского казачьего войска. Тогда же на юге Заволжской части губернии, в степях Новоузенского и Царевского уездов, появились казахи Внутренней Букевской орды. Чувашаи, башкиры, калмыки и другие немногочисленные национальные группы по переписи 1897 г. составляли в совокупности всего 1% населения⁴.

Пестроту, сложность и многообразие национальной структуре края придавал своеобразный этноконфессиональный состав губернского центра г. Саратов. Уже по данным 1811 г., Саратов по количеству жителей наряду с такими городскими центрами как Вильно, Казань, Тула, Астрахань, Рига, входил в шестерку наиболее крупных провинциальных городов империи⁵. По данным 1870 г. Саратов с его 85220 жителями вошел в десятку крупнейших городов, незначительно (всего на тысячу человек) уступая в Поволжье лишь Казани⁶. К 1885 г. число жителей Саратова достигло 117648 чел., а за последующие 25 лет увеличилось еще на 96850 чел. Русские составляли в городе этническое большинство: в 1897 г. их насчитывалось 121720 чел. (88,8%), к 1910 г. численность русских достигла 197910 чел. (92,3%). Поволжские немцы, после того как саратовская Немецкая слобода «превратилась» в Немецкую улицу, разместившиеся в самом центре города и пополнившие свой состав за счет пленных баварцев и ганноверцев, наряду с французами, появившимися в Саратове после Отечественной войны 1812 г., вплоть до экономического кризиса 1900–1903 гг. по праву считались вторым этносом губернского центра. В 1897 г. немцев в городе насчитывалось 8367 чел. (6,1%). Правда, экономические неурядицы начала XX в. заставили часть горожан немецкой национальности переехать в деревню, часть – эмигрировать в Америку⁷.

Третьим и четвертым этносами города Саратов в конце XIX в. являлись поляки, резко увеличившие свое представительство после польского восстания 1863 г. и достигшие к 1897 г. численности 1728 чел. (1,3%), и татары – 1711 чел. (1,2%). Польская и татарская общины, проживавшие в городе компактно (татарская, к примеру, – в районе бывшей саратовской татарской слободы, крупнейшего в городе Верхнего базара, и на склонах Глебучева оврага), значительно нарастят свою численность и долю в составе населения к 1910 г. и составят: поляки – 5661 чел. (2,7%); татары – 4600 чел. (2,1%)⁸. Украинцев в Саратове было немного: перепись 1897 г. зафиксировала всего 1159 малороссов. Украинцы предпочитали

селиться в сельской местности, а также в Покровской слободе, откуда приезжали в губернский центр работать.

Существенным отличием национальной структуры Саратова и Саратовской губернии в конце XIX в. является довольно значительная доля в составе городского населения представителей еврейского этноса (в 1897 г. евреев в Саратове насчитывалось 1293 чел. – 0,9%). Несмотря на существование пресловутой «черты оседлости», в царствование Александра II целый ряд профессиональных групп еврейского этноса (купцы первой гильдии, выпускники высших учебных заведений, ремесленники, отставные солдаты) получил право селиться «повсеместно». В Саратове действовала синагога, вокруг нее – от Цыганской улицы до Староострожной – как раз и проживали евреи. Еще одной особенностью национальной структуры Саратова было незначительное представительство коренных народов Поволжья. Лишь мордва составляла 0,3%; чувашей, калмыков, казахов, башкир, марийцев, вотяков было еще меньше. Конфессиональный состав населения Саратова, по данным переписи 1897 г., был представлен преимущественно православными (89,8%). Протестанты составляли 5,34% населения города; католики – 2,39%; мусульмане – 1,27%; иудеи – 1,06%⁹.

Выделяемый в качестве третьего этапа эволюции этноконфессионального состава Саратовского края XX в., несмотря на грандиозность и масштабность социальных потрясений и катаклизмов, сопровождавших его историю, кардинальных изменений в национальную структуру края не внес. Радикальным изменениям подвергся лишь немецкий «компонент» данной структуры. В рамках реализации «советского проекта» наделения бывших этносов Российской империи своей собственной государственностью на территории Саратовской губернии была создана АССР Немцев Поволжья, просуществовавшая до 28 августа 1941 г. В тяжелейших и сложнейших условиях Великой Отечественной войны поволжских немцев постигла трагедия депортации. Попытка восстановить немецкую автономию и вернуть советских немцев на Волгу, предпринятая высшим советским руководством в 1980-е гг., потерпела неудачу в начале 1990-х гг.

Зато успешно реализовывался проект создания в рамках Советского Союза «новой исторической общности людей – советского народа». Благодаря реализации соответствующей национальной политики произошла интернационализация общественной жизни, в каждом из регионов СССР были созданы многоэтнические и, несмотря на официальную антирелигиозную идеологию и политику, поликонфессиональные сообщества. В Саратовской области согласно данным последней Всесоюзной переписи населения проживало 111 этносов. Русские по-прежнему численно преобладали в составе населения края:

из 2684471 чел., проживавшего в Саратовской области и зафиксированного переписью 1989 г., к русскому этносу причислили себя 2298992 чел. (85,64%). Доля украинцев составила 3,79%; казахов – 2,74%; татар – 1,97%. В первую по численности «десятку» народов региона вошли коренные поволжские этносы (мордва – 0,87%; чуваш – 0,77%), белорусы (0,66%) и немцы (0,64%), а также азербайджанцы (0,40%) и евреи (0,30%)¹⁰.

Первые два десятилетия XXI в. знаменуют собой начало четвертого этапа развития национальной структуры Саратовской области, по радикализму и темпам трансформации превосходящего все предшествующие три периода эволюции этноконфессионального состава края. После распада СССР Российскую Федерацию и ее регионы, в частности Саратовскую область, постигла «этническая катастрофа»¹¹ русских. Темпы сокращения численности русских в России (с 2002 г. по 2010 г. сокращение составило более 4 млн 870 тыс. чел.) наблюдались и в Саратовской области (если в 1989–2002 гг. на 5 833 чел., с 2 298 992 до 2 293 129 чел., то за 8 межпереписных лет с 2002 г. до 2010 г. на – 141914 чел., до 2 151 215 чел.)¹² при учете их миграции из стран ближнего зарубежья в регион, естественной ассимиляции украинцев и белорусов на территории Саратовского Поволжья свидетельствуют об углубляющемся процессе этнической деградации русского народа.

Наиболее показательна в этом отношении динамика изменения национального состава сельских районов Саратовской области. Русские по переписи 2010 г. численно преобладали в 37 сельских районах области из 38. Однако районов, где доля русских превышала 90%, оказалось всего 6: Турковский (95,9%), Романовский (95,6%), Аркадакский (94,7%), Ртищевский (91,5%) Балашовский (93,3%) районы – на правой стороне Волги, Духовницкий (93,0%) – на Левобережье. Лишь в 10 муниципальных районах доля русских по переписи 2010 г. оказалась выше среднего показателя по Саратовской области. Русские составляли 87,6% в составе населения благодаря преобладанию в областном центре (в Саратове перепись 2010 г. зафиксировала 91,6% русского населения) и крупных городах области. Доля русского населения в 8 левобережных районах по переписи 2010 г. оказалась значительно ниже, нежели в среднем по региону: если в Перелобском (68,3%), Ершовском (68,3%) и Питерском (68,2%) районах разница составила почти 20%, а Озинском (66,0%), Краснокутском (63,4%) и Ровенском (58,7%) – от 21,6 до 28,9%, то в Новоузенском (53,5%) и Дергачевском (52,3%) превысила 35% и составила чуть больше половины всего населения районов. В Александрово-Гайском районе доля русских по переписи 2010 г. составила 39,9%¹³.

Процесс «оскудения» русского этноса имеет явную тенденцию к ускорению. В ходе полевых экспедиций по районам Саратовской области в

сентябре 2020 г. предположительно обнаружился еще один сельский муниципальный район без численного преобладания русских: по данным районной администрации, в Дергачевском районе доля русских составила 49,9%¹⁴. Наряду со стремительно развивающимся процессом сокращения населения региона (по данным Росстата на 1 января 2020 г., Саратовская область оказалась лидером по убыли населения в российских регионах¹⁵), процесс убывания русских в крае вызывает особую тревогу. Представляется, что основной причиной казахско-курдского конфликта, произошедшего в октябре 2020 г. в с. Тимонино Дергачевского района, явилась как раз потеря русскими численного преобладания в национальном составе района и практически незначительное присутствие в очаге конфликта – Тимонино. Утрата этнического преобладания послужила причиной потери роли «этнического арбитра» в межнациональных противоречиях, которая традиционно принадлежала русским.

На второе место в национальной структуре Саратовской области (это место зафиксировала уже перепись 2002 г.) выдвинулись казахи – 76007 чел. (3,01%). Несмотря на то, что по абсолютным показателям численность саратовских казахов в 2010 г. увеличилась, по сравнению с 1989 г., на 2579 чел., но сократилась на 2313 чел., по сравнению с 2002 г., их доля выросла, по сравнению с 1989 г., на 0,35%, с 2002 – на 0,14%. Казахи в общероссийской национальной структуре по переписи 2010 г. замыкают первую десятку, в приграничном с Казахстаном российском регионе казахи стали первым по численности народом в Александрово-Гайском районе – 54,1%, и вторым по численности народом – в 17 районах, причем вторыми по численности народом казахи стали в левобережных районах, за исключением одного – Духовницкого¹⁶.

По итогам переписи 2002 г. казахи в Саратовской области отодвинули со второго места украинцев, доля которых за период 2002–2010 гг. сократилась с 2,53% до 1,66% (на 22315 чел.). По итогам переписи 2010 г. украинцы уступили татарам третье место и стали четвертым этносом региона. Сокращение числа представителей данного этноса (со 101832 чел. в 1989 г. до 67257 в 2002 г. и до 41942 в 2010 г., т.е. на 59881 чел.) легко объяснить естественной ассимиляцией его с русскими, однако перспективы данного процесса красноречиво свидетельствуют о набирающей силу тенденции исчезновения уникального этноса в Саратовском Поволжье в недалеком будущем. В 6 сельских районах украинцы стали вторым по численности этносом после русских, больше всего украинцев остается в правобережных Самойловском (8,6%) и Калининском (6,4%) районах¹⁷.

Удельный вес татар, несмотря на сокращение, по сравнению с 2002 г., на 0,02%, по итогам переписи 2010 г. составляет 2,10% – 52884 чел. Это третий показатель среди этносов Саратовской об-

ласти. В целом приведенные цифры соответствуют общероссийским показателям: в процентном отношении татары в Российской Федерации – вторые, украинцы – третьи. Татары в Саратовской области являются вторым этносом в областном центре (1,8%), в пяти правобережных районах (Петровском – 8,8%; Базарно-Карабулакском – 8,2%; Хвалынском – 5,8%; Новобураском – 3,9%; Воскресенском – 2,5%) и трех райцентрах: Пугачеве (6,5%), Энгельсе (2,7%) и Красноармейске (1,5%). Доля татар в Дергачевском районе составила 18,4%¹⁸.

Закрывают пятерку наиболее многочисленных этносов Саратовской области армяне – 23841 (0,95%), увеличившие свое представительство в регионе за постсоветский период почти в 4 раза и ставшие вторым по численности этносом в четырех сельских районах, причем их доля в Балтайском районе достигла 9%. Одной из особенностей национальной структуры Саратовской области является более высокий, по сравнению с общероссийскими показателями, удельный вес азербайджанцев – 0,59% (14868 чел.) по переписи 2010 г. Если в России они находятся в самом начале второй десятки наиболее многочисленных этносов, то в Саратовской области – шестые, причем в Аткарском районе азербайджанцы стали вторым по численности этносом после русских – 2,4%¹⁹.

Число чувашей в регионе в 2002–2010 гг. уменьшилась на 3695 чел. и составила 0,5% (12261 чел.), а численность мордвы – на 5606 и стала равной 10917 чел. (их доля в национальном составе губернии – 0,44%). По сравнению с переписью 2002 г., чувашаи поменялись местами с мордвой и стали седьмым этносом губернии, мордва соответственно – восьмым. Чувашаи стали вторым по численности после русских этносом в Вольском районе, а мордва – третьим в Петровском (8%) и Хвалынском (3,7%). В Саратовской области продолжает уменьшаться количество белорусов, в 2002–2010 гг. сокращение составило 4186 чел. Белорусами в регионе себя идентифицируют по результатам переписи 2010 г. 8489 чел. (0,34%)²⁰. Являясь шестнадцатым по численности этносом России и девятым в Саратовской области, белорусы имеют устойчивую тенденцию уже через 5–10 лет стать немногочисленным в количественном отношении этносом региона.

Десятку наиболее многочисленных этносов Саратовской области замыкают немцы. Утратив все надежды на воссоздание своей государственности в данном регионе, российские немцы покидают его довольно быстрыми темпами. С 17068 в 1989 г. количество немцев сократилось до 12093 в 2002 г. и до 7579 чел. – в 2010 г. За четверть века сокращение российских немцев составило 9489 чел., т.е. 55%. В сельских районах Саратовской области, бывших некогда кантонами АССР Немцев Поволжья, немцы проживают в основном дисперсно: в Марксовском районе (бывшем Маркштадтском кантоне) немцы – третий по

численности этнос (3,2%); в Красноармейском (Бальцерском) – третий (1,8%); Ровенском (Зельманском) – пятый этнос (2,6%)²¹.

Этнические потери населения Саратовской области в постсоветский период активно замещались северокавказским и среднеазиатским этническим компонентом. Так, по переписи 1979 г. общее число чеченцев, лезгин, аварцев, табасаранцев, даргинцев, кумыков в Саратовской области было всего 3489 чел., то через 10 лет – 15739, в 2002 г. – 18051 чел.. Несмотря на активные миграционные потоки в 2002–2010 гг., численность представителей данной группы этносов ниже 15 тыс. чел. не опустилась – 15 198, а чеченцы (5738 чел.) и лезгины (5245 чел.) стали одиннадцатым и двенадцатым соответственно этносами края. Причем чеченцы стали вторым по численности этносом в Екатериновском районе (2,1%) и третьим – в Новоузенском районе (1,4%), а лезгины – четвертым в Федоровском (1,4%) и Самойловском (0,7%) районах. Численность узбеков и таджиков увеличилась с 3234 в 1989 г. до 3608 в 2002 г. и 4595 чел. в 2010 г.²²

Самым крупным событием в процессе изменения национального состава Саратовской области в постсоветский период стало появление на ее территории этносов, прежде вообще не представленных в национальной структуре российского населения (в границах РСФСР и РФ). Речь идет о курдах-мусульманах (в материалах переписи 2010 г. число проживающих в Саратовской области представителей курдского этноса составляет 2851 чел. и езидов – 1352 чел.), мигрировавших в регион вследствие обострения межэтнических противоречий в Центральной Азии и Казахстане. Результаты полевых исследований дают основание предположить, что количество курдов-мусульман, проживающих на территории Саратовской области, к настоящему времени приблизилось к 5 тыс., а езидов – к 2 тыс. чел. Вряд ли соответствуют реальности как утверждения исследователей, что «с 1991 года в Саратовскую область прибыло более девяти тысяч курдов»²³ либо что «за последние 20 лет в область прибыло более 10 тысяч курдов»²⁴, так и предположения лидеров курдской общины о том, что в регионе разместилось не менее 15–20 тыс. курдов-мусульман. В то же время бесспорно появление на территории Озинского, Перелюбского, Ершовского, Дергачевского и Краснокутского районов значительных и компактных ареалов расселения курдов-мусульман. В Озинском районе, где, по официальным сведениям, в 2020 г. проживали 1422 курда-мусульманина, а по мнению лидеров курдской общины и того больше – 1,5 тыс. чел., курды составили этническое большинство в поселке Северном Балашинского муниципального образования и поселке Карепанов Ленинского муниципального образования (далее – МО). В крупном поселке Синегорский курды превосходят по численности русских в 1,7 раза, а казахов –

в 3,8 раза; в местной школе учащиеся курдской национальности составляют 77%, а в младшем звене обучаются исключительно курды. В Дергачевском районе курды сосредоточились в двух селах Демьянского муниципального образования: в старинном русском с. Новоросляевка, в котором перепись 2010 г. зафиксировала всего 535 жителей, проживают не менее 350 членов курдских семей (в местной школе в 2020 г. обучались 55 детей, из них 44 курда, 11 учащихся – русские и казахи), а в селе Тимонино – не менее 400 чел. курдской национальности. Предположительно в Дергачёвском районе может проживать около 750 курдов-мусульман²⁵.

В Перелюбском районе больше всего курдов разместились в поселках Целинный и Новый Целинный МО – 235 чел. Их количество составляет не менее 40% среди учащихся местной школы. Всего предположительно в Перелюбском районе проживают не менее 800 чел. курдской национальности, и, вероятно, в ближайшем будущем курды станут вторым этносом района: по состоянию на сентябрь 2020 г. 65,1% (1115 чел.) учащихся Перелюбского района – русские; 17,9% (308 чел.) – курды; 6,6% (113 чел.) – казахи; 5,7% (98 чел.) – башкиры. В Ершовском районе, где перепись 2010 г. фиксировала проживание 309 курдов, а по данным районной администрации в 2019 г. число курдов выросло до 401 чел., в одном Перекопновском МО сосредоточились 252 курда-мусульманина. В настоящее время больше всего курдов в Краснокутском районе проживает в четырех селах Логиновского МО (всего 485 представителей курдского этноса), а селах Рудня (188 курдов-мусульман) и Дьяконовка (90 чел. курдской национальности) курды удерживают этническое большинство. Из 191 учащегося Логиновской школы в 2020/2021 учебном году 114 чел. представляют курдскую общину, а среди 47 детей детского сада «Золотой ключик № 25» с. Константиновка 21 ребенок – русский, 15 – курды. Учитывая данную динамику, следует предположить, что в течение последующего десятилетия курды могут стать устойчивым этническим большинством Логиновского МО²⁶.

Всероссийские переписи отдельно учитывают езидов, исповедующих езидизм (йезидизм) и большей частью противопоставляющих себя курдам-мусульманам. В советские годы в паспорте в графе «национальность» указывали «езиды». Евросоюз 1 мая 2002 г. своим решением признал езидов этноконфессиональной группой, отличной от курдов-мусульман. Перепись 2010 г. зафиксировала проживание в Саратовской области 1352 езидов, поселившихся в основном в двух районах области: Ртищевском и Саратовском. По данным полевых исследований, в Ртищевском районе увеличивается численность езидской общины, которая уже по переписи 2010 г. по численности (357 чел.) и доле в составе населения (0,6%) занимала 3-е место в районе. По подсчетам лидеров местной езидской общины, к настоящему времени

численность езидской общины в Ртищевском районе достигла 450 чел., и езиды стали вторым этносом района. Проживание езидов фиксируется не только в Ртищевском районе и селах Саратовского района (больше всего в Клещевке – не менее 40 семей), но и в областном центре и Энгельсе, Татищевском, Лысогорском, Вольском, Краснокутском районах²⁷.

В самом начале XXI в. в Саратовской области расселились дунгане. По данным районной администрации, в Ровенском муниципальном районе в июне 2017 г. проживали 1175 дунган, больше всего в Привольненском МО – 676 чел. В ходе полевых экспедиций, неоднократно работавших в местах компактного проживания дунган, установлено, что в Ровенском муниципальном районе сосредоточилось около 2 тыс. дунган, а численность дунганского этноса в пределах Саратовской области может достигать 2 020 чел. Очевидно, что Ровенский район за 20 последних лет превратился в самое крупное в России место компактного проживания дунганского этноса. В с. Привольное – центре муниципального образования – к настоящему времени в составе населения, по официальным данным, стали преобладать дунгане. К настоящему времени дунгане твердо удерживают этническое превосходство в с. Привольное: 825 дунган составляют 75% жителей села, общее количество которых достигает 1 100 чел.²⁸

Село Привольное является своеобразным «символом» свершающейся в настоящее время стремительной и радикальной трансформации национальной структуры Саратовской области. В бывшем немецком селе Варенбург, где до сих пор возвышается монументальная, прекрасно сохранившаяся немецкая кирха, разместились китаезычные дунгане-мусульмане и построен мусульманский молельный дом. Напротив кирхи располагается школа, здание которой было построено более 100 лет назад немецкими колонистами и в которой 72% учащихся уже сейчас составляют дети дунган. В школе всего 140 учащихся, из них русских – 18, дунган – 101, представителей иных этносов – 21. В первом классе в 2020 г. из 30 учащихся обучалось 24 ребенка дунганской национальности²⁹. Ровенская дунганская община в настоящее время, по оценкам самих дунган, объединяет большую часть дунган, проживающих в 30 российских регионах. Можно предположить, что миграция дунган в Саратовскую область после отмены пандемических ограничений может принять валлообразный характер. Причиной этому могут послужить события 7 февраля 2020 г. в с. Масанчи Кордаевского района Жамбылской области, в которых пострадали многие родственники ровенских дунган.

Таким образом, в основе сложных и противоречивых демографических процессов, стремительно развивающихся в Саратовской области в начале XXI в., лежат продолжающиеся сокраще-

ние численности русского этноса, «угасание» этнического присутствия славянского компонента в лице украинцев и белорусов, этническое «оскудение» коренных поволжских народов (татар, мордвы, чувашей), этнический «исход» российских немцев. Параллельно этим процессам происходит нарастание, прежде всего, в левобережной части региона исламского компонента: вторым этносом губернии стали казахи, на Волге появились дунгане, а в приграничных районах с Казахстаном все более ощутимым становится присутствие курдов. Убыль населения в Саратовской области, приобретающая в последнее время угрожающие масштабы, частично компенсируется миграцией в регион представителей северокавказских (чеченцы, лезгины, табасаранцы) и закавказских (армяне и азербайджанцы) этносов.

Эволюция национальной структуры Саратовской области, в которой огромная и избыточная ресурсами территория на Волге на протяжении четырех веков колонизовалась и осваивалась многонациональным и поликонфессиональным сообществом, является убедительным доказательством того, что оптимальной формой существования российского социума может считаться «имперство». Представляется, что трактовка имперской формы социальной организации как системы агрессии вовне страны и по отношению к ее гражданам как модели объединения населения страны деструктивной идеей защиты от внешних врагов и присоединения новых территорий является явным упрощением. Именно такой подход начисто лишает имперскую идею позитива и направлен на ускорение начавшегося в конце 1980-х гг. процесса разрушения и оскудения Российского государства. Реформаторы 1990-х гг. усматривали в «советской империи» некую разновидность колониальной империи, которая якобы была призвана за счет выкачивания ресурсов из зависимых территорий обеспечить себя средствами для модернизации метрополии. Выстраивание модели, в которой роль метрополии выполняет Москва, а все остальные российские регионы вынуждены становиться ее колониями, имеет те же мировоззренческие основы. Между тем Россия никогда не являлась колониальной империей, здесь периферия (и в советское время тоже) всегда жила за счет «метрополии», точнее – Центра.

В России «имперство» – это идея этноконфессионального сожительства, сотрудничества, общности, поскольку в отличие от европейской истории, избыточной попытками завоевать друг друга, в России преимущественно колонизовались просторы и пространство, а не народы. «Имперство» в России – это диалог культур, этносов, конфессий, в конечном счете, диалог цивилизаций. Уникальность Саратовского края состоит в исторической неповторимости процесса развития, сотрудничества, взаимопроникновения цивилизационных потоков – русского, исламского,

западноевропейского. Народы всегда видели в империи надежный рычаг спасения и сохранения их идентичности. В Саратовской области перепись 2010 г. зафиксировала проживание представителей 133 этносов. На территории края представлены не только мировые религии – православие, ислам, католичество, протестантизм, иудаизм, буддизм, но и такие уникальные конфессии, как езидизм. Сохранение и приумножение этого этноконфессионального богатства и разнообразия, на наш взгляд, является главным условием и средством формирования российской нации и объединяющего всех россиян чувства гражданской идентичности.

Примечания

- 1 См.: *Плехе И. Р.* Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII века. 2-е изд. М. : Готика, 2000. С. 129–130.
- 2 См.: *Булычев М. В.* Этапы и проблемы колонизации Саратовского Поволжья во второй половине XVI – первой половине XIX веков // Народы Саратовской области : потенциал развития : учебное пособие для учителей, преподавателей, студентов, сотрудников муниципальных органов власти / под ред. А. П. Мякшева, А. П. Зуева. Саратов : Саратовский источник, 2020. С. 38.
- 3 Там же.
- 4 Там же. С. 39.
- 5 См.: *Миронов Б. Н.* Русский город в 1740–1860-е годы : демографическое, социальное и экономическое развитие. Л. : Наука, 1990. С. 26.
- 6 См.: *Булычев М. В., Зайцев М. В.* Численность и социальный состав населения Саратова в конце XVIII – середине XIX века (по данным административно-полицейского учета) // История и историческая память : межвузовский сборник научных трудов / под ред. А. В. Гладышева. Саратов : Издательство Саратовского университета, 2013. Вып. 7–8. С. 116–117.
- 7 См.: *Шрамкова О. В.* Отражение этнической картины Саратовской губернии в населении города Саратова (вторая половина XIX–XX вв.) // Народы Саратовской области : потенциал развития : учебное пособие для учителей, преподавателей, студентов, сотрудников муниципальных органов власти. С. 46–49.
- 8 Там же. С. 50.
- 9 Там же. С. 51–52.
- 10 См.: Национальный состав и владение языками, гражданство. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года : Статистический сборник / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Саратовской области. Саратов, 2012. С. 111–199.
- 11 См.: *Печенев В. А.* «Смутное время» в новейшей истории России (1985–2003) : Исторические свидетельства и размышления участника событий. М. : Норма, 2004. С. 59.
- 12 См.: Национальный состав и владение языками, гражданство. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года... С. 111–199.
- 13 Там же.

- ¹⁴ См.: *Мякишев А. П.* Этническая карта Саратовской области в конце первого десятилетия XXI века : учебное пособие. Саратов : Саратовский источник, 2020. С. 236.
- ¹⁵ Саратовская область стала лидером России по убыли населения. URL: <https://www.vzsar.ru/news/2020/02/02/saratovskaya-oblast-stala-liderom-rossii-po-ubyli-naseleniya.html> (дата обращения: 10.07.2021).
- ¹⁶ См.: Национальный состав и владение языками, гражданство. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года... С. 111–199.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же.
- ²³ *Барышная Н. А.* Новые этнические группы в Саратовской области : конфликтогенное измерение. URL: <http://www.valerytishkov.ru> (дата обращения: 10.07.2021).
- ²⁴ *Лиценбергер О. А.* Национальная политика в муниципальных образованиях Саратовской области // *Этнополитика*. 2016. № 3–4. С. 12.
- ²⁵ См.: *Зуев А. П., Мякишев А. П.* Курды в Саратовском Поволжье : судьба и перспективы // *Народы Саратовской области : потенциал развития : учебное пособие для учителей, преподавателей, студентов, сотрудников муниципальных органов власти*. С. 283–284.
- ²⁶ Там же. С. 284–286.
- ²⁷ Там же. С. 293–294.
- ²⁸ *Зуев А. П., Мякишев А. П.* Дунгане на Волге // *Народы Саратовской области: потенциал развития : учебное пособие для учителей, преподавателей, студентов, сотрудников муниципальных органов власти*. С. 301–302.
- ²⁹ Там же. С. 308.

Поступила в редакцию 25.06.2021, после рецензирования 28.06.2021, принята к публикации 30.06.2021
Received 25.06.2021, revised 28.06.2021, accepted 30.06.2021

ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 549–553
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 549–553
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-4-549-553>

Рецензия
УДК 94(44).04.94(44).05

Рецензия на книгу: Троицкий Н. А. Наполеон Великий

(*Троицкий Н. А. Наполеон Великий* : в 2 т. / [подг. к публ., вступ. ст. М. В. Ковалева, Ю. Г. Степанова]. М. : Политическая энциклопедия, 2020. Т. 1 : Гражданин Бонапарт. 526 с., ил. ; Т. 2. : Император Наполеон. 549 с., ил. (Мир Французской революции)).

С. Я. Карп

Институт всеобщей истории Российской академии наук, Россия, 119334, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32а

Карп Сергей Яковлевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук, s.karp@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8869-012X>

Аннотация. Двухтомная биография Наполеона, написанная известным саратовским историком Н. А. Троицким, несомненно, привлечет внимание читателей. Они сумеют оценить ее продуманную структуру, впечатляющую полноту, живой и образный язык, полемическую заостренность отдельных выводов. Рецензия содержит также ряд серьезных замечаний, вызванных недостаточным знакомством автора книги с историей и культурой стран Запада, актуальной проблематикой исследований по истории Французской революции.

Ключевые слова: Наполеон Бонапарт, Французская революция, Наполеоновские войны, Отечественная война 1812 года

Для цитирования: Карп С. Я. Рецензия на книгу: Троицкий Н. А. Наполеон Великий: в 2 т. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 549–553. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-4-549-553>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Review's report

Book review: Troitsky N. A. Napoleon the Great

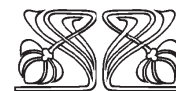
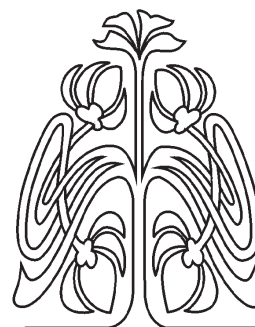
(*Troitsky N. A. Napoleon the Great. In 2 vols. / [prep. for publ. and intro. article by M. V. Kovalev and Y. G. Stepanov]. Moscow : Political Encyclopedia, 2020. Vol. 1 : Citizen Bonaparte. 526 p., ill. ; Vol. 2 : Emperor Napoleon. 549 p., ill. (The World of the French Revolution)*).

С. Я. Карп

Institute of World History, Russian Academy of Sciences, 32A Leninsky Ave., Moscow 119334, Russia

Sergey Ya. Karp, s.karp@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8869-012X>

Abstract. The two-volume biography of Napoleon, written by the famous Saratov historian N. A. Troitsky, will undoubtedly attract the attention of readers. They will be able to appreciate its

КРИТИКА
и
БИБЛИОГРАФИЯ

thoughtful structure, impressive completeness, lively and imaginative language, polemical sharpness of some conclusions. The reviewer also draws attention to many errors involved by the author's insufficient acquaintance with the history and culture of Western countries, the topical issues of research on the history of the French Revolution.

Keywords: Napoleon Bonaparte, the French Revolution, Napoleonic wars, the Patriotic War of 1812

For citation: Karp S. Ya. Book review: Troitsky N. A. Napoleon the Great. In 2 vols. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 549–553 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-4-549-553>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

За год до 200-летия со дня смерти Наполеона издательство РОССПЭН выпустило книгу Н. А. Троицкого «Наполеон Великий» – вероятно, самую обширную его биографию, когда-либо написанную на русском языке. Уже одно это обстоятельство гарантирует ей внимание широкой читательской аудитории. Книга эта увидела свет спустя 13 лет после завершения работы над ней и спустя 6 лет после смерти Николая Алексеевича, увы, так и не дождавшегося ее выхода. Что же подвигло саратовского историка, известного, прежде всего, своими трудами по истории России XIX в. и Отечественной войны 1812 г., взяться за написание биографии Наполеона?

Сам он объясняет свое решение не только давним интересом к этой грандиозной фигуре и его времени, но и стремлением максимально восполнить пробелы в трудах предшественников, используя имеющиеся в его распоряжении источники. «Задачу свою вижу в том, – пишет Н. А. Троицкий, – чтобы изложить, возможно подробнее и доступнее для массового читателя, мое видение всей жизни и деятельности Наполеона, его личностных качеств, результатов, последствий и уроков всего им содеянного. Главное, хотелось бы, и я попытаюсь решить такую задачу с позиций, научно сбалансированных, свободных от политической предвзятости и субъективных пристрастий» (т. 1, с. 27–28). Слова «мое видение» указывают, как мне кажется, на еще одну, более личную причину, побудившую Н. А. Троицкого выступить в роли биографа Наполеона, – его смелость и даже дерзость, уверенность в том, что право на такую роль ему дает его исследовательский и жизненный опыт. Он пишет: «Разумеется, я не стремлюсь написать о Наполеоне лучше Тарле и Манфреда, как и не боюсь написать хуже, но знаю, что напишу иначе, по-своему. У меня – свой взгляд на жизнь, деятельность и личность Наполеона, взгляд, который, надеюсь, заинтересует и, быть может, увлечет многих, хотя, уверен, многих и оттолкнет» (т. 1, с. 26). В этом высказывании, похоже, содержится ключ к пониманию многих особенностей этой работы, ее достоинств и недостатков.

Ю. Г. Степанов и М. В. Ковалев, подготовившие книгу Н. А. Троицкого к публикации, не случайно начинают предисловие фразой о свободолобивом населении Саратовского Поволжья. Профессиональный и жизненный путь Н. А. Троицкого – путь бойца, полемиста. В 1963 г. он предложил в журнал «Вопросы истории» статью, призывавшую отказаться от официозных

оценок войны 1812 г., а когда статью отказались печатать, направил ее в Идеологическую комиссию при ЦК КПСС, на долгие годы лишив себя возможности работать над этой темой. В 1966 г. Н. А. Троицкий не побоялся выступить против группы М. В. Нечкиной в острой дискуссии по народничеству. В 1988 г. он опубликовал разгромную рецензию на книгу О. В. Орлик «Гроза двенадцатого года...», после которой руководство Отделения истории АН СССР обратилось в ЦК, требуя наказать «разнузданного» рецензента. В 1990-е гг. Николай Алексеевич активно участвовал в спорах о характере «нечаевщины», а в начале 2000-х гг. публично поставил под сомнение научные заслуги губернатора Саратовской области Д. Ф. Аяцкова, поспешившего обзавестись учеными степенями. Эти примеры можно было бы множить и множить, но в данном случае хочется лишь подчеркнуть, что Троицкому смелости и уверенности в себе было не занимать. Именно этим обстоятельством, судя по всему, объясняется тот факт, что он решился замахнуться на жизнеописание Наполеона, хотя и понимал, что многие его предшественники, включая Е. В. Тарле и А. З. Манфреда, «невольнo задумывались: а по плечу ли им такая задача?» (т. 1, с. 25).

У книги Н. А. Троицкого немало бесспорных достоинств. Она написана с увлечением, которое естественным образом передается читателю, хорошо структурирована, причем названия глав и разделов четко сформулированы, иногда – с помощью ярких образов или вполне уместных парадоксов («Император Республики» или «1814: победоносное поражение»). Книга отличается впечатляющей полнотой: в ней находится место и характеристике политических событий, и описанию военных действий, и картинам частной жизни основных персонажей, и их психологическим портретам. Автор прекрасно знает отечественную литературу о Наполеоне, как и практически всю иностранную литературу о нем, переведенную на русский язык. Его отдельные наблюдения порой уточняют привычные представления о важнейших вехах биографии Наполеона. Так, если А. З. Манфред считал, что завоевательный характер войны в Египте пагубно повлиял на самого Бонапарта и его солдат и послужил одной из причин неудачи Египетского похода, то Н. А. Троицкий напоминает, что победоносные кампании Наполеона в 1805–1807 гг. были не только оборонительными, но также и завоевательными, что отнюдь не привело к падению морального духа его армии и ее

боевых качеств. Он также обращает внимание и на освободительную миссию, которую приписывали себе французы в Египте и Сирии, – их намерение освободить местное население от гнета мамелюков и турок, приобщить его к передовым формам цивилизации (т. 1, с. 268–269). Правда, в истории человечества завоеватели не раз выступали в роли освободителей, и нам подчас непросто понять, насколько искренне и как долго разделяли они сами и их войска веру в благородные цели войны и насколько широко эта вера была распространена.

Вызывает уважение взвешенная, далекая от квасного патриотизма позиция автора по таким значимым вопросам, как итоги Бородинской битвы, причины Московского пожара, результат сражения на Березине... Они до сих пор волнуют широкую читательскую аудиторию, которой книга Н. А. Троицкого может дать новую пищу для размышлений.

Впрочем, многие взгляды ученого, как справедливо отмечают Ю. Г. Степанов и М. В. Ковалев, отличаются предельной полемичностью. Словно бросая вызов оппонентам, автор подчеркивает прогрессивный характер перемен, произошедших в Европе благодаря Наполеону, его стремление защитить «завоевания революции», личную доброту и гуманность. Сравнивая наполеоновский военно-полицейский режим с российским самодержавием, Н. А. Троицкий стремится доказать, что тот представлял людям значительно большее пространство свободы. Сближение Павла I с Наполеоном он считает несомненным благом для России и Франции, якобы обусловленным их схожим географическим положением (на противоположных концах европейского континента) и общностью их геополитических интересов, а именно – возможностью, договорившись, контролировать «всё и вся в Европе» (т. 1, с. 402). Рассказывая о патриотическом подъеме, вызванном в русском обществе нашествием Наполеона, он заявляет, что «патриотизм подавляющего большинства русских дворян происходил из их корысти, ибо они сражались за крепостную Россию, за сохранение своих богатств и привилегий, за право самим держать в рабстве собственный народ, не уступая этого права кому бы то ни было <...>» (т. 2, с. 225). Разумеется, эти, как и многие другие спорные утверждения Н. А. Троицкого, встречающиеся в его книге, могут вызвать шквал критики, но вряд ли заслуживают детального разбора, ибо относятся к категории оценочных суждений. Куда более уязвимы другие аспекты работы, не отвечающие стандартным требованиям нашего ремесла. Остановимся лишь на некоторых из них.

Во Введении автор прослеживает не столько развитие историографии о Наполеоне, постепенное расширение научных представлений о нем, сколько эволюцию даваемых ему оценок. При таком подходе для него становятся важными и оценки, не имеющие ничего общего с наукой, – он прежде всего пытается «защитить» великого

Наполеона от нападающих на него пигмеев. Выглядит это зачастую странно, даже если речь идет не только о пигмеях. Так, автор характеризует известную уничижительную оценку Наполеона Львом Толстым как «нонсенс», «которому следовало, как правило, советские историки-официозы... и писатели» (т. 1, с. 20). Но образ Наполеона у Толстого лишь отражает его представления о бесплодности попыток отдельных личностей, сколь угодно выдающихся, контролировать течение истории, подчинять себе ход событий. Эти взгляды Толстого разделялись множеством людей и не раз становились предметом специального изучения; вряд ли стоит говорить о них в столь пренебрежительном тоне. Другое дело, что к науке о прошлом они не имеют отношения.

Рассказывая о событиях из жизни Наполеона, его словах и поступках, Н. А. Троицкий ссылается то на исторические труды разных эпох (если иностранные, то почти исключительно переводные), то на научно-популярные работы, то на сочинения Стендаля, В. Скотта, В. Гюго, Д. Мережковского или К. Валишевского. И хотя во введении автор говорит, что они принадлежат к разным жанрам, а ему лично ближе «исторический» (т. 1, с. 15), он не делает между ними особой разницы – все они служат ему по сути равнозначными источниками. Разумеется, мнение известных литераторов или популяризаторов само по себе может представлять интерес, но читатель способен и сам обратиться к их произведениям, а ссылаться в научной работе на них как на источник сведений о конкретных фактах биографии Наполеона и всерьез обсуждать на ее страницах их «оценки» вряд ли уместно.

Главная же слабость книги Н. А. Троицкого, на мой взгляд, заключается в том, что автор, будучи специалистом по истории России, взялся за написание биографии Наполеона, не зная толком Запада и, прежде всего, Франции, ее истории, языка, культуры и уж, тем более, актуальной проблематики исследований по истории Французской революции, породившей его героя. Судя по всему, он также не стал обращаться за консультацией к коллегам, не сомневаясь в своем праве на собственное высказывание об одном из величайших деятелей мировой истории.

Демонстративно уходя от изжитых схем советской историографии, критикуя «ленинско-сталинский тезис» о Наполеоне как человеке, который «задушил революцию» и установил «контрреволюционную диктатуру» (т. 1, с. 321), Н. А. Троицкий между тем находится в плену старых догматических представлений о Французской революции как рубеже между феодализмом и капитализмом. Он не знаком ни с дискуссиями о социальной интерпретации этой революции, которые велись в мировой исторической науке с 1960-х гг. и даже освещались на страницах советских научных изданий, ни с классическими трудами по социологии революций. Пытаясь «искать истину» «между крайними точками зрения»

и не учитывая их историографический контекст, ученый приходит к вполне банальному выводу о том, что переворот 18 брюмера был, с одной стороны, «контрреволюционным», а с другой стороны, «остановил начавшийся еще 9 термидора 1794 г. и ускорившийся с 18 фрюктидора 1797 г. процесс сползания Республики вправо, к возможной реставрации феодализма» (т. 1, с. 322). Он не сознает, что выражения «контрреволюционный» или «сползание вправо», часто употребляемые в политическом дискурсе, неадекватны современной научной терминологии, используемой для характеристики описываемых им политических процессов конца XVIII в. Троицкий не подозревает, что никакая «реставрация феодализма» во Франции 1799 г. не была возможна, поскольку считать французское общество Старого порядка феодальным и даже средневековым (т. 1, с. 400; т. 2, с. 310) может лишь человек, понятия о нем не имеющий. В рассказе о восстаниях шуанов автор остается в рамках представлений XIX в., ибо уверенно приписывает упорство и массовый характер их выступлений религиозному фанатизму местных крестьян, проискам эмигрантов и интригам англичан (т. 1, с. 359), совершенно игнорируя социально-экономические причины их недовольства. Описывая социальную природу политических группировок, сменявших друг друга у власти во время революции вплоть до переворота 18 брюмера, он утверждает, что за якобинцами стояли «средние слои населения», за Директорией – «крупная буржуазия», за Консульством и Империей – «буржуазия (не только городская, но и сельская), класс постреволюционных собственников, включая имущее крестьянство» (т. 1, с. 60, 183, 353). Сама расплывчатость этой мутной терминологии лишний раз свидетельствует об отсутствии у автора представлений о социальных пружинах Французской революции, которые соответствовали бы уровню развития исторической науки, уже достигнутому ко времени его работы над книгой о Наполеоне.

Незнание истории и культуры стран Запада, а также тотальная зависимость автора от чужих текстов, в особенности от русских переводов иностранных сочинений, привели к появлению или воспроизведению в этой книге множества других ошибок. Приведу лишь несколько примеров.

Так, упоминая об отце Карло Андреа (будущего Карла Осиповича) Поццо ди Борго, Н. А. Троицкий называет его имя Мария «несколько странным для мужчины» (т. 1, с. 42). Однако, во-первых, в мужском имени Мария для итальянцев и корсиканцев нет ничего странного; во-вторых, Мария – одно из имен не только этого человека, Джузеппе Марии Поццо ди Борго, но и отца Наполеона – Карло Марии Буонапарте, о чем автор прекрасно осведомлен (т. 1, с. 31), но в этом случае оно ему странным не кажется.

Говоря об отце Наполеона, Н. А. Троицкий явно злоупотребляет выражением «папа Карло» –

оно встречается в его книге десятки раз (наряду с «мамой Летицией»). Вероятно, ему и в голову не приходила ассоциация Наполеона с Буратино, но она неизбежно появляется у читателей его книги. О недостатке вкуса свидетельствуют и некоторые неуклюжие фразы: «сверлила мозг каждого из директоров <...> задняя мысль отделаться от сверх популярного и честолюбивого полководца в лице Бонапарта» (т. 1, с. 214); «Швеция <...> точила зубы на Россию из-за Финляндии» (т. 2, с. 195)...

Н. А. Троицкий упоминает о службе Наполеона в городе Оксонн (с 1788 г.), расположенном, как он указывает в скобках, в «департаменте Бургундия» (т. 1, с. 58). Никакого департамента Бургундия никогда не существовало, а деление на департаменты было введено во Франции только в 1790 г. Далее автор утверждает, ссылаясь на А. З. Манфреда, что его герой был одним из первых, кто вступил в Оксонне в Якобинский клуб (т. 1, с. 67). Манфред же говорит (и не ошибается), что это произошло в Валансе.

Рассказывая о генуэзской дипломатической миссии Наполеона в июле 1794 г., автор утверждает, что Генуя «тогда представляла собой республику на французский лад, но была склонна поддаться английскому влиянию» (т. 1, с. 98). На самом деле Генуэзская республика существовала с XI в., причем во главе ее стояли дожи, избиравшиеся на 2 года. Ничего «французского» в ее политическом устройстве не было.

Автор сообщает, что в результате Термидорианского переворота Робеспьер и его ближайшие соратники были «без суда гильотинированы» (т. 1, с. 98). На самом деле они были казнены по приговору того самого чрезвычайного уголовного суда, который был создан Конвентом в марте 1793 г., в октябре того же года получил название Революционного трибунала и вплоть до упомянутого переворота находился под контролем самого Робеспьера.

Опираясь на переводы, использовавшиеся в старых русских изданиях, автор, вероятно, придерживается распространенного мнения, согласно которому наши дореволюционные авторы прекрасно знали французский язык. Так, он приводит слова о Наполеоне из письма Огюстена Робеспьера своему старшему брату Максимилиану по А. С. Трачевскому (Наполеон I. Первые шаги и Консульство, 1769–1804. М., 1907): «Этот человек одарен сверхъестественными достоинствами (d'un mérite transcendant)» (т. 1, с. 95). Это же определение достоинств Наполеона как сверхъестественных автор повторяет и далее. На самом деле *transcendant* в данном контексте означает не «сверхъестественный», а «исключительный». Впрочем, наши современные издатели, публикующие труды иностранных историков в переводе и при этом экономящие на научном редактировании, часто выпускают книги с куда более грубыми ошибками. Так, цитируя работу британского историка Д. Чандлера «Военные кампании Наполеона.

Триумф и трагедия завоевателя» по русскому переводу Н. Б. Черных-Кедровой, Н. А. Троицкий сообщает, что его герой, находясь в 1794 г. в кратковременном заключении, воспользовался своим тюремным досугом «для изучения записок маршала Майбура о кампании в Пьемонте 1745 г.» (т. 1, с. 100). Эта же фамилия фигурирует в указателе имен в конце 1-го тома. Разумеется, никакого маршала Майбура никогда не существовало, речь идет о Жане-Батисте Франсуа Демаре, маркизе де Майбуа, маршале Франции с 1741 г.

Отмечая достойное, по его мнению, поведение Наполеона и его солдат в Мантуе, Н. А. Троицкий пишет: «Только Вальтер Скотт обнаружил (если не домыслил) какие-то данные о том, что они “пытались содрать со стен и увезти в благословенную Францию знаменитые фрески Тициана, изображавшие борьбу богов и титанов. К счастью для Тициана и Италии, это оказалось неисполнимо – и боги и титаны остались на их родных стенах”» (т. 1, с. 186). Во-первых, эти данные В. Скотт («Жизнь Наполеона Бонапарта, императора французов», 1827, рус. пер. 1831–1832) мог «обнаружить» в «Мемуарах» Наполеона (не путать с «Мемориалом Святой Елены» Э. де Лас Каза), отрывки из которых неоднократно издавались с начала 1820-х гг. Говоря о себе, как обычно, от третьего лица, Бонапарт сообщает об этом мантуанском эпизоде следующее: «Наполеон остановился в герцогском дворце и провел там несколько дней. В городе было найдено множество превосходных полотен; он отправил их в Париж. Прекрасные фрески работы Тициана во дворце Те, изображающие войну титанов, вызвали восхищение знатоков. Комиссия художников предложила несколько проектов снятия и перемещения фресок в Париж, но их осуществление могло бы привести к утрате и уничтожению этих шедевров»¹. Во-вторых, упомянутые фрески во дворце Те были созданы не Тицианом, а Джулио Романо, что и нашло отражение в позднейших изданиях наполеоновских «Мемуаров»².

Рассказывая об аресте герцога Энгиенского в Эттенгейме в 1804 г., Н. А. Троицкий сообщает, что тот «жил по соседству с домом кардинала Эдуарда де Рогана – того самого, который однажды поссорился с Вольтером и приказал своим лакеям избить великого просветителя палками» (т. 1, с. 475). Для подтверждения своих слов он ссылается на не слишком авторитетный источник – старый очерк А. З. Манфреда «Великая

французская буржуазная революция», переизданный по его второму изданию (1956) уже после смерти автора в составе небольшого сборника его трудов (Великая французская революция. М., 1983, с. 44). Здесь Манфред, повествуя о просветителях, подготовивших Французскую революцию, рассказывает читателям о Вольтере и сообщает им о его ссоре не с кардиналом, а с «герцогом де Роганом, приказавшим своим лакеям избить Вольтера палками». Ссора эта, как известно, имела место в 1726 г. Однако избивание Вольтера организовал отнюдь не герцог де Роган, упомянутый Манфредом, а его сын – Ги Огюст, шевалье де Роган-Шабо (1683–1760). Кардинал Луи Рене Эдуар де Роган (1734–1803), упоминаемый Троицким сосед герцога Энгиенского в Эттенгейме, не имел и не мог иметь никакого отношения к этому избиванию, хотя бы потому, что оно произошло за 8 лет до его рождения. В именном указателе к 1-му тому «Наполеона Великого» мы обнаруживаем только одного Рогана, причем с инициалом Э. и отсылкой на с. 224 и 475. Но на с. 224 автор упоминает об «Эммануиле Рогане» – великом магистре Мальтийского ордена, порвавшем отношения с революционной Францией. То был Эмманюэль де Роган-Польдюк (1725–1797), 70-й великий магистр Ордена. Таким образом, путаница растет, как снежный ком.

На этом, пожалуй, стоит остановиться. Полагаю, книга Н. А. Троицкого преподносит всем нам урок: она показывает, что профессиональный историк, обладающий большим опытом, искренне интересующийся своей темой и умеющий писать, верящий в свои силы и пользующийся заслуженным уважением коллег, должен не только «сметь свое суждение иметь», но и отдавать себе отчет в ограниченности своих познаний и возможностей.

Примечания

- ¹ Mémoires de Napoléon // Mémoires pour servir à l'histoire de France sous Napoléon, écrits à Sainte-Hélène par les généraux qui ont partagé sa captivité, et publiés sur les manuscrits entièrement corrigés de la main de Napoléon. Tome quatrième, écrit par le général Montholon. Paris: F. Didot, père et fils ; Berlin : G. Reimer; Francfort s. l. M. : de l'imprimerie de J. D. Sauerländer, 1824. P. 22 (перевод мой. – С. К.).
- ² См., например: Mémoires de Napoléon. La Campagne d'Italie, 1796–1797 / éd. présentée par T. Lentz. Paris : Tallandier, 2010. P. 215.

Поступила в редакцию 06.05.2021, после рецензирования 27.05.2021, принята к публикации 30.06.2021
Received 06.05.2021, revised 27.05.2021, accepted 30.06.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 554–559
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 554–559
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-4-554-559>

Рецензия
УДК 94(47–16)

Рецензия на книгу: Рабинович Я. Н. Южные псковские пригороды в Смутное время

(Рабинович Я. Н. Южные псковские пригороды в Смутное время / под ред. проф. С. А. Мезина. Саратов : Издательство Саратовского университета, 2021. 324 с. : ил.)

А. А. Кузнецов

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Россия, 603022, г. Нижний Новгород, проспект Гагарина, д. 23

Кузнецов Андрей Александрович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры культуры и психологии предпринимательства Института экономики и предпринимательства Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, nalbuz@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3914-301X>

Аннотация. Книга о малых (при)городах юга Псковской земли в Смутное время написана известным специалистом по истории России XVII в. Я. Н. Рабиновичем. Она вызовет большой интерес у исследователей и широкого круга читателей. Монография воссоздает цельную системную картину событий Смутного времени на юге Псковской земли. Это преимущество книги определено привлечением новых исторических источников, новой фактографией и её концептуальным осмыслением. Исследование позволяет дополнить историю Псковского региона. В рецензии высказаны замечания по структурированию работы и пожелания в связи с необходимостью написания обобщающего труда по истории Пскова и Псковской земли в Смутное время, а также биографических текстов.

Ключевые слова: Смутное время, Псков, юг Псковской земли, пригороды, Лжедмитрий III, Себеж, Опочка

Для цитирования: Кузнецов А. А. Рецензия на книгу: Рабинович Я. Н. Южные псковские пригороды в Смутное время // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 554–559. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-4-554-559>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Review's report

Book review: Rabinovich Ya. N. Southern Pskov settlements in the Time of Troubles

(Rabinovich Ya. N. *Southern Pskov settlements in the Time of Troubles* / ed. by prof. S. A. Mezin. Saratov : Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 2021. 324 p. : il.)

А. А. Kuznetsov

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 23 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod 603022, Russia

Andrey A. Kuznetsov, nalbuz@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3914-301X>

Abstract. The book about the settlements of the south of the Pskov region in the Time of Troubles was written by a well-known specialist in the history of Russia of the XVII century Ya. N. Rabinovich. It will arouse great interest among researchers and a wide range of readers. The book recreates a complete system picture of the events of the Time of Troubles in the south of the Pskov land. This advantage of the book is determined by the involvement of new material from historical sources, new factography and its conceptual understanding. The study of Ya. N. Rabinovich allows us to supplement the history of the Pskov region. The review contains comments on the structuring of the material and wishes in connection with the need to write a generalizing work on the history of Pskov and the Pskov land in the Time of Troubles, as well as biographical texts.

Keywords: Time of Troubles, Pskov, the south of the Pskov land, suburbs, False Dmitry III, Sebez, Opochka

For citation: Kuznetsov A. A. Book review: Rabinovich Ya. N. Southern Pskov settlements in the Time of Troubles / edited by prof. S. A. Mezin. – Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 2021. 324 p.: il. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 554–559 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-4-554-559>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Смутное время в России начала XVII в. – одна из изучаемых тем в отечественной историографии. До 1991 г. здесь господствовала традиция большой «истории Смуты» – от С. Ф. Платонова до Р. Г. Скрынникова: взгляды исследователей приковывали магистральные событийные линии. Важным направлением была и классовая борьба, выразившаяся, прежде всего, в восстании И. И. Болотникова. Последовавшие после него события и процессы также высвечивались через интерпретацию составляющей классовой борьбы, которая подавалась в общероссийском взгляде. Исключение делалось, пожалуй, для изучения Нижнего Новгорода в периоде 1611–1612 гг. (труд П. Г. Любомирова о Нижегородском ополчении), потому что были Кузьма Минин и Ополчение. Но опять-таки только по причине того, что решенные Ополчением задачи и достигнутая им цель вывели это региональное движение на общероссийский уровень «большой истории».

Лишь с 1990-х гг. началось смещение научного внимания на проблематику микро-, региональной и социально-стратиграфической истории Смутного времени. Я. Н. Рабинович, с 2006 г. зарекомендовавший себя в историографии Смуты и истории XVII в., известен биографическими исследованиями малоизвестных доселе персонажей истории начала XVII в., введенными им в оборот текстами крупнейшего «смутолога» Г. А. Замятина (1882–1953), и, конечно, штудиями, посвященными малым (при)городам Псковской земли и Новгорода в Смутное время. Слово «конечно», потому что в диссертации Я. Н. Рабиновича 2010 г. рассматривались малые города Северо-Запада России в Смутное время.

Следует отметить, что в рецензируемой книге ожидается развитие, дополнение выводов и материалов, представленных в диссертации. Автор оправдал эти надежды. Более того, рецензируемый труд представляет собой следующую стадию развития этой темы Я. Н. Рабиновичем – после его книг о псковских городах (2013¹ и 2014 гг.)². Монография насыщена новыми, по сравнению с диссертацией, материалами и исследовательскими идеями, а главным является то, что в ней акценты поставлены на южных (при)городах Псковской земли – отдельно, до сего дня еще не прописанном, кроме диссертации Я. Н. Рабиновича, феномене псковской микроистории Смуты (с.5–6).

Монография Я. Н. Рабиновича посвящена сложной, в силу видового и географического разнообразия, а также состояния источников (с. 8), обильной, но неравномерной по охватываемым историографией вопросам, проблеме – роли малых городов Северо-Западной России в Смутное время. До сих пор в исторической памяти России отсутствует четкая и ясная картина истории Смутного времени в Северо-Западной России, находящейся севернее магистральных линий этой эпохи: Москва – Рязань; Смоленск – Москва; Москва – Нижний Новгород; Новгород – Троице-Сергиев

монастырь – Москва; Нижний Новгород – города Верхнего Поволжья – Москва... Тут же проблема усугубляется тем, что южные города (пригороды) несколько отстоят от Пскова и его северных территорий по происходившим процессам. Последние были «отягощены» польским фактором.

Нельзя сказать, что история южных (при) городов Псковской земли была обойдена вниманием историков. Как показано во Введении (с. 7–18), начиная с местных энтузиастов-исследователей, практически все поколения отечественных историков затрагивали историю Смуты на Северо-Западе России. Однако южный фронтир этого региона – Себеж, Красный, Опочка, Невель, Заволочье, Великие Луки – историографически разработан неравномерно. Особенно остро это ощущается на примере Себежа (с. 7–11). Он находился в составе Польши, и многие моменты истории города XVII в. отложились в архивах; входил в состав Витебской губернии и Белоруссии, находился в административном подчинении Калинин (Твери), Ленинграда и др. Переходы из одного подчинения в другое привели к тому, что местные исторические сообщества попросту не успевали приступить к изучению Себежа (с. 8). Эти два обстоятельства – разрозненность источниковой базы и отсутствие хоть какой-либо традиции изучения его истории – привели к тому, что представители «большой» исторической науки долгое время игнорировали феномен Себежа в начале XVII в. Хочется верить, что книга Я. Н. Рабиновича переломит эту историографическую тенденцию. По крайней мере, монография содержит исчерпывающий материал по Себежу в годы Смуты.

С городом Красным возникла проблема неравномерности проработки этого города. Относительно «повезло» его истории XX в., но не Смуты (с. 9). Наиболее изученным из всех южных псковских городов в эпоху Смуты оказался Невель.

Тем не менее при такой неоднозначной историографической ситуации Я. Н. Рабинович из трудов российских историков (от А. П. Барсукова, С. М. Соловьёва через С. Ф. Платонова до современных исследователей) извлек все, что они писали о городах южной Псковщины в Смутное время (с. 12–19). Важно подчеркнуть, что автор использует историографию не в этикетном смысле, а как средство исследования проблемы. Он созидает опору, от которой ведет исследование; выявляет спорные вопросы; формирует круг источников. Их квалифицированный обзор тоже представлен во Введении (с. 19–23). Я. Н. Рабинович показывает, какую важную роль в источниковом массиве играют акты и делопроизводственные документы. А вот нарративы уступают им по значимости. Автору самому приходится писать нарратив по истории городов юга Псковской земли (только уже историографический, а не источниковый). С этой задачей он справился.

Глава 1 посвящена «предыстории» проблемы – прошлому южных (при)городов Псковщины

до начала XVII в. Исследователь постарался «выжать» все возможное из отрывочных сведений источников и верифицируемых выкладок историографии о Себеже, Опочке, Красном, Невеле, Великих Лук и Заволочья, начиная с XV в. через присоединение Пскова к Российскому государству и до начала Смутного времени. Представленный очерк истории этих городов (с. 24–55) сам по себе является ценным вкладом Я. Н. Рабиновича в написание истории Северо-Запада России до начала XVII в. (в этот список городов не вошли ближайший псковский пригород Остров и крупнейший (по состоянию на середину XVI в.) пригород Вороноч (со знаменитым Святогорским монастырем, основанным в 1560-е гг.), о судьбе которых в Смутное время известно мало (вероятно, сказалась ограниченность источниковой базы). В этом добротном информативном тексте, кроме прочего, важным является подробное описание событий начала 1580-х гг. Если ранее внимание источников и научной литературы сосредоточивалось исключительно на «псковском сидении», то после выхода книги Я. Н. Рабиновича надо будет обязательно говорить о доблести и мужестве гарнизонов южно-псковских (при)городов в завершении Ливонской войны.

Данное обстоятельство приобретает особое значение в плане социальной психологии и истории Смуты. В историографии было отмечено, что правление Ивана Грозного с его войнами, особенно Ливонской, и 6 военных лет в правлении Федора Ивановича (1584–1598) сформировали поколение, для которого привычными и обыденными были постоянная военная готовность и повседневность российского дворянства³. Проецируя данное наблюдение на юг Псковской земли, необходимо отметить, что события начала 1580-х гг. стали веховыми в деле формирования военного поколения. В начале 1580-х гг. там действует молодежь, которой в начале XVII в. будет 35–40 лет, подрастает генерация, которой к началу Смуты исполнится 20–30 лет. Представители обеих возрастных страт станут участниками событий первых двух десятилетий XVII в. Данным фактором, наряду с остальными, объясняется стойкость дворян южной Псковщины в борьбе с поляками, шведами и их выборы ориентиров (царская Москва или Лжедмитрий III). В третьей главе Я. Н. Рабинович специально подчеркивает формирование антишведских настроений у дворян южной Псковщины из-за того, что многие из них были здесь испомещены после выселения с земель, доставшихся шведам по итогам Ливонской войны (с. 133).

В главе 2 (с. 56–126) представлена микроистория Себежа, Опочки и Красного по данным Писцовой книги 1585–1587 гг. Этот давно используемый в науке источник впервые применен Я. Н. Рабиновичем для микроисторического описания повседневности южных (при)городов Пскова. Ценность привлекаемого источника вели-

ка, поскольку он содержит данные предыдущих писцовых описаний. Грамотное использование автором этого источника позволяет говорить и об исторической антропологии. Указание «адресов» и личных имен жителей данных (при)городов создает условия для будущего просопографического исследования. В целом можно сказать, что Я. Н. Рабинович вводит читателя в мир повседневности Себежа, Опочки и Красного перед Смутным временем.

Глава 3 (с. 127–139) повествует о сложном для южных псковских городов правлении Василия Шуйского (1606–1610). Предложенная недавно А. А. Селиным модель «формирования особой политической субъектности» для земель Российского государства в Смуту⁴ находит подтверждение в содержании этой главы. Именно в царствование Василия Шуйского и шло обретение этой «политической субъектности» Псковом и его землей. И первыми этот процесс затронул южные пригороды Пскова. Их дворяне, попавшие в плен к Лжедмитрию II и отпущенные им, стали его своеобразными агентами у себя дома. Я. Н. Рабинович сумел показать трудно фиксируемые в источниках динамику и логику развития процесса ухода южно-псковских пригородов, а потом и самого Пскова из-под власти Москвы в ту самую «политическую субъектность». Давление промосковских сил на дворян Себежа, Опочки и других городов только усиливало их желание наращивать и укреплять союз с Лжедмитрием II, что и вылилось в антимосковское восстание. Неудачные попытки его подавления из Новгорода «включило» еще один фактор – конкуренцию с Новгородом. Однако не стоит преувеличивать данное обстоятельство. Как уже было замечено на примере Новгорода, в Смуту там не было возрождения элементов «латентной старины»⁵ (тезис, встречающийся в современной историографии⁶). Тем более, носителей той самой домосковской старины в псковских землях спустя столетие после присоединения уже не оставалось.

Появление же в Новгороде шведских войск, соединившихся со Скопиным-Шуйским, обострило давнюю неприязнь псковичей к шведам. Нарастание антиновгородских (из-за неудачной политики Москвы) и антишведских настроений в псковских пригородах подогревалось еще и наличием «воевод» Тушинского Вора – Плещеева, Просовецкого и Лисовского. Все это привело к тому, что после низвержения Василия Шуйского в 1610 г. Псков с южными (при)городами ориентировался по-прежнему на Лжедмитрия II и готов был противостоять новгородцам, шведам и польскому королю Сигизмунду III. Процесс носил неоднозначный характер: часть псковских дворян продолжали ориентироваться на Василия Шуйского, став проводником его политики в регионе. Ярким примером тому являются дворяне Валуевы, среди которых выделялся Григорий Валуев. Его пока еще лоялистское поведение

резко контрастировало с обозначившимися настроениями основной массы дворян южных псковских городов.

Содержание главы 3 показательны и в том смысле, что обретаемая «политическая субъектность» Пскова и его южных пригородов не была тождественна сепаратизму. На примере Новгорода это явление уже показано в книге А.А. Селина о Столбовском мире. Теперь же гл. 4–6 книги Я. Н. Рабиновича позволяют проследить алгоритм этого почти неуловимого (из-за состояния источников) для историков Смуты диалектического процесса обретения такой самостоятельности Псковом и его пригородами. Эта самостоятельность на заключительном этапе Смуты органично «сработала» на воссоздание целостного Российского государства в его северо-западных пределах.

В главе 4 «Южные псковские пригороды в период междуцарствия (осень 1610 – весна 1613 года)» (с. 140–172) продолжается рассмотрение проблематики южных псковских городов как политического центра между тремя «оппонентами» – польским королем, на сторону которого встали бывшие противники – былой сторонник Василия Шуйского Григорий Валуев и экс-военачальник Лжедмитрия II Лисовский, Лжедмитрий III и новгородско-шведское правительство. В «населённой» историческими персонажами главе автору удалось показать, как формировался расклад сил, и какую позицию в нем занимали служилые люди южных псковских городов. И хотя в конце главы (с. 172) автор указывает, что они оказались зажатыми этими тремя силами, но именно активность жителей Себежа и Опочки (а такой вывод делается после представления микроистории по Себежу, Заволочью, Великим Лукам) сыграла решающую роль. В чем? Прямого ответа нет, но он формируется при чтении главы.

Факты, приведенные в ней, показывают, что жители южно-псковских малых городов в условиях размывания московского суверенитета оказались перед выбором, обусловленным еще и географическим стыковым положением. С одной стороны, польская сторона, желавшая овладеть российской столицей, и противостоявшая ей шведская сила, угадывавшаяся за фасадом новгородско-шведского правительства (разлом этот, как показал автор, прошел по сложной, драматичной судьбе Великих Лук). Никто из них не устраивал жителей Себежа, Опочки и других южных (при) городов. И уже на базе сформировавшейся активной позиции их выбор пал на появившегося Лжедмитрия III (одна из заслуг Я. Н. Рабиновича – подробный экскурс в историю этого движения, по размаху и последствиям не уступавшего выступлениям двух первых Самозванцев). И теперь историкам Смуты предстоит размышлять над причинно-следственной связью: южные пригороды Пскова примкнули к Лжедмитрию III, потому что он сумел своими достоинствами привлечь их к себе, или же они как носители политической

субъектности и противники поляков (примечательно уточнение автора на с. 163: не сторонники Лжедмитрия III, а скорее – противники польского короля) и шведов, обеспечили ему своей поддержкой опору и силу. Опору и силу такого масштаба, что ему на короткое время присягнули лидеры казачьей части Первого ополчения. Причем, вскоре они отказались от этого, как и южные пригороды Пскова. Такое отречение свидетельствует о том, что Лжедмитрий III рассматривался жителями юга Псковской земли как «эрзац»-вариант для противостояния шведам и полякам. И как только определилась реальность военного выдвижения к Москве Ополчения Минина и Пожарского и возможного созыва Земского собора для выбора царя, как только в Пскове получили послания Дмитрия Пожарского с агитацией против Лжедмитрия III, и забрезжил выход из Смуты, военно-политическая траектория Лжедмитрия III прошла высшую точку и завершилась пленением в той же Псковской земле. А сама Псковская земля начала свое встраивание в воссоздаваемое Российское государство. Об этом подробно рассказывается в следующей главе.

Глава 5 «Южные псковские пригороды после избрания царем Михаила Романова (1613–1617 годы)» (с. 173–251) является самой «многолюдной». Здесь представлены известные исторические деятели, и люди, которые впервые упоминаются в историографии. Это предопределено тем, что автор для всей книги и для этой главы в частности собрал максимум исторических источников, тщательно подбирая их по принципу даже минимального упоминания южных псковских малых городов, в том числе и в связи с конкретными людьми. Эта глава является и самой драматической по канве описываемых событий: 1) признание – в условиях острого военно-политического противостояния Речи Посполитой и Швеции – большинством активного населения Псковской земли, воцарения Михаила Романова в 1613 г.; 2) острая неравная борьба южно-псковских городов с поляками; 3) направление Москвой войск на Псковщину и фактическое вступление ее в открытый конфликт со шведами – и, значит, посильная поддержка антипольских военных действий. Возрождавшейся из Смуты Российской государственности удалось решить проблему удержания Псковщины с наименьшими потерями и затратами. И важнейшую роль в этой победе сыграло население южных псковских (при)городов. Поэтому так заслуженно много места в этой главе Я. Н. Рабинович уделил личностному фактору. В связи с этим нельзя не сказать об одном из постоянных героев книги, чья судьба красной нитью проходит через большинство глав.

Григорий Валуев, шедший против течения коллективной воли большинства дворянства южных пригородов Пскова и в унисон с большинством служилого населения России (верно служил

Василию Шуйскому, затем перешел на сторону «Семибоярщины», призвавшей польского короля), после 1613 г., как и его противники из числа земляков, занял сторону правительства Михаила Романова (автор отмечает, что и это правительство сделало все, чтобы компенсировать издержки этого выбора)). Вряд ли такое поведение можно интерпретировать как беспринципное. Валуев искал ту силу, которая могла бы обеспечить восстановление порядка. Искал, как и те уроженцы юга Псковской земли, что в свое время отвергли Василия Шуйского и пошли за Лжедмитрием II. Но как только после грозных событий обозначился выход из Смуты через доверие избранному Земским собором Михаилу Романову, то вчерашние соперники – Григорий Валуев и его оппоненты из южных пригородов Пскова – сошлись в своей поддержке ему.

Трагизм событий на юге Псковской земли в 1613–1617 гг. определился тем, что, несмотря на отчаянную и самоотверженную борьбу его служилого люда против поляков, значительная часть южно-псковских пригородов отошла к Речи Посполитой по условиям Деулинского перемирия. О его коллизиях повествует глава 6 «Условия Деулинского перемирия. Передача Себежа, Невеля и Красного польским представителям в начале 1619 года» – самая малая по объему (с. 252–262), которая в некотором смысле подводит горькие итоги эпопеи «самостояния» южных псковских пригородов в Смутное время. Я. Н. Рабинович аргументированно критикует стереотип, касающийся занятия этих пригородов поляками еще в 1618 г. Более того, как показано в книге, именно в октябрьские дни 1618 г., когда польские войска господствовали в Подмоскovie, на юге Псковской земли было заключено соглашение с поляками. Те признавали нахождение псковских южных пригородов в составе России. Этот факт предпослан царской грамоте 1619 г. об уступке Себежа, Невеля, Красного Речи Посполитой по условиям Деулинского перемирия.

В Заключении даны обобщенные выводы. И как бы не казались банальными слова ее финального абзаца: «Роль южных псковских пригородов в Смутное время была значительной» – они точно и емко подытоживают многомерное изложение бурных событий, личностных коллизий на юге Псковской земли.

Именно сложность, многокомпонентность и многожанровость интересной монографии Я. Н. Рабиновича обусловили ее проблемные места. Пытаясь совместить данные разнородных источников, автор «разрывается» между изложением событий по локально-горизонтальному принципу (конкретные города в такой-то период времени) и вертикальным принципом рассказа об истории событий. Из-за дефицита источников по истории Смуты в южной части Псковской земли неравномерно представлены города: наиболее «повезло» Себежу; другие же пригороды появляются по мере упоминания их в источниках,

а Вороноч и Остров практически отсутствуют. История населенных пунктов перемежается биографическими микронarrативами, историографическими экскурсами, которые лучше было поместить в сноски. Искусственно прикрепленной к общему повествованию выглядит глава 2: автор через квалифицированный источниковедческий анализ показал социально-топографическую повседневность южных пригородов Пскова, но не смог эти выкладки вмонтировать в общий текст. Может быть, стоило его убрать в Приложение?

Структура книги соответствует добротному академическому изданию, рассчитанному на специалиста по истории Смутного времени. Однако имеющиеся авторские замечания, касающиеся оценки подвига жителей пригородов, их патриотической позиции, разрывают эти рамки. Например, говорится о смерти «злейшего врага России» польского короля Стефана Батория (с. 40). Как кажется, равнодушие автора к предмету исследования – псковским древностям – и породило такую характеристику польского правителя, переломившего ход Ливонской войны с Россией в свою пользу. Но делало ли это обстоятельство его «злейшим врагом»? Насколько уместно такое вторжение публицистичности в книгу?

Данные замечания порождены новаторским представлением цельной картины «дней и дел» Смутного времени на территории южной Псковщины. Преодоление этих, в общем-то технических издержек, хочется увидеть в большой комплексной работе Я. Н. Рабиновича, где он смог бы объединить свои многолетние исследования по истории разных регионов Псковской земли в Смутное время. Также привлечение дополнительных документов из российских, прежде всего РГАДА, и зарубежных архивов по проблематике отношений России и Польско-Литовским государством в начале XVII в., безусловно, обогатит ожидаемую от Я.Н. Рабиновича работу, но это скорее – совет автору, в каком направлении стоило бы продолжить исследование.

К этому пожеланию надо добавить еще одно. Было бы уместным, чтобы объединяющая книга была бы адресована более широкому кругу читателей – псковскому и российскому. Для этого следует скорректировать подачу общей картины Смуты, исключительно технически представленной в монографии о южных пригородах Пскова. Заинтересованному, но неискушенному читателю трудно разобраться, какие силы преследуют какие цели, почему поляк Лисовский вдруг стал врагом польского короля, а потом перешел на его сторону. Нужен более четкий расклад военно-политических сил Смутного времени в проекции на Псковскую землю. Также необходимо объяснить понятный каждому историку Смуты тезис, согласно которому псковичи воевали за Россию, поддерживая Лжедмитрия II и Лжедмитрия III, против Новгорода и московского царя Василия Шуйского, а потом и Делагарди (с. 5–6).

Необходимо отметить относительную непоследовательность автора книги по отношению к другим его публикациям. В написанной Я. Н. Рабиновичем в соавторстве с А. Ю. Кабановым книге о судьбах участников Смутного времени содержится текст А. Ю. Кабанова об атамане Андрее Просовецком. Там представлена картина его походов по южной части Псковской земли, его разыгравшемся конфликте с бывшим союзником Лисовски⁷. А в рецензируемом труде Я. Н. Рабиновича представлена отличающаяся трактовка этих событий с участием Просовецкого (с. 144–147). Наверное, тут должно быть примечание, что автор книги корректирует свою позицию по данному вопросу.

По итогам прочитанного следует отметить и то, что богатый биографический материал книги, который через рассказы о личных судьбах в Смутное время оживляет изложение, требует своего отдельного оформления в биографику Смутного времени на Псковской земле. Требуется и новая версия жизнеописания Григория Валугева – этого незаурядного исторического деятеля.

Данные замечания не влияют на высокую оценку первого в историографии комплексного монографического исследования южных пригородов Пскова. Оно актуально по задачам и результатам и в академическом, и в общественном

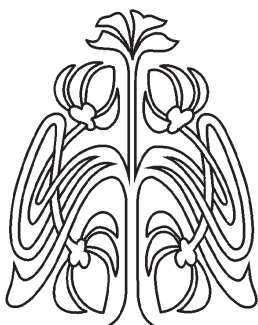
отношениях, открывает перспективы дальнейшего изучения локальных идентичностей в Смутное время, мотивов выбора(ов), социальных коллективных и личностных стратегий.

Примечания

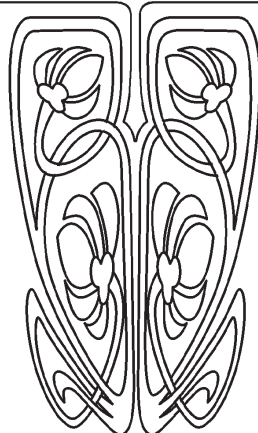
- ¹ Рабинович Я. Н. Порхов в Смутное время / под ред. д-ра исторических наук, профессора С. А. Мезина. Саратов : Издательский центр «Наука», 2013. 128 с.
- ² Рабинович Я. Н. Малые города Псковской земли в Смутное время / под ред. доктора исторических наук, профессора С. А. Мезина. Псков : ГППО «Псковская областная типография», 2014. 256 с.
- ³ Филюшкин А. И. Андрей Курбский. М. : Молодая гвардия, 2008. С. 56.
- ⁴ Селин А. А. Столбовский мир 1617 года. СПб. : Русско-Балтийский информационный центр «Блиц», 2017. С. 17–18.
- ⁵ Там же. 18–19.
- ⁶ Коваленко Г. М. «В соединенье с Московским государством». Столбовский мир и возвращение Великого Новгорода в состав Российского государства. Новгород Великий, 2017. С. 8.
- ⁷ Кабанов А. Ю., Рабинович Я. Н. Смутное время начала XVII века : судьбы участников. Иваново : Издатель Епишева О. В., 2015. С. 27–28.

Поступила в редакцию 25.06.2021, после рецензирования 28.06.2021, принята к публикации 30.06.2021

Received 25.06.2021, revised 28.06.2021, accepted 30.06.2021

ПОДПИСКА

Подписка на печатную версию

Журнал выходит 4 раза в год
Подписной индекс издания 36018
Цена свободная

Оформить подписку на печатную версию можно
в Интернет-каталогах
«Пресса России» (www.pressa-rf.ru)
«Пресса по подписке» (www.akc.ru)
ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru)

Электронная версия журнала находится
в открытом доступе (imo.sgu.ru)

Адрес Издательства

Саратовского университета (редакции):

410012, Саратов, Астраханская, 83
Тел.: +7(845-2) 51-45-49, 52-26-89
Факс: +7(845-2) 27-85-29
E-mail: izdat@sgu.ru

Адрес редколлегии серии:

410012, Саратов, Астраханская, 83
СГУ имени Н. Г. Чернышевского
Институт истории и международных отношений
Тел.: +7(845-2) 21-06-32
Факс: +7(845-2) 21-06-51
E-mail: larisachernova@mail.ru
Website: <https://www.sgu.ru/structure/imimo>